

В этом доме в семье инспектора Уманского училища земледелия и садоводства 11 августа 1889 года родился историк, культуролог, писатель, энциклопедист, истый интеллигент Николай Павлович Анциферов.

«Софиевка — моя колыбель... Особенность этого парка — его расположение в холмистой местности среди скал, размытых двумя речками: Уманкой и Каменкой. В парке два пруда: Верхний и Нижний, соединённые подземным каналом со шлюзами. По каналу при свете факелов можно было проезжать на лодках. Посреди верхнего пруда — остров с живописным павильоном, окружённым стройными и мощными пирамидальными тополями. Посреди нижнего пруда бьёт из скалы высокий фонтан. На берегу Прошлеи. Вдоль берегов Каменки — ярко-зелёные луга, окаймлённые рощами. В тени деревьев, под навесом скал белеют мраморные статуи греческих богов, героев и трагиков. Это — Елисейские поля. То тут, то там слышится журчание ручьёв, шум каскадов, смешивающийся с шорохами листвы».

ISBN 978-966-288-098-4

9 789662 880984 >

Головцов А. А.

ДОМ НАД ПАРКОМ

Головцов А. А.

ДОМ НАД ПАРКОМ

Киев
2015

400-лѣтню города Умань,

впервые письменнo помянутою в 1616 году,

приурочено переиздание этой книги –

творческии и организационными усилиями

урождённых уманчан:

Александра Леонтьевича Головцова (г. Киев),

Виктора Леонтьевича Головцова (г. Санкт-Петербург).

А. Л. ГОЛОВЦОВ

ДОМ НАД ПАРКОМ

2-е издание, дополненное

Киев

АЛЬФА РЕКЛАМА

2015

УДК 821.161.1'06(477)-94
ББК 84(4Укр=Рос)6-442
Г61

Г61 **Головцов А. Л.**
Дом над парком/ Головцов А. Л. — 2-е изд. — К.: Альфа Реклама,
2015. — 352 с.

ISBN 978-966-288-098-4

Новая книга киевского писателя А. Л. Головцова посвящается известному историку, писателю, замечательному человеку Н.П. Анциферову (1889 — 1958). В ней представлена — в значимых лицах и событиях — история общей для автора и его героя малой родины, украинского города Умань. Книга охватывает период конца восемнадцатого — начала двадцатого веков, изобилует малоизвестными фактами, написана прекрасным русским языком.

УДК 821.161.1'06(477)-94
ББК 84(4Укр=Рос)6-442

ISBN 978-966-288-098-4

© Головцов А. Л.,
переработанное и дополненное, 2015

Памяти Николая Павловича Анциферова

От автора

Чем ближе подбираюсь к устью дней своих, тем пристальней вглядываюсь в их исток — в детство моё добrolасковое, зародившееся и прошедшее в славном городе Умань, богатом не только мирового уровня парком «Софиевка», но и звучным историческим прошлым — мне не безразличном.

Историю Умани эпохи семнадцатого-восемнадцатого веков, изученную мной с максимальным тщанием, изложил в одной из глав своей первой книги «Праздник жизни — молодости годы». Историческое паломничество в девятнадцатое столетие бытия моей малой родины совершаю в своей новой книге «Дом над парком». Посвящена она памяти коренного уманчанина, историка, культуролога, энциклопедиста Николая Павловича Анциферова. Его краеведческие работы — в первую очередь, «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», «Петербург Пушкина» — зарядили меня авторской идеей о городе как о живом организме, имеющем свою «судьбу» и «душу», свой «язык»; идею эту попытался реализовать, реконструируя в лицах и событиях историю города моего детства.

Книга воспоминаний Анциферова «Из дум о былом» — мысльёмкая, обильная фактами и лицами — дала мне исходный материал для итоговой главы моей новой работы, в которой осмысливаю жизнь и творчество выдающегося земляка. Эта мемуарная книга открыла мне в её авторе истинного интеллигента — интеллектуала, гуманиста, человека безукоризненной нравственности, высокого чувства собственного достоинства и душевного благородства, спокойного мужества и безмерной требовательности к себе. Духом и буквой своими втянула она меня в силовое поле интеллекта автора, навсегда сделала его — давно оставившего юдоль земную — желанным собеседником и добрым советчиком, общающимся со мной с книжных страниц своим «глаголом говорящим», своим «царственным словом».

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль.
И долговечней — царственное слово.

(Анна Ахматова)

Появлению на свет книга «Дом над парком» обязана, прежде всего, организационным усилиям моего брата Виктора Леонтьевича Головцова, кан-

дидата физико-математических наук, руководителя лаборатории Петербургского института ядерной физики, участника экспериментов по розыску «бозона Хиггса» на Женевском коллайдере.

Безмерно благодарен моим добрым помощницам — Наталье Васильевне Михайловой, подарившей мне идею книги об Анциферове, и Ларисе Александровне Цимбровской, снабдившей меня рядом ценных исторических материалов.

Киев — Новосёлки, июль 2012 года

Моя искренняя признательность техническому и литературному редактору издательства Елене Валерьевне Лысенко, проявившую в работе с моими исходными текстами высокий профессионализм, скрупулёзность, терпение и доброжелательность.

Киев — Новосёлки, ноябрь 2015 года

Зачин

Случается — чистой лунной ночью, отрешившись от забот земных, цепенею в первобытной слабости перед панорамой Мироздания и — инстинктивно, боковым зрением — выискиваю взглядом в небесной пестряди три ярких, наклонной линией выстроившихся звезды, совокупно именуемых «поясом Ориона».

Звёзды эти запали внерассудочно в моё подсознание на исходе лета одна тысяча девятьсот шестидесятого года, когда на зависшем над парком «Софиевка» балконе нашей квартиры, глядя в ночную «бездну из светил», я обмысливал только услышанную от отца сентенцию Иммануила Канта: *«Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас»*.

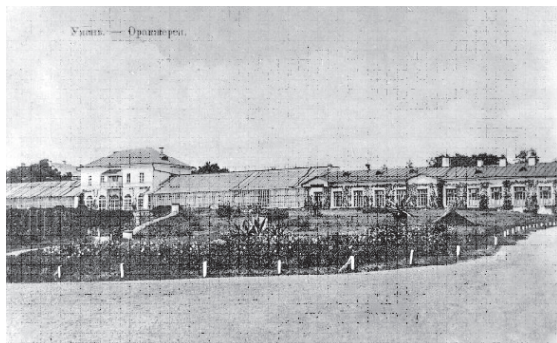
Был я тогда не богат годами (*«мой свет, а было мне тринадцать лет»*), томился телесно и душевно в граничной полосе между отрочеством и юностью, жаждал новых знаний и свежих впечатлений. Мысль мэтра немецкой классической философии — под отцовские комментарии его космогонической теории да под *«небом в алмазах»*, расцветившем звёздопадом Персеид — столь сильно впечатлила меня, что бросившаяся в глаза тройца ярких звёзд из созвездия Ориона стала для меня на будущее зрительным напоминанием о первом философском уроке, под небом малой родины усвоенным.

Эти бело-голубые звёзды сопровождают меня весь мой жизненный путь: их, студентом, грустя о безвозвратно ушедшем детстве, выискивал в пасмурном ленинградском небе; они в казахстанской полупустыне сияли мне, молодому лейтенанту, надеждой на скорое возвращение в гражданскую жизнь; они в пору трёхгодичной зарубежной командировки томили ностальгией сердце моё в *«стране Болгарии»*; их наблюдал (и ныне — слава Богу! — наблюдаю) в небе Украины, когда — *«...тихо, мягко над Украиной обаятельною тайной ночью июльская лежит...»*

Звёзды эти (ещё именуемые «Три волхва»), всякий раз мной увиденные, будто волшебным ассоциативным импульсом воздействуют на память, по которому та вновь и вновь воспроизводит в деталях приснопамятную «сцену на балконе», извлекает из глубин своих образы и картины отрочества моего добротворного, прошедшего в городке Уманского сельскохозяйственного института, в старинном доме над парком «Софиевка».

Воздух к вечеру прозрачен.
Ветер тише, пыли нет.
Старый дом тревожно-мрачен.
В старом доме поздний свет.¹

В доме этом я вместе с родителями и младшим братом прожил два года. Был он возведён как парадный вход в Софиевский парк и функцию эту выполнял добрых четыре десятка лет начальной поры «Уманского чуда».

В своей «юности мятежной», в сменившей её молодости романтической не раз и не два, «сбрав вокруг себя род вече», рассказывая слушателям о прелестьях Софиевского парка, которые естественно-бытовым образом — *volens nolens* — наблюдал из окон нашей квартиры. При этом особо подчёркивал тот факт, что подобно мне с тех же самых позиций, из тех же домовых окон пейзажами парка любовались его основатели, сама София Константиновна Потоцкая и много других людей, знаменитых и не очень, в разное время живших в Умани или посещавших кратковременно мой любимый город.

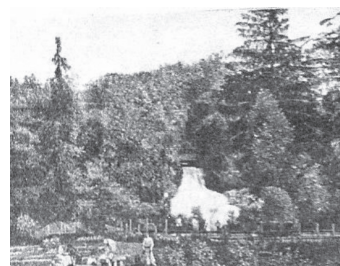
В полусотне метров от «дома над парком» стоит двухэтажный, выбеленный известью дом, в котором много лет располагалась преобильная институтская библиотека. (Её художественный фонд я начал интенсивно осваивать в возрасте двенадцати лет; помнится, начал с тридцатитомного Чарльза Диккенса, прочитал запоем первые три книги — затем «перешёл» на Джека Лондона.) Дом этот был выстроен после переезда в 1859 году из Одессы в Умань училища садоводства и предназначался для семей руководства училища. В доме этом 13 августа 1889 года начался жизненный путь Николая Павловича Анциферова.

«Самое раннее воспоминание в моей жизни — это восхождение по лестнице. Я ничего не хочу в это первичное чувство подъёма привносить из последующего опыта. Очень смутно помню это чувство. Но не могу не видеть в нём зерна тех переживаний, которые развились в душе в последующие годы.

Когда спросил у мамы, где же я мог подниматься по лестнице, многократно повторяя тот же путь, она мне объяснила, что в Софиевке меня водили по утрам к бабушке, которая жила во втором этаже. Эта лестница, по которой младенец поднимался нетвёрдыми шагами туда, где ждала его нежная ласка доброй старушки, зародила в душе особое ощущение подъёма навстречу какому-то благу».²

Предупреждение

Более двух столетий мирового уровня парк «Софиевка» служит градообразующей и эстетической доминантой украинского города Умань, по современным меркам — не из больших городов, но видного большими историческими событиями. Этот величественный и красивый парк —

не только лицо города, но и своей позитивной энергетикой — часть его «души», её постоянная составляющая. Другая часть «души города» — переменная, то пульсирующая, то спокойная — определяется, во-первых, сущностью и темпом общественно-политической жизни Умани в то или иное время; во-вторых, значимыми людьми, с городом связанными — в нём родившимися, жившими, учившимися, служившими, бывавшими в нём; в-третьих, важными событиями — от местного до государственного уровней, — на развитие города повлиявшими.

Вдоль сонных крыш стоит рассвет на вахте,
В косом дожде желтеют кроны лип.
У городов — свой каменный характер,
Свой навека неповторимый лик.

(Георгий Трифонов)

В духе заявленных исходных требований пытаюсь изложить историю Умани конца восемнадцатого — девятнадцатого столетия с небольшим «заходом как в восемнадцатое так и двадцатое столетия. Рассматриваемую эпоху условно разделил на три периода. Первый из них охватывает время «польского преобладания» в городе — от третьего раздела Польши, совершившегося в 1795 году, и до польского восстания 1830 года. Второй период — это более двух десятков лет существования «военных поселений», заведённых в крае после поражения польских инсургентов императором Николаем I и отменённых уже после его смерти. Началом третьего периода «положил» 1859 год, когда в Умань из Одессы переехало училище садоводства и поныне — с совершившимися модификациями названий — здравствующее.

Последние годы эпохи Потоцких в Умани

Видел я на своём веку такие порядочные сады, как, например, Уманский или Петергофский.

(Т. Г. Шевченко, Княгиня)

В начальную пору бытия уманского парка «Софиевка», начавшегося после его открытия в 1802 году, парадный вход в него, представленный в форме двухэтажного павильона, играл, скорее всего, роль декоративную, так как крутой спуск, сразу за ним начинавшийся, ещё не был обустроен для пеших переходов. Использовать павильонный вход по прямому назначению начали только с 1835 года, когда по срезанному верху косогора была проложена грунтовая дорога вдоль примыкающих к входному строению оранжерей.

Ансамблем парадного входа творцы «Софиевки» (граф Станислав Щенсный-Феликс Потоцкий — заказчик, капитан Людвиг Метцель — проектант и организатор работ, крепостной люд Уманщины — их исполнитель) как бы завершали начальную часть грандиозного проекта создания самого крупного природного парка в Европе. («...намечалось всю долину реки Каменки с живописными холмами и гранитными скалами превратить в громадный английский парк, оборудованный многочисленными каскадами и фонтанами, достойными садов востока. Планировалось все окружающие долину холмы покрыть деревьями с пышной листвой, на открытых пространствах к югу вплоть до речки Уманки ниже с. Городецкое создать единую широкую массу зелени, а на северо-востоке соединить парк посадками с Грековым лесом (вековой естественной дубравой). На западе парк должен был начинаться от городской заставы и продолжаться на восток до с. Пиковец, находящегося в Белогрудовском лесу».³)

Намеревался также граф Потоцкий, великой любовью движимый, выстроить перед входом в парк просторный дворец, соразмерный его чувствам к возлюбленной Софии, установить перед ним обелиск в её честь, но — «О, женщины! Вам вероломство имя!» — картина интимной близости вероломной супруги графа с её пасынком, открывшаяся глазам доверчивого мужа, до смертельной болезни потрясла его. Потому проект грандиозного расширения и усовершенствования Софиевского парка остался в памяти людской лишь идеальным замыслом его создателя. Последние парковые работы, начатые ещё при Щенсном, были — больше по инерции — исполнены после его кончины. А далее — вуаль увядания начала мало-помалу покрывать парковые просторы вплоть до 1836 года, когда системная организованность, испол-

нительская дисциплина руководства военных поселений и их подчинённых дали парку новый — качественный и количественный — рост.

«Он умер в 1805 году. И после него Софиевка досталась старшему его сыну Александру, при котором весь сад пришёл в упадок и многие строения развалились. Ещё и после смерти Феликса были привезены из Италии и других мест, заказанные им для Софиевки, статуи, множество экзотических растений, закончен тоннель и большая оранжерея».⁴

Ещё при жизни графа Потоцкого был вытесан из одного гранитного блока обелиск и была выбита на его цоколе надпись на латыни «Любовь — Софии»; об этом памятнике любви писала двоюродному брату мужа сама София Потоцкая; в 1811 году его видел Якоб Густав де Лагарди, генерал от кавалерии и датский дипломат: «Обелиск из одного гранита, в 60 футов высотой, с высеченной на нём надписью *Eros to Sophia* указывает, кто и для кого создал этот парк».⁵

Не заметил, однако, восемнадцатиметрового монумента ни на парковых лужайках, ни в парковых зарослях князь Иван Михайлович Долгорукий, давший скрупулёзное, полное восхищения описание парковых красот в своей книге «Славны бубны за горами или путешествие моё кое-куда 1810 года» (и, кстати, отметивший в ней мимоходом отсутствие какого-либо строения на площади перед парком).

Для житья в Умани использовали Потоцкие ранее парка выстроенный дворец, располагавшийся в центре города (в современных топографических метрах — между нынешним городским центром и Осташовским прудом, к которому примыкал фольварк Потоцких). По одному из предположений, частью этого дворца был сохранившийся до наших дней «дом декабриста Сергея Волконского»; известно также, что из-за малого размера этого дворца приёмы и балы Потоцкие устраивали в соседствовавшем с ним здании капеллы, обладавшем, как засвидетельствовали современники, совершенной акустикой.

Судя по всему, уманский дворец Потоцких, где-то в середине девятнадцатого века растворившийся среди городских новостроек, числился у его хозяев во втором разряде, и обживали они его только в сезон весна-осень. Главной их резиденцией был дворец в Тульчине, стильный, просторный и роскошный, впоследствии разрушившийся, но ныне реставрируемый.

Дворец этот Станислав Щенсный Потоцкий начал строить в 1772 году, после перевода им в Тульчин из Кристинополя (ныне — Червоноград Львовской области) столицы своего магнатства. Выстроен он был по проекту французского архитектора Лакруа в стиле палладио — главное двухэтажное здание дворца соединялось двумя полукруглыми галереями с большими боковыми флигелями с устроенными в них просторными оранжереями. В главном дворцовом здании размещалась библиотека из семнадцати тысяч томов, большое собрание картин. Придворцовый парк проектировал и засаживал Пьер Лепро, за гидротехнические сооружения отвечал Людвиг Метцель. В парке был устроен чудесный фонтан, высажены тысячи деревьев, преимущественно доставленные из Италии пирамидальные тополя. По желанию графа

Потоцкого это чудо садово-паркового искусства получило соответствующее название — «Хорошо».

Тульчинскому дворцу долгое время отдавала предпочтение супруга графа, София Константиновна Потоцкая. Отсюда она много раз выезжала в северную столицу; часто бывала в Киеве, что подтверждают записи в дневнике митрополита Серапиона от 1805 года, обнаруженном в бумагах профессора-византиниста Филиппа Алексеевича Терновского, после его смерти в 1884 году:

«Принц Карл в Киеве»

22 и 23 августа был в Киеве 22-летний принц мекленбургский, брат родной супруги покойной в. кн. Елены Павловны. Остановился в магистратском трактире. Митрополит был у принца с визитом и поднёс ему икону, план лавры на тафте и книгу. Принц был в лавре, в ризнице и на пещерах, отдал визит митрополиту и был лично водим им по Софиевскому собору, где с любопытством смотрел старинное украшение, *миссиею* (мусиею, мозаикою) называемое, и гроб Ярослава.

Бриллианты графини Потоцкой

30 августа в числе других лиц, посещавших митрополита, была графиня Потоцкая, которая бриллианты на себе имела, как сказал ювелир ея, на миллион рублей. О суета!.. Тот же ювелир ценил панагии здешние казённые, и лучшую и первую оценил в 4,800 р. с. — Это суета, уже значительно меньшего размера!

Нищий эмигрант

1 сентября был у митрополита эмигрант французский, полковник, барон, акибы ограбленный между Житомиром и Киевом на сумму до 17,000 руб.; просил милостыни и дано ему 25 руб.

Цезаревич близ Киева.

В сем году в начале октября вблизи Киева цезаревич Константин Павлович; осматривал полки в Махновке. И ездили туда из Киева генерал-губернатор Торماسов и протопоп Снигиревич, а митрополит поручил ректору академии готовить оду *de adventu V. Ducis Const P.*».⁶

Не пропускала София Константиновна — с домочадцами и ей приличествующим окружением — ежегодные январские контракты в Киеве, любимыми польскими шляхтичами, дававшими им возможность и себя показать, и на людей посмотреть. До 1795 года эта торговая ассамблея проводилась преимущественно в Дубно, что на Волыни, или в галицийском Львове. После того как эти города — по условиям третьего раздела Польши — отошли к Австрии, указом императора Павла I от 27 сентября 1797 года местом проведения еже-

годных контрактов был назначен Киев («...*быть собранию для контрактов в ратуше, яко доме общественном и для того приличном*»). Этот новый для Киева «ярмарок» начинался шестого-восьмого января; он заменил собой старый, в эти же дни начинавшийся киевский крещенский «ярмарок», заведённый ещё в шестнадцатом столетии.

«Все знают, что такое «Контракты»: они начинаются в генваре и продолжаются недели три. В эту бешеную пору все магазины и лавки опустошаются, всё раскупают. Поляки наезжают кучами отовсюду для своих продаж, разменов, аренд и откупов. Из карманов их посыплется кучи золота, и я видел такие дома, которые невероятный дают хозяину доход, например дом г-на Спер., в котором жил тамошний прокурор, занимается уже несколько лет сряду во время контрактов какой-то графиней Потоцкой, которая за две недели найма платит до 4 тысяч рублей, а дом деревянный и далёк от того, чтобы быть очень обширным».

(Иван Михайлович Долгорукий)

Из вышеприведённой дневниковой записи митрополита следует, что София Потоцкая навещала его на исходе августа 1805 года, уже после кончины супруга Станислава Щенсного-Потоцкого, отдавшего Богу душу 15 марта 1805 года. Кто знает, быть может, просила она почтенного архипастыря помануть в молитвах своего мужа-католика; может быть, сама клала поклоны перед приметной иконой, вымаливая удачу в текущих её делах наследственных, решавшихся в Петербурге?

Но едва ли каялась София Константиновна в грехах своих тяжких, ускоривших смерть страстно любившего её мужчины, несметными богатствами её осыпавшего, ибо в первые четыре года вдовства своего продолжила она порочную связь с пасынком Юрием Потоцким, с которым проживала в тульчинском имении. Об этом подробно пишет, едко издеваясь над парой любовников, над другими соучастниками тульчинского загула историк Иосиф Иосифович Ролле, писавший под псевдонимом «Д-р Антоний I» (и, как врач-психиатр по профессии, точно ставящий психопатологический диагноз участникам вселенского масштаба вакханалии):

«В конце 1805-го вернулись оба, София и Юрий, из столицы. С этого момента началась сумасшедшая жизнь в Тульчине. Мачеха в объятиях пасынка была царицей в толпе шулеров и сорвиголов, стекавшихся сюда чуть ли не со всей Европы. Во главе этой толпы был известнейший Гадзевич; за ним следовал князь Адам Понинский, генерал времён Речи Посполитой, посол на Гродненском сейме... Третьим в этом триумvirате был Кантон, француз, умевший с картами проделывать всевозможные фокусы. На втором плане группировались: салонный Валицкий рядом с грубоватым Мненчинским и циником Гуровским, сыном известного вора... Обер-провиантмейстер русской армии Обольянинов, квартировавший в Тульчине, доверял изменчивой карте немало своих денег, даже старый Трёмбецкий оставлял на зелёном столе свой эмеритурный пенсион. За ним шла целая шеренга местных шулеров. Играли здесь все: посессоры, комиссары, подскарбии, лакеи, повара, кучера...

Потоцкий передал управление имением подчинённым, сам же целые дни и ночи проводил за «фараоном», забыл даже о своей страсти к мачехе. При бешеной и поджигаемой страсти к выигрышу пламенная любовь к женщине таяла и гасла. Это был первый удар для гречанки, столько лет торжествовавшей. Она увидела себя брошенной, а это навело её на многие мысли, припомнило ей приближающееся время отцветания и одинокую осень...

Когда ещё жил маршал, в Тульчинском дворце почти не употребляли карт, один только раз подскарбий Понинский, толкуя с ним о покупке галицких имений, подговорил его сыграть в азартную игру и в продолжении двух часов выиграл у него 30 тысяч червонцев. Щенный тогда же дал слово больше двух золотых на карту не ставить и сдержал его...

По смерти маршала его первородный сын ввёл карточную игру в самом дворце, потому что уже не было надобности скрываться. В это-то время и началась в Тульчине «холостая жизнь» во всём значении этого слова!..

Но, может, вам любопытно знать, кто побеждал? Были такие счастливицы! Гадзевич выиграл два миллиона золотых, князь Понинский — половину этой суммы, Кантон — 500 тысяч золотых, Томаш Вигурский, адвокат, брацлавский сотник во время Тарговицы, — более 700 тысяч золотых.

Эта скотина вела себя по-кабацки: поссорившись с Трембецким, он ударил его по лицу, а вызванный оскорблённым на дуэль, донёс о вызове полиции. Бедный поэт, огорчённый, впал в тихое помешательство и уже до смерти не приходил в сознание...

Презрительное ли отношение к ней в обществе, равнодушие ли любовника, или, наконец, солидный возраст толкнули Софию на путь благоразумия?

Её объятия, её ласки, страстный огонь сгубил уже не одну жизнь. Последняя жертва трепетала у её ног. Гетманский правнук царил здесь, на этом рубеже, не отвагой, не добродетелями, не советами, как его деды, а распушенностью, развратом и пьянством. Жертва должна была погибнуть, как погибли другие.

Вслед за ликвидацией любовной, вслед за появлением в этом сердце симптомов банкротства настала и имущественная ликвидация. И здесь разорение полное. Могилёвский ключ продан ещё в 1806 году; другие имения покупали счастливые партнёры или старые товарищи отца и сотрудники по последней конфедерации: Мощинский, Гулевич, Вигурский, Юковский, Лещинский, Моссаковский. На остальных имениях тяготели большие долги. Год-два такой жизни — и громадное состояние, оставшееся после Щенного, пошло бы с молотка».⁷

Четыре полных года минуло после смерти Щенного Потоцкого, прежде чем его вдова решила остановить мотовство сына покойного графа. В решительном объяснении с остывшим к ней пасынком-любовником предложила она ему покрыть все его карточные долги, составлявшие, не много не мало, более тридцати миллионов золотых, за что тот должен был немедленно и навсегда покинуть родные края; при выполнении этих условий гарантировала ему София Константиновна ежегодно выделять пятьдесят тысяч червонцев на проживание.

Юрий Потоцкий, не сопротивляясь особенно, скоро собрался и уехал. Обосновался он во французском городке Берне, но ненадолго — умер после года жизни в изгнании, успев перед смертью составить братьям полное глубокой горести прощальное послание (со словами благодарности мачехе Софии и советом ей — остепениться).

«Что же случилось с его товарищами?

Князь Понинский и Кантон окончил жизнь в Тульчине, Юковский тоже умер скоропостижно. Трембецкий ещё несколько лет догорал, забытый и оставленный всеми. В минуты сознания он брался писать деяния Речи Посполитой и собирать документы, оправдывающие поведение Щенного Потоцкого во время Тарговицкой конфедерации.

Умер он в 1812 г., завещав бумаги Софии. Но бумаг после его смерти найдено немного, да и те не имели никакой ценности».⁷

Ещё живым застал в Тульчине престарелого Трембецкого граф де Лагарди, путешествовавший по южным оконечностям России. В своё время, за сочинённую в честь Софиевского парка поэму дворовый версификатор получил от Щенного Потоцкого колоссальный гонорар — две тысячи червонных золотых (по червонцу за каждое слово поэмы); его бюст граф повелел установить на Елисейских полях парка и закрепить на постаменте красную мраморную доску с выбитым на ней похвальным восьмистрочным виршем, самим Потоцким сочинённым:

*«В течение тихом пльиви, мой ручеёк,
Бросай навеки тени,
С цветистым берегом прощайся
И дикие спешу крошить каменя.
Так счастья день для нас проходит:
Он редкий гость для человека,
И чуть узреть его удастся,
Как он мелькает и вмиг уходит».⁷*

Детали быта Потоцких в Тульчине граф де Лагарди изложил с восторгом силы необыкновенной в своей книге «Путешествие из Москвы в Вену, через Киев, Одессу и Германштадт», изданной в 1824 году на французском языке. Из книги этой рационально мыслящий читатель, помимо прочего, может узнать о величайшей ленности и — умственной и физической — бездеятельности представителей магнатского клана и их захребетников, в невероятной роскоши утопавших. То, что в книге путешественника излагаются события лета 1811 года, говорит любознательному читателю и о том, что к этому времени ещё не произошёл категорический разрыв отношений между Софией Константиновной и её «полубезумным» старшим сыном Мечиславом, унаследовавшим Тульчинское имение после смерти отца:

«Встают рано. Вставши, вы выбираете или купанье в одной из красивых речек, бежущих в парке, или турецкую ванну. В десять часов возвращается к себе, завтракает, занимается чем-нибудь и так проводите время до трёх

часов, когда все сходятся к обеду. Стол в пятьдесят приборов накрыт в вымощенной мрамором оранжерее, посреди которой фонтан, падающий несколькими струями, освежает воздух и веселит глаз. Стены залы уставлены статуями тончайшей работы вперемежку с растениями и цветами всех стран, которые, благодаря дорого стоящему уходу, на севере Европы переносят вас мыслию в благоухающие сады Италии и Прованса. Пока подадут на стол, общество гуляет в прекрасной боковой галерее; но вот входит графиня София с детьми и все садятся. Для описания обеда надо особый талант, которым я не владею. Я перейду прямо на партер, близ оранжереи, где после обеда подаётся кофе и мороженое. Разговор делается общим, группы смешиваются и разделяются, дебатироваться проекты вечерних прогулок и каждый отправляется к себе приготовиться к вечеру несколькими минутами отдыха. Бьёт шесть часов, все сходятся в зале. У дам простые туалеты, так всегда к ним идущие. Подают экипажи. Графиня едет кататься верхом, в сопровождении сыновей, т-те де-Витт избирает линейку, на которой, вместе с ней, удобно усаживаются двенадцать человек. Аббат Шалантон, воспитатель детей, едет в корзинке вместе с графом Болеславом, дочери графини с гувернанткой — в большой английской коляске и все отправляются пить чай в какой-нибудь из дальних садов, при звуках музыки, спрятанной вдали, в лесу, и сообщаемой столько прелести и без того прекрасному вечеру. Общество рассыпается в разные стороны, кто гуляет, кто карабкается на гору, кто собирает растения, и время, бегущее всегда быстро для счастливых, близится к ночи, дающей сигнал к отъезду. Возвращаются в замок, чтобы закончить вместе вечер. Собравшись в зале, общество располагается так: на диване графиня, окружённая дамами и приезжими. Аббат играет с кем-нибудь в шахматы в углу, дети читают или играют в другом. Несколько человек играют на бильярде. Алан, живописец-шотландец, наш рафаэль, набрасывает хорошенькие эскизы в альбом дам. Между тем подают ужин. В городе и в деревне это самый интересный момент дня. Обсуждается то, что сделано, строятся планы на завтра: тут и воспоминанье и надежда, всё вместе. Поэтому в беседе более непринуждённости кажется, как будто перед двенадцатичасовой разлукой есть столько вещей, которые надо сообщать друг другу: разговоры делаются оживлённее, ум острее и полночь бьёт в то время, когда хотелось бы, чтобы было не больше восьми часов».⁵

В один из таких вялотекущих вечеров в Тульчинском дворце София Потоцкая заговорила о намерении основать в Крыму новый город — Софиополь, причём чужеземному гостю она пообещала в нём «изрядное местечко» (проект этот, как известно, не состоялся).⁸

Погостив в Тульчине, де Лагарди в компании с Потоцкими выехал в Умань, где прослушал немало рассказов о событиях Колиивщины (позже — с немалой долей полуфантастических добавок — переложил их на бумагу). После Умани Потоцкие отправились в Петербург, предложив французскому гостю перевести на французский язык поэму Трембецкого. Заказ — за личную оплату — граф де Лагарди исполнил и «в прибавление написал удивительную историю самой Софии под названием „Прекрасная фанариотка“, в которой Каменец сравнил с Троей, а Софию с Еленой. Должно быть его наградили ещё щедрее, чем камергера. А почтенная наша литература с верой

приняла эту сказку. *Dzennik dotowu*, вышедший в Познани, повторил её на своих страницах».⁷

(Книгу с французскую версию поэмы Трембецкого о Софиевском парке император Александр I подарил союзным «друзьям» по антинаполеоновской коалиции во время Венского конгресса 1815 года, на котором утверждался новый европейский порядок после окончательного низвержения французского императора и ссылки его на остров Святой Елены.)

Разрыв отношений Софии Константиновны Потоцкой со старшим сыном произошёл не ранее лета-осени 1811 года (если взять во внимание свидетельство де Лагарди). Неистовый Мечислав, отобрав у матери все её драгоценности, изгнал её из Тульчина. Графиня Потоцкая вместе с детьми навсегда переехала на жительство в Умань, поселилась в менее комфортном городском дворце. С этой поры начался у неё новый, покаянный период жизни. Жила она, вплоть до смерти, хлопотами о будущем своих дочерей, помогала сирым и бедным, беспокоилась о шляхетских семействах, ранее служивших ей.

«Последний период жизни Софии Потоцкой начался в 1810 году и продолжался до её смерти. Эти последние годы были как бы раскаянием в грехах. Провела она эти годы в постоянных и добросовестных трудах; всё время уходило на благотворения, на заботливое воспитание детей и подготовку их будущего положения. С летами прошла легкомысленность, но и ханжой гречанка не стала. Напротив, не перестаёт она быть весёлой, жизнь ведёт роскошную, но не разорительную; сначала живёт в Тульчине, затем переезжает в Умань. И там не избегает она общества, охотно в нём бывает, приобретает важность, свойственную нашим матронам, окружает себя бедняками и заботится о них, тайно помогает шляхетским семействам, которые служили прежде Потоцким, словом, становится совсем другой, нравственно хорошеет.

*Важность и приличие господствуют в Умани, а потому окрестные соседки начинают посещать вдовушку, входя с ней в ближайшие сношения; здесь нет больше места балам, импонирующим своей роскошью, недавним оргиям и безумиям, время в этом малом кружке проходит приятно, и сюда съезжается много соседей и соседок».*⁷

В 1815 году стараниями Софии Константиновны в перешедшем к ней Немирове была открыта четырёхклассная школа, которой она передала заложенную ещё Винсентием Потоцким библиотеку. (Винсентий Потоцкий, дальний родственник Станислава Щенского Потоцкого, владел Немировым до 1802 года. За время владения городом он заложил в нём парк, открыл пятиклассный Кадетский корпус, со временем превратившийся в известную Немировскую гимназию. После покупки Немирова Щенский Потоцкий основал в нём костёл святого Иосифа Обручника, сохранившийся до наших дней.)⁹

«Может быть, тогдашние обстоятельства влияли на настроение Софии. Всё то общество, среди которого она провела лучшие минуты жизни, по очереди стало прощаться с нею, переходя в мир иной, лучший мир. Закрывает она глаза полковнице Лоской, после — жене брацлавского воеводы Грохольского, своей первой учительнице. Последняя утрата была для неё очень чувстви-

тельна, она сама утверждала, что особенно её опечалила смерть двух лиц: этой импровизированной воеводицы и князя Потёмкина Таврического — и что этого любовника своего она жалела как своего отца».⁷

В числе покинувших земную юдоль прежде Софьи Константиновны был и её первый законный муж Иосиф де Витт, почивший в 1814 году. Отношения бывших супругов в последние годы их общей жизни были далеки от идеала, с учётом того, что бывший Каменец-Подольский комендант никак не мог материально насытиться из богатств бросившей его супруги — чуть не до последнего вздоха требовал он от неё новых и новых денежных удовлетворений. София, обременённая как безмерным богатством, так и громадными долгами, тем не менее, некоторые имущественные и финансовые претензии бывшего супруга удовлетворила и в своём духовном завещании учла интересы их общего сына. Первый же сын Софии Константиновны от Щенского Потоцкого, Александр, любимец матери, был к этому времени ротмистром гвардии и имел прекрасные карьерные виды и возможность духовно совершенствоваться.

«Дослужившись чина, он укрылся в тишине частной жизни, весь отдаваясь музыке, чтению и самому ласковому и простому обхождению с соседями. Получивши в молодости огромное состояние, он пользовался ним очень скромно, ограничивая по возможности свои собственные потребности, не для собирания богатств, которым не придавал особенного значения, а для доставления себе большей возможности делать добро».⁷

В начале 1822 года, уже серьёзно больная, София Константиновна Потоцкая, предчувствуя неизбежное, серьёзно взялась за последние в своей жизни распоряжения. С этой целью она выехала в Петербург и там составила духовное завещание. Опекунами детей она попросила быть графа Михаила Андреевича Милорадовича (в те годы — петербургский генерал-губернатор, позже был убит декабристом Каховским) и князя Петра Христиановича Витгенштейна (генерал-фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 года), в свидетели пригласила сенатора князя Алексея Борисовича Куракина (член Государственного Совета), Василия Сергеевича Ланского (двоюродный брат фаворита Екатерины II), адмирала Николая Семёновича Мордвинова (знаменитый англоман), вице-адмирала Александра Семёновича Шишкова (президент Российской Академии), графа Ираклия Ивановича Моркова (начальник Московского ополчения в Отечественной войне 1812 года).

«А состояние Софьи было порядочное: 37 тысяч душ, поселившихся на соответственном количестве земли, кроме того, 40 тысяч моргов степи (пастбища), дворец в Умани со всем хозяйством, серебро и картинная галерея, оценённые в 100 тысяч червонцев, и столько же наличных денег (хотя на имении было долга 20 миллионов злотых), наконец, громадное стадо расовых лошадей, состоявшее из 600 маток, стада волов, овец, мерининов маток 3 тысячи и т.д. Не следует забывать, что это было состояние самой Софьи, исключительно ей принадлежавшее».

Имение разделялось на три части, причём уманская часть, доставшаяся Александру, назначалась на оплату долгов. Сыновья, каждый из своей части, обязаны были выплатить по 3 миллиона приданного своим сёстрам, сверх того, Ольге, тогда ещё девушке 20 тысяч на приданное и сыну от первого брака 100 тысяч червонцев. Остаток назначался на пенсион некоторым лицам и на госпиталь...

В конце завещания София просит, чтоб её похоронили в Умани скромно, без всякой пышности, давая понять, что наследники лучше сделают, если раздадут милостыню бедным, которые молились бы „об испрошении милосердия за все прегрешения“».⁷

Оформив дела завещательные, София Константиновна Потоцкая — в конце мая 1822 года — выехала в Берлин, надеясь в глубине души на оздоровительную помощь медицинских светил Германии — докторов Горна и Гуфланда. Те, ознакомившись с состоянием здоровья пациентки (фатальная онкология), пообещали ей только облегчение страданий, которые для Софии Константиновны завершились навсегда 22 ноября 1822 года, на её пятьдесят восьмом году жизни.

Григорий Потёмкин и София Витт-Потоцкая

Григорий Александрович Потёмкин — одна из ключевых фигур в истории России восемнадцатого столетия, золотого века её прошлого. Светлейший князь (или просто — «Светлейший»), князь Священной Римской империи, князь Таврический, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии, Главнокомандующий русской армией, великий гетман казацкого Черноморского и Екатеринославского войск, адмирал Черноморского и Каспийского флотов, губернатор Малороссии — так титуловался урождённый смоленский дворянин средней руки на исходе своего многобурного жизненного пути, на котором ему сопутствовала до его последнего вздоха в Бессарабской степи экстраординарная женщина, София Витт (позже — графиня Потоцкая).

Часть первая. Несколько восторженных слов памяти Потёмкина

Первоначально возлюбленный Екатерины II, затем, как утверждали осведомлённые современники, её венчанный супруг, Григорий Потёмкин и по завершении официальной части своего романа с императрицей остался пожизненно при ней — другом, соратником и соправителем. Об этом, поминая своего доброго гения, государыня Екатерина написала в своих мемуарах:

«Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен».

Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить...

В нём были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимание на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, князь Потёмкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать... Теперь вся тяжесть правления лежит на мне»¹⁰.

Григорий Александрович Потёмкин был «героем своего времени». В нём «геройски» уживались добродетель и порок, безудержная энергия и поразительная бездеятельность, природное благородство, одарённость и «нажитая» порочность; это был «...замечательный государственный деятель, богатый и могущественный вельможа, красивый мужчина, легкомысленный сибарит, гениальный фантазёр, истинный меценат и любитель изящных искусств»¹¹.

Он поражал современников своими грандиозными проектами, энциклопедическими знаниями, организаторскими талантами, изысканным вкусом эстета и, одновременно, неумеренным роскошеством и безудержным сластолюбием. Не дружил Светлейший с нравственностью, не видел ничего предосудительного в своём поочерёдном сожительстве с пятью родными племянницами, в содержании великосветских наложниц в условиях бивуачного быта. Был князь начисто лишён условностей и, пренебрегая этикетом и правилами приличия, принимал иностранных послов в домашнем халате и в «тапках» на босу ногу.

И тем не менее даже враги признавали мощный ум и трезвый дар гения российской государственности, Светлейшего князя Потёмкина, раздвинувшего границы государственных владений, создавшего Черноморский флот, покорившего Крым, основавшего Севастополь и Одессу — и прочая, и прочая...

«Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы!» Отечественные инфузории конца двадцатого века, «злые гении» и «князья тьмы», перечеркнули безнаказанно достижения предков, их великие жертвы по расширению, обустройству и защите великой державы, «перестроили» её до стародавних, допотёмкинских размеров и были за содеянное увековечены своими последователями, подобострастно осыпаны ими бесчисленными милостями и высшими государственными наградами.

В оценке личности князя Потёмкина у его современников и ближайших потомков не было однозначности и единодушия. От восхищения до ненависти — вот дистанция между крайними мнениями о нём его «оценщиков» в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков. Так, саксонский дипломат Георг фон Гельбиг, сопровождавший императрицу Екатерину II в крымском путешествии 1787 года, по возвращении домой опубликовал в журнале «Минерва» памфлет, в котором политику Потёмкина в Северном Причерноморье оценил как «нелепую и глупую авантюру».¹² Этот же язвительный саксонец стал автором мифа о «потёмкинских деревнях», и поныне расхожем.

Из всех военно-политических операций, организованных и выполненных князем Потёмкиным на «южном направлении», наиболее выдающаяся — присоединение в 1784 году к России Крымского полуострова силой дипломатического хитроумия. После победы русского оружия в очередной войне с турками в 1774 году был подписан выгодный для России мирный договор, согласно которому к ней отходили земли за Бугом и Днестром, а Крымское ханство становилось независимым от Турции. После этого, используя с толком противостояние в ханстве между протурецкими и пророссийскими группировками, Светлейший сумел в 1783 году подвести последнего крымского хана Шагин-Гирея к необходимости подписания договора о присоединении «...полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны» к России.

Историк и писатель Сергей Николаевич Глинка так оценил это историческое деяние: «...он это царство принёс России в дар бескровный. Чего не успели сделать века от покорения Казани и Астрахани, чего не успел сделать Пётр I, то один совершил этот великан своего времени. Он смирил и усмирил последнее гнездо владычества монгольского».

Титаническими усилиями князя Потёмкина были организованы Новороссийская и Азовская губернии, учреждены границы войска Донского, начата усиленная колонизация присоединённых земель, возведение на них новых городов. Все эти территории в 1784 году были сведены в единую Таврическую область под управлением князя Потёмкина — как государева наместника и главнокомандующего.

Императрица в то время грезилась Византией. Так называемый «Греческий проект», разработанный по её инициативе канцлером Александром Андреевичем Безбородко (при соучастии князя Потёмкина) предусматривал окончательный раздел Турецкой империи и закрепление за Россией Константинополя, с посаженным в нём российским полномочным представителем. С дальним малоазиатским прицелом в Петербурге был открыт кадетский корпус для малолетних греков, а для компактного проживания греков-переселенцев российские власти основали город Мариуполь (так названный в честь Марии Фёдоровны, жены будущего императора Павла I).

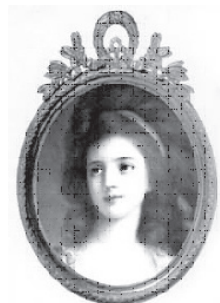
Князь Потёмкин, будто соревнуясь с Екатериной II, выступал ещё большим, чем она, эллинофилом; беспокоясь о «правильном» воспитании её внуков, он писал ей: «Я одно только желал бы напомнить, чтоб в изучении языков греческий поставлен был главнейшим, ибо он основанием других...»¹¹ В осваиваемых землях юга России Светлейший основал несколько греко-язычных учебных заведений; в пожалованном ему под Петербургом имении Озерки временно разместил греческую гимназию, предполагая со временем сделать её частью Екатеринославского университета.

Вполне вероятно, что связь Потёмкина с очаровательной Софией Витт не была просто очередным любовным увлечением князя. Известно, что использовал он умную, проницательную гречанку в своих политических делах

и в связи с запланированным продвижением русского оружия к проливам предполагал «задействовать» её в «Греческом проекте»; тем более что слухи о принадлежности Софии Главоне к древнейшему роду византийских базилиевсов (возможно, по её инициативе «запущенные») были известны князю Тавриды.

Часть вторая. О парке в честь Софии под Николаевым

Нет точных сведений, когда и при каких обстоятельствах познакомилась София Витт и князь Григорий Потёмкин. По одной из версий пребыванию inferнальной гречанки в окружении Потёмкина при осаде австро-русскими войсками Хотинской крепости в 1788 году (тогда Турция в очередной войне с Россией пыталась вернуть отторгнутый Крым) предшествовала её секретная поездка по странам Европы с целью сбора разведывательной информации для князя. Говорят, что добытые сведения она, в 1787 году, представила императрице во время её путешествия в Крым, за что была вознаграждена имением (то ли в Крыму, то ли в Белоруссии) и даже получила за «боевые» успехи генеральский чин. Есть также историческая байка, что далее София Витт продолжила свою агентурную работу в европейских столицах под началом князя Потёмкина и по его поручению склонила Станислава Щенского Потоцкого как к сожительству, так и к учреждению Торговицкой конфедерации, сыгравшей, как известно, роковую роль в судьбе Польши.

Точно известно, что после взятия русскими войсками крепости Очаков, в июле 1788 года, София Витт и князь Потёмкин были, что называется, совсем накоротко, известно также, что после падения турецкой твердыни муж Софии, махнув рукой на польское гражданство и военную присягу польскому королю, перебрался во вновь учреждённый город Херсон, стал — по воле князя Потёмкина — его губернатором, а в качестве отступного за жену получил, хлопотами князя, графское достоинство.

Также известно, что София Витт была свидетелем начала строительства Николаева и его пригородов, о чём — восторженно и несколько гиперболизировано — поведал читателям недолго просуществовавшего журнала «Украинский вестник» (выходившего с 1816 по 1819 год) корреспондент Николай Левицкий:

«Женищина прелестная с прекраснейшей ещё душою, с чувствительным сердцем, с тонким умом, словом, женищина-Гений умела привлечь сердце Гения-героя. Одно её слово и на диких берегах Ингула явился город на месте бедных рыбацких хижин огромные палаты, Спасск и Богоявленск; одно слово и волшебная рука искусства одела нагие скалы и песчаные холмы скромными рошицами и великолепными садами, бережно провела светлые источники; они резвились, прыгали и, дробясь по камешкам, журчанием своим одушевляли мёртвую пустыню».

К строительству города, названного в честь Святого Николая Чудотворца, покровителя мореплавателей, Потёмкин приступил, изгнав окончательно турок из Очакова. Тогда были промерены глубины реки Ингул и найдено место, более удобное для устройства верфи, чем в Херсоне. В июне 1788 года по распоряжению Потёмкина были заложены эллинги для строительства кораблей, выстроен и оборудован лазарет в старинном селении Витовка, расположенном в урочище Бугского лимана. В августе 1789 года Светлейший утвердил новые географические наименования: «*Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку — Богоявленское, новозавершённую верфь на Ингуле — Николаев*»¹³.

С началом строительства Николаева вблизи него был заложен английский парк в честь Софии де Витт. Ещё в 1776 году для устройства парков и садов в Новороссии и Крыму, во всех крупных имениях Потёмкина был выписан специалист из Англии, Уильям Гульд, почитавшийся «великим мастером по устройству прудов, дававшим ему землю и всё необходимое, чтобы разнообразить ландшафт». Мастер английского садово-паркового искусства в письме к Потёмкину одобрил выбор Богоявленского для закладки садов и парка:

*«Богоявленск есть весьма важное место и достойно Вашего внимания, поелику может доставлять Черноморскому флоту наилучшую провизию всякого рода... На сей благословенной земле назначил я ботанической, виноградный, овощной плодovitой и аглицкий сад, который приятным и выгодным положением никакому не уступает. Оной сад, лежа в недрах наиприятнейшей долины, напояется прозрачным и тихо журчащим источником, имея притом ввиду реку Буг...»*¹³

В 1789 году по приглашению Потёмкина в Николаев прибыл надворный советник профессор Михаил Григорьевич Ливанов (выпускник Московского университета, чьи знания были оценены выпускной золотой медалью; ранее он, по распоряжению Екатерины II, вместе с тремя другими выпускниками университета углублял знания в Англии.) Ему было поручено возглавить школу практического земледелия, которая только была открыта в Богоявленске. Со смертью князя Потёмкина профессор Ливанов и его школа, а также парковое творчество Уильяма Гульда утратили главного покровителя. В дальнейшем, в связи с переходом Николаева в подчинение Черноморскому флоту и превращением Богоявленска в адмиралтейское поселение интерес флотского начальства к работе Михаила Григорьевича Ливанова и Уильяма Гульда упал до безразличия.

Десять лет спустя после закладки Английского парка его, в ещё достойном состоянии, наблюдал Павел Иванович Сумароков, и факт этот отметил в книге «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году»:

«Проведя таким образом 4 дни с приятностью в Николаеве, я отправился при восхождении солнечном в свой путь, и своротил с дороги верст пять в сторону в Богоявленское. Оное поселение, имеющее в себе немалое число казённых и обывательских домов, построенных из камня, стоит также на

берегу Буга в 12 верстах от Николаева. В плане города, назначенного было, чтобы Николаев соединить с Богоявленским, тут находится дворец с превеликою галерею о двух светах, хороший Английский сад с проведёнными для воды каналами и сие место есть весьма приятное».

Ещё десятилетие спустя после Сумарокова, в 1810 году, Богоявленское и Английский парк освидетельствовал князь Иван Михайлович Долгорукий, направлявшийся из Одессы в Умань. Помянул он почтительным словом великого устроителя земель Новороссийских, князя Потёмкина; посожалел, что пришёл в упадок парк, в честь Софии де Витт им устроенный:

«Поживи Потёмкин и Николаев стал бы шире Москвы: от города до Богоявленского 12 вёрст, а всё это пространство было уже разбито на кварталы...

Я сидел на самой той скамейке, на которой Потёмкин сматривал поутру, как возят в сад щебень, песок, деревья, как всё шевелится для прихоти его и ищет его благосклонного взора...

Сад при нём назывался Витовкой. В то время, как он убирал его, госпожа Витт кружила ему голову. О, я в том стою, умру с тем, что в жизни нашей то только время можно счесть блаженным, в которое любовь сводит нас с ума.

Меня водил по дорожкам, кои трудно отыскать уже в густой траве, один современник Потёмкина и тех самых дней, когда Богоявленское во всей красе своей сияло: один морской офицер был в нашем обществе, который видел здешнее место в 89 году. Он там казал нам сухие рвы и болотистые тинные места, где я никак не поверил бы, что были токи свежей воды, если б он не засвидетельствовал нам, что тут прорыты были везде каналы и столько наполнены водою, что князь разъезжал на них в раззолоченных лодочках».¹⁴

Из рассказа Долгорукого можно невольно предположить, что название парка «Витовка» есть производная от фамилии графини — «Витт»; в действительности же посёлок Витовка был основан Великим князем Литовским Витовтом в начале пятнадцатого века как таможенный пункт в юго-восточной оконечности его бескрайних владений.

Самой же ценной частью резюме, выписанном князем Долгоруким после посещения Николаева, есть характеристика, данная им устроителю города и края князю Григорию Александровичу Потёмкину; она тем более ценна, что написана во времена, совсем не далеко отстоящие от дня смерти великого русского человека. В ней также поминается Михаил Леонтьевич Фалеев, крупный местный промышленник, первый гражданин города Николаева, бывший во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов поставщиком армии Григория Потёмкина. В начале 1779 года он, по поручению Светлейшего, взялся за расчистку Днепровских порогов; с поручением прекрасно справился, за что был возведён в дворянское звание и награждён золотой медалью.

«Естьли кто хочет иметь прямое понятие о Потёмкине, нигде так не успеет как здесь. Мне удавалось об нём слышать в свете разные рассуждения: иные чли его ленивцем, другие человеком немилосердным, большая часть поприцали гордостью. Здесь скоро нашёл я доказательства, что всё то более из

предубеждения и ненависти разглашали, чем по любви к истине и справедливости. Льстить ему теперь мудрено: он умер и никому ни на что не надобен и так естьли можно что похвальное об нём сказать, то теперь самая пора...

Начальники морские, из любви и особенной ко мне доверенности, позволили мне прочесть две большие книги в хорошем переплёте, в котором с большим тщанием собраны разные Князя Потёмкина Ордера к Фалееву и предложения Черноморскому Адмиралтейству. Я их все прочёл, и не один раз, некоторые из них выписал, и думаю, что сообщая публике, принесу ей удовольствие: каждое слово чрезвычайного человека, каков был Потёмкин, и которому, естьли не вовсе можно дать титул великаго, по крайней мере, никто не отнимет у него названия чрезвычайного, каждое его, говорю, слово, мысль, строка, должны быть предметом общаго внимания...

Поверят ли, что этот ленивый Князь в состоянии был исписывать, когда прямая нужда и польза того требовали, целыя страницы своей рукой, и давать самыя подробныя предписания, но даже в иных местах упоминал, какой фрегат течёт, от чего именно, и что к исправлению его потребно; приказания его иногда доходили до крайних мелочей. Поверят ли, что этот вельможа, котораго донныне едва не тираном ли своего времени многие почитают, был столько сострадателен, сколько то увидят в письме его к Фалееву, от 6-го июля из Колотеня?..

Известно, что он не щеголял пером, и потому в его бумагах не надобно искать ни слога, ни красоты. Он писал просто, но вразумительно, бранился нередко подлыми выражениями и на письме, в бумагах официальных. Кто поспорит, что это неприлично? Конечно, нет. Но где же мы находили человека, чрезвычайнаго в его деяниях, который бы вместе с тем не имел чрезвычайных странностей и навыков своевольных? Эти люди уже не подходят под общия правила. Они сами себе закон. Довольно естьли в них душа, ум и сердце расположены к благу; впрочем, Потёмкин был, что мы называем, чудаком».¹⁴

Часть третья. Южные владения Витт-Потоцкой

После мирного присоединения Крыма к России, совершившегося в 1783 году, уже через год было составлено физическое описание «Таврической области». Подготовленный кадастр позволил князю Потёмкину-Таврическому приступить к «пожалованию» крымских земель своему окружению, полезным людям, родным и близким. (Раздавал князь только земли, поступившие в казну, к коим относились земли бывших ханских владений, и земли тех феодалов, которые, не смирившись с новой властью, покинули полуостров; у не сдвинувшихся с места, лояльных русской администрации баев и мурз земля не отбиралась.)

Не забыл в земельной раздаче Светлейший и себя, и «любезную его сердцу» Софию Витт. Раздавала из своих новых владений и царица Екатерина — во время посещения Крыма в 1787 году «отрезала» государыня солидный земельный надел французскому подданному, бывшему в её свите. Таким образом, новым владельцем Массандры стал французский маршал Карл Нассау

Зинген (будущий герой штурма Очаковской крепости); после его отъезда из России брошенное им земельное владение перешло в казну, из которой этот лакомый участок крымской земли в 1815 году выкупила София Константиновна Потоцкая. (Будто бы для строительства на нём города Софиополь.)⁸

После смерти графини Потоцкой владелицей Массандры стала её дочь, Ольга Станиславовна Потоцкая, в замужестве — Нарышкина. В 1828 году она продала унаследованное крымское имение Александре Васильевне Браницкой (некогда бывшей любимицей и любовницей своего дяди, Григория Потёмкина). Покупку эту Браницкая совершила для своих внуков — детей её дочери, Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой.¹⁵

При первоначальном разделе крымских угодий София Витт получила от Потёмкина земли Мисхора (факт этот в своё время подтвердил старый крымский нотариус, видевший сразу после революции стародавнюю дарственную). Земли эти также унаследовала дочь их первой владелицы, Ольга Станиславовна Нарышкина. Об этом крымском владении Потоцких-Нарышкиных упоминает в книге «Путешественник. (Южный берег Крыма)», изданной в 1847 году, её автор, Николай Сементовский:

«Было ещё довольно рано, когда я окончил обозрение Симферопольского укрепления и усталый сошёл в долину, где ожидали меня проводники. Отдохнув на камне, над которым сверху повисли ветви роскошной ивы, я сел на коня и узкою тропою спустился вниз небольшою рысью. Мы поехали по очаровательной долине, среди которой переезжали вброд светлый Сангир. Оставили за собою небольшую деревеньку, а за нею прелестную дачу, принадлежащую, если не ошибаюсь, г-же Нарышкиной, мы поднялись на возвышение и вскоре опять спустились в долину».

(На принадлежность Потоцким упомянутой Николаем Сементовским дачи косвенным образом указывает и тот факт, что неподалёку от неё, в Космо-Дамиановском монастыре София Константиновна Потоцкая после 1810 года выстроила на собственные средства пристанище для паломников.)

Кажущееся непонятным отсутствие основательного дворца при уманском парке «Софиевка» объясняется только смертью её создателя и владельца, у которого такое строительство было задумано. При жизни графа Станислава Щенного Потоцкого в его собственности было несколько дворцов, в том числе — в Одессе. Был он выстроен на высоком обрыве над морем, неподалёку от старой Хаджибейской крепости. Об этом дворце пишет в своей книге «Старая Одесса» Александр Дерibas, внук одного из строителей «города у моря», испанца де Рибаса:

«Из дворцов выделялось своей внешней красотой то великолепное жилище, которое создал в Одессе для своей, откупленной от Де-Витта, отца Ивана Осиповича, жены его, красавицы, гречанки Софии, граф Феликс Потоцкий. Но сам он умер в 1805 году, и его наследница предпочла Одессе пребывание в своём роскошном саду в Умани. Одесский дворец Потоцкой был предоставлен ей в распоряжение и использование знаменитой Марии Антоновне Нарышкиной. На паркетах его было изумительное по своей гармоничности сочетание

*самых разнообразных пород дерева: и лимонное, и оливковое, и розовое, и чёрное, и палисандровое».*¹⁶

Дворец Потоцких в Одессе посещал во время приезда в город летом 1810 года князь Иван Михайлович Долгорукий. Более всего в увиденном его поразили свойства местного камня, пористого и мягкого, легко поддающегося обработке:

*«Чтобы дать ещё лучшее понятие о сем камне, скажем нечто о саде какого-то Потоцкого, который развёл его для своего приезда, при небольшом доме, рядом с нашей квартирой, следовательно, на горе над морем. Дом и сад его неважны, но он для забавы рассудил выдолбить разные потребности; гора начинена вся камнями они торчат в разных смыслах. В три дня Потоцкий вырезал тут себе диван, круглый стол для шести кувертов, сделал вокруг его лавки, выдолбил подвал для вин, место для поваренного котла, и всё это в камне оставил тут навсегда неподвижным памятником своего тут жития».*¹⁴

Умань после завершения разделов Польши

После уманской резни 1768 года, после подавления повстанцев Железняк и Гонты силой русского оружия, бывшего на тот момент в союзе с оружием польским, город Умань стал использоваться русской армией для решения тыловых задач в продвижении России к югу, в охвате ею северного побережья Чёрного моря и выдавливания с этих территорий Османской империи.

В сентябре 1764 года польский сейм избрал королём пророссийского кандидата (и прежде — любовника Екатерины II) Станислава Понятовского, после чего между Россией и Польшей был заключён военный союз. В феврале 1768 года по решению польского сейма православные и католики Речи Посполитой были уравниены в правах, что вызвало возмущение в среде польских националистов, создавших в Подолии так называемую Барскую конфедерацию и поднявших восстание.

Разбитые в Польше (где всесильным российским послом был князь Николай Васильевич Репнин) отряды барских конфедератов отступили на юг, к турецким владениям и попросили помощи у Турции. Турция в сентябре 1768 года потребовала от русского посла отмены постановления польского сейма «о диссидентах» и вывода русских войск из владений Речи Посполитой.

Вызвав этими неисполнимыми требованиями войну с Россией, турки сосредоточили войска у днестровской крепости Хотин, намереваясь двинуть их на Варшаву и далее — на Смоленск и Киев; при этом «загоны» крымских татар должны были сковать русские войска на Правобережной Украине. (В конце января 1769 года семидесятитысячное крымское воинство в последний раз — в почти трёхвековой истории терзания татарами украинского народа — вышло из Крыма на украинские земли, но было отброшено русскими войсками за Днестр.)

Войну Турция проиграла и вынуждена была — в небольшой болгарской деревушке Кучук-Кейнардже, 15 июля 1774 года — подписать с Россией мир, по условиям которого лишалась в пользу победителя ряда причерноморских земель и предоставляла независимость своему вассалу, Крымскому ханству. Несколько лет турки-османы пытались вернуть Крым, но попытки эти завершились лишь соглашением с Россией (конвенцией от 10 марта 1779 года), по которому противоборствующие стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела Крымского ханства; Россия вывела с полуострова корпус Александра Васильевича Суворова, Турция же признала взявшего власть в Крыму пророссийского хана Шагин Гирея.

Для наблюдения за поведением противника Россия разместила в 1780 году два наблюдательных корпуса: под командованием Ивана Петровича Салтыкова — в Хотине, под командованием Николая Васильевича Репнина — в Умани. (Дальнейшее, как известно, стало делом блестящей дипломатической тактики князя Григория Александровича Потёмкина, обеспечившей добровольное присоединение Крыма к России в 1783 году и осмотр новых земель, в 1787 году, матушкой-императрицей.)

Размещение гарнизона русских войск в Умани имело более чем вековую предысторию: в 1659 году, в разгар борьбы Московского царства с Речью Посполитой за контроль над украинскими территориями, перешедшими к России после Переяславской Рады, в городе был поставлен «на боевое дежурство» московский отряд майора Свиньина. Тогда в результате длительной, плотной осады Умани польскими войсками в городе возник голод, и русские ратники, с трудом прорвав вражеские цепи, ушли — с большими потерями — на север, на соединение с основными силами. В ту пору, названной историками эпохой «Руины», Россия проиграла Польше схватку за Правобережье, сохранив за собой Левобережную Украину.

Теперь же, в последней четверти восемнадцатого века, дело шло к уверенному реваншу России, которому предшествовало вытеснение Турции из Причерноморья. И есть все основания полагать, что в Умани — ещё не оправившейся от кровавого погрома 1768 года, полуразрушенной, малозаселённой — после отъезда из города князя Репнина остался и надолго в нём укрепился российский наблюдательный гарнизон, позже возросший до значительного военного подразделения.

«Лет 85 тому назад в Умани видны были ещё остатки старинных укреплений и других сооружений: разрушившийся деревянный палисад, окружавший город во время нападения гайдамаков, костёл и полуразрушенный монастырь. Потом Потоцкий построил новый каменный монастырь, а деревянный в 1828 году уничтожил. Впоследствии этот монастырь был обращён в военный госпиталь. Теперь эти здания пусты и принадлежат казне, под ними находят много подземных ходов.»

Православная Михайловская церковь, в которой совершалось крещение католиков и евреев, в начале нынешнего столетия сгорела. Николаевская церковь, в которой Железняк и Гонта принудили многих принять крещение, обветшала и вместо ней построена в 1812 г. новая каменная, обращённая в 1846 году в соборную.

*Несколько десятков лет после «колишвицны» г. Умань был в упадке и не мог прийти в надлежащее положение: и после Железняка мелкия шайки не переставали опустошать его окрестности и грабить жителей. Улучшение его началось со времени возвращения этого края России, т.е. с 1794 г. В 1797 году г. Умань был сделан уездным городом, но принадлежал гр. Потоцкому».*⁴

Присоединение Правобережной Украины к России, окончательно совершившееся в 1795 году, не изменило в крае имущественного и социокультурного положения её коренного населения. Украинское селянство, принижённое и зависимое, осталось на низшей ступени социальной лестницы, польская и ополяченная украинская шляхта в новую сословную иерархию вписалась просто и безболезненно, с сохранением прежнего уровня их значимости. (В это время Правобережье в польских источниках именуется «Украиной», в российских же официальных документах — как «Западные губернии» или «Юго-Западный край».)

После всех пертурбаций переходного периода земли правобережного края остались за их прежними владельцами, на них продолжала действовать прежняя правовая система (Литовский статут), дворянство по-прежнему оставалось польским и польскоязычным, под польскими панамы — точнее, под их управляющими, — оставались украинские крепостные.

*«Украинец так и остался со своим историческим врагом паном-ляхом, которому окончательно отдала его в кабалу крепостничества российская сильная власть. По присоединении юго-западного края к российской империи, в видах дипломатической надобности, всё польское в том крае было задобрено укреплением за панамы вотчинной власти над подданными; эта панская власть под покровительством имперской власти, край был распаёван между вельможами польскими и даже „попадавшими в случай“ русскими. Народ получил только нестеснённую вероисповедания».*¹⁷

На Левобережной Украине, отошедшей — согласно Андрусовскому договору 1667 года — от Польши к России «распаевание» земель началось гораздо раньше, ещё при Богдане Хмельницком. Место изгнанного тогда (восстанием 1648–1653 годов) польского дворянства стремительно и бесповоротно заняла новая украинская элита: окружение вождя, образовавшее неписанное старшинское сословие, и наиболее резвые представители реестрового (официально узаконенного, вписанного «в реестр» ещё при поляках) «козацтва».

«Мощнейшие подписались казаками, а подлейшие остались в мужиках» — простой украинский селянин, обеспечивший успех восстанию и веривший в своё «счастливое будущее», по неизменному историческому обычаю остался, что называется, с носом. Уже в первой своей челобитной «наверх», в марте 1654 года Хмельницкий писал:

*«Мы сами смотр меж себя иметь будем и кто казак, тот будет вольность казацкую иметь, а кто пашенный крестьянин, тот будет должность обыкшую его царскому величеству отдавать, как и прежде сего».*¹⁸

Новая верхушка украинского общества год за годом всё более и более утверждалась помещиками на ими прибираемых землях; их просьбы о наде-

лении их «землями и маестностями» московское правительство удовлетворяло без отказа, подписывая *post factum* уже состоявшиеся гетманские решения, только оформляя их «жалованными грамотами». По такой же схеме новоявленная аристократия отрезала себе «участки» от пустых, незаселённых пространств, которых в то время много было на Левобережье и которые расхватывались по праву первого владения — «Кто смел, тот и съел».

Кроме накапливания отписываемых сверху земель, новые «латифундисты» округляли свои владения путём скупки «грунтов» у малоимущих селян, используя для этого преимущественно безотказную технику ростовщичества, в которой земля «сіромах» была надёжным залогом. Дальше — больше; стали набравшие аппетита помещики-землевладельцы просто отбирать земли у незащищённых сограждан. Практика эта приобрела характер эпидемии в гетманство Мазепы, когда означенным способом сколачивали «начальный капитал» его невялые соратники, такие как одиозный гетманский любимец, полковник Горленко. («Где было какое годное к пользе людское место, всё он своими хуторами позанимал, а делал это так, что одному заплатит, а сотни должны не волею своё имущество оставлять. Куда ни глянь — всё его хутора, и все будто купленные...»)¹⁹

Вместе с накоплением земель «ясновельможным панством» закрепощались жившие и трудившиеся на них украинские селяне — прикреплялись к земле путём грубого произвола и насилия. Так, в 1739 году генеральная войсковая канцелярия запретила переходы крепостных селян «на слободы», даже вопреки запретительным «окрыкам» из Москвы. Ещё через два десятилетия гетман Разумовский издал на подвластной ему Левобережной Украине распоряжение следующей крепостнической сути — крестьянин, собравшийся уйти от владельца, обязан оставить тому всё своё имущество, да ещё получить от него письменное согласие на уход (как следствие, стали не просто уходить — убежать).

В итоге, к 1780 году — году ликвидации на Левобережной Украине гетманства — в крае из прежде «мощных козаків» сложился мощный класс помещиков-землевладельцев, он же — класс «благородного русского дворянства»; его владетельнейшие представители обосновались на берегах Невы, заседали в Сенате и Синоде, достигали генеральских чинов, делались министрами, канцлерами; одним словом — становились опорой трона. Касательно же расхожего утверждения, что крепостными украинских селян сделала Екатерина II, то оно — не более поэтической легенды, звучащей в исторической песне:

«Катерина, врага баба,
Що ти нарбила!
Край веселий, степ широкий
Панам роздарила».²⁰

Указ российской императрицы от 3 мая 1783 года, по которому якобы свободные украинские селяне обращались в крепостное состояние, во-первых, преследовал цель поддержать законодательно плотный класс украинских помещиков; во-вторых, распространить на давно крепостную Малороссию на-

логовые меры, действовавшие в других российских губерниях. («Для известного и верного получения казённых доходов... и в отвращение всяких побегов... каждому из поселян остаться на своём мнении и звании, где он по нынешней последней ревизии написан... в случае же побегов после издания сего указа поступать по общим государственным постановлениям».)

Сим обширным историческим отвлечением привожу, не греша против исторической истины, к общему знаменателю её очевидные факты: крепостное право по обе стороны Днепра есть продукт местный, украинский — на левом берегу, и польский — на берегу правом; помянутый же указ царицы, если оценивать его с позиций исторической нравственности, всего лишь уравнивал в ужасах жизни крепостных крестьян, как под русским барином, так и под украинским или польским паном.

Польский же пан ещё три десятилетия, с начала девятнадцатого века, пользовался независимостью от центральной власти, не забывая, время от времени, жаловаться в северную столицу на нарушение сословных привилегий, местных и имущественных прав, на непризнание прежних польских чинов. Царская власть бдительности не теряла, сразу после присоединения правобережных земель был издан циркуляр «Об учреждении полицейского надзора за военнослужащими распущенных отрядов польского войска, а также об учреждении наблюдения за поведением чиншевой шляхты и помещиков территории, присоединённой к России».

При известном стиле поведения польского пана с украинским «хлопом», отношение Станислава Щенского Потоцкого к своим крепостным селянам отличалось гуманностью и деловитостью — свёл он все их трудовые повинности к денежным «налогам», обязывал своих управляющих проявлять уважительность к сельскому люду, помогал его малоимущим представителям в обустройстве жилья. Он первым в крае организовал массовую прививку селян против оспы, о чём в июне 1803 года киевский гражданский губернатор Пётр Прокофьевич Панкратьев писал митрополиту Гавриилу:

«Довольно известно, сколько пагубны для человеческого рода следствия натуральной оспы, от которой множество народа ещё в младенчестве и в цветущем состоянии лишаются жизни. Для отвращения сего зла изобретено весьма полезное и спасительное для человечества средство прививать всем младенцам, у которых натуральной оспы не было, коровью; и как средство сие распространилось и употребляется уже с наилучшим успехом во всех европейских государствах, да и в России многие благомыслящие люди начинают уже стараться вводить его в употребление, то, последуя сему примеру, и граф Станислав Потоцкий, которому почти весь Уманский сей губернии повет принадлежит, для предохранения крестьян своих от сей губительной язвы, приказал управителю имений его всем малолетним детям привить коровью оспу, для чего прислать туда и нарочито искусных докторов; но крестьяне, узнав о том, по невежеству своему, не только не соглашаются допустить для прививания детям оспы и прячутся с ними в леса, но даже явно противу сего ропщут и толкуют сие благодетельное для них средство совсем в противную сторону, выдумывая смеху достойныя басни, — во прекращение чего предписано от меня тамошнему земскому начальству, чтобы присланные от графа

*Потоцкого доктора насильно к тому никого не принуждали, а сделали сию операцию только над теми детьми, которых родители сами на то изъявить своё согласие».*²¹

В письме своём губернатор далее просит митрополита предписать всем приходским священникам Киевской губернии «дабы они с своей стороны, яко люди благоразумные, вразумляли и истолковывали поселянам, что прививание детям их коровьей оспы не только не противно закону Божию, но, напротив, есть действие человеколюбия и самое полезнейшее для избавления людей от пагубных следствий натуральной оспы, чрез которую так много истребляется детей и вообще народа».²¹

Дело оспопрививания в Уманском уезде продолжилось и после смерти Щенского Потоцкого. В июле 1805 года штаб-лекарь 8-го класса Трофим Ноздря отправил в Уманский уездный нижний суд сообщение о том, что «вследствие полученных им из государственной медицинской и Киевской врачебных управ его императорского величества указов, имеет приступить по данному ему печатному наставлению и особому по науке его искусству к прививанию малолетним детям коровьей оспы, на которых ещё не было оной, служащей ко истреблению вовсе от заразы натуральной оспы — без всякой заплаты, но единственно из человеколюбия к роду человеческому».²¹

До конца дней своих был лоялен к российской власти Станислав Щенский Потоцкий, за что был он не любим польским панством преимущественно западных губерний Правобережья, коренной Польши, которое не могло простить фатальной для судьбы Польши Торговицкой конфедерации. И вместе с тем, польская верхушка общества держалась за могущественного магната, при котором Умань превратилась в крупный торговый центр края, оставаясь по-прежнему его польским культурным ядром, в котором василианское училище — в духе верности угнетённой Россией польской отчизне и папскому престолу — готовило подрастающее поколение, идеями возрождения Польши напитанное.

И всё же, главным «поступком» жизни графа Потоцкого стало создание им жемчужины паркового искусства, блеск и сияние которой восхищал, восхищает и будет восхищать тысячи тысяч наших сограждан. Жаль только, что до настоящего времени «по-настоящему» не увековечена всеобщая благодарность потомков Станиславу Щенскому Потоцкому — к примеру, его бюстом в парке, на пустующем постаменте над Кавказской горкой.

«Г. Умань в конце прошлого и в начале настоящего столетия был одним из более видных центров местной шляхетско-польской жизни. Пышный двор богатого магната Феликса (Szczesny) Потоцкого, несколько урочных ярмарок, имевших большое значение для возникавших тогда торговых отношений южного взморья, Одессы, с плодородными Подолием и Украйною, наконец знаменитая в то время базилианская коллегия, служившая местом воспитания шляхетской молодёжи — всё это придавало большое значение воздвигнувшейся после гайдамацкого погрома Умани. Всегда там было много панов и все они так или иначе жалась ко двору Потоцкого, как одного из виднейших в то время представителей недавно прекращённой самостоятельности польской в том

*крае. Последнего короля польского Станислава-Августа Понятовского уже не было в живых. Магнаты были ещё только более или менее сильными, смотря по требованию дипломатии, столпами польщины в крае. Устаревший поэт Трембецкий, утративший в умершем короле сильного мецената, проживал в то время при дворце Потоцкого. День св. апостола Петра и Павла был особенно торжественным днём в г. Умани. В этот день обыкновенно совершался торжественный публичный акт в базилианской коллегии, чем, разумеется, вызывался большой съезд шляхты за учащеюся молодёжью, а также ради урочной в тот день ярмарки. После акта всё, что могло из съехавшейся шляхты, бывало в гостях во дворце Потоцкого и в его заново отделанном, в честь жены Софии, роскошном саду Софиевке, что ныне Царицын сад».*¹⁷

Становление системы народного образования на Уманщине

Всю пору преобладания Польши на Правобережной Украине — во времена государственной самостоятельности и после потери оной — в крае преобладал польский язык. Он был языком культуры, официальных отношений, на нём образовывалось подрастающее поколение края; ему сопутствовала латынь, на которой велось богослужение и которая звучала в школах. Украинский язык, с его несколькими диалектами, на котором больше говорила, чем писала подавляющая, преимущественно сельская часть населения Правобережья (под девяносто процентов от общей его численности), оставался языком бытового общения — «народною мовою».

Такое положение вещей установилось в результате политики властей Речи Посполитой по силовой колонизации края, оно сохранилось и после Третьего раздела Польши, когда за польской шляхтой волей пропольски настроенного императора Александра I была оставлена в фактическом подчинении Правобережная Украина. Перемены наступили только после поражения Польского восстания 1830 года.

Часть первая. Доминирование униатства в образовании

Почти четыре века просуществовала Речь Посполитая, сотворённая в конце четырнадцатого столетия хитроумием польской дипломатии, обеспечившей династический брак королевы Польши Ядвиги и великого князя Литовского Ягайло. Слились в единое державное тело слабеющая (и вдруг поднявшаяся!) Польша и могучее — от Балтийского до Чёрного моря («от можа до можа») — княжество Литовское. Тем самым — зигзаг в историческом движении! — пресеклось развитие и закрепление в литовской среде малорусской (то есть — коренной, русской) народности, остановился переход язычников-литовцев в православие.

Новая государственная система взялась решительно за перевод в католичество украинского народа, за искоренение его веры предков. Процесс

этот, целенаправленно-жестоким, имел важным промежуточным этапом нелегитимную Берестейскую унию 1596 года, утвердившую религиозный толк униатства, в котором, при внешнем сохранении основных православных форм богослужения и обрядов, храмы вместе с приходами переподчинялись папскому престолу.²²

На подавление православия была направлена и система образования подрастающего поколения Правобережья, выстроенная на духовной основе католичества и униатства. Правда, в начальную пору этого религиозного перелома общества польские власти не решились посягнуть на церковные православные братства, имевшие свои «братские школы» (в Вильно, во Львове, в Киеве — с 1615 года), долгое время служившие противовесом иезуитской педагогической деятельности, силой утверждавшей католическую исключительность. Эти школы создавались и укреплялись энергией таких выдающихся личностей как Пётр Конашевич Сагайдачный, митрополит Иов Борецкий и, в особенности, Пётр Могила, оказавших решительное противодействие католическому наступлению на православие и малорусскую народность. При них выросло число школ в крае, а киевская братская школа — стараниями Петра Могилы — превратилась в коллегию с программой, не менее широкою, чем программы иезуитских коллегий.

После закрепления Правобережья за Польшей крестовый поход против православия возглавил львовский епископ Иосиф Шумлянский; по его беспрекословному распоряжению в школах были поставлены униатские священники, и всякое неповиновение им стало рассматриваться как неповиновение властям. Из православных священников, силой переведённых на службу униатской церкви, многие оставались в душе и перед паствой православными. Они, не боясь последствий, дерзали заводить свои школы, где преподавали чаще всего дьячки, и называлось это у них *«приймати до себе школярів на вислухи»*. Являлись на эти «вислухи» дети местных жителей, приходящие издали ученики. При наличии средств родители возила детей на обучение «за границу» — в Киевскую коллегию или Переяславскую семинарию, нанимали домашних учителей.

В 1773 году в Польше была проведена реформа образования, согласно которой учебно-воспитательная работа сосредотачивалась в так называемой Эдукационной комиссии (первом в истории Европы министерстве народного образования). Комиссия разделила территорию государства на десять округов, два из которых находились на украинской земле — Волынский округ (с окружным городом Кременцом) и Украинский округ (с окружным городом Винница). В каждом округе были созданы шестиклассные окружные школы с семилетним курсом обучения, а в подокругах — трёхклассные подокружные школы.

В каждом церковном приходе («парафії») открылись церковно-приходские («парафіяльні») школы: в городах — высшие, в сёлах — начальные. Что касается средних школ, находившихся под иезуитами, то в связи с упразднением, в том же 1773 году, иезуитского ордена в Польше, Эдукационная комиссия передала их вместе с имуществом василианам; в них была сохранена прежняя постановка образования.

Парафиальные или начальные школы при церковных «парафиях» (приходах) издавна действовали на украинской земле. Учителями в них чаще всего были священники или дьяки, иногда — путешествующие («дьяки-мандрівці»). На Левобережье парафиальная школа во второй половине восемнадцатого столетия существовала почти при каждом приходе, в них под руководством дьяков-бакалавров учились не только дети, но и взрослые.

Все усилия Эдукационной комиссии были направлены на создание системы образования, прежде всего, для детей шляхты. Организуя польские школы на территории Украины, комиссия закрывала школы украинские; для детей украинцев открывала только такие школы, в которых воспитание и обучение шло в духе католицизма. Венцом усилий Эдукационной комиссии стало издание ею в 1789 году распоряжения о закрытии парафиальных «русских» школ на Правобережье и об устранении из всех школ «русской мови». Ликвидировались сами остатки греко-восточных обрядов в униатских школах, ученикам-украинцам запрещалось отмечать религиозные праздники по греческому календарю, учеников православной веры принуждали посещать костёл.²³

После присоединения Правобережной Украины к России существенных изменений в системе народного образования края, по качеству намного превосходившей тогда российскую, не произошло; для её реорганизации не было ни средств, ни кадров, и — самое главное — не было политической воли (как и для организационно-политического переустройства края российским правительством).

Проведенная в России в 1804 году реформа народного образования фактически не затронула образовательную систему Правобережья. По новым нормам территория России была разбита на учебные округа, в каждом из которых действовали учебные заведения четырёх уровней: церковно-приходские училища, уездные училища, гимназии, созданные на базе екатерининских главных училищ, и университет. К обучению допускались представители всех сословий, кроме крепостных крестьян, причём учащиеся могли переходить из уездных училищ в гимназии, где их готовили к поступлению в университет. Округами заведовали попечители, всю же систему венчало Министерство народного просвещения.

В 1828 году последовала очередная школьная реформа, главной целью которой было укрепление начал сословности. Отныне приходские училища предназначались только для детей крестьян и ремесленников, а уездные училища — для детей дворян, обер-офицеров и купцов. Естественные науки из уездных училищ изгонялись, а многие предметы, включая арифметику, геометрию, историю и географию, значительно сокращались. Классические гимназии теперь предназначались практически только для дворян, и упор в них делался в основном на древние языки и античную историю.

На Правобережной Украине после 1804 года школы действовали по отдельному статуту. Парафиальные училища были отданы католическому духовенству и монашеским орденам. Существовали примитивные сельские школы, где учеников обучали дьяки (в такой школе обучался Тарас Григорье-

вич Шевченко). Уездные училища были в Киеве, Виннице, Житомире, Умани, Каменец-Подольском, Каневе, Белой Церкви и других городах. Гимназии поначалу действовали только в Киеве и Виннице; в 1805 году была учреждена высшая гимназия в Кременце, которую в 1819 году реорганизовали в лицей (обучение здесь велось на польском языке, русский язык изучался как дисциплина).

Парафиальные школы за статутом 1804 года получили официальное название церковно-приходских школ и были одноклассными школами. За статутом 1828 года в большинстве местностей были открыты двухклассные церковно-приходские школы. Таким образом, утвердилась следующая система церковно-приходского обучения: школы грамоты (одногодичные), одноклассные (два-три года обучения), двухклассные (четыре-пять лет обучения); школы эти предназначались для нижних слоёв общества и стояли на низком уровне.²⁴

Ещё до помянутой образовательной реформы, в 1803 году, Подолье и Волынь вместе с бывшими белорусскими и литовскими землями были включены в состав Виленского учебного округа. Попечителем его был назначен князь Адам Чарторыйский, одновременно ставший куратором Виленского университета и действовавших в округе гимназий, друг закадычный императора Александра I, совмещавший образовательную должность с постами товарища министра, а потом и министра иностранных дел (нет не Польши — России).

Известно также, что после окончательного раздела Польши князь в качестве заложника находился в Петербурге, где сблизился с наследником престола Александром Павловичем. Как-то, прогуливаясь с ним по аллеям Таврического сада летом 1796 года, услышал от будущего царя пространный монолог о чувстве вины, тем испытываемое, за состоявшееся — с помощью его «бабки» — уничтожение Польши и о его желании в будущем поправить дело. (Измученный поляк занёс эти слова в свой дневник, для потомства.)²⁵

Инспектором Подольской, Волынской, а также Киевской губерний с 1803 по 1812 год был соратник князя Чарторыйского, не менее его известный деятель польского национального движения, Тадеуш Чацкий (один из авторов экстравагантной теории о происхождении украинцев от таинственного племени «укров»). По его инициативе в Кременце на базе академической школы открылась ещё одна польская мужская гимназия — Подольская. Гимназия эта обладала прекрасной библиотекой, помогавшей её воспитанникам образовываться в духе польского патриотизма и восстановления Польши в прежних границах. В таком же духе воспитывалось и польское студенчество Виленского университета, в том числе путём его активного участия в тайных антироссийских обществах. После раскрытия университетского подполья потенциальных инсургентов официальными властями (дело «филоматов-филаретов»), князь Адам Чарторыйский был вынужден — в 1823 году — уйти в отставку с поста попечителя Виленского учебного округа.

*«В это время попечителем виленского учебного округа был назначен кн. Адам Чарторыйский, ректором виленского университета — князь Стройновский, а визитатором училищ губернии киевской, волынской и подольской — Фаддей Чацкий. В 1804 г. Чацкий в первый раз посетил киевское главное народное училище и внёс в книгу акт своего посещения на польском языке. Чацкий высказывает в своей визите неудовольствие, что учителя не знают по польски, что в библиотеке училища нет польских книг, а только русския, — замечания, бывшая началом нового, антиисторического направления в жизни старейшего киевского учебного заведения, направления, продолжавшегося до перехода гимназии в ведение харьковского учебного округа. Чацкий по отношению к вопросу о народном образовании в юго-западном крае стоял на точке зрения исключительно польской. Все мероприятия его, как визитатора училища, клонились к ополячиванию края путём школьного образования. Во время его правления русские учителя подвергались преследованию. Русский язык рассматривался наравне с языками иностранными».*²⁶

Часть вторая. Уманское василианское училище

В разгар кампании по подавлению православия, достигшей пика своего в середине восемнадцатого века, Умань была превращена в региональный центр униатства усилиями Франтишека Салезия Потоцкого, отца будущего создателя Софиевского парка. По его предложению и при его финансовой поддержке работа по окатоличиванию населения была поставлена с присутствием магнату размахом — с 1762 года, в течение двух последующих лет, в городе работали курсы по подготовке новых «тружеников культа» и переквалификации православных священников для нужд униатских храмов. Кадровую подготовку вёл епископ Белзский и Холмский, Михаил Рыло; результатом её стал выпуск полутора сотен священников для службы в униатских церквях Уманщины.

*«От своих родителей я слышал прение, что полтора года тому назад уволенный от службы униатский епископ Рыло прибыл на жительство в г. Умань к Потоцкому, с которым был знаком и ранее. Сей последний из сострадания к нему, назначил ему для жительства за городом, урочище в лесу, называемое Поливарня, получившее название от глины, пригодной для делания поливной посуды. Водворившись тут, Рыло завёл при помощи Потоцкого фруктовый сад и вёл уединённую жизнь. Его любила знать польская и собиралась к нему изредка для получения назидания. В одно время при таком собрании, будучи в восторженном состоянии, пропел им сентиментальный польский романс. Потоцкий, будучи доволен песнью, подарил ему пожизненно село Цибермановку и Помойник, сказав насмешливо: „бабрайся там до смерти“».*²⁷

Через два года в Умани, вновь стараниями Потоцкого, был открыт василианский (униатский) монастырь, а в 1766 году — школа на четырёхста учеников при нём (это период время городской истории отмечен архитектурными памятниками — зданием василианского монастыря и городской ратуши). Магнат подарил василианам также городскую площадь, с церковью, школой

и кельей для обитателей монастыря в ней; передал также двести тысяч злотых — половину на учреждение и устройство монастыря, остальные — для дальнейшего прироста процентов на капитал.

В июне 1768 года, в так называемую Уманскую резню, когда украинские повстанцы вырезали всё польское и еврейское население города, погибли и ученики василианского училища. Священники Уманщины, прежде прошедшие переподготовку на семинарах Михаила Рыло, были возвращены повстанцами в православие, перекрещены.

*«Максим Железняк основал свою резиденцию в уманском замке. Он отправил предписание ко всем священникам в Уманщине, чтобы они отправлялись к переяславскому епископу отречься от церкви Божией (т.е. от унии) и принести присягу на благочестие (т.е. православие). Он объявил им, что если хотят сохранить жизнь и приходы, то должны запастись в Переяславле благословением епископа, его уставною грамотою и антимином. Одни по собственной охоте, другие по принуждению последовали уже этому приказанию и даже те, которые не имели ни малейшего желания переходить в благочестие, боясь за свою жизнь, уехали уже в Переяславль рукополагаться у заграничного епископа».*²⁸

После погрома 1768 года василианский монастырь и школа при нём восстанавливались вместе с восстановлением города. В монастырь неоднократно приезжал Станислав Щенсный Потоцкий; известно, что в 1783 году он присутствовал на экзамене по схоластической философии. Позже монастырь посетили генерал-фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин, маршалок Великого княжества Литовского Игнатий Потоцкий, гетман Феликс Браницкий.

В архиве бывшей Четвёртой киевской гимназии (создана в 1892 году для преимущественно детей польских семей, в ней учились поэт и певец Александр Вертинский, писатель-философ Ярослав Ивашкевич) сохранилась переписка должностных лиц и учреждений с Уманским василианским училищем в 1811—1812 и 1822—1826 годах; она попала в архив гимназии вместе с библиотекой училища.

*«...Визитатор училища граф Плятер, бывши в Умани в марте 1811 года, командировал учителя Доминика Рудницкого для ревизии парафиальной школы в м. Лысянке (ныне Звенигородского уезда). После осмотра Рудницкий сообщил, что школа помещается в 2-х комнатах, отведённых для неё в местном Францисканском кляшторе и что владелица м. Лысянка Моржковская предоставила в распоряжение учителя экономическую усадьбу, сторожа и отпустила отопление. Школа была устроена для мальчиков и делилась на три класса. Предметами преподавания были Закон Божий, арифметика, география, польский, латинский, немецкий и французский яз. и чистописание; всех учащихся было 40 человек; учителей два — Людвиг Васько, обучавший немецкому и французскому яз., и бывший ученик V класса каневского базилианского училища Иосиф Богданович, обучавший прочим предметам».*²⁶

Система начального образования, действовавшая на Правобережной Украине первые десятилетия девятнадцатого века, имела давние традиции, опыт, с чётко поставленным контролем за качеством обучения и наличием в нём патриотического (польского) духа. От учителя, бывшего одновременно и воспитателем, и администратором, требовались не только знания читаемых дисциплин, но и наличие у него документов, удостоверяющих его профессионализм и верность заданному направлению идеологии, а также соблюдение им всех организационных норм функционирования школы. В случае с учителем Васько из местечка Лысянка такими нормативными нарушениями стали отсутствие у него установленной формы свидетельства на разрешение преподавания и совершённое им несанкционированное преобразование двухклассной школы в трёхклассную.

«Граф Плятер поручил префекту Уманского училища объявить Ваську, чтобы сообразовался с Высочайше учреждёнными правилами о парафиальных школах, в противном случае „ему запрещённым будет должность общаго просвещения и, напротив, ежели исполнит волю правительства, останется на том же месте и будет иметь право до награждений, кои правительство заслугам посвящает“. В то же самое время гр. Плятер поручил префекту Уманского училища иметь постоянный надзор над Лысянской школой, а 1 мая 1816 года последовало распоряжение, чтобы префект Уманского училища доставлял визитатору к 1 июня каждого года отчёт о парафиальных школах.

В том же 1811 г. 6 июня директор Киевской гимназии уведомил префекта Свеницкого, что Виленский университет утвердил его проект распределения парафиальных школ и частных пансионов под ведение поветовых училищ: парафиальные школы ежегодно два раза в год, 20 июня и 20 января, должны были представлять по установленной форме отчёты поветовым училищам, а эти последние представили отчёты дирекции о всех подведомственных им школах. Школы распределялись так: Киевскому училищу были подчинены парафиальные школы в Киеве, а также Ржищевская, Фастовская, Васильевская и Белоцерковская; Каневскому — Смелянская и частный пансион в м. Смеле; Уманскому — Лысянская и Тетиевская школа, а также частный пансион в Звенигородке; Махновскому — Белиловская, Жорницкая и Иллинецкая; Радомысльскому — Чернобыльская, Коростышевская, Брусилловская, Ходорковская и Топоровская. Вместе с этим Мышковский препроводил Свеницкому экземпляр правил о частных пансионах, содержанием которых были преимущественно иностранцы: в Звенигородке француз Louis de Petit, в Киеве — отставной капитан Cotragnion и в м. Христиновке — Germain.

...Позднейшая переписка, относящаяся к 1824 г., сохранила несколько сведений о том, что гр. Плятеру удалось таки обеспечить некоторые парафиальные училища фондами.

Между тем на запрос директора Киевской гимназии Петрова начальнику Уманского училища о доставлении сведений о фондах, числящихся за парафиальными школами, последовал такой ответ: „В м. Лысянке Звенигородского повета, имени наследников Моржковского, председателя польского главного суда, имеется парафиальная школа, содержащая о.о. францисканами, о которой префект Уманского училища ксендз Трациан Макулинский 24 февраля 1821 г. донёс комиссии эдукационной в Кременец, что некий благодетель учредил фонду, пожертвовавши о.о. францисканам 200 золотых

для ежегодной выдачи жалованья учителю; о.о. францисканцы присоединили в этом пожертвовании дом с двух комнатах для классного помещения и для квартиры учителя».²⁶

Указом императора Александра I от 5 ноября 1809 года Главное народное училище в Киеве было преобразовано в Первую киевскую гимназию. (Первоначально гимназия размещалась в Кловском дворце и только в 1847 году для неё начали сооружать специальное здание по проекту Александра Баретти. По завершении строительства вновь выстроенное здание распоряжением Николая I было на время передано Владимирскому Киевскому кадетскому корпусу, для которого возводилось своё здание, но строительство затянулось. И только в 1857 году Первая киевская гимназия въехала в собственное здание на углу Университетского бульвара и Владимирской улицы.)

Особым уставом 1811 года Первая гимназия была отнесена к высшим учебным заведениям, что в последующие годы, после основания в Киеве университета, дало гимназистам определенные преимущества при поступлении в университет. Ранее, в 1810 году, гимназии решением Правительствующего Сената были подчинены все уездные училища, в том числе уманское.

«Заведование поветовыми училищами Киевской губернии лежало — согласно Высочайшему указу Сената от 2 октября 1810 г. — на обязанности директора Киевской гимназии; а потому, по сохранившейся переписке за время 1811–1812 г., можно судить до некоторой степени о вопросах, возникающих в жизни поветовых школ. Так, директор Киевской гимназии Мышковский, заботясь о снабжении библиотеки Уманского училища, выслал одновременно в училище след. книги: 1) Словарь мифологии Алоиза Осинского, 2) №№XXIV — XXVI «Периодического издания о движении просвещения в крае», 3) 11 экз. сочинения Смита «О политической экономии», в переводе Зноско (ц. 85 к.), 4) 5 экз. периодич. Издания «Улей» (2 р. ас. за экз.), 5) Журнал Фридриха II (ц. 1 р.), 6) Курс общей истории в 3 томах, соч. проф. Педаг. Института Забловского (8 р. ас.) и 7) «О прививках оспы». Соч. Бекло».

...В 1811 г. разослана копия распоряжения М. Нр. Пр. о том, чтобы никто, не имеющий звания профессора, не именовал бы себя таковым, под страхом строгого наказания.

...12 февраля 1811 г. Мышковский уведомляет, что Высочайше повелено употреблять во всех учебных заведениях бумагу, изготовленную в России.

...27 февр. 1811 г. гр. Плятер от имени гр. Чацкого выражает благодарность учителям Уманского училища за успешные занятия учеников.

...1 мая 1811 г. Мышковский предлагает строгое наблюдение, чтобы, согласно распоряжению Министра Н. П., воспитатели юношества не подвергали учащихся телесному наказанию.

3 января 1812 г. гр. Плятер предлагает, чтобы префект Уманского училища имел особенное наблюдение за произнесением проповедей учащимися и чтобы при этом не ограничивались темами, присланными университетом в количестве 20 проповедей, а чтобы совет училища задавал и свои темы. Проповеди эти, предварительно произнесённые их учащимися, прослушивались префектом.

12 февраля 1812 г. гр. Чацкий, посетивший училище, выражает благодарность префекту и преподавателю математики ксендзу Грациану Макулин-

скому за блестящее состояние училища и успехи учащихся по всем предметам, а в особенности по математике.

...4 декабря 1812 г. Мышковский предлагает учителям поветовых училищ составлять учебные записки по отечественной истории, топографии, статистике, минералогии, ботанике, зоологии, домоводству, технологии, метеорологии и физике».²⁶

В 1830 году Уманское уездное василианское училище продолжало находиться под надзором директора Киевской гимназии, администрация рассматривала предложение о постепенной русификации школы. Так, согласно с проектом Левена, служащим из Умани рекомендовали пригласить русских преподавателей из Харькова (ректор Скибовский ознакомил учащихся с этим документом — этим всё и закончилось). В апреле 1831 года за участие в восстании был арестован один монах, фамилию которого установить не удалось. Ректора вызвали в Петербург, с требованием дать объяснение по поводу участия старших учеников в повстанческом движении. Осенью 1831 года помещение бывшего василианского монастыря использовалось как тюрьма для удержания в ней лиц, подозревавшихся в участии в польском восстании. Чуть позже оно было навсегда закрыто.

Часть третья. Значимые выпускники Уманского василианского училища

В школе при Уманском василианском монастыре в начале девятнадцатого века училось немало молодых людей, впоследствии оставивших след — более или менее значимый — в истории польской, русской, украинской.

Здесь учились такие известные представители «украинской школы» в литературе как Юзеф Богдан Залеский, Северин Гоцинский, Михаил Грабовский. Эта тройка учеников стала инициаторами создания при монастырской школе литературного кружка, названного по начальным буквам фамилий учредителей «За-Ю-Гра», ими было начато издание собственного журнала. По завершении школы жизненные пути тройки друзей некоторое время соприкасались, чтобы потом уже навсегда разойтись.

Юзеф Богдан Залеский. Польский поэт польско-украинской литературной школы родился 14 февраля 1802 года в селе Богатырка Киевской губернии; был он тринадцатым ребёнком в семье обедневшего шляхтича и матери-украинки. Годы начального детства слабогрудый ребёнок провёл в хате местного селянина, которому он был отдан родителями «для поправки здоровья». Поступив в уманскую василианскую школу, Юзеф не доучился в ней, прервал обучение и уехал (вместе с Северином Гоцинским) в 1820 году в Варшаву. Там он поступил в местный университет, и успешно закончив его, начал свою литературную карьеру.

В польской столице Юзеф Залеский познакомился с Фредериком Шопеном, здесь его поэзия стала

популярной среди читателей и критиков, здесь сформировалось его мировоззрение, проявились организаторские способности в реализации литературного проекта — так называемой «украинской школы». Все представители этой школы родились на украинских землях уже после перехода их в состав России и Австрии, все они были украинцами по месту рождения, произведения свои писали на украинском и польском языках. Юзеф Богдан Залеский был самым выразительным представителем этого литературного союза.

С началом польского восстания 1830 года Залеский активно в нём участвовал; был избран депутатом сейма от Таращанского уезда Киевской губернии, редактировал повстанческие издания «Курьер Польски» и «Нова Польска»; как солдат полка генерала Шембека участвовал в битвах при Сохачево и Грохове. После поражения восстания Юзеф Залеский уехал во Львов, где был встречен местными польскими патриотами как национальный герой; позже перебрался в Париж, где продолжилась его дружба с Фредериком Шопеном. Известно, что в ноябре 1846 года Фредерик Шопен был свидетелем при заключении брака своей ученицы с Юзефом Залеским.

Поэзия Залеского является украинской не только по содержанию, но и по духовной сути. Он прекрасно знал русскую и украинскую литературу, был лично знаком с Николаем Васильевичем Гоголем, прекрасно владел русским языком, писал на нём. Именно Залеский ввёл в польскую романтическую поэзию тему Украины, её истории, природы и народного творчества. Он познакомил Шопена с украинским фольклором, что дало возможность композитору воссоздать в музыке украинский дух и колорит (песни «Думка», «Две смерти», «Меланхолия»). Умер Юзеф Залеский в 1886 году, во французском городке Вильпрё.

Северин Гоцинский. Писатель и поэт польского романтизма, родился 4 ноября 1801 года в городе Ильинцы (ныне город Винницкой области). Учиться начал в Винницкой гимназии, а после переезда семьи в Умань продолжил образование в местном василианском училище; здесь он написал свою знаменитую поэму «Каменский замок». В 1820 году, не завершив учёбу, вместе с Юзефом Залеским уехал в Варшаву, где некоторое время сотрудничал с местными газетами. Пытался, по примеру Байрона, отправиться на поддержку греческих повстанцев, но на столь ответственное предприятие не оказалось нужных денежных средств.

До 1828 года Гоцинский скитался по Украине, жил некоторое время у друга Михаила Грабовского, иногда просил приют и помощь у других польских помещиков. В 1830 году поэт-скиталец взялся за оружие, участвовал в польском восстании; был в числе тех восемнадцати смельчаков, которые ворвались в Бельведерский дворец в Варшаве с намерением убить великого князя Константина Павловича.

В 1831 году, в краткую пору успеха восстания, Гоцинский был адъютантом у военного министра (и литератора) Франтишека Моравского. В это время он написал немало стихов революционного содержания. После капитуля-

ции Варшавы с остатками польских войск Гоцинский перешёл через границу с австрийской Галицией, в которой и поселился на некоторое время. Жил он в этом крае полуполюгально, совмещая литературные занятия с конспирацией; в этом полуотшельничестве написал поэму из народной жизни «Собутка». Обстоятельства вынудили Северина Гоцинского в 1838 году покинуть Галицийский край и эмигрировать во Францию. Здесь он печатался в польской эмигрантской периодике, жил впроголодь; здесь пережил франко-прусскую войну, все ужасы осады Парижа. О бедственном положении Гоцинского узнали его львовские родственники и забрали его к себе, обеспечив писателю и поэту польского романтизма скромную, но спокойную старость. Умер Северин Гоцинский 25 февраля 1876 года; похоронен во Львове, на Лычаковском кладбище.

Михаил Грабовский. Выдающийся польский критик польско-украинской литературной школы родился в 1804 году на Волыни. Его отец, офицер российской армии, выйдя в отставку, поселился в Чигиринском уезде, в имении Александровка. Окончив уманское василианское училище, Михаил Грабовский отправился в Варшаву, где сблизился с кружком романтиков. В 1830 году отказался перейти на сторону восставших соотечественников и уехал в своё имение на Украине.

В 1834 году Михаил Грабовский напечатал статью о народной поэзии, имевшую большой успех в литературной среде, сделавшую автора признанным и весомым критиком. Вершину его славы обозначил напечатанный в 1838 году двухтомник «Литература и критика», посвящённый поэзии девятнадцатого века, украинским песням и новой французской литературе. Во второй половине тридцатых годов Грабовский сменил ориентацию критических выступлений, примкнув к консервативному писательскому лагерю, объявившему войну скептицизму восемнадцатого века и считавшему аристократию обязательным элементом общественной жизни.

Польское общество было не в восторге от украинских симпатий Грабовского, как, кстати, и от всех представителей «украинской школы», с чуждым коренным полякам местным («застенковым») патриотизмом. Против этого литературного направления выступил, в частности, сам мэтр польской поэзии Адам Мицкевич. После такого массивного давления соотечественников популярность Грабовского, особенно среди молодёжи, упала, его активность как критика с этого времени заметно снизилась.

Живя в Киеве, всё больше сближаясь с украинскими литературными и политическими деятелями, Михаил Грабовский проникся славянофильскими идеями о великом всеславянском значении «матери городов русских» и утвердился в убеждении, что «украинский люд», сохранивший в чистоте исконные племенные особенности и самобытность, представляет собой отдельную ветвь русского народа. Пытался он организовать издание в Киеве (на польском языке) газеты «Славянин», представил даже подробную программу будущего издания киевскому генерал-губернатору. В польской среде

сама идея выпуска панславянской газеты газета вызвала негодование, и от Грабовского отшатнулись его прежние друзья-поляки.

Писал Грабовский и беллетристические сочинения, в которых заметно сюжетное и стилистическое влияние на писателя произведений Вальтера Скотта. Как идеолог славянского романтизма, в трудах своих он выписывал картины нравов и обычаев Украины, взаимоотношений казаков и поляков, панов и «хлопов» в конце восемнадцатого века (был он убеждён, что все обвинения польских панов в угнетении украинского народа сильно преувеличены, что в действительности польские помещики дали Украине высокую культуру и обеспечили благосостояние её народу). Позже Грабовский сблизился с Пантелеймоном Кулишем, на которого оказал сильное влияние. Кулиш не раз гостил у нового друга в его имении Александровке; признавал он впоследствии Александровские «труды и дни» важной вехой своей писательской жизни.

В 1857 году Михаил Грабовский обосновался в Киеве, построил дом на Андреевском спуске, развёл вокруг него большой сад. В 1862 году, получив место директора «Комиссии народного образования и вероисповеданий» Царства Польского, он переехал с семьёй в Варшаву, где и почил в бозе в 1863 году.

Его семья — вдова Паулина, пять дочерей и три сына вернулись в Киев и совместно владели оставшимся имуществом. Дом на Андреевском спуске перешел к старшему сыну Антону, выпускнику Кадетского корпуса, скоро проигравшемуся в карты и окончившему свои дни в доме умалишенных. Последним владельцем киевской усадьбы был младший сын писателя — адвокат Люциан Грабовский.

Виктор Иванович Григорович. Видный филолог, историк, славист родился 30 апреля 1815 года в городе Балта Подольской губернии в семье украинского чиновника. По завершении обучения в уманском василианском училище поступил в Харьковский университет, после него — изучал классическую филологию и философию в Дерптском университете.

В 1839 Григорович занял открывшуюся кафедру истории и литературы славянских наречий в Казанском университете, где преподавал греческий язык, читал лекции по славянской литературе, писал научные труды. В 1842 году ему была присуждена магистерская степень за сочинение «Опыт изложения литературы славян в её главнейших эпохах». С 1844 года Григорович три года путешествовал с научными целями по балканским владениям Османской империи; знакомился с рукописными источниками южнославянских монастырских хранилищ, изучал на местах живые языки и диалекты, быт (в том числе и религиозный), историю и фольклор южнославянских народов. В Стамбуле молодой учёный посетил библиотеку Иерусалимского Патриархата, работал с книжными и архивными собраниями на Афоне, кратко описав наиболее интересные литературно-исторические находки. Продолжив научное путешествие, он познакомился с множеством книжных собраний в Фессалониках,

Битоле, Охриде. В библиотеке Рильского монастыря, работая с рукописями, Григорович обратил особое внимание на сборник Владислава Грамматика выпуска пятнадцатого века; в Пловдиве собрал сведения о павликианах; в Софии и Пловдиве знакомился с работой местных болгарских училищ. Весной 1846 года Виктор Иванович Григорович приехал в Вену, летом того же года совершил поездку в Венецию, Далмацию и Черногорию, на обратном пути посетил Загреб, Прагу. В июле 1847 года вернулся в Казань.

Умер Виктор Иванович Григорович 19 декабря 1876 года в Елизаветграде Херсонской губернии, там он был и похоронен.

Сильвестр Венжик Гроза. Польский писатель, родился 7 января 1793 года в местечке Межибоже, что на Подолии. В василианском училище Умани учился с 1802 по 1809 год; далее продолжил учёбу в Виннице; с 1819 года работал юристом в Каменец-Подольском. Как публицист и писатель, описывавший на польском языке жизнь украинского народа, Сильвестр Гроза впервые проявил себя в 1843 году публикацией повести «Банкротство». В 1848 году увидела свет его новая повесть «Пан Сцибор в Островце», интересная, прежде всего, тем, что автор коснулся темы, которую, всякий по-своему, разрабатывали многие польские писатели той поры.

Фабула повести следующая. В течение тридцати лет, на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, на Подолье (уже входившем, после третьего раздела Польши, в состав России) существовало Миньковецкое государство — со своими деньгами, экономикой и конституцией. Граф Игнатий Мархоцкий, получив в 1788 году в наследство имение Миньковцы, после семи лет жизни в нём занялся масштабными революционными преобразованиями. Перво-наперво, собрав на центральной площади Миньковцов всё дееспособное население своих владений, он изложил сходке суть своей программы, огласил устав создаваемого «государства», положения о благородном праве, о выборах магистрата, о суде.

Граф предоставил своим подданным право самим решать все «государственные вопросы», для чего разделил власть на законодательную, исполнительную и судебную. Барщина была упразднена, а крестьяне, став арендаторами с правом наследования, обязывались платить «патриарху» (таким титулом определил себя Мархоцкий) один карбованец четыре копейки за сто квадратных сажень земли. Принятые законы Мархоцкий отпечатал в собственной типографии и разослал по соседним поместьям. На охраняемой границе своего «государства» он приказал установить столбы с надписью «Граница панства Миньковецкого от панства русского». Поступавшие в государственную казну доходы шли на строительство суконной, бумажной, экипажной фабрик, кожевенного, кирпично-черепичного заводов, на организацию производств по выпуску спирта и подсолнечного масла, на оснащение типографии, аптеки, бесплатной больницы с квалифицированными врачами и приюта для сирот. Была в этом «государстве» своя пенитенциарная служба, для которой Мархоцкий купил в Херсонской губернии шестнадцать тысяч гектаров земли, и устроил на ней поселение для ссылки наказуемых (назвал его по имени жены — Руффиполис).

Не сложились у Мархоцкого отношения с церковными властями — как православными, так и католическими. Не отказывал он себе в удовольствии проповедовать с церковного амвона перед подданными, с энтузиазмом устраивал языческие праздники (в честь древнеримской богини плодородия Цереры — по случаю завершения уборки урожая). Одевался Мархоцкий, как истый патриций, в римскую тогу, его не раз сажали за решётку, но крестьяне всем миром просили — и успешно — за него. Конфликты Мархоцкого с местными властями и духовенством завершились в 1817 году после общения местной знаменитости с самим Александром I, к которому эксцентричный помещик сумел подобраться во время посещения последним Каменец-Подольского. Выслушав внимательно просителя, царь повелел оставить в покое «чудака».

После смерти графа Игнатия Мархоцкого в 1827 году, «государство» ненадолго унаследовал его сын, Кароль — после его участия в Польском восстании 1830 года все владения Мархоцких поступили в казну, а сам Кароль был сослан в Сибирь.

Александр Кароль Гроза. Польский поэт и драматург, родился 30 июня 1807 года в селе Закриничье, на Винничине, в богатой дворянской семье; младший брат Сильвестра Венжика Гроза. Получив первичное образование (с 1817 года по 1820 год) в Уманском василианском училище, он далее образовывался на медицинском факультете Виленского университета, затем — в Дерптском университете. Первый литературный опыт Александра Кароля Гроза датирован 1831 годом — начинающий литератор печатался в вильнюсском литературном ежегоднике. В 1836 году он опубликовал свой наиболее известный роман «Староста Каневский», повествующий о похождениях Николая Потоцкого. В сороковых годах писатель жил на Украине, в унаследованном селе, занимался литературной работой. В 1850 году он переехал в Бердичев, затем — в Житомир, где посвятил себя выпуску дешёвых учебных и литературных изданий для бедных и другой благотворительной деятельности.

Иосиф Петрович Жабокритский. Русский генерал, участник Крымской войны, из дворян Киевской губернии, родился в 1793 году, воспитывался в Уманском василианском училище. На военную службу был определён 14 августа 1812 года — в состав Украинского казачьего полка. Жабокритский участвовал в заграничном походе русской армии, в котором получил первый офицерский чин корнета; бился в генеральном сражении с французами под Лейпцигом, в битвах под Реймсом и Парижем.

Во время Польского восстания 1830 года Жабокритский находился в составе действующей армии, сражался с повстанцами под Прагой, на Гроховских высотах. В сражении при реке Мухавец в течение целого дня отбивался от превосходящих сил неприятеля, под конец был захвачен в плен. После освобождения из плена ему за отличие был присвоен чин подполковника.

В 1838 году Жабокритский получил чин полковника и был назначен командиром Украинского егерского полка, которым командовал десять лет.

За долгую и верную службу в декабре 1847 года был он пожалован в генерал-майоры. В 1849 году участвовал в походе русской армии в придунайские княжества для подавления Венгерского мятежа. В Крымскую войну полковник Жабокритский командовал пехотной дивизией, защищал Севастополь и за боевые отличия был произведён в генерал-лейтенанты. По завершении боевых действий он более года служил начальником штаба войск, охранявших Азовское побережье, далее — до конца дней своих — командовал пехотной дивизией. Умер Иосиф Петрович Жабокритский в 1866 году.

Франциск-Генрих Духинский. Польский историк и этнограф, родился в 1816 году в семье обедневших польских дворян Правобережной Украины. Обучение проходил поначалу в Бердичевской школе кармелитов, затем — в Уманском василианском училище. В 1834 году Духинский сдал экзамены и получил право быть «частным учителем», после чего более двенадцати лет учил детей польских аристократов; некоторое время совмещал практическую педагогику с обучением в Киевском университете.

В 1846 году Духинский тайно — кораблём из Одессы — перебрался во Францию, где полностью раскрылся как убеждённый апологет и теоретик польского «панславянства» и «мессианизма», идейными вдохновителями которых стали — после неудачного использования «украинского фактора» в восстании 1831 года — поэт Адам Мицкевич и генерал Людвиг Мерославский. В Париже Духинский сблизился с «некоронованным королём польской эмиграции» Адамом Чарторыйским, вошёл в состав так называемого кружка «украинских сотрудников» князя (кроме него туда входили писатель Михаил Чайковский и отец Ипполит — Владимир Терлецкий).

Взгляды Духинского основывались на расовой философии, согласно которой все человечество делится на две группы: арийцы (индоевропейцы) и туранцы, к коим относятся прочие народы. Арийцам присущи все положительные качества, они — земледельцы и индивидуалисты, туранцы же — кочевники и коммунисты, и сверх того, они — вместилище всего негативного. Согласно теории Духинского, конфликт Польши и России носит расовый характер. («Москали не являются ни славянами, ни христианами в духе настоящих славян и других индоевропейских христиан. Они остаются кочевниками до сих пор и останутся ими навсегда».) Польша, утверждал Духинский, олицетворяет арийский мир, а Москва — туранский; москали ближе к китайцам, чем к украинцам; Москва присвоила имя «Россия» незаконно, настоящей Русью является не Москва, а Украина. «Русь (то есть Украина) — это сильнейшая и доблестная Польша, и польское восстание не будет успешным, если не начнётся на Руси». По теории Духинского, между арийцами и туранцами идёт непрерывающаяся борьба, и весь арийский цивилизованный мир, передовым отрядом которого является Польша, должен объединиться в борьбе против оплота туранства — России. Естественной границей туранцев автор эпатажной теории назначил Днепр, Двину и реки Финляндии.

В годы Крымской войны Духинский работал на гражданских должностях в составе британских войск в Турции и в Крыму. С завершением боевых действий он вернулся в Париж, где его русофобские взгляды были востребованы антироссийской политикой Наполеона III. Это были звёздные часы Духинского, его пропагандистские труды были популярны, в это время он преподавал в польских учебных заведениях Парижа, читал лекции.

После падения Второй империи и смены политического курса Франции в сторону России Духинский перебрался в Швейцарию; там в окрестностях Цюриха возглавил польский музей. Незадолго до смерти, подводя итоги своей жизни, он выделил её главную цель: *«Я прожил на моей дорогой родине аж до побега 1846 года как убежденный патриот и ловкий шпион в лагере страшнейшего врага... моего народа, а этим народом одинаково для меня дороги был и русин (то есть украинец), и поляк, ибо жил жизнью обоих, что было мне легко, как и каждому на Руси, кто живет стихией туземцев и считает главной целью прогнать москаля!»*

Умер Духинский в 1893 году, похоронен во Франции, в Монморанси.

Иосиф Игнатъевич Мянковский. Клиницист, ректор Варшавской Главной школы, профессор. Родился в 1804 году, учился в Уманском василианском училище. Был он — с 1824 года — адъюнктом клиники и заведовал кафедрой физиологии в Виленском университете, вплоть до его закрытия, после чего перевёлся в Петербург. Из столицы Иосиф Мянковский за казённый кошт уехал за границу, на стажировку. По возвращении получил назначение ординарным профессором физиологии Виленской академии, а в 1842 году вновь был переведён в Санкт-Петербург, в медико-хирургическую академию. Здесь он, помимо основной работы, читал также лекции по женским и детским болезням, заведовал акушерской и детской клиниками. В 1843 году Мянковский стал директором Александро-Мариинского приюта.

В биографии профессора Мянковского есть эпизод, связанный с загадочной смертью императора Николая I, последовавшей 20 февраля 1855 года. Смерть эту современники — возможно, небеспричинно — рассматривали как самоубийство, вызванное психическим самоистязанием царя после поражения России в Крымской войне. Ходили слухи, что простудившийся (по собственному желанию) царь упросил лейб-медика Мандта дать ему яд; слух об этом до критической отметки возбудил толпу, после чего, спасаясь от её самосуда, Мандт бежал за границу.

Подтверждали версию о принятии императором яда и специфические трупные пятна на лице усопшего. Для их устранения государь-наследник Александр срочно вызвал профессоров Медико-хирургической академии, Эдеканера и Иосифа Мянковского, приказав им убрать следы отравления, что и было врачами исполнено — обильным ретушированием.

В 1863 году Мянковского назначили ректором Варшавской Главной школы и в этом качестве он пребывал до преобразования школы в университет.

Во время январского — 1863 года — восстания Иосиф Мянковский защищал своих студентов от репрессий царской власти, сознательно занижая степень их участия в повстанческом движении. После смерти Мянковского в 1878 году благодарные воспитанники школы в память о ректоре создали «Кассу помощи, работающим в области науки имени Иосифа Мянковского», ставшей крупнейшей польской организацией по поддержке научных исследований и научных издательств. Существует эта касса в Польше и в наши дни, называющаяся «Фондом содействия развитию науки».

Часть четвёртая. К истории частных пансионов в Умани

Первый женский пансион в Умани пыталась открыть (и, судя по всему, успешно) вдова Иоанна Затц, обратившаяся в 1811 году — за обязательным дозволением на частную педагогику — к директору Киевской гимназии, которому (в том же году) были предоставлены свыше все полномочия по организации и контролю деятельности учебных заведений на территории Киевской губернии. *«Директор отнёсся вполне благосклонно к просьбе г-жи Затц, прекрасно понимая, что «в таком заведении в той местности является надобность».* В дальнейшем он предоставляет устроить это дело префекту уманского училища. Главное, по его мнению — чтобы подобные заведения отвечали желаниям родителей и воле правительства».²⁹

В первой четверти девятнадцатого столетия иностранные пансионы получили широкое распространение на Украине. Уже в самом начале столетия три первых пансиона были открыты в Киеве, по разрешению Комитета общественного призрения: «иностранцем» Иваном Корецким в 1801 году; оставшимся французским капитаном Карлом Компаньоном в 1802 году; вдовой секретаря Каролиной Штуц в 1803 году. Известно также о существовании женского пансиона в Нежине, открытом — через полтора десятка лет после открытия киевских пансионов — некоей французской девицей Елизаветой Руссет. Ещё через десять лет неким Вильетти был открыт мужской трёхклассный пансион в местечке Златополье Чигиринского уезда.

Если говорить о всей России, то на начало девятнадцатого века степень распространённости в государстве частных пансионов, содержавшихся иностранцами, была столь велика, что на них особое внимание обратило Министерство народного просвещения. (Два столетия прошло со времени издания нижеприводимой записки главы Министерства, внучатого племянника последнего украинского гетмана, но кажется, что она только-только написана и касается нынешнего скорбного состояния дела воспитания подрастающего поколения — по сути, безрезультатного — на территориях, две сотни лет назад входивших в состав Российской империи.)

«В мае 1811 года Министр Просвещения Г. Алексей Разумовский издаёт Высочайше одобренную „записку о предложениях касательно частных пансионов“, в которой выражает скорбь свою по поводу того, что „в Отечестве нашем далеко простёрло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое.

Дворянство, подпора Государства, возрастает нередко под надзором людей, одною собственною корыстью занятых, презирающих всё иностранное, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний. Следуя дворянству и другие состояния готовят медленную пагубу обществу воспитанием детей своих в руках иностранцев“. Далее Министр выражает ещё большее недовольство по адресу иностранцев-воспитателей. „Все почти пансионеры в Империи содержатся иностранцами, которые весьма редко бывают с качествами, для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиянина образуют иностранца“. Но оказывается, что и это ещё не всё. „И для преподавания наук они избирают иностранцев же, что усугубляет вред, воспитанием их разливаемый, и скорыми шагами приближаются к истреблению духа народного“».²⁶

Указав на отрицательные результаты иноземного воспитания, Министр объявил о мерах к прекращению выявленного зла, в числе которых: при открытии нового пансиона удостоверяться не только в степени учёности его содержателя, но и в его «доброй нравственности»; обязательно знание владельцем пансиона русского языка; преподавание в пансионатах вести только на русском языке; «...во всём следовать правилам, для пансионеров существующим, о строгом наблюдении коих подтвердить местным училищным начальствам».²⁶

Наиболее «материальным» пунктом новых министерских требований к содержателям пансионатов, было введение для них налога в пользу Министерства народного просвещения, взимаемого ежегодно в размере пяти процентов от платы, получаемых ими от пансионеров. «Сумма сия, по накоплении ея, обращена будет на учреждение особых училищ, в коих, без отягощения Государственной казны, будут воспитываться дети родителей, оказавших отечеству важные услуги, но лишённых средств к их воспитанию, равно и дети неимущих дворян».²⁶

К пункту этому через год было сделано дополнение, указывающее, что введение пятипроцентного налога может побудить содержателей пансионатов компенсировать его повышением платы за обучение; чтобы этого не происходило, контроль за ценообразованием на обучение возлагался на губернский университет, коему подчинялись, через уездные училища, частные пансионаты. (В Киевской губернии, где в эту пору ещё не было своего губернского университета, «университетский надзор» был поручен Первой киевской гимназии.) Был также возобновлён указ о том, что лица, занимающиеся частным обучением детей, должны пройти обязательные испытания на знания преподаваемых предметов в ближайших учебных заведениях до конца 1812 года.

«По истечении указанного в «предложении» срока, в конце июня того же 1812 года помощник уманского префекта о. Грациан Микулинский, в отношении своём Директору Киевской Гимназии извещает, что одни из занимающихся частным преподаванием действительно явились в училище, а другие не захотели, и потому просит инструкции, как поступить с теми и други-

ми. Между прочим, в числе неявившихся, упомянуты: еврей Кун, обучающий по-французски в Умани, и в Кристиновке — Germain, не хотевший сдать экзамена».²⁹

Ещё через год вышел очередной министерский циркуляр о введении обязательного преподавания в частных пансионатах Закона Божьего и принятия у пансионеров экзаменов по новому предмету. Трудно представить себе, как держатели пансионатов — лица, преимущественно католического, протестантского вероисповеданий — исполняли этот категорический пункт министерского приказа; думается, что никак, с последствиями или без последствий для своего частного «бизнеса». Известно, что в начале третьего десятилетия девятнадцатого столетия число частных пансионатов в Умани, административному давлению вопреки, выросло.

«...известно, что в промежуток между 1812 и 1821 г., после существования предполагаемого пансиона госпожи Thatz, в Умани был уже женский пансион некоего Дудкевича, переданный тем в январе 1822 года французскому уроженцу, бывшему воспитаннику Уманского поветового училища, Линсу, преподававшему в то время французский язык в поветовом уманском училище. В скором времени, вероятно, в 1824 году, в Умани открылся ещё один женский пансион — некоего Темери, с двумя другими иностранцами (вероятно, преподавателями в его пансионе) — Иваном Дута и Александром Арнодом. Что последнее предположение справедливо, может быть могло бы послужить подтверждением распоряжение Училищного Комитета Императ. Харькова. Университета, которому Киевский учебный округ подчинён был с 1818 года, об отобрании у этих двух иностранцев подписки в том, что они не принадлежат, не принадлежали и обязываются не принадлежать к ложе братьев Масонов или какому другому тайному обществу и никаких сношений с ними не будут иметь».²⁹

Значение частных пансионатов в Украине было в корне подорвано весной 1826 года (и вскоре сошло на нет), когда в Харьковский учебный округ пришёл роковой для них циркуляр от Министерства Народного Просвещения. В нём руководству учебного округа предписывалось самым точным и строгим образом исполнять сорок пятую статью Высочайше утверждённых правил Народного Просвещения, в которой сказано, что «местные начальства всеми образами должны одобрять заведение таких пансионатов, которых бы хозяева имели предметом токмо содержание и надзор за поведением юношества, получающего учебные наставления в училищах».

«Богово — Богу, кесарево — кесарю». Министерский циркуляр низвёл частные пансионаты на уровень чисто воспитательных учреждений, без права преподавания наук, которое с этой поры поручалось только государственным учебным заведениям. «Почитая меру сию единственным способом к распространению систематического образования в науках и полезного обучения юношества, тем более, что держатели частных учебных заведений, по большей части, не имеют к тому достаточных способов и вообще отступают от единообразия, желательного в преподавании наук по всему ведомству Министерства Народного Просвещения».²⁹

Абрис еврейской истории

Масштабное появление и укоренение еврейского народа на землях Украины (за исключением её галицийской части) было историческим процессом, синхронно совершившимся с колонизацией украинских территорий польскими магнатами, стремительно начавшейся в конце шестнадцатого века. В последующем, с переходом Левобережной Украины под скипетр Романовых в 1667 году, судьба её заселившего еврейства определялась исключительно монаршей волей, не всегда к пришлым подданным благосклонной; указом императрицы Елизаветы в 1742 году евреи были изгнаны (впрочем, ненадолго) из России.

Возвращаться они начали естественной и неудержимой инфильтрацией в российские владения сразу после елизаветинского «рассеяния». С воцарением же прагматичной Екатерины II процесс этот усилился, но не настолько, чтобы прибавить России ту численность еврейских граждан, который дал ей итоговый раздел Польши в 1794 году; тогда, вместе с территориями Правобережной Украины и Белоруссии с их коренным — украинским и белорусским — населением, в состав государства Российского вошли более полумиллиона лиц еврейской национальности. С этого времени начался новый период еврейской истории на землях России, определённый Солженицыным как «двести лет вместе».

В числе перешедших под скипетр Романовых городов, местечек и сёл Правобережья был и город Умань, в котором еврейское население вот уже более полутора столетий преобладало, за что город именовался современниками «еврейским» (как, впрочем, и большая часть небольших и средних размеров населённых пунктов Юго-Западного края).

Часть первая. Жизнь еврейской общины в Речи Посполитой

Более чем двухтысячелетнее сохранение еврейского народа в рассеянии вызывает изумление и уважение.

Александр Исаевич Солженицын

По завершении в 1795 году Третьего раздела Польши к России отошли вместе с белорусскими землями земли Правобережной Украины. Этот обширный край, исконные территории славян-русичей, долгое время (после татаро-монгольского нашествия 1240 года) находился в достаточно независимом положении в составе Великого княжества Литовского. После труднообъяснимого, алогичного слияния Литвы с Польшей, совершившегося в конце четырнадцатого века, скреплённого династическим браком литовского князя Ягелло с полькой королевой Ядвигой, украинские земли продолжали оставаться «под литвинами», но независимое развитие украинской

народности пресеклось центральной государственной властью и экономической экспансией польских земельных магнатов на восток.

С истощением литовской линии Ягеллонов в династии польских королей решением Люблинской унии 1569 года союз двух государств был оформлен как Речь Посполитая («народная республика») с полной гегемонией в нём Польши; украинские земли, прежде административно связанные с Литвой, вошли в состав польских коронных земель. Польская шляхта крупного калибра, переделав между собой новые территории, начала активно эксплуатировать их, привлекая для этой цели заполонившее край еврейское население. Свидетельствует еврейский историк Семён Маркович Дубнов:

«С той поры крупная польская шляхта стало усиленно эксплуатировать сельское хозяйство Украины. Огромные поместья со множеством деревень, населённых русскими крестьянами, находились здесь в руках богатых польских магнатов, пользовавшихся всеми правами феодальных владетелей. Крепостные мужики, или „хлопы“, были чужды своим господам и по религии и по народности. Православие было для католиков, особенно для духовенства, „хлопскою верою“; её старались искоренить путём насильственных церковных уний. На русских людей поляки смотрели как на низшую расу, стоявшую ближе к Азии, чем к Европе. При таких обстоятельствах, когда между феодалом и крепостным не было и смягчающих отношений родства по нации и религии, экономический гнёт становился нестерпимым. Кроме обыкновенной тяжёлой „панщины“, то есть даровой обработки панских земель, крестьяне были обременены множеством поборов и платежей: за пастбища, мельницы и т.п. Польские магнаты обыкновенно жили вдали от своих украинских владений, предоставляя заведование ими управляющим и арендаторам. Среди сельских арендаторов было много евреев, которых гнала из города в деревню ненависть мещанства. Они брали в аренду корчмы и продажу спиртных напитков („пропинация“), молочное хозяйство, мельницы, а иногда и сбор налогов с крестьян в пользу помещиков. Вместе с арендой к евреям переходила часть тех прав над крепостными, которые принадлежали панам-помещикам. Арендатор старался извлечь побольше доходов из панского имения, что было связано с эксплуатацией крестьянского труда. Презрение, с которым шляхта и католические ксендзы относились к „хлопской вере“, и попытки окатоличить православных посредством церковной унии придавали экономическому антагонизму яркую религиозную окраску. Угнетённое крестьянство отвечало на этот гнёт зловецким ропотом и аграрными волнениями в разных местах. Украинский мужик ненавидел польского пана как помещика, католика и ляха, но ещё больше ненавидел еврейского арендатора как панского управителя и чужака-„нехриста“. Еврей очутился таким образом между молотом и наковальней: между паном и холопом, между православным и католиком, между поляком и русским. Три класса, три религии и три национальности столкнулись на почве, таившей в своих недрах много вулканических сил, — и взрыв был неизбежен».³⁰

Первый сигнал о надвигающейся катастрофе еврейское население Украины получило в 1637 году, когда казацкий предводитель Павлюк поднял крестьян Полтавщины против панов и евреев, с особо тяжёлыми последствиями для последних. («Восставшие разрушили католические церкви синагоги в

городах Лубны и Лохвица, убили ксендзов и около 200 евреев».³⁰) Восстание было жестоко и скоро подавлено польскими властями, после чего права и вольности казаков были резко ограничены (таковыми стали считаться только попавшие в реестр пограничной армии, остальные объявлялись панскими «хлопами»).

*«Эти репрессии ещё более озлобили крестьян и казаков. В их сердцах горела жажда мести, местами направленная против евреев-арендаторов больше, чем против панов-помещиков, ибо пан жил далеко от своего имения, а его арендатор или управляющий имели непосредственное дело с крестьянами».*³⁰

Катастрофа разразилась весной 1648 года, когда казацкий сотник Богдан Хмельницкий (Хмель), взяв в союзники крымских татар, поднял восстание на Запорожье и на Украине — призвал *«родных украинцев к священной войне за веру православную и вольность казацкую, против польских панов и евреев»*. Её самая активная и наиболее ужасная фаза длилась первые полгода всенародного восстания, за это время восставшие вырезали католическое и еврейское население Переяслава, Пирятина, Немирова, Тульчина, Полонного, Константинова. *«Мятежники даровали жизнь только тем, которые принимали православную веру»*.

*«Пламя мятежа охватило всю Западную Украину, Волынь и Подолию. Отряды из казаков и русских крестьян, под предводительством буйных запорожцев, рассыпались по сёлам и городам и с остервенением истребляли поляков и евреев. Боясь оставаться в деревнях и местечках, большинство населения убежало в укрепленные города, но печальна была участь таких беглецов».*³⁰

Без разбора вероисповеданий грабили и насиловали население края союзные Хмельницкому крымские татары, убивая слабых и немощных, увозя полоном здоровый и крепкий живой товар для продажи на невольничьих рынках Константинополя (в том числе и евреев, которых богатые сородичи из турецкой диаспоры солидарно выкупали из неволи).

После Переяславской Рады, состоявшейся в начале 1654 года, вся Украина была объявлена автономией Московского государства, которое, в развитие достигнутого успеха, взялось завоёвывать земли Белоруссии и Литвы. В этом противостоянии местное еврейское население осталось лояльным польской власти, за что жестоко пострадало — *«...казаки избивали евреев, московские полководцы изгоняли их»*.

Следующий акт еврейской трагедии начался после ухода московско-казацкого войска из Польши осенью 1656 года, когда шведская армия во главе с королём Карлом X, имевшим династические претензии к родственному польскому королевскому дому, вторглась в Великую и Малую Польшу.

«Евреи не имели прямого интереса в измене родине, а только относились к шведам дружелюбно, поскольку те относились хорошо к ним. Шведы действительно были единственной из воюющих в Польше сил, которая не истребляла евреев, и поэтому еврейские общины во время шведской оккупации сохранили лояльность по отношению к новой власти, аккуратно уплачивая

*ей чрезвычайные военные налоги, которые она могла бы взять и путём реквизиции. Это ставилось евреям в вину с того момента, когда пробудившаяся в польском обществе патриотическая реакция выдвинула на сцену „освободителя“ Польши, свирепого генерала Стефана Чарнецкого... Вся накопившаяся злоба политически униженного народа вымещалась на беззащитном еврействе, стоявшем меж двух огней. Истреблялись целые общины под предлогом, что они сочувствовали или оказывали содействие шведам. За человеческое отношение шведов полагалась бесчеловечная месть поляков, месть варварская, не щадившая женщин и младенцев».*³⁰

Восемь лет длилась вакханалия насилия над еврейским народом, затихая временами по мере истощения сил основных враждующих сторон, как было после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 году. После ухода московского и шведского войск из коренной Польши Украина в 1667 году распалась на две части: польскую, на правом берегу Днепра, и российскую — на левом берегу.

Жизнь правобережного еврейства постепенно реставрировалась, возвращаясь к тем нормам, которые были для него установлены польской королевской властью в пору начавшегося переселения евреев в Польшу из стран Западной Европы. Восстановившаяся и разраставшаяся еврейская колония жила здесь обособленной жизнью государства в государстве, не смешиваясь с коренным населением, для которого она была элементом внегосударственным. Привлекаемые в страну её веротерпимостью, жили евреи в ней по своим законам, признаваемым верховной властью, которая с самого начала «созительства» в еврейскую жизнь не только не вмешивалась, но раз и навсегда переутвердила принципы её организации знаменитым «Калишским Статутом» (или «Еврейским Статутом») 1264 года короля Болеслава Набожного.

Привилегии, изначально дарованные евреям этим документом, впоследствии подтверждались всеми сменявшимися на троне польскими монархами, и по мере прирастания государства новыми землями распространяли своё действие и на них. (В последний раз «Еврейский Статут» как основу юридического существования евреев в составе Польши подтвердил в 1765 году её последний король — Станислав Август Понятовский.)

По «Еврейскому Статуту» еврей рассматривался властью как «сервус» (слуга, раб, служащий) «короны», то есть по существу самого короля. Евреи должны были платить в казну налоги, а король обязывался защищать и судить их — непосредственно или через уполномоченных на то лиц. Споры евреев между собой находились в юрисдикции еврейской общины, суд над евреями производился только в синагоге. Убийце еврея полагалась смертная казнь с конфискацией имущества. В части экономической деятельности евреям гарантировалась полная свобода торговли, возможность давать деньги займы, как под обязательства, так и под залог личного имущества.

«Еврейский Статут» обеспечивал значительную автономию еврейским общинам, называемым по-еврейски «кагалами». Только внутри кагалов евреи решали вопросы религиозные, юрисдикции в спорах соплеменников, вопросы общественные, организационные, распределения налогов внутри общины и её бюджета. Кагалы объединялись в территориальные общины, именуемые

«земствами», все вместе которые составляли так называемый «Еврейский Сейм в Короне», имевший две центральных институции — сейм и трибунал (действовавший как кассационный суд для всех «земских» судов и как высший суд для первого разбирательства особо важных случаев). В компетенцию Еврейского Сейма входили дела фискальные, экономические, административные, дела образования и воспитания. Сейм избирал из своей среды председателя, который носил титул «Маршал Коронных Евреев» и представлял евреев перед

королём и Сеймом польского государства. Таким образом, ко второй половине восемнадцатого века в канун начала дележа Польши в ней существовала чётко организованная еврейская община, реализовавшая в своей внутренней жизни извечную мечту евреев в рассеянии — быть «нацией без территории», жить и управляться по своим собственным законам, быть строго централизованным целым с чёткой иерархией внутри и резкой обособленностью от иноплеменников.³¹

Этот налаженный ритм и темп еврейской жизни в окраинной части Речи Посполитой — украинском правобережье — был основательно нарушен летом 1768 года вспышкой антипольского восстания, завершившегося массовой «Уманской резнёй» поляков и евреев.

«В апреле Железняк со своими запорожцами двинулся из местечка Жаботина в другие города Киевского района: Смелу, Черкассы, Корсунь, Богуслав, Тетиев и Лысянку. По пути он призывал православный народ к восстанию, и таким образом у него составилась целый полк из казаков, беглых крестьян и всякого сброда. Во всех названных городах и местечках эта армия гайдамаков резала поляков, особенно ксендзов и панов, и евреев. В Жаботине было убито 70 евреев; в других местечках было вырезано всё еврейское население. Убивали часто с теми же мучительствами, как во времена Хмельницкого. Охваченные паникой, евреи и поляки убежали из всех мест Киевщины, лежавших по пути гайдамацких банд, и многие тысячи их скопились в укрепленном городе Умань. Город до такой степени был переполнен беглецами, что вновь прибывшие не находили себе там места и располагались таборами в соседних лесах. Умань принадлежал киевскому воеводе Потоцкому и находился под управлением губернатора Младановича. В распоряжении Младановича был отряд надворной казацкой милиции, которым командовал сотник Гонта. Несмотря на то что Гонту ещё раньше подозревали в сочувствии гайдамакам, Младанович нашёл возможным отправить его с отрядом надворных казаков против приближавшегося к городу Железняку. Как и следовало ожидать, Гонта соединился с Железняком, и 18 июня 1768 г. оба вождя с войсками стояли перед воротами Умани. В течение первого дня город защищался. Поляки и евреи дружно работали на городской стене, стреляя в осаждавших из пушек и ружей. Но все поляки были проникнуты решимостью оборонять город; многие только думали о том, как бы им спасти свою жизнь. Сам губернатор Младанович вёл с гайдамаками мирные переговоры и успокаивался на их уверениях, что они панов не тронут, а расправятся только с евреями. Когда гайдамаки со

своими вождями, Гонтою и Железняком, ворвались в город, они действительно прежде всего бросились на евреев, метавшихся в ужасе по улицам: зверски убивали, топтали копытами лошадей, сбрасывали с крыши домов, детей поднимали на острия пик, женщин насиловали. Гонта ещё при этом глумился над еврейской общиной: он обещал прекратить резню, если кагал внесёт ему большой выкуп; но, когда старшины принесли ему в ратушу деньги и драгоценности, он дары принял, а старшин велел выкинуть через окно на растерзание толпе. Огромная масса евреев заперлась в большой синагоге. Когда гайдамаки приблизились к этому зданию, некоторые евреи, придя в ярость, бросились на их передние ряды с кинжалами и ножами и убили несколько человек. Вся же остальная масса вопила, моля Бога о пощаде. Чтобы скорее покончить с евреями, гайдамаки приставили к дверям синагоги пушку. Двери были взорваны; разбойники проникли в синагогу и превратили её в бойню. Сотни трупов плавали в лужах крови (5 Тамуза). Покончив с евреями, гайдамаки принялись за поляков; многих они перерезали в костёле; Младанович и все прочие паны были убиты. Улицы города были устланы трупами или изувеченными, недобитыми людьми. Около двадцати тысяч поляков и евреев погибло во время этой достопамятной „уманьской резни“».³⁰

Часть вторая. Евреи в России после раздела Польши

По восшествии на престол Екатерина II для оживления промышленности, торговли и земледелия, прежде всего, в южных губерниях всемерно стимулировала приезд в Россию энергичных, трудолюбивых колонистов, для чего именным указом от 22 июня 1763 года создала «Канцелярию Опекунства Иностраных» с Григорием Орловым во главе. Не беря во внимание существовавшие в государстве антиеврейские предрассудки, она несколько позже (в 1769 году) включила в число возможных колонистов и евреев.

Таким образом, русской императрицей был открыт доступ евреям в Россию, который прежде — императрицей Елизаветой, в 1742 году — был перекрыт, а осевшие в стране евреи были выселены. В 1772 году, преследуя, в том числе цель разрушить еврейскую самоизоляцию, Екатерина II уравнила в правах евреев и христиан, чего евреи в Польше, при всём своём автономизме, не имели. Далее в 1778 году на Белорусский край было распространено недавно принятое всеобщее постановление, по которому владельцы капитала до пятисот рублей включались в сословие мещан, а владельцы большего капитала становились купцами одной из трёх гильдий (в зависимости от своего состояния) и освобождались от поголовной подати с обязательством платить 1% от капитала, «объявленного по совести». Тем самым еврей-купцы в податном отношении становились независимыми от кагала и могли не обращаться к кагалным старшинам за разрешением на всякую отлучку — теперь они, на общих основаниях, имели дело с магистратом.

«Если вспомнить при этом, что в то время, и ещё много позже, до сороковых годов 19-го столетия, рижско-немецкое бюргерство, имевшее европейский облик, вело борьбу за недопущение евреев в Риге из-за разрешения

приезжающим на время евреям проживать только в одном заезжем дворе в Московском форштадте, то можно оценить, насколько Екатерина II по широте взглядов и гуманности опередила своё время.

И евреи того времени это поняли и оценили. В 1780 году, когда Екатерина посетила Шклов, они её приветствовали специально написанной одой на еврейском языке, с переводом на языки русский и немецкий. Заключительная строка этой оды гласит: „Ты дозволила нам проживать в своей стране в мире и безопасности, под сенью твоего благоволения и под охраной твоего скипетра, в согласии с природными жителями. Как и они, мы восхищаемся твоим величием, как и они, мы проникнуты бессмертием твоей славы, как и они, мы счастливы тем, что мы твои подданные“». ³²

В 1783 году был принят указ о выселении евреев из сёл в города „дабы отвлечь их от вековых занятий... аренды винокуренных заводов и шинков“. Однако после ряда визитов в Петербург, с жалобами, представителей белорусских кагалов, это решение было отменено (не был выполнен и ещё один, изданный в 1794 году указ императрицы о таком переселении, равно как и все последующие, другими императорами российскими издававшиеся).

В 1790 году вошли в противоречие деловые интересы московского купечества с интересами белорусских купцов-евреев, в результате чего первые отправили коллективную жалобу в Сенат, указав в ней, что «...иные прямо записываются в московское купечество и пользуются запрещёнными приёмами торговли, чем наносят ей весьма чувствительный вред и помешательство...а дешёвизна их товаров указывает, что они контрабандные...» ³⁷ Результатом такой инвективы был изданный в декабре 1791 года высочайший указ о «черте оседлости» — о «недозволении» евреям записываться в купечество во внутренних губерниях; в Москву же им разрешалось приезжать «лишь на известные сроки и по известным делам».

Ограничения «черты оседлости» не распространялось на евреев — купцов первой гильдии (то есть на наиболее состоятельных) и их приказчиков, на евреев, окончивших высшие учебные заведения, на дантистов, провизоров, фельдшеров, механиков, винокуров, пивоваров и, как было сказано в указе, «вообще мастеров и ремесленников».

Оценивая критически введение черты оседлости для еврейского населения России и прочие стеснения бытовой и общественной жизни, для них существовавшие, нельзя забывать о бесправном положении русского, украинского, белорусского крепостного крестьянства, составлявшего почти семьдесят процентов населения государства российского и также имевшего, мягко выражаясь, «значительные ограничения» в своих гражданских и политических правах. Оно, как и еврейское население, было стеснено в праве передвижения; неотчуждаемость наделов ограничивала их право свободно распоряжаться имуществом; не было свободы вероисповеданий для тех из них, кто был старообрядцем или принадлежал к другим религиозным толкам; крепостной крестьянин был поставлен вне судебной-правовой системы, был подсуден волостным судам и подпадал под их телесные наказания...

«И что ещё существенней: евреи в России от начала имели ту личную свободу, которой предстояло ещё 80 лет не иметь российским крестьянам».³³

После Второго раздела Польши в 1793 году, давшего, помимо прочего, России массовый прилив еврейского населения, на новых граждан государства было распространено вышеуказанное законодательство о евреях. Правительство, как и после Первого раздела Польши, не покусилось на еврейскую кагалную систему самоуправления, попытавшись только ограничить её функции. В одном из правительственных указов говорилось, что кагалы не должны заниматься ничем, кроме «обрядов, закона и богослужения», но фактически же внешние функции еврейских общин не изменились, и они — с согласия властей — продолжали заниматься сбором общегосударственных и городских налогов.

«Гневное царствование Павла I прошло для евреев благополучно... Все акты Павла I о евреях свидетельствуют, что государь относился к еврейскому населению с терпимостью и расположением; когда сталкивались интересы евреев и христиан, Павел отнюдь не брал христиан под свою защиту».
(Еврейская энциклопедия)

Император Александр I в 1802 году учредил «Комитет по благоустройству евреев», которому поручалось упорядочить и дать законодательное толкование всем непростым проблемам взаимодействия еврейского народа с системой государственного устройства России. После двух лет работы комитет в 1804 году предоставил государю «Положение об устройстве евреев», в котором в том числе была окончательно «выведена» черта еврейской оседлости, пересекавшая пятнадцать губерний, из них восемь — малороссийских.

Этим «Положением» для отдельных категорий еврейского населения (фабрикантов, купцов, ремесленников, художников) вводились так называемые государственные паспорта, дававшие их владельцам право на временное пребывание вне черты оседлости. «Положение» ограничивало участие евреев в городском самоуправлении, запрещало им проживание в деревнях. Не затронута была кагалная система внутреннего самоуправления, позволявшая старшинам кагала собирать подати с единоверцев, но право накладывать религиозные запреты и религиозные проклятия внутри общины («херемы») отменялись.

«Положение об устройстве евреев» от 1804 года предоставляло еврейским детям свободный доступ к образованию — «все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах» — и указывало на необходимость усвоения евреями «языка окружающей местности» и присвоения им фамильных имён.

Эта «образовательная» часть «Положения» не вызвала энтузиазма у кагалных старшин и раввинов, не допускавших самой мысли о возможности и позволительности для правоверного еврея получения светского образования. Существовавшие еврейские начальные школы и школы высшей ступени — ешиботы, готовившие раввинов и учёных талмудистов, по мнению высших еврейских авторитетов были вполне достаточны для образования еврейской

молодёжи. Посему на призыв русского правительства к светскому образованию еврейство ответило не только молчанием, но и пассивным сопротивлением; учиться в светские школы евреи долгое время не шли.

Начальными еврейскими школами были хедеры и школы талмуд-торы, в них учились только мальчики. Однако если талмуд-тора была общинным учреждением, бесплатным для детей бедных родителей, то хедер был част-

ной школой, и его учитель (меламед) получал плату от родителей учеников. Обучение проводилось, как правило, в одной из комнат квартиры учителя, число учеников не должно было превышать сорок человек, занятия проходили с раннего утра до семи-восьми часов вечера.

В младшей группе (дардике) обучение начиналось с трёхлетнего возраста, маленькие школьники обучались азбуке и чтению

еврейских текстов без перевода их. С пяти лет ученики приступали к изучению Пятикнижия и получали начальные сведения о Талмуде. Старшие, достигшие восьми лет, ученики более углублённо занимались Талмудом. Светские учебные дисциплины в хедере не изучались.

По окончании хедера юноша мог под руководством раввина или других образованных членов общины продолжить изучение Талмуда в синагоге или поступить в ешибот. Однако для большинства членов общины обучение ограничивалось хедером.³⁴

Часть третья. О военной службе евреев

Наисложнейшей из проблем взаимоотношения еврейского сообщества с государственной властью России была проблема отбывания «лицами иудейского вероисповедания» воинской повинности. Во времена пребывания своего под властью Речи Посполитой евреи к армейской службе не привлекались ни в мирное, ни в военное время, за что платили особый налог «короне». Став российскими подданными, евреи долгое время на армейскую службу не призывались и рекрутская повинность, обязательная для всех «податных» сословий России (мещан, ремесленников, купцов), для них (по-прежнему — как в Польше) заменялась специальным денежным сбором с кагалов.

Ситуация изменилась после 26 августа 1827 году, когда именным указом императора Николая I для евреев был введена обязательная воинская повинность — «повелеваем обратить евреев к отправлению рекрутской повинности в натуре». Ежегодный призыв на воинскую службу объявлялся только на один из четырёх округов, то есть каждые четыре года на один округ. Квота призыва для еврейских общин была установлена в десять рекрутов с одной тысячи мужчин ежегодно. От общин, кроме того, требовали расплачиваться штрафным числом рекрутов за податные недоимки, за членовредительство

и побег призывника (по два за каждого бежавшего). От призыва освобождались семьи раввинов, купцов трёх гильдий и старшин кагалов, освобождались также от рекрутчины цеховые мастера, механики на фабриках, земледельцы-колонисты и учащиеся казённых училищ на время их учёбы; все они выплачивали в казну «рекрутские деньги» — по тысяче рублей.

Проведение рекрутского набора был поручен общинам, которым правительство перед каждым набором назначало требуемое количество призывников, не интересуясь, кто именно пойдёт служить. Призывной возраст для евреев наступал с тринадцати лет (возраст совершеннолетия для мальчиков), но правильных метрик в те времена не было и, при необходимости, еврейская община могла отдать в рекруты и восьмилетнего подростка.

Кроме того, власти разрешили кагалам «отдавать в рекруты всякого еврея во всякое время за неисправность в податях, за бродяжничество и другие беспорядки», что нередко вело к злоупотреблениям. В такой ситуации богатый еврей, пожертвовав общине большие деньги, освобождал своего отрока от воинской службы за счёт призыва на неё мальчика из бедной семьи. Старшина кагала, при желании отомстить кому-либо из членов общины, мог отдать в рекруты его сына. Нередко вместо своего сына родители отдавали в армию его «заместителя», чьи услуги оплачивались по установленной таксе, что позволялось законом.

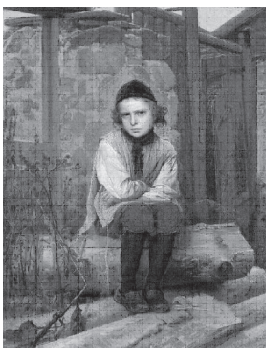
Руководители кагалов и ответственные за армейский набор лица были обязаны набирать заданное количество рекрутов, иначе таковыми становились они сами. Поэтому каждый кагал содержал своих сыщиков и стражников, которые устраивали ночные облавы на призывников или ловили в окрестностях города или местечка уклоняющихся от воинской службы соплеменников.

Набранных в армию совершеннолетних евреев определяли сразу же на военную, длительностью в двадцать пять лет, службу, а малолетних — возрастом от двенадцати до восемнадцати лет — направляли в батальоны или в школы кантонистов «для приготовления к военной службе» или определяли в сёла на постой, учениками ремесленников (годы пребывания в кантонистах в двадцатипятилетний срок армейской службы не засчитывались).

Первоначально, с 1805 года, в России кантонистами называли малолетних сыновей нижних чинов, которые составляли особое сословие будущих солдат и со дня своего рождения приписывались к военному ведомству, точно так, как дети крепостных крестьян с рождения своего принадлежали помещику. (Одна из школ кантонистов в пору военных поселений существовала недалеко от Умани, в селе Россошки.)

Начинали свою службу кантонисты в гарнизонах, где учились артиллерийскому делу, фортификации и прочим военным премудростям; менее способные кантонисты осваивали всевозможные ремёсла. По достижении пятнадцатилетнего возраста счастливо отмеченных природой ребят оставляли в школах ещё на три года совершенствовать знания, прочие отправлялись служить в войска.

Со временем в кантонисты стали отдавать подкидышей, малолетних бродяг, детей цыган, старообрядцев, сосланных польских повстанцев. В этих

заведениях для несовершеннолетних скапливались десятки тысяч детей со всей России, обречённых на выживание в обстановке суровых нравов, жестоких наказаний, силовых принуждений и издевательств сильных над беспомощными и бессильными. Еврейские мальчики, попадая в кантонисты, так же, как и их сверстники других национальностей, становились собственностью военного ведомства, превращались в сирот при живых родителях.

Формально рекрутский устав разрешал еврею исповедовать в армии свою веру, практически же ему это было трудно осуществить. В общем ежегодном проценте еврейских «призывников» военное ведомство предпочитало «забривать» преимущественно их малолетних представителей, полагая, что их легче склонить к перемене веры, к отказу от обычаев предков. Таких ребят вывозили из черты оседлости в российскую глубинку, где пресс «воспитательной работы» становился жёстче и беспощаднее.

Попавшие в армию в возрасте за восемнадцать лет еврейские юноши ещё могли отстоять себя и свою веру, детям же было практически невозможно сделать это, живя под дамокловым мечом непрерывных угроз и наказаний. Этим несчастных, отказавшихся от прародительской веры, в их семьях оплакивали как умерших, что иногда можно было наблюдать в «черте оседлости». Плач и рыдания, посыпание пеплом головы, стоны и причитания неслись из того еврейского двора, обитателей которого постигало такое несчастье.

Крестившиеся евреи сверх двадцати пяти рублей премиальных получали новые имена и фамилии (Петров, Иванов, Сидоров). Давали кантонистам и фамилии крестивших их священников или названия церковных приходов: Воскресенский, Преображенский, а также фамилии от еврейского корня (Руфкин, Иткин, Гершкин). Многие крещёные кантонисты оставались втайне верными своей религии, некоторые из них возвращались к ней после окончания воинской службы (если об этом узнавали власти, то «виновный» либо ссылался в монастырь «для исправления», либо отдавался под суд).

Законы о кантонистах до 1852 года не распространялись на губернии Царства Польского и на Бессарабию, куда бежали — от рекрутства своих детей — многие еврейские семьи из других губерний. Стремясь увеличить число кантонистов-евреев, власти разрешали солдатам-евреям жениться, после чего их сыновья автоматически приписывались к военному ведомству. С этой же целью с 1837 года дети евреев-ссыльнопереселенцев, а с 1847 года — и каторжан, зачислялись в кантонисты. В 1838 году евреям-мастеровым, сдавшим детей в кантонисты, было разрешено жить в столице.

После вступлению на престол императора Александра II в августе 1856 года институт кантонистов был отменён. Солдаты из евреев и кантонисты-евреи, возрастом до двадцати лет, были возвращены в семьи, а окрестившиеся — отданы под опеку новых единоверцев. Отслужившие полный срок солдаты из кантонистов, как и все «николаевские солдаты» и их потомки, получили пра-

во жить на всей территории Российской империи. Предположительно кантонистами за почти три десятилетия отслужило более пятидесяти тысяч евреев.

Часть четвёртая. О хасидах

После первой трети восемнадцатого столетия усилиями простого, но неординарного подольского еврея Баал Шем Тов (или сокращённо — Бешт) в восточно-европейском еврействе зародилось и развилось движение хасидов. Став, примерно к 1736 году, известным целителем и духовным вождём, он поселился в Межибоже, где наставлял в вопросах своего видения иудейской веры многочисленных учеников своих.

Бешт возродил в еврействе древнюю концепцию цадика, высшего — в силу его близости к Богу — человеческого существа, становящегося посредником между человеком и Богом. Кроме того, основатель хасидизма установил новую форму популярной молитвы, которую он обозначил как сверхестественный акт прорыва человека в божественный мир.

«Как человеку это удаётся? Он берёт молитвенник, концентрирует всё своё сознание на буквах. Он не читает, он желает. И когда он делает это, буквы теряют форму, расплываются и (это типично каббалистическая идея) божественная сущность, скрытая в буквах, становится духовно видимой. Это похоже на то, как если мы смотрим сквозь прозрачный объект. Бешт называл это „входить в буквы молитв“ или в „небесные залы“; человек знал, что он достоин, когда „входит в зал молитв“.

Бешт учил, что для того чтобы „войти, человек должен уничтожить свою личность, стать ничем. Тогда он создаёт вакуум, который заполняется некоей высшей сущностью, действующей и говорящей за него. Когда слова молитвенника сливаются в точку, совершается трансформация, человек прекращает свою человеческую деятельность, и тогда уже не человек шлёт вверх свои слова, а наоборот, они присылаются в его уста. Мы продолжаем говорить, но мысли поставляются духом“.

(Пол Джонсон, «История евреев»)

Последователь Бешта глава второго поколения хасидов Дов Баер, развивая идеи учителя, объяснял, что духовная энергия, которая обеспечивает это божественное преображение, хранится в буквах Великой книги — Торы; а поскольку Тора и Бог — суть единое целое, то успешная созерцательная молитва эту энергию освобождает.

В итоге религиозные церемонии хасидов стали довольно подвижным и шумным занятием для их участников. Отказавшись от традиционной синагоги, хасиды завели собственные молитвенные дома («штиблех»), где собирались в своих неприятельных одеждах и больших меховых шапках; при этом не отказывая себе в курении и выпивке; молились с громкими выкриками, раскачивались и хлопали в ладоши, пели свою молитвенную мелодию («нигун») и энергично танцевали под неё.

После Бешта возникли многочисленные группы хасидов, каждая со своим цадиком (или — ребе), круг которых образовывал своего рода еврейскую

аристократию. По смерти цадика ему наследовал его сын или зять (а со временем — и ближайшие его родственники или талантливые ученики).

Ортодоксальный иудаизм в начальную пору распространения хасидизма резко отрицательно относился к нему. Виленский гаон (духовный лидер евреев) в 1796 году издал херем (проклятие) на хасидов, запретив евреям вступать с ними в деловые отношения и в брак. После его смерти (в 1797 году) по Вильно поползли слухи, будто бы местные хасиды отметили это событие весёлыми танцами. Правоверные евреи виленского края отомстили нечестивцам своеобразно — оговорили местного цадика, отсылавшего деньги своим сторонникам на берегах Иордана (тогда находившегося под Турцией), в антироссийском сотрудничестве с турецким правительством.

Чтобы спасти своего духовного лидера, арестованного, закованного в кандалы и приговорённого к сметной казни, виленские хасиды дошли до столицы, добились вмешательства в дело императора Павла, который повелел освободить цадика из крепости. Тем самым верховная российская власть признала за хасидами право на открытое существование. С этой поры началось формальное разделение еврейских общин, увеличилось число новых хасидских синагог; и только со временем между ортодоксами и хасидами наступило примирение и принятие оппонента как неизбежную данность..

После кончины Дова Баера из Межибожа — духовного наследника основателя хасидизма — третью волну движения хасидов возглавили его ученики, в числе которых был Нахман из Брацлава, правнук первоучителя. Родился он в 1772 году, в местечке Межибоже; как рассказывают еврейские сказители, с детства проявил он себя даровитым, набожным и одновременно подвижным и резвым ребёнком. После женитьбы в возрасте четырнадцати лет Нахман переехал к тестю, живя у которого сформировал свои религиозные идеи и начал знакомить с ними своих последователей-единомышленников. Со временем, после смерти тестя он стал проповедовать в хасидской синагоге, чем очень прославился и в возрасте двадцати лет был избран местным еврейством своим учителем.

После такого духовного возвышения ребе Нахман, распродав своё движимое и недвижимое имущество, совершил длительное паломничество в Святую землю, по возвращении из которого поселился в Брацлаве. Это местечком стало объектом паломничества последователей брацлавского цадика, приезжавших к нему пообщаться духовно.

В 1802 году ребе Нахман побывал проездом в Умани, посетил еврейское кладбище, место захоронения жертв резни 1768 года, после чего завещал похоронить себя среди останков мучеников-сородичей. Последние годы жизни ребе были воистину трагическими. В 1806 году от туберкулёза умерли его два сына, вслед за ними скончалась его жена. После того как в пожаре 1810 года сгорел его брацлавский дом, ребе Нахман, уже больной туберкулёзом, переехал в Умань, где и окончил дни свои 18 октября 1810 года.

Незадолго до смерти он собрал учеников в ночь на Рош га-шана (еврейский новый год) и завещал им и всем последователям своим приходить к нему ежегодно на могилу именно в этот праздник. И ныне в городе Умани

— на месте старого, давно исчезнувшего с лица земли еврейского кладбища — ежегодно, в начале октября собираются со всего мира последователи брацлавского цадика и исполняют над реконструированной его могилой все предусмотренные нормами хасидизма ритуалы.

Часть пятая. Движение еврейского просветительства

Консолидации — после конфронтации — ортодоксов иудаизма и хасидов, помимо прочего, способствовало чуждое им просветительское движение в еврейском мире, возникшее в Германии во второй половине восемнадцатого века и именовавшееся «хаскала». Его идеолог, немецко-еврейский философ Мозес Мендельсон («немецкий Сократ») выступил за принятие еврейством духовных ценностей просвещения, за большую его интеграцию в европейское общество, за рост образования в области светских наук; в этом выдающийся еврейский мыслитель является действительно одной из ключевых фигур в истории своего народа.

Мозес (Моисей) Мендельсон родился в городе Дессау в 1729 году, в бедной еврейской семье. Получив традиционное еврейское образование, занялся изучением философии Маймонида — талмудиста, раввина, врача, разностороннего учёного второй половины тринадцатого века, кодификатора законов Торы, духовного руководителя религиозного еврейства как своего поколения, так и последующих веков (родился он, жил и работал некоторое время в Кордобе, затем путешествовал — Марокко, Святая Земля, Египет, где и умер).

Переехав в 1742 году в Берлин, Мендельсон получил там место учителя в семье крупного фабриканта-еврея, скоро стал бухгалтером его швейного производства, а затем — и совладельцем. Продолжая активно углублять свои знания, Мендельсон изучил немецкую литературу, латынь, естественные науки и философию; глубоко овладел теоретическими взглядами Лейбница, Вольфа, Локка, Гоббса, Спинозы и Руссо. К этой поре относятся его первые поэтические опыты на иврите, попытка издания первой газеты на этом языке, недолго просуществовавшей.

Знакомство Мендельсона с Лессингом объединило духовных единомышленников в преданности идеям Просвещения, оно положило начало их долгой дружбе и творческому сотрудничеству. В нём помимо общности интересов были и различия во взглядах. В отличие от Лессинга, считавшего, что евреи должны культурно ассимилироваться с окружающим этносом, Мендельсон не отказывался от своего еврейства, веря, что сумеет доказать своим примером *urbi et orbi* возможность участия еврейства в общечеловеческой культуре без утраты своей национально-культурной самобытности.

В 1769 году швейцарский христианский теолог Лафатер опубликовал открытое письмо к Мендельсону, в котором бросил ему вызов: опровергнуть

доказательства догматов христианства или же — в случае, если он будет не в состоянии это сделать — оставить иудаизм и перейти в христианство. Бесцеремонный поступок Лафатера поставил еврейского оппонента в тяжёлое положение, так как в Германии того времени было опасно критически затрагивать официальную религию, но Мендельсон, на время уклонившись от открытого диспута, позже в своём сочинении «Иерусалим» дал швейцарскому пастору изящный аллегорический ответ:

*«Вы торжественно и патетически предлагаете мне перейти в христианство, но должен ли я сделать этот шаг, не подумав раньше, действительно ли он меня выведет из состояния заблуждения, в котором я нахожусь? Если правда, что фундамент моего дома разрушается и грозит обвалу всему зданию, то разумно ли я сделаю, если перенесу своё добро из нижнего этажа дома в верхний? Разве я там более в безопасности? А ведь христианство, как вы знаете, есть надстройка над иудаизмом, которая в случае его падения по необходимости должна рухнуть с ним в одну кучу».*³⁰

Несомненно, образованный протестантский теолог прочитал между строк этого ответа и безусловные истины (увы, и сегодня не всем известные) о том, что Ветхий Завет (у евреев — Тора) есть единым духовным корнем иудаизма и христианства; что правоверное еврейство живёт ожиданием прихода своего Спасителя — Мессии, тогда как христиане убеждены, что Спаситель — Иисус Христос — засвидетельствовал свой приход первым своим неопитам-евреям, изложил им каноны христианской веры, дав имя своё новой (общечеловеческой, в отличие от узконационального иудаизма) религии; что для последователей Христа основы веры изложены в Новом Завете (в четырёх канонических Евангелиях), который вместе с Ветхим Заветом составляют священную книгу христиан всех толков — Библию; что у иудеев Тора получила развитие в дополняющих её Мишне и Гемаре, которые все вместе образуют священную еврейскую книгу — Талмуд... Лафатер, думается, всё это «вспомнил» и, как известно, перед оппонентом публично извинился.

Мендельсон не призывал евреев к религиозной ассимиляции. Сам он всегда оставался глубоко верующим евреем, вместе с тем открытым к текущим веяниям и достижениям цивилизации. Его берлинские последователи («мигнагдим») пошли гораздо дальше учителя в стремлении отказаться от еврейских традиций и религиозных предписаний; они полагали, что человечество может объединиться на основе деизма или «естественной религии». (Этим их в том числе усилиями была подготовлена почва для отхода от иудаизма представителей высших слоёв еврейства Западной и Центральной Европы.)

В восточной Европе, в Белоруссии и на Украине хаскала сузилась до возможности изучения простым евреем священных текстов, а также поэзии, научной и критической литературы, написанных на иврите. В числе школ, учреждённых сторонниками Мендельсона на Правобережной Украине, была открытая в 1822 году еврейская школа в Умани; в ней, кроме еврейского языка, изучали немецкий и французский языки, арифметику, историю и географию (позже, в 1826 году такая школа была открыта в Одессе).

В 1844 году император Николай I подписал указ «Об образовании еврейского юношества», подготовленный специальной Комиссией по организации образования евреев в России, в которую входили представители украинских евреев — бердичевский банкир Иосиф Гальперин, державший позицию иудеев-ортодоксов, и директор Одесского еврейского училища Базилиус Штерн, стоявший на позициях хаскалы. Этим указом были учреждены казённые еврейские училища двух разрядов, соответствовавшие приходским и уездным училищам. При Александре II казённые училища в 1873 году были реорганизованы в еврейские начальные школы с преподаванием иудаизма и общеобразовательных предметов, а раввинские училища — в учительские институты; были созданы также еврейские ремесленные училища. Утверждённый в 1864 году Устав гимназий и прогимназий не предусматривал никаких ограничений по признаку вероисповедания, благодаря чему число детей в этих учебных заведениях стало заметно расти.

После известного указа Александра I, открывшего (после 1804 года) евреям широкий доступ к образованию, свободное его получение ими существовало более восьми десятков лет, до 1888 года, когда были введены для них первые образовательные ограничения. Весь этот длительный период русское правительство всемерно содействовало привлечению евреев к общерусской культуре, стимулируя их образование в государственных учебных заведениях. Приобщение евреев к числу российских подданных, обучающихся в средних и высших учебных заведениях России, было стремительным и бесповоротным. Преимущества такого обучения и связанные с ним возможности в будущем были настолько очевидны и весомы, что, вопреки недовольству раввинов, значительная часть еврейской молодёжи устремилась в университеты Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, Одессы.

В середине восьмидесятых годов одна треть всех студентов Харьковского и Новороссийского (Одесского) университетов, обучавшихся на медицинском и юридическом факультетах, были евреи. Получив дипломы средних и высших учебных заведений России, евреи тем самым проникали в среду российской интеллигенции, прежде всего в так называемые свободные профессии врачей, журналистов, адвокатов, чем начали оказывать заметное влияние на культурную жизнь России. Русские законы, написанные в этот, так называемый ассимиляционный период, предоставляли евреям равные возможности в поступлении на государственную службу.

Ассимиляционная эйфория у российского правительства развеялась в начале восьмидесятых годов девятнадцатого столетия, после чего оно пошло по пути всевозможных ограничений для лиц иудейского вероисповедания в разных областях жизни, культурной и хозяйственной деятельности, в том числе в вопросе обучения в учебных заведениях — не только в государственных, но и в частных. Стало понятно властям, что университетский диплом еврея отнюдь не значит, что он твёрдо стал на путь «слияния с коренным населением», к чему так стремилось правительство. По своему «внутреннему облику» еврей оставался прежде всего евреем, несмотря на мундир государственного чиновника, отличное знание грамматики, русского языка и всех

тонкостей русского законодательства. В русскую культуру евреи — представители цельного, несокрушимого этноса, защищённого от проникновения в его среду иноплеменников верой и обычаями предков — вращались, но отнюдь с ней не сливались.

«Еврей, несмотря на окончание русского учебного заведения, на замену традиционного „лапсердака“ обыкновенной одеждой, на то, что срезал он „пейсы“, покинул замкнутый круг еврейской общины — „кагала“, перешагнул „черту оседлости“ и даже (иногда) переменил религию и получил все, без исключения права, наравне с остальным населением — он всё же оставался прежде всего евреем.

Со своей еврейской точки зрения он оценивал все события, прежде всего имея ввиду их полезность и выгоду для еврейства. Не только многомиллионного еврейства России, но и всего еврейства диаспоры.

Это не значит, что они не были лояльными гражданами России. Но им было чуждо и непонятно то чувство, которое свойственно и присуще тем, кто корнями своими уходил в далёкое прошлое своего народа и государства, созданного их предками — России.

У евреев же прошлое и будущее было связано не с Россией и русским народом, а с еврейством всего мира, с прошлым и его будущим.

Россия была только временный этап их тысячелетнего пребывания в изгнании, как когда-то была Римская империя, Испания, Западная Европа. Как не стали они римлянами, греками, испанцами, немцами — так не стали они и русскими, хотя и изучили русский язык, и сами стремились принимать живейшее участие в общественной и политической жизни России. Стремление это находило всемерную поддержку среди русских культурных людей, особенно передовой и либеральной интеллигенции.

И евреи приобщались к русской культурной жизни, как равноправные и даже желанные члены всевозможных обществ и профессиональных объединений и культурных начинаний. Но при этом они сохранили и свято оберегали то, что проф. Лурье называет „внутренним обликом еврея“, присущим только евреям, в какую эпоху и в какой бы стране они ни жили и на каком бы языке не говорили.

Этот „внутренний облик“, отличающий еврея от всех других народов, племён, рас, сами евреи не замечали или не хотели замечать, а тем менее о нём говорить и писать. А неевреи, принявшие евреев в свою среду, самую мысль о возможности обсуждения и наличия этого „внутреннего облика“ считали проявлением „юдофобства“ или „антисемитизма“».³⁶

Осознав неудачу своей ассимиляционной политики, русское правительство выработало новый подход к вопросу пребывания евреев на государственной службе, главным образом, в судебном ведомстве, куда стремились попасть евреи с юридическим образованием. С конца семидесятых годов их перестали назначать на должности, а евреев, уже занимающих должности, продолжали держать на них без всякой надежды на повышение. Это приводило евреев к разочарованию в государственной службе, и они сами, добровольно, «переместились» в открытую для них свободную профессию — адвокатуру. В другие области государственной службы евреи и не стремились (кроме евреев-врачей, число которых в военном ведомстве было весьма зна-

чительным, без всяких ограничений на принятие на службу и последующий карьерный рост).³⁷

В адвокатуре до 1889 года никаких ограничений для зачисления евреев в сословие присяжных поверенных не существовало, и число адвокатов-евреев стремительно росло. С ноября 1889 года для зачисления евреев в число присяжных поверенных требовалось, в каждом индивидуальном случае, разрешение министра юстиции, которое давалось просящим его евреям что называется «со скрипом».

Весь «ассимиляционный период» русское законодательство о самоуправлении, городском и земском, не знало ограничений для евреев. Однако в конце восьмидесятых годов, вскоре после введения процентной нормы, участие евреев в самоуправлении, земском и городском, было ограничено. Евреи перестали допускаться к участию в земских собраниях и избирательных съездах, что не относилось к многочисленным земским служащим по найму, в частности, к врачам. Участие в городском самоуправлении было ограничено известным процентом для гласных (не больше одной трети от общего числа гласных городской думы), на должность же городского головы евреи вообще не могли избираться.

Часть шестая. Еврейская жизнь в Умани

Одним из первых упомянул Умань русский краевед Павел Иванович Сумароков в своей книге «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году». Завершив основную часть путешествия, он успел — 6 августа — захватить в город и (не заметив возведение нового городского парка, будущей «Софиевки») составить об Умани самое беглое впечатление:

«Умань, очень хорошее местечко, принадлежит Графу Потоцкому, в котором по причине пространного и далее 150 вёрст простирающегося его владения установлен Уездной город. В нём к а м е н н о й г о с т и н н о й двор, Униятское для Шляхетного юношества училище, довольно число обывательских и его Графа Потоцкого хороших каменных строений, множество Жидов, всякие ремёсла отправляющих, и Умань конечно превосходит большую часть наших малых городов».

Существует известие о том, что во время южного путешествия Екатерины II, в 1787 году, наместник Новороссии князь Григорий Александрович Потёмкин организовал своему еврейскому другу и помощнику Джошуа Цейтлину (купцу и знатоку Талмуда, управляющему именными князя, обеспечивавшему снабжение русской армии в войне с Турцией) аудиенцию у императрицы неподалёку от Киева. Цейтлин и сопровождавшая его делегация из десяти шкловских евреев обратились к государыне с просьбой запретить именовать их в официальных документах обидным для них прозвищем «жид», а использовать «более возвышенное библейское слово — „евреи“» Екатерина благожелательно отнеслась к просьбе депутации и повелела в официальных документах

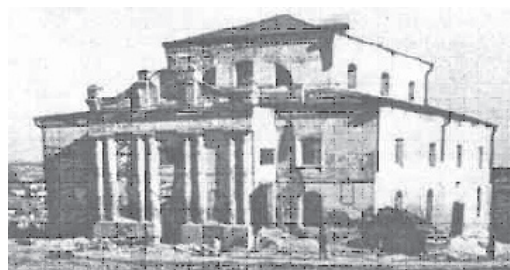
Российской империи именовать своих новых подданных только словом «евреи».¹²

Помянутое оскорбительное слово надолго осталось в бытовой лексике (увы, и сейчас бытует); в языке же художественной литературы его замена завершилась лишь к исходу девятнадцатого века. Из официального «оборота» обидное наименование еврейского этноса было устранено намного раньше, что, в частности, может подтвердить текст Викентия Похилевича, писанный в 1847 году:

*«После колишвицны Умань много упал. Число домов и жителей в нём значительно уменьшилось. В 1797 году, когда он поименован уездным городом, в нём было мужеска пола купцов христиан 6 и евреев 57, а мещан: христиан 130 и евреев 1324».*³⁸

Кровавый погром, совершившийся в начале лета 1768 года, приостановил на некоторое время темп еврейской жизни в Умани, но прервать её надолго не смог. Напряжение после подавления выступления гайдамаков ещё некоторое время оставалось в польской и еврейской среде. В простом народе ходили слухи о возмездии, которое якобы готовит для их шляхтичей и евреев сын Гонты; об этом пишет историк Михаил Грушевский:

«Правда в 1788-89 гг. распространились слухи, что на Украине готовится новая Колишвица „сыном Гонты“, и эти рассказы навели большой страх на шляхту; были учреждены судебные комиссии, арестовавшие и даже казнившие множество людей; но в конце концов эти слухи оказались ложными».

После 1768 года, в очередную годовщину Уманской резни, в первых числах июня в городской синагоге читалась специальная молитва, сочинённая в память трагических событий; молитва произносилась заунывным напевом, «подобно плачам Иереми», и в этот день уманские евреи соблюдали безусловный пост. Как сообщает «Киевская старина», эта — написанная на пергаменте — молитва ещё в начале девятнадцатого века хранилась в главной уманской синагоге; молитва была составлена на древне-еврейском языке из ряда рифмованных четверостиший, каждое из которых начиналось с одной из букв еврейского алфавита:

*«Господи, всемилосердный, Суций в небесах, Внимающий воплям скорбящих! Дай безмятежный покой и прими под сень Твоей обители души праведников и святых, сиявших подобно свету небесному. Эти души наших братьев израильтян, людей именитых, мужей благочестивых; души Божьего народа, священной уманской общины, павших от руки проклятых негодяев, велик и мал, стар и млад...»*³⁹

В конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков в Умани жил, трудился и образовывал свой народ Хаим Хайкиль Гурвиц (родился около

1750 года), лесоторговец, видный деятель еврейского просвещения. В течение многих лет он поддерживал дружеские отношения с караимским учёным Исааком, оказывал ему моральную поддержку в период обрушившихся на того гонений религиозных ортодоксов. (Караимы — древнейшая секта своего рода «староверов» в иудаизме, возникшая ещё во времена разделения фарисеев и саддукеев, признававшая только Тору и отвергавшая Талмуд, вместо раввинов у караимов религиозными наставниками служат меламеды. В рассматриваемую пору караимы были давними поселенцами Крыма и Литвы. Современник и друг Гурвица — Исаак бен Шелома Эль-Дур был видным философом, учёным, поэтом, ориенталистом, астрономом, врачом и меламедом у крымских караимов.)

Сам Хаим Гурвиц также неоднократно подвергался преследованиям со стороны уманских раввинов; после его смерти, последовавшей в 1822 году, в Умани, среди евреев ходила легенда о том, что его грешная душа блуждает по миру, не находя покоя.

В 1817 году его сын Хирш-Бер (Герман Бернанд) Гурвиц, издал в Бердичевской типографии — в вольном переводе на идиш — книгу немецкого писателя Иоахима Кампе «Открытие Америки». Книгу эту, завоевавшую широкую популярность среди евреев России, её переводчик и интерпретатор позже перевёл на древнееврейский язык. В год смерти отца он учредил в Умани первую в Российской империи общеобразовательную еврейскую школу, основанную на просветительских принципах Мендельсона. Из-за сопротивления местных религиозных ортодоксов это учебное заведение просуществовало только несколько лет. Попытка уманского врача-дантиста Бернарда Абрахамсона вновь открыть такую школу в 1835 году успеха не имела.

О Хирш-Бер Гурвице пишет князь Иван Михайлович Долгорукий в своей книге «Славны бубны за горами или моё путешествие никуда 1810 года»:

«Мы квартировали в Умани, в доме богатого Еврея, имеющего знатный торг во всей Киевской губернии, по имени Гуровича. Он имел сына 24 лет, с которым я проводил вечера в самой приятной беседе. Он никуда, кроме Лейпцига, не ездил, и нигде не был, воспитался дома, но, как видно, с большим тщанием: очень хорошо знает по Немецки, по Французски и по Русски, а ещё лучше на каждом из сих языков пишет, нежели говорит. Упражняясь с охотой и даже с жаром в Словесности, он перевёл на Еврейский язык Французское сочинение под именем: «La decouverte de l'Amerique». Образ мыслей его гораздо выше его сферы: он рассуждает о вещах здраво, понятия острога и в разговорах со мною о разных нравственных предметах удивил меня качеством своего сердца. Он сидит в лавке у своего отца, торгует, ездит за товаром иногда в Прусския области, и сетует только о разных глупых обычаях своей страны, от которой он отличается умом, поведением, благопристойностью и чистотой.

Вот каков был сын ... нашего хозяина. Он много читал, обогатил память свою разными историческими произведениями, и умеет в разговоре приложить познание своё к стати, никогда не забывается, всегда скромн, вежлив,

не уступчив, когда торгуется и счёта не теряет. Я редко видал под Еврейским саваном такого воспитанного человека. Жаль, что суеверие его ближних препятствует ему открыть себе дорогу к лучшему состоянию. Он горячо любит свой народ, жарко защищает его выгоды и, кажется, готов жизни лишиться, чтоб только возспособствовать благоденствию своей общины.

...Естьли ты поедешь, читатель, в Умань, смотри на торжество на туры в Софиевку, то заверни поговорить с Гуровичем, и верно им будешь доволен».¹⁴

Исторически еврейский квартал Умани сложился к югу от центра города, вдоль дороги, спускавшейся к мосту через реку Уманку. При высокой плотности застройки невзрачные, больше похожие на «мазанки» дома еврейской бедноты — без дворов и без оград — висели друг над другом вдоль узких кривых улочек, сходявшихся наверху к рыночной площади.

Центром еврейского квартала была городская хоральная синагога на Верхней еврейской улице. Большинство еврейских жителей были связаны с торговлей, держали лавки и магазины. В домах, выходящих окнами на рыночную площадь, передняя часть здания выполняла роль торгового помещения, задняя его часть служила хозяевам жильём. Зажиточную часть городского еврейства (или «балатим») составляли лавочники, торговцы зерном, мукой, скобяными товарами, держатели дровяных складов. Другим евреям прокормление давали духовные профессии раввина, кантора, проповедника. В городе было много портных-евреев, торговавших вразнос, походами по сёлам.

Базарным днём в Умани числился четверг; кроме того, ежегодно в городе проходили двенадцать ярмарок, самая значительная из которых — июньская — длилась две недели. На ярмарке собиралось много купцов — еврейских, русских, приезжали на торги и иноземные негодянты. Товары уманские купцы закупали в Киеве, Бердичеве, Одессе, куда «встречным курсом» переправляли из Умани партии пшеницы, других продуктов, скупаемых в имениях. В делах товарообменных существовали извечные проблемы, о которых пишет «Киевская старина»:

«По требованию Министерства Внутренних дел, осенью 1845 г. городничим, обще с исправниками и стряпчими Киевской губернии, киевским военным губернатором предписано наблюдать: а) дабы евреи, при расчётах с сельскими обывателями по торговле, или каким-либо обязательствам, не производили платежей с начислением на каждый рубль серебром по 50 коп. ассигнациями ложка, считая рубль серебром в 4 ассигн., а 25 коп. серебром в 1 рубль ассигн.; между тем как сами принимают монету не иначе как по установленному курсу, т.е. 1 р. серебр. за 3 р. 50 коп. ассигн.

б) Чтобы в городах и местечках не употреблялись в торговле незаконные весы и не допускались перекуты, коими преимущественно занимаются евреи, между тем как местная полиция не обращает на это должного внимания».⁴⁰

В начале столетия в соответствии с указом 1804 года еврейство Умани, как и всей страны, получало фамилии. Оставляя свои имена, многие евреи в качестве основы новой фамилии принимали название города (к примеру,

«Уманский»). Многие фамилии пошли от слов «коэн» (в древности — потомки первосвященника Аарона по мужской линии) и «леви» (помощники первосвященника). От «коэна» пошли фамилии Коган, Каган, Когос. От «леви» — Левин, Левитский, Левенберг. Другие фамилии отражали внешнюю характеристику человека: Шварцман («чёрный»), Гельман («жёлтый»), Клейман («маленький»), Гроссман («большой»). Ряд фамилий образовались от профессий их первых владельцев: Шнайдер («портной»), Векслер («меняла»), Гуральник («винокур»), Глезер («стекольщик»), Кушнир («меховщик»), Магдычанский («проповедник»), Меламед и Меламуд («учитель в хедере»), Рабинович («раввин»), Хазин («хазан, кантор в синагоге»), Шойхет («резник»), Шумахер, Шустер («сапожник»). Фамилии Табачник, Портной, Аптекарь, Винокур расшифровки не требуют.

Ещё в начале девятнадцатого века еврей-мужчины носили долгополые, до пят, халаты-кафтаны (что-то вроде национального еврейского костюма того времени). Николай I, любивший вообще порядок и форму, ввёл такую и для евреев — предписали и точно определили, какой длины должны быть их кафтаны. Кафтаны обрезались, так создавалась та форма одежды, которая до 1917 года называлась «лапсердак».

Жизнь в городе текла своим чередом с маленькими и большими радостями и бедами, с проблемами которые касались всего российского еврейства. Одной из таких проблем для жителей Уманщины (как и всей Киевской губернии) была попытка властей переселить евреев из сёл в города.

«Киевский военный губернатор, генерал-лейтенант, сенатор Княжнин 2-ой вошёл в Мин. Внутр. Дел с представлением о необходимости воспретить евреям дальнейшее пребывание в казённых и помещичьих сёлах и деревнях Киевской губернии, с водворением их в городах и местечках.

Государь император одобрил мысль Княжнина, повелеть изволил для восполнения задачи учредить в Киеве особый комитет из губернатора, губернского маршала, вице-губернатора, двух представителей главного суда и губернского прокурора.

19 июля 1830 года, из Богуславля Княжнин рапортует Его Императорскому величеству:

„...Имею счастье получить Именной Высочайший Вашего Императорского Величества указ в пятый день сего июля на моё имя состоявшийся, я в то же время предложил Киевскому гражданскому губернатору, в исполнение онаго, немедленно приступить к открытию под председательством его, комитета о переселении евреев из селений и деревень Киевской губернии в города и местечки. О сем долгом поставляю всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству“.

Комитету предложено собрать на местах, чрез полицию, точные о евреях сведения, составить план переселения, сообразно выраженным семьями желаниям, и, наконец, самое переселение осуществить.

Но серьёзно в деле помехою явились: вспыхнувший польский мятеж и появившаяся в крае холера, вследствие чего о приостановлении переселения ходатайствовал сам Княжнин».⁴¹

Возникали в городе и проблемы с использованием евреями в качестве прислуги лиц христианского вероисповедания, что запрещалось законом. Препятствием для включения евреев в государственную службу было их вероисповедание; принимались, по существующему закону, только православные или окрестившиеся евреи:

«16 августа 1828 года последовал указ правительствующего Сената на имя киевского военного губернатора, управляющего и гражданской частью, П. Ф. Желтухина 2-го, по поводу возбужденного витебским гражданским губернатором вопроса о дворовых людях доктора медицины, польского надворного советника, еврея Левина Шпир, имевшего королевскую грамоту на шляхетство.

По обнаружении того, что Шпир еврейского закона, приняты в соображение конституции 1496 и 1775 годов, и указы 11/XII 1800 г., 15/VII 1801 г., 20/II 1813 г.; 14/II и 27/III 1819 г. и 22/IV 1820 г., в силу коих евреям не только запрещено иметь в своём владении, или распоряжении крестьян или дворовых людей, но не дозволено держать в домах христиан для услуг.

По поводу оказавшихся у Шпира дворовых — незаконнорождённого мальчика и двух девок — приказано: девок вернуть помещику, предоставив Шпиру искать за них удовлетворения; мальчику же избрать род жизни, приписавшись к какому-либо податному обществу.

При сём случае объявлялось во всеобщее сведение, что евреи служить на гражданской государственной службе не могут.

Следствием указа явился рапорт киевского военного губернатора, коим доносилось правительствующему сенату (одновременно сообщалось и в министерство внутренних дел), что в губернии на государственной службе состоят двое евреев, не принявших христианства: 1) Герман Хайс — штаб-лекарь в Умани и 2) Бернард Розенберг — лекарь в Липовце».⁴²

В середине девятнадцатого столетия в Уманском уезде численно преобладали православные, за ними шли евреи и католики. К концу столетия на Уманщине стали заметны сектантские группировки раскольников и штундистов. В самой Умани численно первенствовала иудейская конфессия, далее шли православные и католики. «Были представители караимского вероисповедания, учение которых православная церковь и государство признавали самостоятельным и близким к раннему христианству равноправными гражданами, и это отличало их от евреев, которым запрещалось жить вне „черты оседлости“».³⁷

Во второй половине девятнадцатого века, в отличие от его первой половины, иудейское вероисповедание не столь сильно мешало его последователям добиваться деловых успехов, в том числе на ниве юриспруденции. Правда, для этого жаждущему успеха еврею следовало «выбиться» из черты оседлости, что для пассионарных представителей талантливого этноса не представляло большой сложности. Так, известный российский адвокат, Александр

Яковлевич Пассовер, родившийся в 1840 году в Умани, в еврейской семье потомственных врачей, был блестящим оратором, разносторонним эрудитом, славился выдающейся способностью к анализу самых сложных дел.

Умань в русско-турецкой войне 1806–1812 годов

Русско-турецкие отношения, несколько умягчившиеся в царствование непредсказуемого Павла I, после предательского умерщвления его «близкими соратниками» вернулись на круги своя — на позиции непримиримого противостояния. «Солнце Аустерлица», взошедшее для Наполеона летом 1805 года, сиянием своим вернуло турецкому султану Селиму III традиционное для правителей Высокой Порты франкофильство, втянуло его в орбиту наполеоновской политики; главенствующее положение в Константинополе получил французский посол генерал Себастиани.

Угнетение подвластных туркам балканских христиан вернулось с прежней беспощадной силой, на что сербский край ответил массовым восстанием. Такое развитие событий возбудило в императоре Александре I благородное стремление окончательно освободить балканских единоверцев от османского гнёта (имея при этом в намерении одновременно присоединить к России Молдавию и Валахию, а из остальных славянских земель Балканского полуострова организовать подконтрольный России союз).

Casus belli (формальным поводом к объявлению войны и началу военных действий) послужило закрытие Турцией по распоряжению Наполеона проливов для русских судов и смена ею — вопреки условиям Ясского мира — пророссийских господарей в Молдавии и Валахии. На протест России по поводу враждебных по отношению к ней действий Турция никак не отреагировала. Ответным решением Александра I стал его приказ, в октябре 1806 года, генералу Ивану Ивановичу Михельсону (усмирителю Пугачёва) силами подчинённой ему Дунайской армии, сконцентрированной у берегов Днестра, форсировать водный рубеж и войти в придунайские княжества (что и было исполнено главнокомандующим Дунайской армией 11 ноября 1806 года).

Захваченные врасплох турки сдали без боя Хотин и Бендеры. Поспешая воспользоваться растерянностью противника, генерал Михельсон двинул авангард генерала Михаила Андреевича Милорадовича на Бухарест, который был взят русскими войсками в середине декабря 1806 года, что стало весьма своевременным: башибузуки уже начали вырезать городское население.

Сам главнокомандующий, распараллеливший действия подчинённых войск, со второй частью их занял без боя Аккерман, Килию и Галац (крепости Измаил и Руцук его предложения о сдаче отвергли). В зимних боях 1806–1807 годов семидесятилетний Михельсон проявил себя отчаянным рубакой — ходил в атаку с саблей наголо, показав себя перед своей смертью, наступившей естественным образом в марте 1807 года, прежним лихим гусаром.

Вступивший во временное командование генерал Мейендорф взял на себя отвагу подписать подготовленное почившим предшественником так на-

зывается Слободзейское перемирие с Турцией, по которому русские войска обязывались в месячный срок покинуть придунайские княжества, возвратить остров Тенедос и пленённые турецкие корабли; турки же, удержав за собой крепости Измаил, Браилов и Журжу, обязывались не оккупировать княжества и прекратить военные действия в Сербии.

Император Александр I, недовольный не согласованным с ним решением временного главнокомандующего, от должности его отстранил и начавшуюся эвакуацию русских войск повелел остановить. Новым главнокомандующим Дунайской армии императорским рескриптом был назначен восьмидесятилетний генерал от инфантерии Александр Александрович Прозоровский, один из покорителей Крыма, не раз бивший «басурман». До этого назначения он уже более года исполнял обязанности начальника милиции Шестой области, созданной в рамках Земского войска для внутренней службы в связи с ожидавшимся нападением Наполеона.

С назначением на высокую должность генерал Прозоровский был произведён 30 августа 1807 года в фельдмаршалы и чину этому, по дороге на театр военных действий, присягнул в Умани, что позже подтвердил Иван Михайлович Долгорукий:

*«Церковь Российская бедна, но велика; иконостас в ней круглый на столбах и с куполом. Храм строен ещё во время польского владения Потоцким, а в нём стоят портреты его и женин. Священник стар, и 30 лет поёт тут своему господу. Он с большим тщеславием хвалился мне тем, что приводил в этой церкви к присяге князя Прозоровского в чин фельдмаршала».*¹⁴

Уже серьёзно больной — но бодрый духом! — престарелый фельдмаршал испросил себе в помощники Михаила Илларионовича Кутузова, тогда бывшего Киевским военным губернатором (его Прозоровский называл своим учеником и имел на то основания). Прибыв, после Умани, в расположение русских войск, генерал-фельдмаршал вступил в переговоры с верховным визирем о неукоснительном соблюдении противостоящими сторонами условий Слободзейского перемирия. Переговоры эти тянулись до конца лета 1808 года и прервались только из-за возбуждения в турецком лагере, вызванного насильственным смещением турецкой верхушкой своего султана (с естественным нежеланием нового турецкого правителя исполнять прежде согласованное перемирие).

При такой политической и военной неопределённости Александр I отдал фельдмаршалу приказ о наступлении, которое началось в июне 1808 года. К решительному успеху русское оружие оно не привело, попытка Прозоровского штурмом взять крепостные укрепления Браилова оказалась безрезультатной и со взаимно большими потерями. Военные неудачи окончательно подкосили фельдмаршала Прозоровского; истерзав душу свою переживаниями, 9 августа 1809 года он тихо, в полном сознании, отдал её Господу, сам себе читая отходную молитву. Согласно последней воле князя останки его были

захоронены в церкви Александра Невского Киево-Печерской лавры. В своём духовном завещании он записал, что «... те только памятники прочны, которые сооружает благодарное Отечество». Александр Александрович Прозоровский был женат на княгине Елене Михайловне Волконской, от которой имел двух дочерей. Со смертью фельдмаршала мужская линия князей Прозоровских угасла.⁴³

После генерал-фельдмаршала Прозоровского турецкая кампания шла с переменным успехом, со сменой командующих Дунайской армии (после Прозоровского — генерал-лейтенант князь Пётр Иванович Багратион, после него — генерал от инфантерии граф Николай Михайлович Каменский), пока во главе её, в марте 1811 года, не был поставлен генерал от инфантерии князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Держась, по его словам, «скромного поведения», он, сосредоточив немногочисленные силы на основном направлении, отразил (в июне) удар противника и отступил — переправился на левый берег Дуная, куда за ним переправилось и турецкое войско. В октябре небольшой русский корпус вернулся на левый берег, после чего оказавшиеся в окружении главные силы турок капитулировали и запросили мира, который после долгих и сложных переговоров был подписан в мае 1812 года в Бухаресте, и его наиважнейшим пунктом стал пункт о присоединении к России Бессарабии.

«Узнав о том, что турки 16(28) мая 1812 года подписали в Бухаресте мирный договор, Наполеон окончательно истощил запас французских ругательств. Он понять не мог, как удалось Кутузову склонить султана на такой неслыханно выгодный для русских мир в самый опасный для России момент, когда именно им, а не туркам, было совершенно необходимо спешить с окончанием войны».

Таков был первый по времени удар, который нанёс Наполеону Кутузов-дипломат почти за три с половиной месяца до того, как ему на Бородинском поле нанёс удар Кутузов-стратег».

(Евгений Викторович Тарле)

Знаменитый украинский писатель, зачинатель украинской литературы Иван Петрович Котляревский, прежде чем заслужить свои высокие литературные титулы прошёл немалый жизненный путь, одним из значимых отрезков которого был связан с участием коренного полтавчанина в турецкой кампании 1806 года, с его пребыванием в городе Умань.

Родился Котляревский в 1769 году, в семье чиновника из мелкопоместных дворян, соприкасавшейся своими родовыми корнями с гетманским старшинским родом. Воспитывался он в Полтавской семинарии, по окончании которой трудился канцеляристом, учительствовал у богатых помещиков.

К литературной деятельности Иван Петрович Котляревский приступил около 1794 года — засел за написание варианта «Энеиды», взяв за основу своего бурлеска одноименную поэму Вергилия и написанную на русском языке пародийную поэму Николая Осипова. Писательству

Котляревского не помешал его переход на военную службу, состоявшийся в апреле 1796 года с определением новоиспечённого кадета в Северский пехотный полк, квартировавший тогда в Полтаве. В 1798 году он был произведён в прапорщики (и в это же время получил из типографии первое издание своей «Энеиды» в трёх частях).

Служил писатель Котляревский исправно и, после перевода в 1806 году его полка в Умань в состав формировавшегося в городе Второго корпуса Дунайской армии, на руках у него был аттестат, в котором было записано: *«Исправлял свою должность и звание с отличною рачительностью и прилежанием... исполнял всякие возлагаемые на него препоручённости с тою расторопностью и точностью, которая означает во всех частях хорошего офицера, достойного внимания начальства к его способностям».*

Преданного службе офицера в Умани заметил командующий корпусом генерал от кавалерии барон Мейендорф; заметил — и назначил своим адъютантом, поручив ему, помимо прочего, ведение дневника боевых действий корпуса. Дневник этот — как «Записи И. П. Котляревского о первых действиях русских войск в турецкой войне 1806 года» — впервые был опубликован в 1901 году, в журнале «Киевская старина»; в нём — ясные и точные, по своему официальному характеру, записи очевидца успешных действий Дунайской армии в первые месяцы её наступления:

«1806 года ноябрь.»

15 числа командующий корпусом прибыл со своим штатом в Дубоссары, где предположено было главным начальником войск, что генералом от кавалерии и кавалером Михельсоном, по наведению чрез реку Днестр моста, переправиться войскам на молдавскую сторону, но по прибытии в Дубоссары не только моста наведенного не найдено, но даже и материалов к тому не заготовлено...

16-го. Бригадир Катарджи был послан в Бендеры к тамошнему паше Гассану о переговоре с ним для занятия российскими войсками крепости без кровопролития; в случае же сопротивления жители Бендер и военные люди будут приняты за неприятелей и поступлено с ними будет по праву войны.

21-го. Стародубский драгунский и Нашебургский мушкатерский полки переправлены на молдавскую сторону к Бендерам. Сего же числа командующим приказано строить лестницы по причине делаемых турками отклонений о сдаче крепости.

25-го. Генерал-майор Войнов назначен отправлять должность коменданта в крепости. Сего же числа послано к главнокомандующему донесение о занятии Бендер, с испрошением разрешения о посылке части войск для занятия Килии и Измаила.

28-го числа было праздновано благополучное разрешение от бремени Ея Величества государыни Императрицы рождением великой княжны Елизаветы, по случаю чего отправляемо было молебствие в Греческой церкви на Бендерском форштаде, а из крепости из 51-й турецкой пушки было выстрелено при пении многолетствия и все войска были в параде и производили огонь.

Декабрь.

2-го декабря. Получено донесение от господина генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, что соответственно повелению командующаго 2-м корпусом укрепление Паланка и крепость Аккерман с 6-ю батальонами пехоты заняты...

8-е декабря. Командующий корпусом, решившись итти с войсками к Измаилу, писал г. генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье отрядить из 13-й дивизии пять батальонов пехоты, один драгунский полк для замещения взятых из Бендер войск, а лейб-кирасирский Ея Величества назначить к занятию Кишинёва».⁴⁴

В боевом послужном списке Котляревского блестяще им исполненное поручение по нейтрализации союзников Турции, буджацких татар (издавна кочевавших по Буджацкой степи Причерноморья, издавна — вместе с крымскими татарами — терзавших украинский народ). В декабре 1806 года он выехал с риском для жизни на встречу с татарскими старшинами, объехал вместе с ними две сотни им подвластных деревень и после заключительных переговоров в Каушанах получил от них согласие служить России. В последовавшем рескрипте Александра I штабс-капитан Котляревский *«...в связи с похвальным исполнением возложенных на него поручений»* был пожалован орденом Святой Анны Третьей степени, который в то время давался за *«...гражданские и дипломатические заслуги перед Отечеством».*

В составе Второго корпуса штабс-капитан Котляревский воевал до выхода в отставку — осенью 1807 года — своего прямого начальника, генерала Мейендорфа, после чего перевёлся в Псковский драгунский полк. Прослужив в драгунах несколько месяцев, он вышел в отставку и поселился в любезной его сердцу Полтаве.

Еней був парубок моторний
І хлопець хоть куди козак,
Удавсь на всеє зле проворний,
Завзятіший од всіх бурлак.⁴⁵

К воинской службе Котляревский вернулся в грозном для России 1812 году, возглавив, уже в чине майора, им сформированный Пятый Полтавский казачий полк, за что получил (правда, только в 1817 году) *«монаршее благоволение».* После окончательного выхода в отставку до конца дней своих он жил в Полтаве: был директором местного театра, входил в состав полтавской масонской ложи «Любовь к истине»; содействовал выкупу Михаила Семёновича Щепкина из крепостничества, управлял местными богоугодными заведениями. Скончался Иван Петрович Котляревский в 1838 году.

Фёдор Николаевич Глинка

Вдумчиво и всесторонне, как истинный знаток романтического направления в садово-парковом искусстве, изучил Софиевский парк Фёдор Николаевич Глинка при его посещении летом 1806 года, и оценку эту изложил в своей книге «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг.»:

«Великий художник, совершавший сии исполинские предприятия, за все труды свои, кажется, желал одной награды. Чтобы зрители почитали собрание сих чудес творением самой природы, а не рук человеческих».

Популярный военный писатель эпохи наполеоновских войн, поэт, драматург, критик, один из руководителей раннего декабризма Фёдор Николаевич Глинка родился в 1786 году на Смоленщине в семье, принадлежавшей к обедневшему дворянскому роду польского происхождения. В возрасте девяти лет по примеру отца (отставного капитана и бывшего ординарца графа Румянцева-Задунайского) и старшего брата Сергея приступил он к военной карьере, став учеником Первого кадетского корпуса в Петербурге. По завершении курса военных наук был выпущен из корпуса в 1803 году прапорщиком в Апшеронский пехотный полк, располагавшийся под Ровно.

В 1805 году молодой офицер Глинка был назначен адъютантом к генералу Михаилу Андреевичу Милорадовичу, шефу полка и командиру отдель-

ной бригады; вместе с ним участвовал в первых походах русской армии против Наполеона — в сражениях при Амштетене, при Кремсе. В битве при Аустерлице 25 ноября 1805 года четвёртая колонна русских войск, которой командовал генерал Милорадович, на Праценских высотах приняла первый удар французов. *«Вскоре вся четвёртая колонна вступила в бой; воздух помрачился от пуль, кровь брызнула с обеих сторон, и земля задрожала от сильной пальбы бесчисленного множества огнестрельных орудий».*⁴⁶

Проблемы со здоровьем вынудили Фёдора Глинку прервать участие в заграничной военной кампании и отбыть в Россию. По дороге домой в венгерском местечке Артелек он осмотрел тамошние «чертоги природы» — знаменитые сталактитовые пещеры:

*«Тут видны целая и изломанная пирамиды и башни, удивительной высоты и огромности; тонкая Греческая колонны, достигающая до самых верхних сводов, и грубые Готические столпы, едва выказывающиеся из недр черной бездны. Подобия голов разных животных, обломки, имеющие виды различных зверей, изображения различных птиц, изломанные мечи, щиты, копья и прочие признаки трофеев сгромосжены были на вершинах скал. Сколь удивительна природа! На произведение всех сих чудес употребила она воду: вода есть мать редкостей сих».*⁴⁶

Заехал молодой любитель природных красот и в Умань, где полюбовался недавно открытым под городом парком «Софиевка»; наслаждался в нём скальными нагромождениями, будто античными богами — без вмешательства человеческих рук — разбросанными по речной долине; обходил вросшие в землю замшелые скалы, гроты из нависших валунов и тёмных расселин, из которых сочится вода; восхищался вкусом, создателя парка, графа Потоцкого, его заимствованиями лучших садово-парковых идей того времени:

*«Граф любил рассматривать книги с изображениями садов и различными украшениями оных. При всяком разе, когда находил, что они есть прекрасное: храм, беседку или мраморное изваяние, тот час подписывал под оным по Польски: do Sophiiewku, то есть, в Софиевский сад».*⁴⁶

Можно только позавидовать Фёдору Николаевичу Глинке, которому, как почётному гостю парка, был устроен грандиозный водный праздник, по нынешним временам невиданный. При подготовке к водной феерии был прекращён ток воды из верхних уровней прудовых каскадов, что дало возможность обезводить гранитное ложе Нижнего пруда, после чего были открыты шлюзы и затворы, и водный поток хлынул в него — через водопад, через прудовый фонтан:

*«Увидели мы довольно обширное озеро, но без воды; множество небольших разнородных островов стояли на суше. Между тем подан знак и вдруг эхо застонало от внезапного шума, разливагося по долине: целая река брызнула из заклепов и полилась с высоты 40 фут. Бурные воды раздроблялись о скалы, кипящая пена клубилась, и влага распространялась, в виде мелкого дождя, орошала нас, стоящих в нескольких сажнях. Вскоре в глазах наших — всё озеро наполнилось водою, острова взнесли верхи свои над нею, и скалы, и пещеры, и мраморные изваяния изобразились в прозрачной стихии, как в чистом стекле».*⁴⁶

Вернувшись в Россию, Глинка поселился в родовом имении Сутоки и занялся литературными трудами — за обработку своих многочисленных и систематических путевых заметок. Их первым результатом стало издание «Писем русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 годах».

Литературные занятия не помешали Фёдору Глинке, вместе со старшим братом Сергеем (разница в возрасте — десять лет), вступить в ряды созданного манифестом императора Александра I от 30 августа 1806 года народного ополчения (ещё называвшегося «Внутренней милицией», «Земским войском»). Сергей Глинка, также писатель, командовал Сарычевской дружиной в звании генерал-майора (позже его назвали «первым ополченцем Отечественной войны 1812 года»); Фёдор Глинка был избран сотенным начальником народного ополчения. Командный состав ополчения комплектовался преимущественно из офицеров запаса, отставных офицеров старшего возраста. Среди них были — генерал-адмирал Алексей Орлов, брат Григория Орлова, фаворита Екатерины I; до отъезда в Дунайскую армию командовал Шестым ополченским районом генерал Александр Прозоровский. Ополче-

ние показало себя высокоорганизованным подразделением русской армии, в составе которой участвовало в нескольких сражениях с французской армией в кампании 1806–1807 годов.

В 1812 году, после перехода наполеонова войска через Неман, генерал Милорадович собственноручным письмом вызвал Фёдора Николаевича Глинку к себе, вновь назначил его своим адъютантом.

Скоро зов послышим к бою
И пойдём опять вперёд,
Милорадович с собою
Нас к победам поведёт!⁴⁷

Всю войну с Наполеоном Фёдор Глинка провёл в действующей армии; бился с «супостатом» под Смоленском, у Бородина, у Тарутино, под Красным (где войска Милорадовича разгромили тридцатитысячный корпус маршала Нея); участвовал в «битве народов» под Лейпцигом. После разгрома французов он в 1814 году вернулся домой и вновь (как после первой антифранцузской кампании) занялся обработкой, теперь уже новых, дневниковых записей, итогом которой стал выход в свет книги «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии, Франции, с подробным описанием Отечественной войны с 1812 по 1814 год».

Книга эта принесла автору широчайшую известность; впоследствии она много раз — с авторскими дополнениями — переиздавалась (в отличие от первой книги «Писем», ставшей библиографической редкостью); в ней — не только в деталях выписанные картинки и картины бивуачного быта, многочисленных стычек и сражений с неприятелем, не только зарисовки из жизни зарубежных стран и народов. В ней также — серьёзные размышления и заключение о вреде увлечения всем французским, так долго царившем в русском обществе, в русских семьях, в которых воспитание детей доверялось французам; в ней — предупреждение об опасности тайной («информационной») войны, которая страшнее войны открытой (что не учло наше сильное, но благодушное общество на исходе двадцатого века).

*«Французам вверено было драгоценнейшее сокровище в государстве — воспитание юности в а, и французы, обращая всё сие во зло для нас, извлекали из всего возможнейшую пользу для себя. Наполеон не прежде решился идти в Россию, пока не имел там тысячи глупцов, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших её молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушивавших за него в палатках, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных. Таким-то образом, подрывая коренные свойства народа, заражая нравы, ослепляя умы, соблазняя сердца лестью и золотом, одерживал он заранее победы в сей тайной, но всех других опаснейшей войне».*⁴⁸

Военную службу Фёдор Глинка продолжил в Измайловском полку, в который был переведён в 1816 году с одновременным прикомандированием к штабу. В составившемся в Петербурге «Обществе военных людей» стал он

редактором «Военного журнала», выпускавшегося обществом; одновременно состоял вице-председателем «Вольного общества любителей российской словесности». В эту пору написал много стихов, в 1819 году издал историческую повесть «Богдан Зиновий Хмельницкий» (незаконченную). В том же году — уже в третий раз! — Фёдор Глинка вернулся на службу к петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу, был назначен им правителем губернаторской канцелярии. В 1821 году он издал поэмы в стихах «Мечтания на берегах Волги», и тогда же вышел перевод на французский язык «Писем русского офицера о военных событиях 1812 года», сделанный братом автора, Сергеем Глинкой.

Живя активной общественной жизнью (участвовал в делах тайного «Союза спасения», входил в коренную управу «Союза благоденствия»), Фёдор Николаевич Глинка имел, однако, умеренные политические воззрения и был сторонником конституционной монархии. По последней причине после роспуска в 1821 году «Союза благоденствия» он в состав вновь созданного «Северного тайного общества» не вошёл, но с его активными участниками (Рылеевым, братьями Бестужевыми, Трубецким) продолжал поддерживать только добрые отношения. Дружба эта не осталась незамеченной, и через две недели после восстания декабристов Фёдор Глинка был заключён в Петропавловскую крепость.

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!⁴⁷

По окончании следствия опальный Глинка был исключён из гвардии и в чине коллежского асессора сослан в Петрозаводск. В жизни «*витязя добра и чести*» (так называли Глинку современники) наступила смутная пора сомнений, колебаний, отчаяния и даже — покорности и смирения. В эти тяжкие годы жизни он пишет элегические псалмы:

«К тебе, мой Бог, спешу с мольбой:
Я жизнью утомлён, как битвой!
Куда своё мне сердце деть?
Везде зазыв страстей лукавых;
И в чашах золотых — отравы,
И под травой душистой — сеть».⁴⁷

Отслужив ссыльным чиновником четыре года, в 1830 году Глинка получил перевод в Тверь. Здесь он женился на Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой, скоро открывшей — не без помощи супруга — свои таланты в части назидательного стихосложения и нравоучительной прозы. В 1835 году Глинка вышел в отставку и поселился в родовой деревне. Последние годы своей жизни он провёл в Твери, где поселился на постоянное жительство и пользовался общим уважением.

После 1875 года, Глинка, сознавая что его поэтические силы иссякли, прекратил литературную деятельность и объяснился по этому поводу со своими читателями:

«Нет, други! Сердце расщепилось
И опустела голова...
Оно так бойко билось, билось
И — стало ... чувства и слова
Оцепенели... Я бескрылый,
Стою, хладею и молчу:
Летать по высям нет уж силы,
А ползать не хочу!»⁴⁷

Верным служением Отечеству можно назвать жизненный путь Фёдора Николаевича Глинки; служил он не только как военный (дослужился до чина полковника), но и как военный писатель-мемуарист, историк, учёный краевед и географ, археолог, путешественник, организатор народных училищ и помощи бедным в Твери, естествоиспытатель и, наконец, стихотворец. (Его стихи «Город чудный, город древний...», «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой...» стали песнями и романсами.)

Ещё при его жизни, в тридцатых годах девятнадцатого столетия один из тогдашних журналов «Северный Меркурий», делая обзор русской словесности, писал: «Наиболее природный из русских стихотворцев есть Федор Николаевич Глинка. Доброжелательная любовь к родной стране и произведенная ею полнота души, тонкое чувство изящного, открывшее тайну поэзии в русской природе, в русских нравах, в политической жизни России, русский язык со всей его выразительностью, гибкостью и благозвучием — вот, по нашему мнению, отличительный характер того рода стихотворений Глинки, который ставит его, в отношении к народности, на первое место между русскими стихотворцами и делает сего поэта драгоценным достоянием России».

Скончался Фёдор Николаевич Глинка в 1880 году, в возрасте девяносто четырёх лет, в Твери. Похоронили его в Жёлтиковом монастыре, рядом с могилой жены; погребали с воинскими почестями — как героя Отечественной войны 1812 года.

Князь Иван Михайлович Долгорукий

Прежде Екатерины II, инспекционно осмотревшей виды Крыма в 1787 году, полуостров этот — ещё до вхождения его в состав России — в 1782 году изучил профессионально адъютант Академии Наук Василий Фёдорович Зуев, после чего описал в своих «Путешественных записках».⁴⁹ Вслед за молодым русским академиком Крым в 1786 году исследовал и оставил потомкам его рукописное описание французский путешественник Жильбер Рома (в 1835 году, спустя сорок лет после его смерти, умница петербургского общества

Наталья Кирилловна Загряжская — дочь последнего украинского гетмана, графа Кирилла Разумовского — говорила Александру Сергеевичу Пушкину: «Ром, тот, который подписал потом определение о казни Людовика XVI, очень умный был человек».⁵⁰

Князь Иван Михайлович Долгорукий, один из первых российских краеведов, в своих путешествиях до Крыма не добрался; Одесса стала конечным южным пунктом его краеведческих маршрутов. Однако его длительные путешествия — из Москвы на юг и, через Умань, обратно, — совершённые в 1810 и 1817 годах и затем детально описанные, дают серьёзной значимости материал о жизни Украины в начале девятнадцатого века.

Часть первая. Писательские особенности Долгорукого

Редко в каком более-менее приличном описании парка «Софиевка» или путеводителе по нему не встретишь оценку его красот, сделанную в начале девятнадцатого века князем Иваном Михайловичем Долгоруким:

«Кто хочет рай,
В Софиевку поезжай».¹⁴

Эта ставшая пословицей фраза взята из его книги «Славны бубны за горами или путешествие моё кое-куда 1810 года», изданной в 1870 году — много лет спустя после смерти, в 1823 году, автора. Из пословицы состоит и первая часть наименования самой книги (означает она, что заманчивым и привлекательным кажется то, что находится где-то и о чём знают только по рассказам); пословицами пересыпан весь текст книги, равно как и тексты других — поэтических и прозаических — сочинений Ивана Михайловича Долгорукого.

Находил «неизъяснимое удовольствие» князь в своём природном балагурстве, в своих шутках и поговорках: вместо тогдашнего общепринятого «играть на театре» он говорил так, как в народе говорили о балаганах — «камедь ломать»; прыжки с разными телодвижениями он называл «коленица делать»; забавляться, шутить, веселиться в его переложении звучало «дрянь делать»; свой высокопарный стих мог князь игриво разбавить простонародным речевым оборотом, например, «и скука не замай» вместо «не трогай».⁵¹

«Ум поэта нашего был преимущественно русского склада. Этим складом он и выразил себя. Русские поговорки так им и рсточаются и почти всегда с толком и удачно ... он употребляет народную поговорку потому, что она сподручна мысли его.

Он писал стихами потому, что так пришлось, потому, что рифмы довольно легко и послушно ложились под перо его. Ещё — и здесь отделяется он от Державина — бывал он поэтом, когда бывал влюблён; а влюблён бывал он часто».⁵²

Часть вторая. Извлечения из истории рода Долгоруких

Иван Михайлович Долгорукий (или Долгоруков), 1764 года рождения, коренной москвич, принадлежал к княжескому роду Долгоруких, ответвившегося во время оно от рода князей Оболенских, уходившего родовыми корнями к первым Рюриковичам.

Дед его, Иван Алексеевич Долгорукий, в круговерти дворцовых интриг, разыгравшихся после смерти в 1727 году императрицы Екатерины I, выдвинулся в фавориты унаследовавшего престол Петра II (сына Петра I от первого брака с Елизаветой Лопухиной). Молодости вопреки, проявил себя целеустремлённый Долгорукий ловким и обходительным придворным (было ему в ту пору неполных двадцать лет); интриги его способствовали разрыву Петра II с всесильным князем Меншиковым и ссылке того, вместе с семьёй, в Берёзово.⁵³

Возвышение при дворе добавило Ивану Алексеевичу самоуверенности и беззаботности. В кругу молодого царя приобрёл он репутацию ловеласа и гуляки. Втянув Петра II в пьяные загулы, уговорил его покорного молодого царя жениться на своей сестре Екатерине Долгорукой. Честолюбивый замысел Долгорукого разрушила тяжёлая (как выяснилось — смертельная) болезнь царя. Попытка Ивана Алексеевича убедить его, умирающего, оформить завещанием передачу трона несостоявшейся жене не удалась; тем не менее, Иван Долгорукий подделал подпись Петра II под завещанием в пользу своей сестры, которое он составил с отцом и дядьями.

Семейная фальсификация «не прошла», и с воцарением Анны Иоанновны отец и сын Долгорукие по накатанной дороге отправились в ссылку в Берёзово. Факт подделки Долгорукими царской подписи стал известен «широкой общественности» только в 1738 году, после доноса в Тайную канцелярию, сделанного их сыном и братом, Александром Алексеевичем Долгоруким. Вздёрнутые на дыбу, ссыльные Долгорукие сознались в совершённом подлоге, рассказав попутно о роли в составлении фальшивого завещания всех своих родственников. Суд был скорый — по обвинению в государственной измене Иван Алексеевич Долгорукий вместе с отцом и двумя его дядьями были казнены четвертованием.⁵³

Жену его, Наталью Борисовну Долгорукую, можно назвать предтечей жён декабристов. Ещё до ссылки Ивана Алексеевича в 1729 году обручилась она с ним. Когда пришло время опалы мужа, она — вопреки советам родственников отказаться от венчания — в 1730 году стала женой Ивана Долгорукого и вместе с ним уехала в ссылку. Этот житейский случай стал сюжетом стихотворения «Наталья Долгорукова», написанного Кондратом Фёдоровичем Рылеевым:

«Там дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огонь лампадный».

После казни мужа Наталья Борисовна вместе с родившимся в ссылке сыном Михаилом в 1740 году вернулась в Москву, а в 1758 году уехала в Киев и постриглась в монахини Киево-Фроловского монастыря под именем Нектарии. В 1767 году она написала «Своеручные записки», которые охватывали период её жизни до сибирской ссылки и которые долгое время оставались в рукописном виде. Её внук, князь Иван Михайлович Долгорукий в 1810 году подготовил к печати унаследованную рукопись и отправился (уже после Умани) поклониться праху своей мужественной бабушки в Киев, видя в том главную цель своего путешествия:

«Гроб схимонахини Нектарии был главный предмет моего путешествия и давнишняя цель моего желания. Достигнувши его, начну тем, что сообщу публике некоторые черты истории сей знаменитой россиянки.

Родилась она 1714 года, января 17 дня, и наречена при крещении Натальей. После отца своего, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, осталась она 4 лет, а после матери 14, и сию эпоху она в Записках своих сама называет началом всех своих бед. В 1730 году, апреля 5, вышла она замуж за деда моего родного, князя Ивана Алексеевича Долгорукаго. Кто читал Российскую Историю, тот знает, что он был ближайший любимец Петра II-го. По кончине сего порфириноснаго покровителя всех Долгоруких, переменились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна искала крови каждого из наших; Бирон гнал всё наше племя. Дед мой сослан, и княгиня Наталья Борисовна поехала с ним в Сибирь, на третий день после венца. Там, в Берёзове, за крепкой стражей, прожили они, со всеми их родными, 8 лет; никуда, кроме церкви, их не выпускали, да и Богу молились под караулом.

По разлуке с мужем, оставшись в Сибири с двумя сыновьями, отцом моим и дядей, она тут жила ещё год и 10 месяцев. Какая мука для души нежной и чувствительной!

1739 года, ноября 8 дня, дед мой казнён в Новгороде, а в 40 году, по повелению кроткой самодержицы, Елизаветы, бабка моя, с малолетними сыновьями своими, из коих старшему, отцу моему, было 8 лет, вывезена из Сибири в Россию июня 17 дня, а в Москву приехала октября 17.

И в самых последних днях бытия своего Нектария, испытал все ужасы моровой язвы в Киеве, наливала кровью последняя свои жизненные силы... По собственному ея изволению, тело ея погребено при самом входе в Киево-Печерскую Лавру, рядом с гробом сына ея, котораго потеря растворила все ея раны душевныя. Над сими остатками положены были, наравне с чугунным полом, две чугунныя же плиты с надписями; но как шествовал чрез Киев Государь Павел в чужие краи, тогдашний Митрополит Киевский разсудил приказать доски повернуть гладью вверх; причина этому не известна. С тех пор надгробные доски так и остались надписей не видно, все через них ходят. И мне, когда я подошёл к вратам собора, какое-то внутреннее предчувствие сказало: «Падай! Это та, кого ты ищешь».¹⁴

Часть третья. О жизни и творчестве Долгорукого

Пошатнувшись положению семьи вопреки Иван Михайлович Долгорукий имел счастливое детство, в котором получил прекрасное, на дипломатическую карьеру нацеленное образование. Когда планы семьи относительно него изменились, приобретённое начальное образование выручило юношу — в июле 1778 года, после произнесения им на торжественном собрании Московского университета речи на латыни по случаю рождения великого князя Александра Павловича, он стал студентом университета. Однако в 1780 году обучение прервал ради военной карьеры: стал прапорщиком Первого Московского пехотного полка и ординарцем генерал-аншефа Василия Михайловича Долгорукого-Крымского. После смерти родственника, в 1782 году, Иван Михайлович Долгорукий перевёлся с тем же чином в Петербург, в Семёновский полк.

Как гвардейский офицер и актёр-любитель он получил (с 1786 года) доступ в приватный кружок великой княгини Марии Фёдоровны, и в 1787 году женился на покровительствуемой ею смолянке Евгении Сергеевне Смирновой. Не обладая завидной внешностью (за форму подбородка носил прозвище «Долгорукий-балкон»), он за счёт общительности и светскости сделался завсегдаем гостиных обеих столиц; в это же время пробует на резвость и осмысленность своё перо. После похода в составе гвардии в Финляндию (в 1789–1790 годах) Долгорукий вышел в отставку в чине бригадира, а в 1791 году добился назначения вице-губернатором в Пензу.

Красному яблочку червоточинка не в укор — помимо активного стихосложения, пребывание князя в Пензе было отмечено его сильным увлечением юной Елизаветой Дмитриевной Улыбышевой, будущей франкоязычной писательницей и поэтессой (её родная сестра, Екатерина Дмитриевна Панова, стала известна литературному миру как предполагаемый адресат «Философических писем» Петра Яковлевича Чаадаева; брат её, Александр, был талантливым писателем-музыковедом, активным участником «Зелёной лампы»). Часть переписки влюблённой пары каким-то образом попала в руки сослуживцев князя, и те, сняв с писем рукописные копии, запустили компрометирующий материал «в народ». О судебном деле, открывшемся по этому поводу в Пензе в 1795 году, стало известно Екатерине II, но решение по судьбе князя принял уже её сын Павел I, по вступлении на престол отстранивший Долгорукого от должности вице-губернатора. Выручила князя жена — по её ходатайству императрица Мария Фёдоровна помогла Долгорукому вернуться в 1797 году на службу, в Московскую соляную контору.

Позже Иван Михайлович с грустью вспомнил радостные и одновременно печальные для него дни своей пензенской жизни в стихотворении «Камин в Пензе»:

«О сердца сладкие обманы!
Что может с вами быть равно?
Не вы спокойствия тираны;
Вам царство радостей дано.
Сто крат благословенны годы,
В которы красоты природы
Влюбляют снова каждый день».⁵⁴

В царствование Александра I князь Долгорукий получил, в 1802 году, место губернатора во Владимире. Через два года после назначения неожиданно умерла жена Ивана Михайловича. В её память он в 1806 году основал библиотеку в Московском университете, положив на её содержание все доходы от переиздания своих книг. Южное путешествие 1810 года Долгорукий совершил со второй женой, Аграфеной Алексеевной Пожарской, урожденной Безобразовой, дочерью бывшего владимирского уездного предводителя дворянства.

В год путешествия князя министром юстиции был назначен Иван Иванович Дмитриев (товарищ Долгорукого по литературному цеху и сослуживец по Семёновскому полку). По инициативе нового министра на владимирского губернатора было заведено дело по обвинению в «явных злоупотреблениях». Из-за начатого судебного преследования в марте 1812 года Долгорукий ушёл в отставку, и всю войну с Наполеоном вместе с семьёй и близкими провел в эвакуации, в Шуе.

После 1814 года князь окончательно поселился в Москве — писал сатиры, увлечённо переводил, ставил любительские спектакли в домашнем театре (на сто мест). В 1817 году он совершил новое путешествие в Киев, описав позже его в книге. До конца дней своих продолжал вести подробные автобиографические записки, которые в 1818 году обобщил в виде подробного словаря своих близких и случайных знакомых под названием «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни».

Умер Иван Михайлович Долгорукий 4 декабря (по старому стилю) 1823 года.

Часть четвёртая. Путешествие 1810 года

Книга Ивана Михайловича Долгорукого «Славны бубны за горами» является единственным полноценным и объёмным источником сведений о жизни города Умани в начале девятнадцатого века. В отличие от других публикаций о городе, в которых основной упор делается на бесприоритетную тему Софиевского парка, труд князя приятно поражает своей скрупулёзностью в проникновении во все стороны жизни самого города — его национального состава, религиозных толков, его быта, его истории, нюансов торгово-экономических и межчеловеческих отношений (впрочем, и парку «Софиевка» автор книги посвятил пространный, восторженный текст).

«Умань есть поветовый город Киевской губернии, и как он, так и весь его уезд, составлен из имения Потоцкого, и ныне ему принадлежит. Казна имеет здесь своего полициймейстера и уездный суд. Город сидит на горе, но не хороши: строение тесно и без правильности, а вкуса и совсем нет. Каменных зданий здесь важных не найдёте...

Среди большой улицы выстроен каменный тюремный дом по обе стороны и связан двумя колоннами со сводом, кои издали кажут вид торжественных ворот; но как удивисься, когда, подойдя к ним, услышишь жалобный стон колодничий...»¹⁴

Из приведённого отрывка любознательный читатель может составить заключение, что спустя полтора десятка лет после исчезновения Польши с политической карты Европы город Умань и весь уманский уезд остались в собственности семьи польского магната, государство же (в терминах той поры — казна) отправляло управленческие, в том числе полицейские и судебные, функции, использовало город для постоя войск.

«При нас тут стоял Гусарский полк и содержал караул в городе: прекрасные люди, одеты щегольски, мастера своего дела. Каждое утро развод с музыкой, каждый вечер заря отправляется с музыкой; а народ, как и везде, около гауптвахты толпится, слушает и дивуется.»¹⁴

По религиозным убеждениям князь Долгорукий был деистом, то есть человеком, признающим существование Бога и сотворение им мира, но отрицающим большинство сверхъестественных и мистических явлений и религиозный догматизм; предполагающим, что разум, логика и наблюдение за природой — единственные средства для познания бога и его воли (и только приблизившись к устью дней своих вернулся князь к вере предков — православию). Как деист, бесстрастно и неторопливо, не отдавая предпочтения ни одной из действующих в городе религиозных групп, изучал и взаимно сравнивал князь особенности храмового служения у православных, у католиков и униатов, у иудаистов. В старом православном храме он подивился тому, что в нём размещен временный полковой храм и, по его мнению, размещён с нарушением норм православной храмовой службы.

«Рядом с большим или главным престолом, на повороте в другую сторону, и по нашему совсем не на восток поставлен тут же подвижный храм полковой, в котором иногда для полку поётся и обедня. Духовные люди пусть раз судят, прилично ли такое несходство с правилами. Для меня собственно, когда дело идёт о призывании Бога, Восток и Запад, Юг и Север, всё равно. Лучший дом для молитвы пред Вышним есть сердце праведного.»¹⁴

Интересным является тот факт, что православный храм на момент посещения его Долгоруким был в целостности и сохранности, и тот пожар, который его уничтожил, случился позже (по всей видимости, сгорела старенькая уманская церковь летом 1811 года, когда серией пожаров, устроенных на Украине наполеоновской агентурой, были выжжены ряд городов края, в том числе и Умань).

«Я ходил в костёл и слушал тут Униятскую обедню: мне очень приятно было видеть образ ея отправления. Смесь Католикаго с нашим.

Костёл весь вообще огромное строение; в нём несколько престолов по сторонам, кроме главного в середине. Стены здания внутри убраны колоннадой, это даёт храму вид великолепный. При этом доме учреждена и школа: строение большое, уважительное. Здесь преподают науки, Философию и Богословие. По случаю вакансии в настоящее время, мы никого не видали из учащихся. Заметьте, что почти везде, при всех отличных костёлах или Католических или Униятских храмах, заведены училища: оттого величайшая происходит польза для духовенства и прихожан; первое не терпит уныния и скуки, обыкновенного плода праздности; ибо всякий более или менее занят и не имеет времени удовлетворять подлым страстям низкаго человека; а последние, приходя в церковь слушать внятные поучения, не всё выпускают в другое ухо, что в одно приходит. Общая выгода!»¹⁴

Вероятнее всего, что князь ведёт речь о костёле при Уманском висилианском училище, в котором отправляли службы как католический, так и униатский священнослужители. Главный же католический костёл города — Успенья Пресвятой Богородицы — строился более двух десятков лет и был освящён только в 1825 году.

Полностью конфессиональную любознательность князь утолил, посетив синагогу, где наблюдал церемонию обрезания младенца, показавшуюся ему малоэстетичной, а также обряд поминания уманскими евреями разорения Иерусалимского храма:

«В тот самый день, когда происходила у них эта церемония, Жиды постились и вспоминали разорение храма во Иерусалиме. Этот пост называется у них констернация Иерусалимская и продолжается весь день: они не должны есть до заката солнечного и не обуваются, сходятся в Синагогу и по обыкновению в шляпах: так им велит их заповедь; тут они тужат о своём храме, сетуют, поют жалобным напевом «Плач Иеремии» и этот превосходный псалом, вдохновлённый царю Давыду любовью к родине: «На реках Вавилонских» оканчивает их унылое Богослужение. Нигде так сильно не выражено чувство любви к отечеству, как в этом прекрасном стихе: «Аще забуду тебе, Иерусалиме.»¹⁴

В населении города, как заметил князь, евреи преобладали, заметно меньше было украинцев, *«русского и поляка мало заметишь»*. Приезд супругов Долгоруких в Умань совпал с городским торговым днём, поэтому путешественники сразу по приезде отправились на рынок, где князь отметил обилие товаров — преимущественно иноземных и дорогих. Удивило князя то обстоятельство, что в ходу, но не в цене у рыночных торговцев были бумажные деньги — *«Лучшая монета здесь червонные, их много и они очень ходки, потом серебро, и чем старее, тем выгоднее»*.

Подивился князь обилию «пунктов обмена валюты» в виде выставленных посреди базара столов с кучами серебра и меди на них и скорости обменных операций через менял-евреев. Обжётся он на еврее-посреднике (факторе): *«Мало того, что он с вас возьмёт двойную цену и прибавит к тому плату*

себе за труды, он ещё на каждый рубль бумажный возьмёт лаж, приводя его в равную цену с медным рублём; да, разочтясь с вами, ещё возьмёт и с того, у кого забирал для вас припасы и товары, за то только, что он у него, а не у другого, для вас их брал. О! факторы — люди отменной чести и доброты, а при всём том голы и босы».

Купил Иван Михайлович в лавке у хозяина, у которого нанимал жильё, отрез сукна на фрак и был сразу же атакован пятью еврейскими портными, предложившими свои услуги по «индивидуальному пошиву». Победитель «тендера», не сходя с места, снял с князя мерку и уже вечером принёс ему готовое изделие. Поскольку цену за работу гость города не оговорил предварительно, «исполнитель работ», не выходя за рамки приличия, «заломил» за готовый фрак три червонных, что по тамошней обменной цене соответствовало немалым двадцати семи рублям.

Три дня провели Долгорукие в Умани. По утрам бродили по торговым рядам, тратились, днём отправлялись в несравненную «Софиевку», где князь «делал обсервацию» парковым красотам и записывал увиденное. По возвращении в Москву он обработал собранный материал и написал — параллельным текстом, на французском и русском языках — торжественного слога оду в прозе под названием «Софиевка», которая была опубликована в шестом номере журнала «Вестник Европы» за 1811 год (позже она была включена в книгу князя «Славны бубны за горами или моё путешествие кое-куда 1810 года»).

«Естьли вы хотите получить справедливое понятие о том, что обыкновенно называют полями Елисейскими, земным раем, придите в Софиевку, и подивитесь в ней гению Творческому. Там природа и искусство, соединяя все силы свои, произвели превосходнейшее творение. Какое стройное согласие в чудном слиянии их взаимных работ! Величественная своей простотою Софиевка приводит в забвение сады Армидины и Вавилонские; ничто не может сравниться с тем, что здесь видишь; всё пленяет и приводит в восторг.

Представьте себе ряд гор, опершихся на скалах ужасной величины и ими поддерживаемых: громад камней, с начала мира в беспорядке один на другом лежащих, из которых и самой меньший без подрыва порохом не мог бы быть сдвинут.

Едва вошли, как взор ваш поражён каскадою. Что ея величественнее? Поток, котораго источника нельзя ни видеть, ни угадать, с быстротою молнии низвергается с верху высокой скалы... Несколько далее из камня с левой стороны нескладно вдавшася в пруд, и который хотел бы оттуда вырвать, бьёт фонтан на четыре или на пять сажен вверх и орошает свежий луг, его остеляющий.

*Всюду здесь гранит, порфир, и мрамор; всё в состоянии противиться погоде и прихотям климата, всё твердо и не боится перемены времени года».*¹⁴

Умань в Отечественной войне 1812 года

Стало почти каноничным представление начальной фазы Отечественной войны 1812 года лишь как отступление поначалу разделённой российской армии под давлением в кулак сконцентрированной армии Наполеона в сторону древней столицы, как стратегически решающее сражение под Бородино, как оставление нашими войсками Москвы и временное хозяйничанье в ней оккупантов, как постепенный — удар за ударом — разгром Великой армии в её паническом зимнем бегстве от первопрестольной.

Вместе с тем, помимо направления главного удара в войне 1812 года, нельзя забывать и о других направлениях боевых действий, где изматывались в оборонительных боях, преследовались и добивались интервенты, где превентивно выстраивались оборонительные заслоны, обеспечивался надёжный тыл и материально-техническое обеспечение действующей армии, формировались свежие боевые подразделения. Таковым, «побочным» участком войны было прикрытие Санкт-Петербурга от пытавшихся прорваться к российской столице частей наполеоновой армии; таким были защита украинских земель от стремившегося оккупировать их врага и участие боевых сил сдерживания в общем, уже безостановочном контрнаступлении — и в деле этом свою роль (пусть и небольшую) сыграл уездный город Умань.

*«Фельдегерь прибыл в Одессу прямым путём из Вильны и привёз герцогу собственноручное письмо государя. Оно было адресовано из Вильны в день 13 июня 1812 года, то есть было написано Александром тотчас по получении известия о внезапном переходе Наполеона через Неман. После составления манифеста о войне и отсылки его в Петербург представителю Государственного Совета фельдмаршалу Салтыкову, государь вспомнил о своём личном друге Ришелье и писал ему (по-французски): «Враждебные действия начаты, мой дорогой генерал, Наполеоном без всякого объяснения, без какого бы то ни было предуведомления, атаковал нас со стороны Ковно. Нам, следовательно, больше ничего не остаётся после исчерпания всего, умеренность и самая точная лояльность к нашим обязательствам побуждали нас делать, как защищаться энергично и настойчиво. Войдите в сношения с Чичаговым, чтобы узнать точно, когда будут получены ратификации султана, дабы немедленно же отделить 12 батальонов из вашей дивизии, удержав батальоны резерва для пограничной службы, и отправьте эти 12 в Умань для действий на левом фланге Торماسова. Я назначаю Умань, как пункт, кажущийся наиболее пригодным для этой цели, предоставляя вам переменить его, по обстоятельствам, по обсуждении этого с Тормасовым. Постарайтесь, в ожидании ратификации, приблизить настолько войска, чтобы они, не теряя времени, могли двинуться в поход. Рассчитываю на ваше усердие и деятельность. Весь ваш сердцем и душою, Александр».*¹⁶

Выполнить императорскую директиву градоначальнику Одессы не дала эпидемия чумы, занесённая в город в середине лета 1812 года коммерческими судами из ближневосточных портов, поставившая город на грань выживания.

Поначалу в крепости и в городской больнице был учреждён особый карантин для сомнительных лиц, что не помогло. С начала сентября по двадцать человек умирало в сутки с явными признаками чумы (горячка с пятнами, лёгкая передаваемость, стремительное протекание заболевания).

После этого Ришелье пошёл на неслыханные до того карантинные меры — объявил закрытой всю часть Херсонской губернии, находившуюся за рекой Буг; запретил мореплавание и рыбную ловлю. В середине ноября, когда стало понятно, что введённые запреты результата не дали, был введён всеобщий карантин — все подозрительные строения и землянки выжигались, все присутственные места и храмы были закрыты, из каждого дома было запрещено выходить кому бы то ни было, войти в дом могли только священник, комиссар, врач и повивальная бабка. Этот строгий карантин был введён 26 ноября и продолжался полтора месяца. К исходу 1812 года в Одессе умерло более двух с половиной тысяч человек, город потерял каждого девятого своего жителя.

*«В декабре 1812 г., на помощь Ришелье явился из Петербурга князь Александр Борисович Куракин. Говорили, что он послан вследствие враждебных отношений к Ришелье в обществе, как к французцу, хотя сам государь его очень любил. Прибыв в Кременчуг, петербургский гость намеревался отправиться в Одессу, но узнав, что в окрестностях чума, повернул в Тульчин. В Тульчине приняла его знаменитая когда-то своей красотой графиня Софья Потоцкая, бывшая графиня Витт, владелица Тульчина и Умани».*⁵⁵

Изложенное в депеше к Ришелье беспокойство Александра I о состоянии и обустройстве южных границ было связано с опасностью нового турецкого вторжения после победно для России закончившейся очередной войны с Турцией и подписания главнокомандующим Кутузовым, в мае 1812 года, в Бухаресте мирного договора с недавним противником. Однако договор мог вступить в силу только после подписания его турецким пашой, который колебался в принятии итогового решения, в том числе и под воздействием письменных предложений к совместной войне против России, которыми его в это время забрасывал Наполеон.

Подталкиваемый окружением, Бонапарт давно начал разыгрывать «турецкую карту». Ещё в 1802 году французский представитель в Турции Эмиль Годэн в своём меморандуме на имя первого консула предлагал в случае войны с Россией высадить десант в её черноморских портах: *«Население восстанет против московитов. Особенно, если первый консул, авторитет и слава которого достигла уже степей Украины, обратится с прокламацией к украинским казакам, обеспечив им возвращение старых вольностей. Первый консул найдёт в степях Украины славу, не меньшую, чем под пирамидами».*⁵⁶

Уже зная о стремлении Турции, в союзе с Францией, к реваншу, Россия держала на прежних позициях Придунайскую армию под командованием адмирала Чичагова (сменившего Кутузова после подписания им мирного договора) вплоть до ратификации Бухарестского договора турецкой стороной, совершившегося только в конце июля 1812 года. Поэтому в ситуации ещё не ратифицированного турками мирного договора предлагал Александр I одес-

скому губернатору сделать Умань опорным пунктом, как против возможного южного противника, так и реального врага с запада.

Не только южными, но и юго-западными землями России заранее начал интересоваться первый консул. Для него его агенты, в том числе и с дипломатическими паспортами, собирали информацию об истории и географии края, о состоянии его дорог и переправ, о городских укреплениях, о состоянии умов у населения... Такую работу, по заданию министерства иностранных дел, вёл французский военный атташе в Петербурге Бургойн, который в 1804 году в письме Наполеону рекомендовал засылать в Россию под видом русских купцов французских агентов для тайного возбуждения населения. Обеспечивал сбор сведений о Правобережной Украине через местную польскую агентуру французский посланник в Варшаве барон Биньон.⁵⁶

Зная о ситуации на Правобережье, российское правительство до выяснения позиции Австрии отводило этому региону в надвигающейся войне роль поставщика продовольствия, фуража и лошадей, для чего в нём были обустроены склады и магазины. И только в апреле 1810 года, после вступления Австрии в коалицию с Францией, была сформирована Третья армия генерала Александра Петровича Тормасова, которая прикрыла левый фланг группировки российских армий.

С весны 1811 года серия крупных пожаров прокатилась по Правобережной Украине. В их пламени выгорели один за другим Острог, Тульчин, Староконстантинов, Базалия, Киев, Немиров, Умань, Ольгополь, Радзивилов, в Кременце сгорела еврейская школа. Страшный киевский пожар, вспыхнувший 9 июля 1811 года, уничтожил почти весь Подол; подробности этого страшного события описаны в «Киевской старине» за 1891 год:

«Пожар продолжался около трёх дней. Окрестные места Киева с восточной стороны на весьма далёкие расстояния (наприм., Козелец, даже Нежин) были покрыты густым дымом. От цветущего Киево-Подола осталась лишь небольшая северная часть».

*Ещё развалины Подола продолжали дымиться, как 11-го, 12-го, 14 и 17-го июля на разных частях города снова вспыхнуло несколько пожаров. Панический ужас обуял несчастных жителей. Казалось, будто Киев снова переживал те давнопрошедшие времена, о которых повествуется в древних летописях, когда «по вся дни загорашеся неведомо, и не смеяху людие жити в домах, но на поли живяху».*⁵⁷

Власти приняли срочные меры безопасности, была усилена охрана военно-провиантских складов, «...киевская губерния поставлена была почти на военное положение». Каждый уезд разделили на несколько участков, в каждом из которых была создана специальная команда (во главе с сотским), следившая не только за пожарной безопасностью, но также выполнявшая полицейские и караульные функции. В течение полугода после серии пожаров сменились две специальные комиссии по выяснению их причин и открытию виновников происшествий. Был задержан предполагаемый организатор поджогов, который указал на некоего генерала Пашковского, координировавшего действия диверсантов. Далее выяснилось, что задержанный оказался

(будто бы) беглым рекрутом, посему все его признательные показания были пересмотрены, после чего причиной серии пожаров объявили...неосторожное обращение с огнём.⁵⁸

В феврале 1812 года польский генерал Михаил Сокольниковский направил французскому императору пространный и велеречивый меморандум под пышным наименованием «О способах избавления Европы от влияния России, благодаря этому — и от влияния Англии». В нём генерал попытался привлечь внимание политического патрона к необходимости восстановления Польши в её прежних границах и создания на её восточных рубежах цепи буферных федеративных герцогств (Черниговское, Полтавское), «...которые имели бы точно такую, как в Польше, Конституцию и находились бы под её непосредственной протекцией». Предлагал также генерал для нового государственного образования использовать «различные казачьи орды — главным образом те, что известны под названием запорожских, то есть расположенные за порогами, а также те, что обитают в долине Донца. Эти последние, будучи объединёнными с крымскими татарами, могли бы сформировать единое государство, звучное имя которого Таврида будет заменено на другое — Наполеонида».⁵⁸ Гарантировал генерал Наполеону полную поддержку не только со стороны поляков, но и со стороны коренного населения. Не мог понять он, кабинетный теоретик, что не забыли ещё украинцы ужасов польского «панування та катування», не выветрились из памяти народной кошмары татарских набегов с уводом в полон тысяч православных душ, что не вызрела ещё народная реакция на царский деспотизм.

Не совсем понятна роль во всей этой политической и дипломатической круговерти старшего сына Софии Константиновны Потоцкой, Ивана Осиповича де Витта. В 1792 году он был записан в Конногвардейский полк, в котором начал свою карьеру при императоре Павле I — дослужился до чина полковника и получил Мальтийский крест. В 1802 году Витт перешёл в Кирасирский полк, с которым принимал участие во всех походах антинаполеоновской коалиции, в сражении под Аустерлицем был контужен взрывом французского ядра. Непонятно, что далее заставило графа покинуть службу, но — согласно записи в его формуляре — «по служебным недоразумениям» граф Витт вышел в отставку и спустя два года поступил волонтером в ... польские части армии Наполеона и два года сражался под его знамёнами. В 1811 году, когда военную разведку Наполеона возглавил выше помянутый польский генерал Сокольниковский, делавший ставку на своих земляков, граф Витт в качестве тайного агента действовал в герцогстве Варшавском, а перед самым вторжением Наполеона в Россию ... «двойной агент» Витт снова перешёл на русскую службу.

В российских высших правительственных кругах понимали реальную сложность социально-политического положения в южных и юго-западных окраинах империи, анализировали её, пытались делать нужные выводы. Критической оценкой состояния дел на этих территориях проникнута аналитическая записка военному министру от Петра Андреевича Чуйкевича, сотрудника Особой канцелярии, занимавшегося сбором и обработкой разведывательной информации, уроженца Правобережья:

*«Если правительство отправит в Малороссию верных людей для исследования духа её жителей, они увидят вообще тайное, но сильное негодование... Сей край, в коем ненависть народа к дворянству очевидна, может быть возмущён. Сие бедствие может исполниться в случае принуждения наших войск к отступлению на левый берег Днепра перед оружием неприятельским».*⁵⁶

Говорится в записке и о целесообразности возрождения малороссийского казачества и отмены рекрутской повинности и, как показали последующие события, мысль автора аналитического обзора о восстановлении казачества была реализована властями.

Для усиления Третьей армии было решено создать конное казачье войско, для чего в начале июня 1812 года на Украину было послано предварительное распоряжение о формировании в Киевской и Каменец-Подольской губерниях четырёх конных казачьих полков «из людей к казачьей службе способных и издавна навыком и охотою к ней известных». Организация войска была возложена на состоящего по армии полковника Ивана Осиповича де Витта, с наименованием его бригадным командиром Украинских казачьих полков; главная квартира войска располагалась в Тульчине.

Третий Украинский казачий полк был сформирован в Умани из жителей Уманского, Звенигородского, Черкасского, Чигиринского уездов Киевской губернии. Полковым командиром полка 7 июня 1812 года был назначен генерал-майор граф Василий Петрович Оболенский (его портрет работы Джорджа Доу находится в Военной галерее Зимнего Дворца).⁵⁹

Поставка одного казака засчитывалась селениям за два рекрута. Войско, сформированное на время войны, должно было быть распущено по достижении мира, но при этом все его участники потомственно оставались казаками, освобождёнными от всех налогов и государственных повинностей. Они должны — имея наготове коня, обмундирование и оружие за свой счёт — находиться в боевой готовности и по приказу являться в полк. Своеобразие структуры войска было в том, что его полки состояли не из сотен, а из эскадронов (по восемь на полк), и весь личный состав комплектовался по казацкой традиции из добровольцев, включая и командиров, с качествами отличных конников.

Помимо Украинского казачьего войска (точнее, казачьего ополчения) было создано и земское ополчение — на сей счёт в начале июля на имя генерал-губернатора Малороссии Якова Ивановича Лобанова-Ростовского поступил императорский рескрипт о формировании казачьих полков в Черниговской и Полтавской губерниях (Земское войско). Вступавшим в ополчение обещалось возвращение казацких прав, ликвидированных в 1783 году. Ополчение это, в отличие от Украинского казачьего войска, использовалось для внутренних нужд.

После переправы почти полумиллионной армии Наполеона через Неман интервенты повели наступление на трёх стратегических направлениях: на Москву, Петербург и Киев. Главным было Московское направление, для движения на Киев Наполеон выделил тридцатитысячный австрийский корпус Шварценберга, который, заняв Брест-Литовский, двинулся на Волынь. Конец июня и начало июля прошло здесь в мелких стычках. Недовольный

действиями Шварценберга, Наполеон заменил его войско корпусом генерала Ренье, состоявшим из саксонских и польских солдат.

В начале июля генерал Тормасов получил приказ Александра I *«наступательно и решительно действовать в тыл и фланг неприятелю»*, после чего русская кавалерия овладела Брестом, а к середине месяца русские войска окружили и разгромили под Кобрином пятитысячный отряд немецкого генерала Кленгеля, остатки которого сдались в плен. Этот бой получил сильный резонанс во французской армии и панику в Польше. Наполеон, узнав о поражении Кленгеля, немедленно отдал приказ Шварценбергу соединиться с корпусом Ренье и наступать на Волынь. Таким образом, Третья армия отвлекла на себя австрийский корпус, который первоначально Наполеон планировал использовать на Московском направлении.

Сформированный в Умани Третий казачий полк, как и другие полки, выступил в поход из Тульчина уже после Бородинского сражения и в начале октября прибыл в Брест-Литовский, где был включён в состав корпуса барона Фабиана Вильгельмовича Остен-Сакена (прежде входил в состав Третьей Западной армии, которой уже командовал Чичагов) с задачей держать аванпостную цепь на границе с герцогством Варшавским. Во второй половине октября Уманский полк в составе летучего отряда под командованием графа де Витта форсировал Западный Буг и двинулся в рейд по направлению Варшавы. В ходе рейда уничтожал магазины, мелкие гарнизоны, разгонял рекрутские команды и участвовал в боях с польско-саксонскими отрядами. В декабре полк вместе со всем казачьим войском участвовал в боях против войск Шварценберга и Ренье. Завершил свой боевой путь Уманский полк участием во взятии Парижа — 18 марта 1814 года.⁶⁰

Казачьи полки первоначально предполагалось распустить по завершении войны, но после возвращения на родные места в 1814 году они навсегда были оставлены «под ружьём» как постоянные воинские формирования. Казаков распустили по домам, оставшиеся же на действительной службе офицеры должны были иметь полные сведения о состоянии и занятости подчинённых казаков в мирное время. На основе этого войска в 1816 году была сформирована Украинская уланская дивизия, ставшая основой «поселенной конницы» для созданных в 1817 году военных поселений.

Денис Васильевич Давыдов

О Денисе Васильевиче Давыдове — идеологе и предводителе партизанского движения в Отечественную войну 1812 года, талантливом военачальнике, выдающемся поэте «Пушкинской плеяды» и военном писателе написано немало. Элита русской поэзии начала девятнадцатого века посвятила ему немало восторженных строк, лучшие художники той поры писали его портреты, один из которых находится в Военной галерее 1812 года в Зимнем дворце. Лев Николаевич Толстой наделил чертами Давыдова одного из самых обаятельных героев романа «Война и мир» — гусара-партизана Денисова.

Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.⁶¹

Известно, что Денис Васильевич Давыдов некоторое время, с февраля по октябрь 1818 года, жил в Умани, где проходил службу в должности начальника штаба Седьмого пехотного корпуса Второй армии, квартировавшего в городе. Факт этот, и прежде известный, подтвердил и детализировал писатель Николай Васильевич Задонский (Коптев), обнаруживший в 1954 году в Ленинградском историческом архиве два письма Давыдова, отправленных им из Умани своим друзьям. Одно из них касается желания Давыдова открыть в городе ланкастерскую школу, второе — посвящено его делам сердечным.

Часть первая. О ланкастерской системе взаимного обучения

Переезда в Умань генерал-майор Давыдов добивался не один месяц; добивался, вопреки вероятным уколам самолюбия самим фактом смены им, законченным гусаром, престижной кавалерии на заурядную пехоту; добивался, чтобы уйти от прозябания в лесистой и болотистой местности под Вильно, где (прежде Умани) он служил командиром Второй гусарской бригады.

Совершившаяся смена обстановки и климата позволила Давыдову чаще встречаться со своими, служившими в Киеве, друзьями, со своим двоюродным братом генералом от кавалерии Николаем Николаевичем Раевским, командовавшим Четвёртым корпусом Второй армии, с его начальником штаба (и будущим зятем) Михаилом Фёдоровичем Орловым.

Во время одной из таких встреч продемонстрировали они Денису Васильевичу устроенную ими при корпусе для солдатских сирот школу взаимного обучения, действовавшую на принципах, разработанных британскими педагогами Беллом и Ланкастером. Давыдова увиденное впечатлило настолько, что он, загоревшись идеей внедрить подобное заведение у себя в корпусе, ещё несколько раз посещал киевскую школу, набирался опыта. После того как стало известно, что Седьмой пехотный корпус переводят в Херсон, он (письмом из Умани в Петербург, от 25 июня 1818 года) попросил о содействии своему педагогическому начинанию верного друга и помощника дежурного генерала Главного штаба Аркадия Арсениевича Закревского:

*«Я несколько раз видел военно-сиротское отделение в Киеве, преобразованное Орловым — видел и восхищался! А так как корпусная наша квартира переходит в Херсон, где такое же отделение, то я хочу им заняться, на что требую от тебя разрешение таким образом, чтобы комендант не мог делать мне преград».*⁶²

Docendo discimus! — Уча, мы сами учимся! Белл-ланкастерская система взаимного обучения — это система организации и методов обучения в начальной школе, при которой старшие и более успевающие ученики (мониторы) под руководством учителей ведут занятия с остальными учениками. Класс, состоящий из десяти учеников, или сидел на одной скамье, или (по системе Белла) стоял полукругом перед монитором. Самые опытные и наиболее надёжные в нравственном отношении ученики становились в свою очередь старшими помощниками учителя и осуществляли надзор за младшими мониторами и их классами. Другие помощники наблюдали за внешним порядком, обеспечивавшимся чёткой «методой» наград и наказаний — отчасти телесных, отчасти затрагивающих в ученике чувство чести, собственного достоинства. Учащимся преподавали чтение, письмо, счёт (арифметику), Закон Божий. Учебники не использовались, их заменяли различными дидактическими материалами (таблицами взаимного обучения).

При методическом подобию двух педагогических систем обучение в ланкастерских школах имело ряд отличий: оно не носило такого религиозного характера, как в школах, основанных по системе Белла, и преподавание в них Закона Божьего ограничивалось чтением Библии, без всяких её толкований (кроме того, в ланкастерские школы принимались дети всех вероисповеданий).

С методой взаимного обучения император Александр I ознакомился в побеждённой Франции, она ему «глянулась», и по его Высочайшему повелению для освоения «передового зарубежного опыта» за границу были отправлены четыре студента главного педагогического института. Одновременно канцлер Николай Петрович Румянцев, имея на то «*монаршьё благожелание*», поручил в 1817 году российскому посольству в Лондоне подобрать из местных кандидатуру учителя для белл-ланкастерской школы в России. Таковым оказался восемнадцатилетний Яков Герд, который срочно прошёл курс педагогической подготовки как в училище Ланкастера, так и в училище Белла; вместе с ним обучение в этих училищах прошли и получили соответствующие свидетельства петербургские студенты.

Яков Герд, прибыв осенью 1817 года в Россию, далее отправился в Гомель в имение графа Румянцева, где (после сооружения необходимого здания) в 1819 году было открыто «училище трудолюбия и взаимного обучения». Его первыми учениками стали пятьдесят сирот из владений государственного канцлера.

Петербургские студенты, пройдя курс педагогической науки в Лондоне, продолжили обучение практическими занятиями в Германии и Швейцарии. После возвращения вновь подготовленных педагогов в Петербург, в 1819 году, метода взаимного обучения «по Ланкастеру» получила правильное и систематическое распространение на государственном уровне. В январе 1819 года Александр I утвердил устав «Санкт-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения», которое к середине года открыло первое в столице ланкастерское училище (на углу Вознесенской и Садовой улиц, в доме купца Шабишева). Затем за год с небольшим были учреждены

три подобных училища — в городском воспитательном доме; для сиротских детей лейб-гвардии Семёновского, Егерского и Московского полков; при Гатчинском воспитательном доме.

Вновь созданное общество фактически являлось легальным филиалом «Союза благоденствия»; в его комитет первого созыва входили Николай Иванович Греч, Фёдор Иванович Толстой, Фёдор Николаевич Глинка, Виктор Иванович Григорович, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Николай Иванович Кусов. Под редакцией Греча в 1820 году вышло дидактическое пособие «Таблицы для взаимного обучения».

В 1820 году был создан правительственный «Комитет для устройства и наблюдения за училищами взаимного обучения». (Предполагалось также учредить при гимназиях особые ланкастер-классы, но затем ограничились устройством «ланкастер-класса» при Санкт-Петербургском университете, в котором обязаны были учиться все казённокоштные студенты; класс этот просуществовал лишь несколько лет.) Комитет распространил действие ланкастерской системы, с некоторыми изменениями в ней, на приходские училища (только при обучении чтению, письму, первым четырьмя правилами арифметики и Закону Божию в низших классах).

В течение нескольких лет ланкастерские школы распространились по городам России. Они даже стали притчей во языцех, и факт сей отобразил Александр Сергеевич Грибоедов в своей комедии «Горе от ума». Её героиня второго плана, старуха Хлыстова — свояченица Фамусова, которая «*от скуки взяла с собой аранку-девку*», — рассуждая «*об образованных*», заявляет:

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних,
От пансионеров, школ, лицеев... как бишь их,
Да... от ланкарточных взаимных обучений.

Ещё до официализации ланкастерского обучения Михаил Фёдорович Орлов в соавторстве с Фёдором Николаевичем Глинкой и Николаем Ивановичем Гречем написал в 1818 году «Руководство по взаимному обучению». Писал он его уже как сформировавшийся специалист, заведовавший ланкастерской школой кантонистов, основанной Николаем Николаевичем Раевским в Киеве, ещё до появления их в других городах и весях России. (В Киев Михаил Фёдорович Орлов — генерал-майор в свите государя императора — был переведён 13 июня 1817 года после его публичного протеста против эмансипации Польши и передачи ей Литвы.)

Об успешном функционировании киевской ланкастерской школы уже в 1818 году свидетельствует не только уманское письмо Дениса Васильевича Давыдова; это подтверждает в своих «Записках» Иван Романович Мартос (1760 года рождения, писатель, ревностный масон, выпускник Киевской академии, бывший в молодости кабинетным секретарём гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского):

«Я коснусь пером моим некоторого нового предмета, обворожившего меня при первом его обозрении: это есть киевское военно-сиротское отделе-

ние, или лучше сказать, введённый в оное порядок взаимного учения, Ланкастером изобретённый, приспособленный весьма удачно не токмо к чтению и письму, но и к арифметике, российской грамматике, катехизису и священной истории.

Но когда по опытам я заметил, что лучший ученик примерно в 11 лет, каковых там есть очень много, управляет другими, гораздо больший возраст имеющими, тогда легко мне будет убедиться, что сей образ учения, машинальным кажущийся, никак не стесняет врождённых дарований; а вместо того, чрез соревнование, награждением и постыждением возбуждаемое, способствует развитию оных по всей возможности.

При таковых желаниях очевидцы достойную честь приписывают генералу Н. Н. Раевскому и начальнику генерального штаба генерал-майору М. Ф. Орлову, яко главным основателям новых правил взаимного учения.

Но кто ж и не порадуется, когда узнает, что по поводу сему киевское военно-сиротское отделение выиграло наилучшее положение, составляя ныне в России, так сказать, матку взаимного учения, сколь скоро взять во внимание нижеследующие причины: 1-е, что правила сей науки здесь показались прежде, нежели в других наших провинциях, 2-е, что сюда присылаются из разных казённых мест ученики, для приготовления их к новым таковым заведениям и 3-е, что здесь же приготовленные учителя открыли уже классы по новому порядку взаимного учения в Москве, в Могилёве и в Херсоне. Как приятны должны быть таковые распространения для трудящихся в первом начинании!»⁶³

В 1820 году Михаил Фёдорович Орлов был назначен командиром 16-ой дивизии 2-й армии, стоявшей в Кишинёве. По дороге к месту службы он заехал в Тульчин, где стал членом тайного общества. Приняв дивизию, он организовал в ней кишинёвскую управу тайного общества и (в 1821 году) дивизионную ланкастерскую школу, заведование которой поручил майору Владимиру Федосеевичу Раевскому. В этой школе были заложены новые, улучшающие воспитание и обучение, принципы, которые разработали и применяли будущие декабристы. Делалось это в условиях, когда государственный «Комитет», противопоставляя себя «Вольному обществу», не допускал инноваций. Школа, построенная декабристами, была открытой педагогической системой не только для новых программ обучения и новых дидактических средств, но и для всех тех, кто был заинтересован в обучении и воспитании подрастающего поколения.

Так, в кишинёвской школе Орлова-Раевского в курс обучения были введены история, литература, математика. В 1822 году на её руководителя, Владимира Федосеевича Раевского, был отправлен донос сослуживцем, указавшем на включение в курс обучения крамольных тем. Раевского арестовали, посадили в Тираспольскую крепость, а после восстания декабристов «засудили» его на поселение в Сибирь. В своём докладе царю генерал Дибич писал: «Для обучения солдат и юнкеров вместо данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг, Раевский приготовил

свои рукописные прописи, совместив в оных слова: „Свобода, равенство, конституция...“»

Денис Васильевич Давыдов свой замысел об учреждении ланкастерской школы реализовал без вольнолюбивых излишеств друга Орлова. («Что мне до конституционных прений. Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным Отечеству; я ему говорил и говорю, что он болтовнею своею выдвигает только преграды к службе, которою он мог быть истинно полезен Отечеству.»)⁶⁴

Давыдов подобрал толкового и порядочного помощника — инженерного офицера Воронежского, решил вопросы финансирования будущей школы (для этого пришлось съездить в столицу), нейтрализовал — с помощью Закревского — подозрительного, престолу верного херсонского коменданта. Помогал он своей ланкастерской школе и после того как его перевели в Кременчуг служить в Третий корпус; помогал вплоть до последнего дня своей службы в Юго-Западном крае. За всё время существования ланкастерской школы в Херсоне в ней было обучено 660 человек.

Часть вторая. О любви поэта и гусара

Второе письмо, отправленное Давыдовым из Умани в июле 1818 года, было адресовано Петру Андреевичу Вяземскому, служившему в ту пору в Варшаве:

*«Тебя тревожат воспоминания! Но если ты посреди какой бы то ни было столицы вздыхаешь о предметах своей дружбы, то каково будет мне в Херсоне, где степь да небо? Каково мне, удалённому от женщины, которую люблю так давно и с каждым днём более и более и которую с намерением увлекают вовсе в противную сторону той, где я осуждён убивать не последние уже года, но последние дни истинной жизни?»*⁶²

Тоска любовная Дениса Васильевича Давыдова связана, судя по всему, с Софьей Чирковой, чьей руки он добивался в это время. Любовной грусти добавляло то обстоятельство, что незадолго до этого сорвалось сватовство Давыдова к семнадцатилетней Елизавете (Эльжбете Антоновне) Злотницкой, племяннице Николая Николаевича Раевского и сорвалось совершенно неожиданно. С самого начала этого злополучного сватовства материально требовательные родители Лизы (на плечах у них были ещё четыре дочери при скудных доходах от небольшого имения под Киевом) поставили тридцатичетырёхлетнему жениху условие — исхлопотать у государя в аренду казённое имение (такова была форма государственной поддержки небогатых сограждан, отличившихся на службе). После хлопот Василия Андреевича Жуковского и друга Закревского свыше было дано обещание Давыдову предоставить ему в аренду казённое имение, но только не «за заслуги», а как свадебный подарок к его обручению (если таковое совершится):

«Милостивый государь мой, Денис Васильевич, извещаю ваше превосходительство, что я докладывал государю императору о пожаловании вам аренды и его величество соизволил отозваться, что она вам назначена будет по событиям ваших предположений, об окончании которых прошу меня уведомить.

Генерал-адъютант князь Волконский».

Ободрённый этим несколько «размытым» обещанием, Давыдов отправился к месту службы (тогда — под Вильно), чтобы обустроить квартиру по семейному образцу. Вернувшись в Киев в начале 1817 года, он узнал, что переменчивая Елизавета уже дала согласие на новое обручение с князем Петром Алексеевичем Голицыным. Смирив уязвлённое самолюбие, поэт Давыдов, тем не менее, отреагировал на женское непостоянство стихом — Елизавете и своему преемнику (наследнику):

*«А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы век любить
Ему послал по эстафете».*

Маленький рост (и отнюдь не зычный голос) с ранних лет смущал Дениса Давыдова, дополнительно раздражал его самолюбие. Из-за этого огорчительного обстоятельства его в самом начале военной карьеры не хотели принимать в кавалергарды (и только старанием друзей он смог, в сентябре 1801 года, вступить эстандарт-юнкером в кавалергардский полк). Но отнюдь не статью привлекал он дам, а своим игривым характером, окутывающей его славой поэта, а затем и воина.

Первое увлечение женщиной, им описанное, он испытал к жене своего двоюродного брата, также бывшего кавалергарда, Александра Львовича Давыдова, Аглае Антоновне (1787 года рождения). Была она дочерью французского графа де Грамон, товарища по изгнанию позже «реставрированного» Людовика XVIII. Супружеской верностью французенка не отличалась, у её ног, как утверждают современники, умирали все, начиная с главнокомандующего и кончая корнетами. С ней несколько позже, в 1820 году, очень интимно общался и Александр Сергеевич Пушкин, оставивший по этому поводу несколько колких эпиграмм; в одной из них, указывая на возможных своих преемников, он, между прочими, поминает знаменитый «чёрный ус» гусара Давыдова:

*«Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз...»*

Впрочем, опытов чувственной любви с «Аглаей-прелестницей» у молодого гусара Давыдова получил немного: его место в ряду интимных партнёров Аглаи Антоновны занял некий, мощной стати драгунский подполковник. Об-

стоятельство это подвигло опечаленного Давыдова на стихи (в стиле Горация), посвящённые коварной искусительнице:

*«Но, Аглая, как идёт к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь — и прекраснее!
И уста твои румяные
Ещё более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!..»*

Настолько крепко засел в сердце Дениса Давыдова образ демонической Аглаи, что вспоминал он её, неверную, командуя «эскадром гусар летучих» в тылу французских войск в Отечественной войне 1812 года. Описал он в своей книге «Военные записки», как в одном из боевых эпизодов его гусары Ахтырского полка разгромили отряд полькой кавалерии под командованием поручика Тилинга и захватили транспорт из сорока одной фуры, который «состоял в новой одежде и обуви на весь 1-й Вестфальский гусарский полк и (по накладной, найденной у Тилинга) стоил семнадцать тысяч франков в Варшаве». ⁴⁶ В плен попали до полутысячи поляков, в том числе их раненый командир; было захвачено много лошадей, которые «частью были разделены между опешившими и художонными казаками, а частью розданы жителям».

Перечислив результаты победной атаки, Давыдов рассказал о своём общении с пленным Тилингом перед его отправкой в тыл вместе с остатками его отряда:

«Окончив историческое, подошло и романтическое; пред отъездом своим вошёл ко мне поручик Тилинг. Он говорил мне, что казаки взяли у него часы и деньги, но что он, зная право войны, на это не в претензии, а просит только, чтобы ему возвратили кольцо им любимой женщины. Увы! и ах! — я всегда был склонен к чувствам, обуревавшим душу г. Тилинга! Сердце моё может включить в каждую кампанию свой собственный журнал, независимый от военных происшествий. Смешно сказать, но л ю б о в ь и в о й н а так разделили наравно прошедшее моё поприще, что и поныне я ничем не поверяю хронологию моей жизни, как соображением эпох службы с эпохами любовных чувствований, стоящими, подобно геодезическим вехам, на пустынной моей молодости. В то время я пылал страстью к н е в е р н о й, которую полагал верною. Чувства узника моего отозвались в душе моей! Легко можно вообразить взрыв моей радости при встрече с человеком, у одного алтаря служившим одному божеству со мной. Я обещал ему стараться удовлетворить его желание...»⁶⁵

Обещание своё Денис Васильевич исполнил — «отыскал не только кольцо, но и портрет, волосы и письма, ему принадлежащие», которые и отправил их владельцу с сопроводительным письмом: «Примите, государь мой, вещи, столь для вас драгоценные. Пусть они, напоминая о милом предмете, вместе с тем докажут вам, что храбрость и злополучие, так же уважаемы в России, как и в других землях. Денис Давыдов, партизан».

После окончания Отечественной войны, когда в выгоревшую Москву из эвакуации вернулась императорская балетная труппа, Денис Васильевич

Давыдов увлёкся необычайно её молоденькой ученицей статной красавицей Татьяной Ивановой (1798 года рождения). В пламени вселенского московского пожара сгорело и здание Арбатского театра, которое прежде занимала балетная труппа, поэтому все свои представления ей приходилось давать где придётся, чаще всего в арендованных помещениях — в зале Пашковского дома (зал получил название Театр на Моховой) или в усадьбе Степана Степановича Апраксина на Знаменке. Давыдов следовал неизменно по маршруту труппы, посещал, с букетами цветов, все постановки с участием в них (в небольших партиях) начинающей балерины.

Но, увы, остались втуне его страстные ухаживания: в 1816 году Татьяна Иванова вышла замуж за молодого танцовщика и одновременно балетмейстера императорской балетной труппы Адама Павловича Глушковского, вынужденного по этому случаю перейти из католичества в православие. Благодаря мужу и наставнику стала вскоре Татьяна Глушковская первой пантомимной танцовщицей московского балета, исполнителем главных партий в его постановках. Добавила ей популярности и её скромная и вместе с тем величавая манера исполнения русской пляски. А Денису Давыдову только и осталось излить очередную печаль свою в элегии:

«О милый друг, оставь угадывать других
Предмет, сомнительный для них,
Тех песней пламенных, в которых, восхищенный,
Я прославлял любовь, любовью распаленный!
Пусть ищут, для кого я в лиру ударял,
Когда поэтов в хоре
Российской Терпсихоре
Восторги посвящал!»

Вскоре после переезда из Умани в Херсон Давыдов, будучи в Москве, отважился предложить руку и сердце Софье Чирковой. Однако мать его избранницы, вдовья генеральша Елизавета Петровна встала, что называется, в позу и ответила отказом. Заявила планируемая теща, что не желает видеть мужем своей младшей дочери гуляку, пьяницу и якобинца. Давыдов действительно говорил приятелям, будто он, после взятия Парижа (местечка Париже) вступил в якобинский клуб и даже выслал одному из друзей фригийский колпак. Потребовалось немало усилий друзей жениха, чтобы убедить Елизавету Петровну, что описанный её будущим зятем случай — не эпизод его собственной жизни, а творческое обобщение жизни гусарской.

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылку перед нами,
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих...⁶⁴

После венчания в апреле 1819 года молодые пожили недолго в Кременчуге, куда после Херсона начальником Третьего корпуса был переведён Давыдов. Весной 1820 года по его просьбе он получил долгосрочный отпуск, который по-семейному проводил попеременно то в имении жены Верхняя Маза Симбирской губернии, то в подмосковном селе Мышецком, в приобретённом им доме. Затянувшийся отдых Давыдову пришлось прервать для участия в замирении кавказских горцев, участия в персидском походе, в подавлении польского восстания 1830–1831 годов.

В 1829 году Давыдов встретился с Софьей Александровной Кушкиной, красавицей помещицей из Саратова, и встреча эта не оставила равнодушным поэта, если судить по нескольким, посвящённым новой пассии, стихотворениям. В одном из них он сравнивает её со своей первой любовью и — прощается, навсегда:

«Вы личиком — пафосский бог,
Вы молоды, вы стройны, как Аглая;
Но я гусар ... я б вас любить не мог,
Простите: для меня вы слишком неземная.»

Последние годы своей жизни Денис Васильевич провёл большей частью в своём имении Маза, где «мешал с забавой дело», занимался охотой и литературой. Иногда дела заставляли его покидать своё поместье, посещать Петербург, Москву, Владимир, Пензу, где обширный круг знакомых надолго удерживал его. Судьбе было угодно, что находясь в Пензе, он познакомился с дочерью тамошнего помещика Евгенией Дмитриевной Золотарёвой.

И может быть на мой закат печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной.
(А. С. Пушкин)

Молодая девушка выдающегося ума и образования, красавица поразила пятидесятилетнего поэта, и он вспыхнул жаром такой силы, что позабыл, что он женат и что у него девятеро детей (шесть сыновей и трое дочерей). Между влюблёнными завязалась переписка. Писал больше Давыдов и писал языком страсти. Несмотря на его мольбы и уверения, на его честное слово Евгения Дмитриевна долго боялась отвечать. Однажды ответила: «*Страстный язык, которым вы выражаетесь, заставляет меня трепетать; зачем отравлять всю прелесть этой переписки, которая меня так восхищает*».⁶⁶

В ответ на продолжающиеся излияния поэта она предложила ему дружбу. Он ответил: «*У вас хватает смелости предлагать мне дружбу, жестокий друг! Любовь подобна жизни, которая раз утраченная, не возвращается более. Будьте откровенны хоть раз в жизни, — вы хотите отделаться от меня, который, я это чувствую, гнетёт и беспокоит вас. Убейте меня, вонзите не поморщась мне нож в сердце, говоря: я вас не люблю, я никогда вас не любила, всё с моей стороны был обман, я забавлялась!*»⁶⁶

Всего в этой переписке — пятьдесят семь писем; оборвало её замужество Евгении Дмитриевны. Кроме этих писем память о «последней музе поэта»

— в его большом цикле стихотворений (так называемом «золотарёвском цикле», написанном Давыдовым в 1833–1836 годах).

«Без шуток, от меня так и брызжет стихами, — признавался он Петру Андреевичу Вяземскому. — Я, право, думал, что век сердце не встрепенётся и ни один стих из души не вырвется. Золотарёва всё поставила вверх дном: и сердце забилось, и стихи явились, и теперь даже текут ручьи любви»:

«Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор Востоком пышет,
Что вы — поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я мог бы вас любить лишённым зренья...
Я вас люблю затем, что это — вы!»⁶⁴

Скончался Денис Давыдов в 1839 году, на пятьдесят пятом году жизни — отошёл в вечность, оставив по себе вечную память. Жена его, Софья Николаевна Давыдова, пережила мужа на сорок лет».

Александр I и Умань

Как известно, много путешествовавший император Александр I дважды — в 1816 и 1817 годах — заезжал в Киев, и своё первое, шестидневное, пребывание в «матери городов русских» (в приходящийся на сентябрь праздник Рождества Богородицы) отметил смиренным посещением православных святынь.

В Софийском соборе слушал литургию («...приложился к иконам и почивающим мощам и слушал всю обедню, стоя почти неподвижно, кроме поклонения при изображении креста.. стоя подле клироса, подпевал низко баском»). В Печерской лавре исповедовался у незрячего схимника Вассиана («... побеседовав с ним предовольно, как поклонник, по самым словам Государевым, ищущий путей спасения, просил дать ему исповедь, что и совершено, и потом сознал своё имя... призвал лаврского наместника в кабинет свой, возложил на него бриллиантами украшенный крест, равно поручил для доставки такой же крест и схимнику, яко духовному своему отцу»). В лаврских пещерах, с раннего утра и до полудня, осматривал святые

мощи («... благовейно прикладывался ко всем мощам, расспрашивал о жизни всякого святого с удивлением, како Господь удивил все хотения свои в них»). Посетил государь император все устроенные в его честь торжества («...у генерала корпусного Раевского был на балу, данном в большом государевом дворце, и участвовал в танцах с хозяйкою Раевского, покойного Прозоровского женою и статс-дамою Браницкою».⁶⁷

«Три года спустя, в 1820 году, прошёл слух, что государь снова намерен посетить Киев и Киевскую губернию, и что в августе месяце „соблаговолит шествовать через Умань и его повет“. В духовном ведомстве по этому поводу начались беспокойства, волнения; измышлялись меры к наипристойнейшему способу встречи... В конце концов, высшими духовными властями učinено было «предписание» Уманскому Духовному Правлению.

Это предписание разослано было для руководства всем благочинным Уманского уезда с тем, чтобы, „по получении сего, тотчас подведомственным священникам сей указ, для точного к нему исполнения, внушили вразумительно, снабдив всякого из оных... точною копиею“. По исполнении сего благочинные должны были рапортовать об этом Правлению, при том не упустили бы строжайше подтвердить, „дабы церкви от паутины, пыли, а погосты от всяких сорос были очищены и были бы починены по надлежащему“.⁶⁸

Приведённую выше заметку, опубликованную в одном из номеров «Киевской старины» за 1901 год, её автор заключает предположением, что все хлопоты уманского духовенства оказались напрасными и «...ожидаемый приезд государя в Умань и вообще в Малороссию в этом году, насколько нам известно, не состоялся. Умань имп. Александр I посетил в 1822 году, и в чудесной уманской „Софиевке“ владелица её София Потоцкая в одном из гротов — в „Гроте Фетиды“ — угощала Августейшего гостя чаем».⁶⁸

Выводу автора старинной публикации можно решительно возразить: во-первых, большую часть 1822 года Александр I занимался преимущественно решением государственных дел на месте (в их числе — возвратом к этим делам, из ссылки, Михаила Михайловича Сперанского), и только в сентябре того же года выехал на четвёртый и последний дипломатический конгресс Священного Союза в Вероне; во-вторых, в 1822 году Софии Потоцкой, измученной онкологическим заболеванием, было не до экзотического чаепития в парковом гроте — в мае этого года она выехала, с надеждой на излечение, из Петербурга на юг Европы. Поездку эту, из-за невыносимых болей, ей пришлось прервать в Берлине, где она и скончалась в ноябре 1822 года.

Вместе с тем, изучение длительного, по протяжённости и времени, путешествия Александра I по стране и зарубежью в 1820–1821 годах показывает, что в августе 1820 года у него была реальная возможность заехать в Умань и оценить красоту Софиевского парка в лучшую пору её проявления, на границе лета и осени.

После посещения в июне 1820 года Кронштадта «император Александр, предположив открыть второй сейм в Варшаве, сперва отправился во внутренние губернии и посетил южные военные поселения».

«По случаю ежегодных поездок императора Александра Павловича по России, после 1815 года, заблаговременно перед тем составлялся подробный маршрут, в большом масштабе, на 1 или 2 версты по обеим сторонам дорог, по которым государь должен был проезжать. Маршруты эти снимались лучшими съёмщиками и рисовальщиками ситуации из числа офицеров гвардейского генерального штаба и квартирмейстерской части. Снятые ими маршруты государь в путешествии всегда имел при себе, в своём экипаже, и внимательно следил по ним за местностью и всеми местными предметами на ней».

(Кн. Н. С. Трубецкой, «Русская старина», 1880)

Поначалу конный поезд отправился на псковщину, в имение Грузино, принадлежавшее царскому любимцу и в рассматриваемую пору его alter ego, Алексею Андреевичу Аракчееву, устроившему в своём имении образцово-показательное военное поселение (а также кабинет для Александра I, в точности — по размеру и обустройству — повторявший царский кабинет в Зимнем Дворце, что царю очень импонировало). Из Грузино высокий гость вывез наилучшие впечатления, он не скрывал от свиты своего восхищения образцовым порядком и внутренним распорядком при вымуштрованных поселянах.

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.⁶⁹

Проехав в начале июля Осташков, Александр I прибыл в Воронеж, где остановился в доме (точнее — дворце) местного фабриканта Тулинова. В городе царю была устроена торжественная встреча, был отслужен молебен в кафедральном соборе; показали ему пещерную церковь, год назад открытую с его позволения и освящённую на имя святого Александра Невского.

После Воронежа император заехал в Липецк, где тамбовские дворяне к приезду монарха устроили в городском парке триумфальную арку. Александр осмотрел бальнеологическую здравницу, отведал целебной воды из бювета; вечером присутствовал на устроенном местным дворянством балу и принимал участие в танцах. В дальнейшем передвижении по российской глубинке он останавливался в Козлове (ныне — Мичуринске) и Курске, где участвовал в манёврах и оказался чрезвычайно доволен боевой выучкой войск (в предыдущем посещении Курска, в 1817 году, за городские безобразия им был отставлен местный губернатор).

В конце июля 1820 года Александр I прибыл в Чугуев, в его трагически знаменитое военное поселение, бунт которого в 1819 году палач Аракчеев потопил в крови десятков до смерти забитых шпицрутенами (шомполами) бунтарей. К инспекционному приезду царя чугуевские отцы-командиры готовились долго и основательно: *«Везде суматоха, перестройка и возведение новых зданий. Прокладывались новые улицы, старые подводились под математические углы, неровности почвы сглаживались: не говоря уже о горах и пригорках, была скрыта целая гора, с одной стороны замыкавшая селение».*⁷⁰

Своё удовольствие от трёхдневного пребывания в чугуевском поселении император Александр выразил в письме Аракчееву: *«Не могу оставить Чугуева, не написав тебе, любезный Алексей Андреевич, несколько строк... Я нашёл здесь много порядку и начала весьма удовлетворительные. Всё обещает наилучших успехов. Искренне тебя благодарю за все труды в сём полезном деле».*

После Чугуева царская экспедиция отправилась на юг, в Херсонскую губернию, к месту дислокации Бугского казачьего войска. Побывали высокие гости в селе Ольшанка (что на реке Синюхе), ознакомились с бытом и службой тамошних поселян — болгар, вышедших в 1773 году из Турции. Эту царскую инспекцию, по сохранившимся рассказам свидетелей, много позже описал в своих «Летописных набросках» отец Владимир Лобачевский, здешний сельский священник:

«В 1820 году Ольшанку посетил блаженной памяти государь император Александр Павлович вместе с августейшим братом своим Николаем Павловичем. О посещении государя вот что помнят старожилы. Государь приехал в Ольшанку из Лысой Горы и здесь ночевал, так как тут был устроен так называемый дворец. На другой день посетил ольшанскую церковь, затем на площади церковной делал смотр бугским уланам, беседовал милостиво со стариками, расспрашивал о том, какой хлеб здесь лучше родит и где поселяне его сбывают. Поселяне отвечали, что лучше всего родит пшеница арнаутка и что возят её для продажи в Одессу.

*Помнят ещё один случай великодушия государя, когда он, идучи со смотра, встретил сидевшего около дома старого болгарина Иосифа и спросил его: сколько тебе, старик, лет? Старик отвечал: сто лет. Государь дал ему тут же сто рублей на старость».*⁷⁰

Милостивое обхождение государя прибавило местным жителям смелости просить его о возврате казачьих вольностей, дарованных им Светлейшим князем Потёмкиным во время их переселения на новороссийские земли. Сделать это в открытую поселяне побоялись, справедливо опасаясь репрессий свирепого начальства. Один из местных поселенцев, молодой и отважный Иорданчик, догнал на коне, уже далеко за селом, царский поезд и вручил царю коллективную петицию, оставшуюся, впрочем, без последствий (как и попытка местного военного начальства установить личность «дерзкого» подчинённого).

Упоминаемый мемуаристом в составе свиты августейший брат Николай Павлович к этому времени был определён Александром I своим наследником вместо следующего по возрасту брата Константина. Во время встречи двух старших братьев в Варшаве, в 1819 году, Константин в очередной раз подтвердил прежде высказанное им желание отказаться от прав наследника престола, объясняя его намерением жениться на местной красавице Жаннетте Грудзинской.

Намерение это Великий Князь вскоре исполнил (супруге его был по этому случаю пожалован титул княгини Лович), и в марте 1820 года, уже по горячим следам случившегося, был опубликован высочайший манифест, указывающий, что если кто-либо из царской семьи сочетается браком с лицом, не

принадлежащим к царствующему дому (так называемым морганатическим браком), то дети от этого брака не имеют прав на престол. Позже Александр I составил завещание в пользу брата Николая, с условием никому не выдавать его содержания вплоть до своей кончины. Такая таинственность в оформлении престолонаследия привела к суматохе в обществе после кончины Александра, стала формальным поводом для начала выступления декабристов.

Инспекция Бугского казачьего полка была последним пунктом летнего, контрольно-ревизионного турне императора. Исходя из предположения, что в середине сентября 1820 года он прибыл в Варшаву, где выступил с речью на открытии очередного польского сейма, можно с высокой степенью вероятности предположить, что во второй половине августа император Александр, на пути к польской столице, побывал в Умани.

«Император в резиденциях и в путешествиях всегда почивал на походной кровати — на матрасе, набитом соломой, с ложбинкой в середине, а в головах всегда была сафьяновая подушка, набитая сеном. В ноги всегда клался сафьяновый валик, а под правую руку другой валик поменьше, — и всегда спал на одном левом боку, не изменяя этого положения всю ночь».⁷¹

Город он видел впервые, но знал о нём давно (с началом наполеонова нашествия Александр отводил Умани роль тылового прикрытия левого фланга российской армии); был прекрасно осведомлён о парке «Софиевка» — ему посвящённую поэму Трембецкого, в французском переводе де Лагарди, русский император подарил участникам Венского конгресса; был знаком он и с владелицей города и парка, Софией Константиновной Потоцкой, общался с ней в Петербурге.

Летом 1820 года не только город был основательно «вычищен». К приезду высокого гостя был дополнительно благоустроен Софиевский парк. Как утверждает Сильвестр Гроза, в ту пору ученик базилианского училища, к приезду императора Александра I на берегу Нижнего пруда был выстроен деревянный «сельский павильон» (впоследствии на его месте был сооружён Павильон Флоры). Кто знает, может быть, осматривая парк, вспомнил император у Колонны Печали своих рано умерших сестёр, великих княжон, Елену и Александру; попечалился по своей любимой сестре и самом близком друге одновременно великой княжне Екатерине Павловне, умершей год назад (почиталась она как самая яркая звезда русского двора начала девятнадцатого века, сочетала в себе «изящную красоту, тонкий ум и немалое честолюбие», пользовалась такой популярностью, что — после военных и дипломатических провалов Александра I в 1807 году — будто бы существовал план возведения её на престол).

Не мог не испытать особого, отцовского чувства император, которому Софиевский парк — своей красотой и очарованием, наименованием своим — вызвал в его памяти, ассоциативно, зрительный образ глубоко и нежно любимой дочери Софии. Не мог не вспомнить он благодарно, как летом 1811 года графиня София Потоцкая предоставила свой одесский дворец в распоряжение Марии Антоновны Нарышкиной, его долговременной любовнице, перебрав-

шейся к морю для поправки здоровья их дочери; как в конце декабря того же года переправила графиня из Умани в Одессу ёлку, украсившую трёхлетней Нарышкиной рождественский праздник.

«...Экипаж за экипажем, четвёрками, с форейторм, с факелами, с лакеями сзади подкатывались к роскошно иллюминированному сальными плашками и масляными лампами подъезду дома Потоцкой, в котором, по поручению государя Александра I, было устроено помещение для княгини Нарышкиной и её дочери Софьи. Дом этот по Софиевской улице, перешедший к Юрьевичам, а от них к Маразли, принадлежит ныне городу. В его роскошных и изящных залах устроен городской музей изящных искусств. А в былые дни на его оливковых и палисандровых паркетах легко ходили напудренные старики и молодёжь...»¹⁶

Великого князя Александра Павловича в 1793 году «бабка» его, императрица Екатерина II «оженила», в неполных шестнадцать лет, на тринадцатилетней немецкой принцессе Луизе Августе, принявшей в православии имя Елизаветы Алексеевны. Спешила дряхлеющая императрица поскорее остепенить своего старшего из четверых внуков, коего запланировала она, в обход своего — засидевшего в великокняжестве — сына Павла, в престолонаследники.

Поначалу брак этот был счастливым, полагают одни историки и мемуаристы; по мнению других — несовершеннолетние супруги сразу после венчания договорились о свободе и независимости каждого из них в своей личной жизни. Вскоре в Елизавету Алексеевну — голубоглазую, славившуюся божественной красотой и грацией — влюбился, со взаимностью, кареглазый князь Адам Чарторыйский, друг (и некоторое время единомышленник) её супруга. Плодом этой связи в 1799 году стала девочка (император Павел I, впервые увидев внучку, наивно подивился тому, что у родителей-блондинов родился «чернявенький» младенец). Малышка, не прожив и двух лет, умерла. Не больше пожила на белом свете и вторая дочь Елизаветы Алексеевны, которую она родила в 1806 году от кавалергарда Алексея Яковлевича Охотникова, страстно её любившего. Царский «охоронец» немного пережил дочь — был заколот кинжалом при выходе из театра; предполагают, что убийцу подослал брат императора, Константин, небезразличный к невестке.⁷²

Сам Александр, после ряда быстротечных фавориток, надолго остановился на Марии Антоновне Нарышкиной, урождённой Святополк-Четвертинской, 1779 года рождения. Одаренная от природы, замечательная наружностью, она на дошедших до нас портретах лучится яркой красотой. Изысканная полька умелыми манёврами обольщения скоро добилась не просто лестного внимания от бездетного императора, но и создала с ним практически вторую — вне уз законного брака каждого — семью. Богоданный муж Марии Антоновны, Дмитрий Львович Нарышкин, прямой потомок рода матери Петра I, превышавший свою inferнальную половину двадцатью годами возраста,

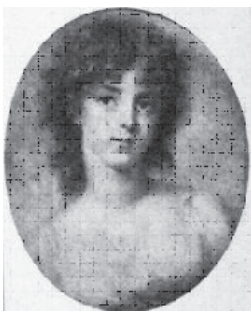

сразу и безропотно смирился с безусловным положением рога носца. Тем не менее, временами проявлял он в своём двусмысленном положении отчаянную отвагу. Однажды, на Венском конгрессе на вопрос монарха о здоровье детей ответил предезрзко вопросом на вопрос: «О каких детях, Ваше Величество, спрашиваетесь? О моих или о Ваших?»

Всех детей своей супруги, зачатых вне семейного алькова, князь Нарышкин обожал ровно своих. (Все-го — здесь мнения обозревателей расходятся — Мария Антоновна родила Александру то ли двух, то ли

трёх девочек, из которых выжила только одна; был у неё ещё сын, Эммануил, императором за своего не признанный.)

Более других, мало поживших «дочек», князь Нарышкин любил их пережившую Софию, хрупкую и невыразимо очаровательную. Ещё больше любил Софию (не просто любил — боготворил) её истинный отец, Александр Павлович Романов, временами наслаждавшийся теплом и уютом побочного «семейного очага» во дворце Нарышкиных. «Я нахожусь дома и пишу тебе из уютного семейного гнездышка, где моя любимая женщина и долгожданный мой ребёнок. Моя дочь Софья украшает моё существование», — писал Александр сестре Екатерине.

Не всё вечно в этом подлунном мире. Скорее накопившаяся усталость и ею порождённое безразличие, чем дезабилье сожительницы и её мимолётного соблазителя, императорского генерал-адъютанта Ожаровского, открывшееся вдруг Александру, побудили его к прекращению затянувшейся внебрачной связи.

Но ни на гран не уменьшилась его любовь к дочери, выросшей писанной красавицей. Увы, тяжкая хворь, с детства её «защепившая», оборвала её жизнь на восемнадцатом году жизни. Умерла София Нарышкина накануне венчания с чужим её сердцу Андреем Шуваловым, назначенным ей в женихи отцом (любила же она, большой и взаимной любовью, друга детства Валерьяна Голицына). Похоронили её, будто христову невесту, в подвенечном платье, уже приготовленном к свадьбе.

Этот очередной удар судьбы до критической отметки подвёл психику Александра, полагавшего мистически, что все его беды — возмездие за страшный грех его молодости, за попустительство отцеубийству. Чувство это заставляло его, проезжая мимо Михайловского замка (места убиения Павла I), закрывать глаза и отворачиваться; по этой же причине он особо не жаловал Петербург, предпочитая ему Царское Село (а в самом Петербурге больше жил в окраинном Каменноостровском дворце). И наконец, в предельных разъездах по России и европейскому зарубежью, начавшихся с 1816 года, пытался он пригасить душевную панику, как-то отвлечься от мрачных воспоминаний.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?⁷³

Покинув столицу летом 1820 года, почти год отсутствовал в ней император. После предполагаемого посещения Умани (в августе того же года) и выступления на открытии польского сейма в Варшаве (в сентябре), он отправился на второй конгресс Священного Союза, открывшийся в конце октября 1820 года в Троппау (Силезия). В январе 1821 года участники конгресса переехали в Лайбах (Люблину), где и закончили свою работу в середине мая того же года.

На обратном пути в Петербург императорский поезд пересёк (18 и 19 мая 1821 года) Угорскую Русь, местность на южном склоне Карпатских гор, в пределах которой в ту пору проживало «до полумиллиона русских, которых называют русняками, как русских Галиции русинами, но которые сами себя просто называют русскими». Воспоминание об этом посещении, записанное венгерским писателем Францем Козинци, пересказал на страницах «Киевской старины» протоиерей Кустодиев. В то время угорские русины подвергались массивному давлению австро-венгерских властей, пытавшихся силой оторвать их от веры предков — православия — и перевести их в униатство.

«19 мая царь остановился в Городне — село между Мишколицы и Кошицы, и пошёл через русский приход к церкви. Известили о том священника, бывшего в то время в доме лесничего, откуда он хотел видеть проезжавших. Священник скоро побежал к церкви.

— Кто вы? — спросил царь, потому что священник предстал перед ним в белом камзоле и сюртуке.

— Я приходский священник.

Одежда священника привела царя в сомнение.

— Священник?

— Да.

— Православный?

Тут священник задумался и по короткому размышлению заблагорассудил назвать себя православным, ибо suo senso и был таким.

Тогда царь руку священника, которую всё держал в своих руках, скоро поднёс, и сказав: «благослови, отче!» поцеловал её.

— Как живут здесь русские? Спросил царь по-немецки.

Священник по-русски отвечал:

— Из Азии пришедший народ (мадьяры) напал здесь на русских (славян) с остатками Рима; мы впрочем сохранили свой язык и веру, но умеем и по-мадьярски.

— И на каком языке отправляется тут богослужение?

Царь говорил больше по-немецки, священник же, Антоний Балаши, по-русски, хотя он знал и по-немецки.

— И разумеет народ богослужебный язык?

— Разумеется, ибо с детства молится по-русски.

— Имеете книги?

Книги были изодранныя, потому что народ здесь убогий; но священник с удовольствием показывал на заглавном листе книги имена Киева и царевой бабки; а царь с наслаждением рассматривал это.

Наконец царь сделал поклон пред престолом и выходя из церкви увидел толпу собравшихся женщин и мужчин. Царь начал говорить с женщинами, предлагая им вопросы:

— Когда создана церковь? Почему нет колокольни?

— Не имеем денег, был ответ

— Бог даст!

С этим он сел в повозку, открыл сундучок и, взяв оттуда 100 червонцев передал их в пользу церкви.

— Пошёл! — сказал кучеру.

*А так как кучер не смог скоро двинуться, то священник, пользуясь временем, наизусть прочитал благодарственную молитву требника».*⁷⁴

Кучером (точнее — лейб-кучером) у царя Александра служил Илья Иванович Байков, известный Петербургу (и, кажется, чуть не всей России) богатырь, шутя гнувший пятаки и разгибавший подковы. Прежде службы в придворной конюшне был он дворовым человеком капитан-лейтенанта Лукина, также славного своим богатырством (одним пальцем капитан вдавливал гвоздь в корабельную перегородку).⁵⁵ Благодаря капитан-лейтенанту богатырь Байков получил вольную и «сделал карьеру» при дворе.

Он правил тройкой лошадей, отвозившей, в начале сентября 1825 года, императора Александра I в Таганрог. Оттуда же, спустя почти четыре месяца, повёз он тело своего господина в Петербург. По дороге, в Москве, в январе 1826 года, прежних лошадей заменили восемью придворными лошадьми цугом. Попытались заменить и Байкова назначенным в Москве кучером, но лейб-кучер отстоял своё место: *«Я возле императора с лишком тридцать лет и хочу служить ему до могилы, а если мешает теперь моя борода, то прикажите её сбрить».*⁷⁵

Современники полагали, что в последние годы своей жизни Александр находился *«как бы в каком-то душевном затмении»*, что суммарной тому причиной (помимо тяжких угрызений совести) была и совокупность внешних обстоятельств, к каковым относились: нервное перенапряжение в войне 1812 года, наводнение 1824 года со всеми его ужасами, опасения новой войны, постоянные происки Меттерниха, интриги собственных придворных... Всё это подрывало здоровье Александра, вызывало в нём внутренний разлад, отвращение к житейской суете, к самой жизни (*«taedium vite»*). Расстройство умственных и душевных сил не могло не отразиться на волевых качествах Александра; метался он в последние годы от одной «точки опоры» к другой: от Сперанского к Аракчееву, от Филарета к Фотию, от князя Голицына к адмиралу Шишкову...

Представлялся он своим современникам и близким потомкам *«загадочной личностью»*, *«неразгаданным сфинксом»*; более всего недоумений у них вызывали те черты характера императора Александра, которые казались совершенно недопустимыми, а некоторые их пары — взаимоисключающими.⁷⁶

Более дальним потомкам, специалистам по психологии такие характеры перестали представлять затруднения для психологического анализа. Его, в частности, в начале прошлого века сделал киевский учёный Иван Алексеевич Сикорский (в журнале *«Вопросы нервно-психической медицины»*, Киев, 1901 год):

«В детстве Александр был весел, беззаботен и уже очень рано обнаруживал доброту, нежность и сочувствие к людям. Вместе с тем он показывал и любознательность, внимание, рассудительность, ловкость и вкус к изящному. Но в то же время развитие воли далеко не соответствовало развитию ума и силе чувства, и императрица Екатерина, близко следившая за ним с момента рождения, не без удивления отмечает эту особенность его характера.

Слабость воли Александра I сделали некоторые чувства его чрезмерными, давая простор их одностороннему росту. Во всю свою жизнь император был неспособен подавить конфузливость, тщеславие, обидчивость; он часто плакал и слезами и вздохами зачастую разрешались у него напряжения души, ждавшие и требовавшие иного исхода. Оттого его добрые качества оставались неустойчивыми и при первых испытаниях жизни обращались в противоположные модификации: доверчивость, кротость и ловкость — в подозрительность, строгость, неприступность.

Быть может, нельзя найти лучшего примера для выяснения важности правильного, основанного на психологии, воспитания, как грустная жизнь императора Александра I; на примере его видимо ясно, что как бы ни были счастливо выражены отдельные черты характера, окончательный склад души определяется не ими одними, а всею суммою душевных качеств человека. Жизнь зрелого человека вводит в живое действие и в борьбу все силы. От искусства человека, от его нравственных усилий, от неусыпного самовоспитания зависит направление и исход внутренней борьбы, какую ведут между собою лучшие и худшие стороны характера. Исход этот может выразиться то нравственным усовершенствованием, то, наоборот, прогрессивной порчей характера».

Трудно не согласиться с анализом и заключением маститого психиатра, с чёткостью и последовательной логикой его умозаключений. Могу только от себя добавить, что не считалось элитой общества той далёкой поры безнравственным угнетение и порабощение простого человека крепостным правом, которое император Александр, с одной стороны, мечтал отменить, а с другой — усиливал его введением военных поселений. Может быть, включил он это государственное дело в число своих грехов, когда долгими молитвами просил прощения у Господа за недостойные деяния свои (в том числе, возможно, *«перевоплотившись»* в старца Фёдора Кузьмича).

Впрочем, оценивать других — дело несложное; трудно, практически невозможно, разобраться в самом себе.

Пушкин, Потоцкие, Умань

Приятно — и важно для самоутверждения, — засомневавшись в чём-либо, для тебя важном, погрузиться в разрешение возникшей дилеммы, многое осмыслить-переосмыслить и, убедившись в верности своей исходной послышки, похвалить себя крылатым словом великого поэта: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

Часть первая. Бывал ли Пушкин в Умани?

Приятно было мне, пересмотрев скрупулёзно работы многих отечественных пушкинистов, окончательно и бесповоротно утвердить себя в убеждении, что Александр Сергеевич Пушкин всё же бывал — правда, единожды и краткосрочно — в Умани.

Факт этот установил (и бесспорность его признали многие специалисты) Мстислав Александрович Цявловский, анализируя — февральскую, 1821 года — подорожную, по которой Александр Сергеевич в компании с братьями Давыдовыми совершил переезд из Тульчина в их родовое имение Каменку. (Подорожная тогда являлась не только документом на проезд, но и географической картой; в подорожной указывались местечки и города на пути следования, уклоняться от которых запрещалось.)

Детали этого факта его первооткрыватель изложил в своей книге «Жизнь и творчество Пушкина, 1799–1826 год», их — с точностью до точки во многоточии — прилагаю.

«Февраль, 15 (?) ... 17(?) — 18(?) ... 20(?). Пушкин проезжает г. Брацлав (17 в. от Тульчина), г. Гайсин (33 ½ в. от Брацлава), г. Умань (62 ½ в. от Гайсина), станции Легезино (28 в. от Умани), Тальное (15 в. от Легезино), Кальниболото (Екатеринополь) (20 в. от Тального), Капустино (20 в. от Кальниболота), Толмач (13 в. от Капустино), г. Новомиргород (24 в. от ст. Толмач) и ст. Баландино (29 в. от Новомиргорода).

*Февраль, 18 (?) ... 20(?). Пушкин с А. Л. и В. Л. Давыдовыми приезжает из Тульчина в Каменку (25 ¾ в. от Баландина. От Тульчина до Каменки — 287 ¾ в.)».*⁷⁷

Из приведённой справки следует, что на преодоление более трёх сотен километров пути путешественникам потребовалось около трёх суток, но трудно определить из неё, сколько времени они провели в Умани. Может быть, удалось им, предъявив для регистрации подорожную и оплатив следующий прогон, получить без задержки свежую тройку лошадей и («бразды пушистые взрывая», под перезвон колокольчика) умчаться по зимнику к следующей станции. Но, вероятнее всего, такого чуда не произошло, и мечтается

мне — традиционно поругивая стационарного зрителя «в изношенном зелёном мундирном сюртуке», довелось Александру Сергеевичу с друзьями долго ждать конной перемены, а выдавшееся свободное время использовать на осмотр города и невыразительного зимой Софиевского парка, после чего, зная о качестве еды трактирной, перекусить из сложенных в дорожный погребец кулинарных припасов и, возможно, вынужденно заночевать в городе.

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду преysкyрант висит
И тщетный дразнит аппетит.⁷⁸

Путешествовали в те времена «на конной тяге» и большей частью — по казённым почтовым трактам, на которых (через каждые двадцать-тридцать прогонных вёрст) устраивались станции. Дабы езда совмещалась с максимально возможным комфортом и чтобы не перекладывался (отсюда — «ехать на перекладных») на каждой станции багаж в другую кибитку, путешественники пользовались своим экипажем с наёмными кучером и сменяемыми на каждой промежуточной станции ездовыми лошадьми. При этом перегоны между станциями совершались по эстафетному принципу, согласно которому завершившие свой прогонный этап лошади будто передавали «эстафету» своим передохнувшим собратьям и — без спешки и перенапряжения — возвращались на предыдущую станцию приписки. Если расстояние между станциями превышало допустимые тридцать вёрст, использовалась так называемая «подстава», то есть свежие лошади, которые загодя вместе с кучером высылались в обусловленное место для перепряжки их в экипаж взамен уставших собратьев.⁷⁹

Зимой ездили либо в открытых санях, либо в санях с кузовом в виде небольшой кареты с небольшим окошком, и скорость передвижения в это время года не должна была превышать допустимые для лошадиных сил двенадцати вёрст в час (летом — не более десяти, в сезон весны или осени — не более восьми).

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной —
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,

И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают как забор.⁷⁸

Для каждого дальнего переезда, даже просто выезда за город от путешественника требовалось, прежде всего, выписать в местной полицейской части подорожную, удостоверив в ней свою личность и указав цель поездки. Подорожная давала право на определённое, соответствующее чину и званию ездока, количество лошадей в упряжи для каждого прогона (юный Пушкин по выходе из лицея получил чин коллежского асессора, который соответствовал предпоследнему — тринадцатому — классу в Табели о рангах, и имел право на трёх лошадей).

Далее — оплачивался проезд до следующей станции из расчёта восьми-десяти копеек за одну лошадь на одну версту пробега, и в назначенное время ямщик впрягал казённых лошадей в экипаж путешественника, грузился и, перекрестившись перед дальней дорогой, трогал. На городской заставе караульный офицер проверял подорожную, заносил данные об отъезжающем в особый журнал и давал состоявшему при нём нестроевому солдату (в тогдашней терминологии — «инвалиду») команду поднять шлагбаум (или — при отсутствии подорожной — команду не поднимать его).

В сравнении с переездами по почтовым трактам «по личной надобности» более приоритетными считались поездки «по казённой надобности» (в современной терминологии — служебные командировки), которые по тарифу, вдвое ниже тарифа для частных поездок, оплачивались служилому из казённых средств. Едущие по служебным делам обеспечивались сверх обязательной подорожной ещё и отпечатанным на специальном бланке «листом для смотрителей», который обязывал последних безостановочно предоставлять лошадей их предьявителям (или, в крайнем случае, быстрее, чем обычно). Был ещё один класс ездоков по государевым дорогам — правительственные курьеры и фельдъегери. Для них у станционных смотрителей был неприкасаемый резерв лошадей, на который не могли посягнуть даже едущие по казённой надобности и другие — существовавшие и поныне существующие — «мажоры» и «льготники».

Уже с молодых лет своих Александр Сергеевич Пушкин много путешествовал, и «охота к перемене мест» владела им всю его жизнь, за которую — как подсчитали дотошные исследователи — он покрыл почти тридцать пять тысяч вёрст пути, проведя в дороге суммарно около восьми лет своей жизни. Путешествовал он как по своей, так и по чужой воле, и в первое вынужденное путешествие, протяжённостью более полутора тысяч вёрст, из Петербурга в Екатеринослав отправился 6 мая 1820 года (под присмотром своего верного и пожизненного слуги Никиты Тимофеевича Козлова).

Незадолго до этого император, взбешённый вольнолюбивыми стихами и эпиграммами вольнодумца Пушкина, вознамерился отправить его в ссылку, в Сибирь или на Соловки, но после вмешательства влиятельных в царской семье друзей поэта (Василия Андреевича Жуковского, Николая Михайловича Карамзина) «умягчился» и осчастливил вольнодумца милостивым снис-

хождением. Царской волей ссылка в места не столь отдалённые была заменена поэту служебным перемещением на юг, с выдачей (с запасом) на руки тысячи рублей прогонных и выписанной в царской канцелярии курьерской подорожной:

«По указу Его Величества, Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского и прочая и прочая, и прочая показател сего, Ведомства Государственной Коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобности службы к Главному попечителю колонистов Южного края России, Г. Генерал-лейтенанту Инзову; почему свободного проезда сей паспорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820 года».

(Подорожную эту коллекционер и поклонник Пушкина, балетмейстер Парижской оперы Серж Лифарь приобрёл у букинистов на набережной Сены, и приехав в 1961 году туристом в Ленинград, подарил её Пушкинскому Дому.)

Безмерно саркастичный Филипп Филиппович Вигель в своих воспоминаниях отметил ядовито, что курьером Александр Сергеевич был назначен попутно — для официальной передачи (в опечатанном сургучом пакете) Григорию Никитичу Инзову царского указа о переназначении его полномочным наместником Бессарабского края, куда тот скоро переехал. Впоследствии генерал благоволил к гонимому поэту, забрал его с собой в Кишинёв, поселил там в собственном доме, оберегал от всевозможных бытовых, в том числе дуэльных, проблем.

*«Глубокая тайна покрывает его рождение. Приёмным вырос он в доме Трубецких, которые дали ему наречение Иной Зов или Инзов».*⁸⁰ На деле генерал Инзов сочетал в себе истинную храбрость (участвовал в десятках сражений под командованием Суворова, Милорадовича, Кутузова; командовал дивизией в битве народов под Лейпцигом) с редким человеколюбием. За гуманное отношение к французским пленным был награждён французским правительством орденом Почётного легиона. Для него, искреннего, честного, доброго и отзывчивого человека, бобыля, не имевшего своих детей, молодой Александр Пушкин был что сын родной, которого он обогрел добрым приветом и отеческим вниманием. «Наш Инзушко» стал скоро называть Пушкин своего ангела-хранителя, благодарный ему за возможность свободного творчества и вольной жизни, за дозволенность дальних и долгих отлучек с места государевой службы (кто знает, может быть, и с оформлением их для измученного безденежьем поэта как «по казённой надобности»).

Ещё в Екатеринославле Инзов разрешил своему молодому статс-секретарю, внезапно — после купания в Днепре в канун своего дня рождения — заболевшему лихорадкой, поправить здоровье на минеральных водах, о чём просил его проезжавший с частью своей семьи через город генерал Николай Николаевич Раевский.

Поездка Пушкина на воды, начавшаяся 28 мая 1820 года, обернулась в итоге длительным и увлекательным путешествием по Кавказу и Крыму, с переездами в сопровождении казачьей охраны (и даже пушки — отбиваться от абреков), с плаванием на военном бриге по Чёрному морю, с посещением замка Ришелье и покоев крымских ханов. На всём протяжении маршрута поэт радовался дружбе с духовно близким ему молодым Николаем Раевским, наслаждался — помимо природных красот — обществом дочерей бравого генерала. В первой части пути умилялся он двумя младшими сёстрами-прелестницами — Софией (13 лет) и Марией (14 лет); после Гурзуфа, где к семье присоединилась отдельно выехавшая их Петербурга жена генерала — с двумя старшими дочерьми, Еленой (17 лет) и Екатериной (23 года) — к умилению очарованием юности прибавилось восхищение красотой зрелости: *«Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная»*.

Следствием путевых чувствований поэта стали его стихотворения, давшие повод будущим пушкинистам определять, кому из сестёр они посвящались. Меньше других шансов оказалось у Софии (обаятельна, но совсем ещё ребёнок) и у Елены (самая красивая из всех сестёр, она отличалась такой болезненностью, что не могла принимать участия в танцах и других развлечениях; осталась незамужней). К Марии, будущей жене будущего декабриста Сергея Григорьевича Волконского, литературоведы «подтянули» пушкинское *«Увы, зачем она блистает / Минутной нежной красотой...»*, к Екатерине — его элегическое *«Редает облаков летучая гряда, / Звезда печальная вечерняя звезда...»*.

К новому месту службы, в Кишинёв, Пушкин прибыл только 21 сентября 1820 года. Поначалу остановился в заезжем доме Ивана Николаевича Наумова (в советское время в нём размещался Дом-музей поэта), а в середине ноября переехал в дом Инзова.

До переселения к Инзову успел поэт очень очароваться Еленой Фёдоровной Соловкиной, женой командира Охотского полка. Умудрился также в городской бильярдной, после употребления «жжёнки», поспорить с областным почтмейстером Алексеем Петровичем Алексеевым и гвардейским полковником Фёдором Фёдоровичем Орловым (брат последнего, Михаил Фёдорович, примирил забияк).⁸¹

Познакомился и подружился Александр Сергеевич в это время с офицером Генерального штаба Александром Фомичём Вельтманом, весьма знаменитым писателем и поэтом (*«Что затуманилась, зоренька ясная, / Пала на землю росой! / Что призадумалась, девица красная, / Очи блеснули слезой!»*); постоянно общался с генералом Михаилом Фёдоровичем Орловым, командиром 16-ой дивизии, активным членом кишинёвской ячейки Южного общества, и его однодумцем, адъютантом, Константином Алексеевичем Охотниковым. (Полгода спустя — 15 мая 1821 года — женой генерала Орлова стала Екатерина Раевская.)

В начале ноября 1820 года к генералу Орлову приехали братья Давыдовы — младший, полковник в отставке Василий Львович, скорее всего, по делам конспиративным, старший, отставной генерал-майор Александр Львович, дел этих не касавшийся, видимо, — только ради смены впечатлений. Пушкин познакомился и близко сошёлся с неразлучными братьями на обеде в доме Орлова, и результатом этого тесного общения стало приглашение поэта братьями Давыдовыми погостить в Каменке. Александр Сергеевич приглашение принял, генерал Инзов его одобрил, и к исходу последнего месяца осени троица новосоставившихся друзей отправилась в путь.

По приезде отметили — 24 ноября — день ангела матери братьев, владелицы Каменки Екатерины Николаевны Давыдовой (в первом браке — Раевской). На семейное торжество прибыли и сын именинницы (он же — единокровный брат Давыдовых), Николай Николаевич Раевский, его старший сын Александр, кишинёвские заговорщики Орлов и Охотников, приятель Пушкина, будущий декабрист Иван Дмитриевич Якушкин.

После именин, на одном из собраний, в отсутствие Раевских Якушкин — будто бы шутя — спросил у Пушкина о возможности его участия в тайном обществе, буде оно составилось, на что тот — искренне и горячо — дал утвердительный ответ. Во время этого розыгрыша Александр Львович Давыдов по обыкновению своему полудремал-полубодствовал; жил он (в прошлом — боевой генерал, участник войны 1812 года) размеренной жизнью помещика-сibarита, *«...славился астрономическими талантами и чудовищным аппетитом»* и к революционным замыслам брата Василия был совершенно безразличен. Жена его, в любви всеядная Аглая — в списке сердечных увлечений Пушкина.

Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим боле;
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нём на воле;

...Я вами точно был пленён,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой.

Трудно понять, почему позже, уже после посещений Каменки, возникла и в стихах проявилась антипатия Александра Сергеевича к старшему из *«милых и умных отшельников»*, Александру Львовичу Давыдову. Возможно, причиной тому стала бездумная полшутка общих друзей об участии Пушкина в заговоре, на которую тот бесхитростно отреагировал, при полном безразличии к происходящему старшего Давыдова; последний и стал, спустя некоторое время, невольным объектом психологической разрядки негативных ощущений поэта, накопившихся в нём после малоприятного афронта. Возможно, к этому добавилось и непроизвольное раздражение Пушкина, вызванное легковесностью и абсолютной доверчивостью вечно обманутого мужа, которо-

му сексапильная супруга, «в супраге» с очередным «фаворитом» наставляла рога («...И рогоносец величавый, / Всегда довольный сам собой, / Своим обедом и женой»).

Все это случилось позже, а пока же, в середине декабря 1820 года миляга Александр Львович написал письмо генералу Инзову с просьбой разрешить Пушкину по причине недомогания задержаться в Каменке, на что, естественно, последовало письменное согласие. Ещё месяц провёл Александр Сергеевич у хлебосольных Давыдовых («Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов»), и 28 января 1821 года вместе с ними отправился в Киев, на знаменитые «зимние контракты».

В Киеве Пушкин поселился у дорогих ему Раевских и через несколько дней «среди шумного бала, случайно» встретил дочерей губернского предводителя дворянства, графа Адама Лаврентия Ржевуского — младшую, семнадцатилетнюю Эвелину Ганскую (впоследствии — многолетнюю пассию и, вторым браком, жену Оноре де Бальзака) и старшую, двадцатишестилетнюю, стройную и необыкновенно красивую Каролину Собаньскую, в которую ментально и безумно влюбился.

Притом любовь — могучая стихия
И некрасивых женщин вовсе нет
Для всех мужчин моложе средних лет.⁸²

Увлечения юного Пушкина в начальную пору своей половозрелости женщинами старшего возраста Юрий Николаевич Тынянов объясняет тем, что в детстве своём он был напрочь лишён материнской ласки. Поэтому и пытался Александр Сергеевич восполнить её, недополученную, юношеской страстью — к Катеньке Бакуниной, старшей сестре его лицейского приятеля; к тридцатисемилетней Екатерине Андреевне Карамзиной (за написанную ей по этому поводу записку получил он от её мужа, маститого историографа, строгий реприманд); к тридцативосьмилетней — красивой, умной, чуть взбалмошной — Авдотье Ивановне Голицыной («Не спрашивай, зачем унылой думой / Среди ночи я часто омрачён»...)⁸³

В двадцать лет Каролина Ржевуская была выдана за пятидесятилетнего помещика Иеронима Собаньского, и родив ему, супружеской верность не отличавшемуся, в 1816 году дочь, сославшись на нездоровье, добилась от католической консистории разрешения на самостоятельное проживание, а в 1825 году — и на развод. (К слову, брат её мужа Исидор Собаньский, несколько лет спустя, в Одессе, стал более счастливым соперником Александра Сергеевича Пушкина в их общем увлечении Амалией Ризнич.)⁸⁴

В Киеве успеха у польской красавицы Пушкин не добился, к тому же Собаньская, общавшаяся по-французски и плохо знавшая русский язык, не могла оценить поэтического дара влюбившегося в неё поэта. Несколько лет спустя (в 1823 году), находясь в Одессе, где Каролина сожительствовала с Иваном Осиповичем Виттом

(сыном Софии Константиновны Потоцкой от первого брака), Пушкин приступил к правильно организованной осаде «неприступной крепости»; «обложил» её по всем правилам любовного искусства, изложенным в эпистолярном романе Шодерло де Лакло «Опасные связи» — настольной книге своего детства.

Усвоенные из книги наставления не помогли — сладострастная, холодно-кокетливая и расчетливая Лолина (так звали Каролину близкие) расставляла любовные силки для более крупной (по положению и капиталу) «дичи», такой, к примеру, как помянутый Иван Осипович Витт, после долгого наложничества женившийся на ней. (В 1831 году, после подавления Варшавского восстания, наместник Царства Польского Иван Фёдорович Паскевич попросил Николая I назначить полуполяка Витта вице-председателем польского временного правительства, на что царь ответил отказом: «...женившись на Собаньской, он поставил себя в самое невыгодное положение, и я долго оставит его в Варшаве никак не могу. Она самая большая интриганка и полька, которая под личиной любезности и ловкости всякого уловит в свои сети, а Витта долго будет водить за нос в смысле видов своей родни».)

В теньта обольстительной соотечественницы в эту же одесскую пору попался и некоторое время трепетал в них — неловко и безуспешно — Адам Мицкевич. Его русский сотоварищ по поэтическому цеху, почувствовав бессмысленность затянувшейся осады, снял её, отметив на прощанье: «Я вас любил безмолвно, безнадежно, / То ревностью, то робостью томим...» (тем более, что наступило для поэта время Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой).

С Каролиной Собаньской Пушкин встретился ещё раз, в Петербурге, в январе 1830 года. Роковая страсть поэта к красавице-полячке к этому времени ослабела, но не иссякла окончательно, что подтверждает вписанное им собственноручно в её альбом стихотворение:

«Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке...»

Не ведал Александр Сергеевич, посвящая эти чудные строки по-прежнему очаровывавшей его женщине, что была она сотрудницей и соучастницей мужа своего в делах тайного сыска, что писала она своей рукой все его доносы «наверх». Не знал он, что вела хитроумная полячка, по мужнину приказу (так утверждают некоторые пушкинисты), агентурное наблюдение за ним, опальным поэтом, в его одесский период жизни (а если бы и узнал, то — как восхищённый ею — не поверил бы).

А прогос. В один из августовских дней 1820 года, когда Александр Сергеевич Пушкин с милым его сердцу семейством Раевских осматривал досто-

примечательности Крыма, в город Умань, по дороге в Тульчин (на встречу с Пестелем), заехал и полюбовался парком «Софиевка» Никита Михайлович Муравьев — один из главных идеологов набиравшего силу движения будущих декабристов, масон, гвардии-капитан гвардейского Генерального штаба. О факте этом он сообщил письмом своей «маминьке», Екатерине Фёдоровне Муравьевой (урождённой баронессе Колокольцевой):

*«Августа 16-го дня
Тульчин.*

Спешу сообщить вам, маминька, что мы не нашли в Киеве майора, о котором столько говорили, — он находится в данное время при своём полку в Виннице, куда мы пошлём ваше письмо, как только приедем в Одессу. Оказывается, княгиню Кутузову обокрали не на постоялом дворе, но в доме коменданта города. Выехав из Киева, мы отправились в Умань, чтобы осмотреть парк Софьювка, о котором нам столько рассказывали и подробное описание которого мы пошлём вам также по приезде. Проведя день в Умани, мы прибыли в Тульчин, переправившись через Буг, который в этих краях не шире Фонтанки. Отсюда мы продолжим путь через Балту и Дубоссары и приедем в Одессу со стороны, противоположной той, с какой въезжали в прошлом году. Здесь уже ощущается юг — жары и зелени хватает. Кланяйтесь всем нашим петербургским знакомым. Наше почтение Александре Николаевне. Прощайте, любезная маминька, целую ваши руки с глубокой преданностью.

*Ваш сын Н. Муравьев.
Обнимаю брата. Кланяйтесь Сергею».*⁸⁵

Не известно, составил ли описание парка «Софиевка» Никита Михайлович Муравьев для «любезной маминьки». В его последующих письмах Екатерине Фёдоровне указания на это нет, зато в одном из них (от 7 октября 1820 года) есть сообщение о встрече Муравьева в Крыму с семейством Раевских на исходе сентября 1820 года (к этому времени Александр Сергеевич был на пути к Кишинёву, генерал Раевский — уже уехал в Киев, а в Крыму с детьми осталась Софья Алексеевна Раевская):

«В Севастополе мы провели время довольно приятно с семьёю Раевских — катались вместе в катере по прекрасному здешнему заливу и ездили смотреть живописные развалины Инкермана. По вечерам шахматы и музыка занимали нас. Я был на двух балах — на публичном и на свадебном полковника Врангеля, видел всех здешних дам и весь флот. В то же время были балы в Симферополе и великолепная татарская свадьба с турниром. В Севастополе мы расстались с дядюшкой, хотели ехать на другой день и думали его застать еще в Бахчисарае или в Симферополе, но не могли достать лошадей и принуждены были пробыть еще три дня с Раевскими. Никогда еще не бывало такого стечения народа в Крыму — Ланжерон, Раевская со всем своим семейством, Витгенштейн, Киселев, Корнилов, князь Сергей Голицын с женою и с Шепингом, Бетанкур с своим штабом и много других еще, нигде нельзя было достать лошадей, мы с бою проехали в трое суток 62 версты от Сева-

*стополя до Симферополя, инде отбивали лошадей, в других местах подкупали почталонов и брали лошадей, заготовленных для других. В Симферополе мы познакомились с Барановым, губернатором, который нам показался человеком с отличными качествами, мы оба весьма жалели, что так мало с ним были. От Симферополя мы проехали в 2 суток в Одессу».*⁸⁵

Из ещё одного письма, отправленного Никитой Михайловичем Муравьевым из Одессы 10 октября 1820 года, можно узнать о его встрече с Софией Потоцкой (он её называет по предыдущей фамилии — Витт) и одной из её дочерей:

*«Третьего дни мы обедали у госпожи Калиновской, где была графиня Витт с дочерью. Вчера были в Итальянской опере — здешняя prima donna Арисси, которая не играла очень долго по причине болезни, появилась опять на сцене, хотя голос ее много потерял. Здесь мы видимся почти каждый день с графом Воронцовым (сын Арины Михайловны, кажется), который учился в Вене. Он развезжал нынешнее лето по России в сопровождении Геракова, известного под наименованием Молодого Грека. Они оба только что приехали из Крыма. Гераков читал нам превысокопарное описание Крыма, я делал ему критические замечания, а М[ихайло] С[ергеевич] защищал его — вы не можете себе представить этой сцены?»*⁸⁵

Часть вторая. Пушкин и юная Потоцкая

Зимой 1826–1827 года Александр Сергеевич Пушкин, будучи влюблён в Екатерину Николаевну Ушакову, записал в альбом её младшей сестры Елизаветы тридцать семь зашифрованных имён женщин, в которых он был прежде влюблён.

В начале прошлого века «Дон-Жуановский список» поэта начали анализировать пушкиноведа, которые почти весь его дешифровали, за исключением одной фамилии, обозначенной поэтом в любовном каталоге как NN. Назвали специалисты таинственную незнакомку «утаённой любовью поэта» и отнесли её «к числу величайших и всё ещё не разгаданных загадок пушкиноведения».⁸⁶

За долгое время проведения «разгадок» в число претенденток на титул «наисовершеннейшей» попали Мария Николаевна Раевская (в замужестве — Волконская) и Екатерина Николаевна Раевская (в замужестве — Орлова), Екатерина Андреевна Карамзина (её поэт хотел видеть и что-то важное сказать в последние минуты своей жизни), Мария Аркадьевна Голицына (урождённая Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса), графиня Наталья Викторовна Кочубей (в замужестве — Строганова), помянутая выше Каролина Собаньская, Амалия Ризнич (дочь венского банкира и жена одесского купца-мецената), Елизавета Ксаверьевна Воронцова (урождённая Браницкая, жена Новороссийского наместника) и ... даже девочка-татарка, бывшая компаньонкой у барышень Раевских.

Мне же, «закоренелому» уманчанину, более других по душе разработка Леонида Петровича Гроссмана, не только выявившего «прекрасную незнакомку», но и по-своему доказавшего, что именно ей — Софии Станиславовне Потоцкой — посвятил Пушкин поэму «Бахчисарайский фонтан».

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный.⁸⁷

Легенду о любви одного из последних крымских правителей хана Керим-Гирея к польской пленнице Марии Потоцкой Пушкин услышал в Петербурге, в его трёхлетие «пылких оргий» — между выходом из лица и комфортной «этапировкой» на юг. Услышал он её из уст своей новой знакомой: «Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины», — вспоминал поэт в письме (от 8 февраля 1824 года) к Александру Александровичу Бестужеву.

В письме к Антону Антоновичу Дельвигу, в декабре 1824 года, Пушкин, описывая устройства фонтана в ханском дворце, сообщал: «К** поэтически

описала мне его...» Ещё в одном письме Бестужеву, 29 июня 1824 года, он написал, что полюбил «без памяти» именно эту незнакомку. «Но, — меланхолично пересказывает любовные lamentации поэта Александр Петрович Гроссман, — чувство его не встретило ответа, и он решил скрыть от всех имя этой ранней посетительницы Тавриды, вдохновившей его на прелестнейшую стихотворную новеллу и внушившей ему чувство, которое сам он называл «безумной любовью», «глубокими ранами сердца», «тяжёлым сном своей молодости».⁸⁸

Ещё ранее указанной переписки Пушкин сам указал на вдохновительницу «Бахчисарайского фонтана» — Софию Станиславовну Потоцкую, жену генерала Павла Дмитриевича Киселёва, начальника штаба Второй армии, дислоцировавшейся в Тульчине (то есть К** — это Киселёва).

В ноябре 1823 года Пушкин писал своему старшему другу, поэту Петру Андреевичу Вяземскому: «Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Если эти бессвязные отрывки покажутся достойными тиснения, то напечатай... Припиши к Бахчисарая предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселёвой». Малопочтительный эпитет в конце письма — реплика Пушкина на точно такое же определение Софии Киселёвой, которое Вяземский сделал в своём письме (в октябре 1819 года) Александру Ивановичу Тургеневу: «Ещё несколько дней погостит с нами Потоцкая с Софьею, которая хороша как Минерва в час похоти».

Своих красавиц дочерей — семнадцатилетнюю Софию и пятнадцатилетнюю Ольгу — София Константиновна Потоцкая в начале 1818 года впервые представила петербургскому свету, и судя по всему, друг Вяземский опередил

друга Пушкина в знакомстве и увлечении старшей из них. В своих «Воспоминаниях» помянул Пётр Андреевич один из приёмов в петербургском доме Потоцких, на котором было приволокнущий за Ольгой Потоцкой убелённый сединами генерал Михаил Андреевич Милорадович («седина — в бороду, бес — в ребро») получил неожиданную выволочку от милейшего Александра Ивановича Тургенева:

«Помню, как за обедом у графини Потоцкой живо схватился он с гр. Милорадовичем, бывшим тогда с.-петербургским военным генерал-губернатором, и упрекал его за нерасположение к одному из чиновников, при нем служивших... Милорадович оправдывался, как мог и как умел; многочисленные гости за столом в молчании и с удивлением присутствовали при этой тяжелой распре. Правда, что Тургенев, как ловкий военачальник, призвал в союзницы себе двух красавиц-дочерей хозяйки, и победа осталась за ним».⁵²

Нет точного документального указания на время знакомства Пушкина с Софией Потоцкой; тем более трудно установить, когда она (проведшая не одно детское и отроческое лето в крымских имениях родителей и явно знавшая тамошние истории и легенды) пересказала восхитившемуся ею поэту местное сказание о своей однофамилице — Марии Потоцкой. И совсем уж невозможно установить, когда и в какой форме отвергла юная графиня ухаживания поэта.

В петербургском доме Потоцких с 1817 года бывал молодой генерал Павел Дмитриевич Киселёв, успевший к своим тридцати годам поучаствовать в антинаполеоновских баталиях в Европе, в Отечественной войне 1812 года, побывать флигель-адъютантом в свите Александра I на Венском конгрессе. Ему — а не поэту — отдала позже, в Тульчине, свою руку и сердце независимая, умная и красивая София Станиславовна Потоцкая.

Поэт же, узнав о сватанье к «владычице его сердца» успешного генерала, бросил киевские «контракты» и 10 февраля 1821 года умчался в Тульчин.⁸⁹ О его пребывании в этом городке вспоминал (перебирая в памяти одесские события 1823 года) декабрист Николай Васильевич Басаргин:

«В Одессе я встретил также нашего знакомого поэта Пушкина. Он служил тогда в Бессарабии при генерале Инзове. Я ещё прежде имел случай видеть его в Тульчине у Киселёва. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал».⁹⁰

Возможно, Пушкин (несмотря на взаимную неприязнь) ходатайствовал перед генералом Киселёвым об устройстве на военную службу своего младшего брата Льва; возможно, он беспокоился о судьбе недавно арестованного Владимира Федосеевича Раевского; но, думается мне, увлечённому идеей Гроссмана, что «идеей фикс» приезда Пушкина в Тульчин, родовой город Потоцких, было желание встретиться с Софией Потоцкой и ещё раз объяс-

ниться с ней. И, вероятно, после неудачного свидания — решающего и последнего — думал поэт о ней во время последовавшего переезда в Каменку, во время проезда через славный город Умань.

Два месяца спустя после отъезда Пушкина, в середине апреля 1821 года, в Тульчине состоялась помолвка Софии Потоцкой и Павла Киселёва, а в августе того же года они обвенчались, уже в Одессе. Семейная жизнь у Киселёвых не сложилась. Родившийся у них в 1822 году сын Владимир умер в двухлетнем возрасте; других общих детей Господь им не даровал. В ноябре 1822 года в Берлине скончалась София Станиславовна Потоцкая, перед смертью поручившая младшую дочь Ольгу попечению супругов Киселёвых. Ольга поселилась в доме сестры ... и разбила её семейное счастье (или только семейный покой?) романом с её мужем, романом, который превратился в прочную, пожизненную связь двух любящих друг друга людей.

В ноябре 1822 года Ольга Станиславовна Потоцкая обвенчалась со Львом Александровичем Нарышкиным и поселилась с ним в Одессе. София Киселёва, по причине неверности мужа и отсутствия с ним общих общественных идеалов, оставила его (правда, без оформления развода) в 1830 году и вскоре навсегда покинула Россию.

Ольга Станиславовна Нарышкина, овдовев в 1846 году, поселилась в семье своей единственной дочери, графини Софии Львовны Шуваловой. В конце пятидесятых годов она уехала за границу, на своё последнее свидание с Павлом Дмитриевичем Киселёвым. Умерла она в Париже 7 октября 1861 года (*...граф Киселёв был очень опечален кончиной Ольги Станиславовны Нарышкиной, с которой он был в самых дружеских отношениях около 40 лет. Когда она приехала из Гейдельберга в Париж, Павел Дмитриевич посещал её каждый день. Он был у ней за час до кончины и последние обращённые к нему слова её ... долго не могли изгладиться из его памяти*).

Павел Дмитриевич Киселёв на одиннадцать лет пережил любимую женщину — умер он 11 ноября 1872 года в возрасте восьмидесяти четырёх лет, в Париже; похоронен был в Москве. Его жена, София Станиславовна Киселёва-Потоцкая, скончалась 2 сентября 1875 года в своей парижской квартире в возрасте семидесяти четырёх лет, видимо, в полном одиночестве.

Sic transit gloria mundi! — Так проходит земная слава!

И в заключение, для разрядки, — выдержка из финальной части книги Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола «Путешествие по Тавриде», которую Александр Сергеевич Пушкин процитировал в своём послесловии к поэме «Бахчисарайский фонтан»:

«Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я не спорил с ними, сколько не уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать полячек,

все мои доводы остались бесполезными; они стоят в одном: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, как разве принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких».

Волконские и Умань

В 1821 году в Умань для продолжения воинской службы был переведён из Петербурга на должность командира бригады генерал-майор Сергей Григорьевич Волконский. В городе он прослужил более четырёх лет, совмещая воинскую службу с активной деятельностью в тайном Южном обществе; здесь, после января 1825 года, жила с ним его молодая жена, несравненная Мария Николаевна, дочь генерала Раевского.

В Умани в январе 1826 года князь Сергей Волконский был арестован и как «государственный преступник» вывезен в Петербург, где был заключён в Петропавловскую крепость. Обо всём этом напоминает памятный знак, установленный на доме, в котором жили декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его жена в уманскую пору своей жизни.

Часть первая. Начало декабризма

После Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1813–1814 годов либеральные идеи распространились в российском дворянстве и стали первопричиной появления в России (в 1814–1815 годах) нескольких обществ-клубов, в которых обсуждались «горячие» проблемы российской действительности. Таковыми были — «Офицерская артель» в покровительственном императором Семёновском полку; «Священная артель» офицеров Главного штаба с Александром Николаевичем Муравьёвым во главе; Каменец-Подольский кружок Владимира Федосеевича Раевского; «Общество русских рыцарей» Михаила Фёдоровича Орлова и Матвея Александровича Мамонова.

В феврале 1816 года шестеро молодых гвардейцев (братья Муравьёвы, Иван Дмитриевич Якушкин, братья Муравьёвы-Апостолы, Сергей Петрович Трубецкой) организовали тайное общество радикального настроения «Союз спасения», с 1817 года переименованное ими в «Общество истинных и верных сынов отечества». Для него его организаторы разработали устав — «Статут», в котором основной целью общества определили содействие правительству в проведении реформ и искоренении пороков, прежде всего — крепостного права.

Осенью 1817 года «Союз спасения» раскололо предложение Ивана Дмитриевича Якушкина убить царя во время пребывания императорского двора в Москве (так называемый «Московский заговор»). Большинство членов «Со-

юза спасения» идею царевубийства отвергло и высказалось за самороспуск, дабы на основе прежнего тайного общества создать более массовую организацию, способную завоевать серьёзную общественную поддержку.

Такой организацией стал формально тайный, но по сути полулегальный «Союз благоденствия», учреждённый в январе 1818 года и насчитывавший в самом начале своей деятельности около двух сотен участников (только мужчин не моложе восемнадцати лет). Органом его управления были определены Коренная управа из тридцати учредителей и Дума из шести человек, которым подчинялись «деловые управы» и отпочковавшиеся впоследствии от них «побочные управы» (такие управы, числом пятнадцать, существовали, в том числе, в Петербурге, Москве, Тульчине, Полтаве, Тамбове, Нижнем Новгороде, Кишинёве). Своей основной задачей «Союз благоденствия» объявил нравственное воспитание и просвещение народа, помощь правительству в его добрых начинаниях, смягчение участи крепостных крестьян.

Со временем настроение большинства членов «Союза благоденствия», как и у его предшественника, заметно радикализировалось, и на Петербургском совещании в январе 1820 года прежняя идея введения представительского правления сверху была заменена идеей установления республики (предложения Никиты Михайловича Муравьёва убить царя и Павла Ивановича Пестеля о временном правительстве с диктаторскими полномочиями были отвергнуты). Известия о революциях, вспыхнувших в 1820 году в Испании и Португалии, подавление восстания в Семёновском полку в октябре 1820 года резко обострили разногласия в «Союзе благоденствия», для разрешения которых в январе 1821 года был созван «Московский съезд»; его решением общество временно распускалось с тем, чтобы, отсеяв ненадёжных и слишком революционных своих членов, воссоздаться в более узком составе единомышленников.

Самая многочисленная Тульчинская управа, с Пестелем во главе, ликвидационное решение «Московского съезда» не признала и на своей основе в марте 1821 года организовала «Южное общество» (приблизительно в это же время в Петербурге, усилиями Никиты Михайловича Муравьёва и Сергея Петровича Трубецкого было положено начало «Северному обществу»). Основой политической деятельности будущих декабристов стал курс на «военную революцию» (на манер недавнего испанского восстания, в котором дисциплинированная военная сила, руководимая авторитетными военачальниками, практически бескровно сменила политическое устройство страны). Одновременно организаторы обществ приступили к разработке проектов политического и социального переустройства России на принципах «естественного права», выработанных мыслителями века Просвещения.

С 1823 года деятельность заговорщиков активизировалась настолько, что радикальная Васильковская управа, входившая в «Южное общество», спланировала (и чуть было не осуществила) убийство Александра I во время царского смотра войск в Бобруйске. Пестель, посчитавший решительное выступление преждевременным, царевубийство запретил, но в следующем, 1824 году, санкционировал его во время общевоинских смотров в Белой Церкви.

Однако Александр I, предупреждённый об опасности покушения, строевые экзерциции отменил. Зная к этому времени, в самых общих чертах, о существовании в России тайных организаций, поручил он их раскрытие «без лести преданному» Аракчееву. Тот приказ царя принял к исполнению, но затем, раскисший после убийства его любовницы крепостными Грузино, от сыскных дел фактически самоустранился. Выявляли «революционных элементов» другие.

Часть вторая. О раскрытии заговора декабристов

Одной из причин раскрытия деятельности Южного общества декабристов и ареста его активистов стала излишняя доверчивость и чрезмерная несдержанность в речах некоторых из них, возбудивших к действию как доносчиков-одиночек, так и представителей государственной службы сыска.

«Раз Пестель мне рассказал, что, бывши адъютантом у графа Витгенштейна, стояли они с корпусом в Митаве, где Пестель познакомился с 80-летним Паленом, участвовавшим, как известно, в убийстве Павла I. Полюбив Пестеля, старик бывал с ним откровенен и, заметя у него ещё тогда зародыши революционных идей, однажды ему сказал: „Слушайте, молодой человек! Если вы хотите что-нибудь сделать путём тайного общества, то это глупость. Потому что если вас двенадцать, то двенадцатый неизменно будет предателем. У меня есть опыт. И я знаю свет и людей“».⁹¹

Первым «стукнул» на неосторожных инсургентов чистокровный бритт, уроженец графства Кент Айвен Шервуд, привезённый в Россию в возрасте двух лет, и по достижении совершеннолетия (уже как Иван Васильевич Шервуд), проходивший службу в Третьем Уланском полку, сформированном в Умани (как «казачий») в начале Отечественной войны 1812 года. Находясь в начале 1825 года по делам службы в Ахтырке, унтер-офицер Шервуд подслушал случайно антимонархическую беседу тамошних господ офицеров, выдержал по её завершении требуемую паузу, после чего представился не в меру беседливому поручику Фёдору Фёдоровичу Вадковскому убеждённым сторонником республиканского строя. Поручик возрадовался бездумно и предложил новому знакомому встать в ряды революционеров, краткий перечень которых он ему сразу и огласил.⁹²

Взяв время для принятия решения, Шервуд скоро с ним определился: составил отчёт об увиденном и услышанном и, приписав к нему своё желание стать провокатором в рядах заговорщиков, отправил верноподданническое донесение почтой на имя своего земляка-шотландца, императорского лейб-лекаря Вилие — для последующей передачи секретного уведомления «наверх». Александр I, вскрыв полученный пакет, решительного решения по

доносу не принял, но одобрил дальнейшее ведение агентурной работы инициативным офицером, что и было тем исполнено под контролем ещё всесильного Аракчеева (до выступления 14 декабря сумел унтер-офицер Шервуд «вынюхать» имена важных заговорщиков — Никиты Муравьёва, Захара Чернышёва, Петра Свистунова).

Помимо самодеятельного сикофанта-британца, на след заговора напал генерал Иван Осипович Витт, в рассматриваемое время начальствовавший над херсонскими военными поселениями. Поселения эти состояли из четырёх казачьих полков (в том числе, Уманского), которыми граф командовал в войну 1812 года и которые по завершении военных действий были переименованы в уланские, сведены в две дивизии и расквартированы на Херсонщине. Для наблюдения за порядком в подведомственных областях, а также в областях малороссийских, в Киеве и в Одессе графу де Витт было позволено держать штат секретных, только ему известных агентов и дано право докладывать лично императору о результатах наблюдений и расследований.

Основу тайной агентуры Витта составляли платные осведомители, преимущественно торговцы-евреи, свободно разъезжавшие по местечкам и военным поселениям с товарами, обеспечивавшие поселенческие полки всем необходимым и попутно собиравшие сведения об умонастроениях в них. Именно от агентов-коробейников Витт получил первые сведения, составившиеся из подслушанных ими в офицерской среде обрывков неосторожных разговоров мятежного характера.

Основательно же внедриться в офицерскую среду и сыграть с её вольнолюбивыми представителями затейливую шпионскую партию смог суперагент Ивана Осиповича Витта, помещик (и, кстати, ботаник-любитель) Александр Карлович Бошняк, живший неподалёку от Елизаветграда в своём наследственном имении в городке Катериновке, в котором располагалась штаб-квартира корпуса, которым командовал Витт.

Проявив себя изрядным лицедеем, агент-любитель невинными, провоцирующими встречную откровенность вопросами, «зацепил» мятежного Владимира Николаевича Лихарева и через него вышел на Василия Львовича Давыдова, которому объявил о желании принять участие в заговоре ... самого Ивана Осиповича Витта.

«В одно раннее утро Пестель прислал за мною, чтоб сообщить мне важную новость, которую он сам один не берётся разрешить. Важное известие это состояло в том, что граф Витт прислал Пестелю объявить, что он знает об тайном обществе, предлагает свои услуги и просит принять и его самого в члены общества, намекая о своей пользе, так как под его командою состоит 40 000 войска. Затем г. Витт предупреждает Пестеля быть осторожным и остерегает его против человека ему близкого и уже предателя.

Легко себе представить, в каком мы положении были в ту минуту. Кто б мог быть этот Иуда? Долго думали, совещались, и Пестель решил отпра-

вить меня в Тульчин, где была главная квартира, с письмом к А.П. Ющинскому, главному члену общества и просить его совета.

Ющинский только пожал плечами и, обратясь ко мне, сказал:

— Можно ли довериться Витту? Кто не знает этого известного шарлатана? Мне известно, что в настоящую минуту Витт не знает, как отдать отчёт в нескольких миллионах рублей, им истраченных, и думает подделаться правительству, продав нас связанными по рукам и ногам, как куропаток».⁹¹

Усмотрев в Бошняке представителя тайного сыска, к нему обратился капитан Аркадий Иванович Майборода, командир Первой гренадёрской роты Вятского полка, которым командовал полковник Пестель. Капитан предложил чиновнику своё участие в раскрытии заговора и изъявил готовность предоставить в распоряжение правительства известные ему сведения о существующем тайном обществе и его участниках.

В своё время гвардеец Майборода сумел до гвардейского стандарта вышколить вверенную ему роту, за что его непосредственный начальник, полковник Пестель на смотрах 1823 года получил награду от императора Александра I. Благодарность Пестеля к опытному строевику простёрлась до таких пределов, что он не только сделал его своим заместителем по финансовой и хозяйственной части, но и предложил ему в августе 1824 года войти в состав тайного общества, от чего тот как дисциплинированный подчинённый никак не мог отказаться.

Занимаясь сделками по закупке имущества для полка, интендант Майборода по результатам одного из гешефтов положил себе в карман настолько неприлично большую сумму, что это заметил даже его непосредственный начальник. Запахло жареным, и пугливый интендант бросился к примеченному им Бошняку, о котором в полку давно ходили слухи как о правительственном агенте. Агент-ботаник немедленно переправил ценного информатора к «шефу», который предложил капитану составить подробный отчёт в виде «доношения» на высочайшее имя.

В середине октября 1825 года граф де Витт был принят в Таганроге императором Александром, которому он изложил суть собранных сведений, правда, не совсем обширных (к известному уже царю имени Вадковского добавились имена Давыдова, Лихарева и ещё нескольких второстепенных участников заговора), но были ценны тем, что поступили к царю независимо от сведений, уже представленных ему парой Аракчеев-Шервуд. И эта свежая информация, подтверждавшая уже известные Александру I программные цели заговорщиков, выглядела весьма грозно для правящего дома.

Потрясённый услышанным, император отчёт одобрил и согласился с предложением Витта арестовать заговорщиков во время январских контрактов 1826 года в Киеве. Расставшись с ним, государь 20 октября 1825 года отправился в Крым. Там его основательно продуло, он заболел, залихорадил и спешно вернулся в Таганрог, где вскоре и отдал Богу душу. (И что любопытно. В то же время, что и император, заболели вдруг лихорадкой Витт и Бошняк, выздоровев уже после расстрела мятежников на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 года.)

После смерти Александра I события стали стремительно развиваться. Все компрометирующие заговорщиков документы, лежавшие на столе покойного императора, нашли начальник Генерального штаба, барон Иван Иванович Дибич и Пётр Михайлович Волконский. Тут же ими были отправлены фельдъегери в Варшаву, к цесаревичу Константину Павловичу, и в Петербург, к Николаю Павловичу. Не дожидаясь ответа, Дибич и Волконский отправили в Тульчин, где размещалась Вторая армия, своего заместителя генерала Чернышёва, наделённого широкими полномочиями по ведению дознания и производству арестов.

В Тульчин отряд Чернышёва добирался объездом через Умань, проверяя по дороге, всё ли спокойно в частях, стоявших на зимних квартирах. По дороге, в Гайсине, генерал встретился с капитаном Майбородой, который устно пересказал ему то, что писал ранее в донесениях. В Тульчине по приказу Чернышёва под предлогом спешного служебного дела в кабинет генерала Витгенштейна был вызван командир Вятского полка полковник Пестель и без промедления арестован.

Часть третья. Сергей Григорьевич Волконский

Сергей Григорьевич Волконский — сын князя Григория Семёновича Волконского и его жены, княжны Репниной — родился князем и титуловался им вплоть до лишения его княжеского и дворянского достоинства после декабрьских событий 1825 года. В возрасте четырнадцати лет он был определён в училище аббата Николя, на то время педагогически успешное. По завершении начального образования в 1806 году семнадцатилетний князь Волконский поступил поручиком в Кавалергардский полк и сразу был привлечён к участию в военных действиях России против Франции, в первый раз понюхав порох в Пултусской битве. В знаменитом Прейсиш-Эйлауском сражении князь был тяжело ранен и некоторое время поправлял здоровье в главной квартире русской армии, располагавшейся в Тильзите. Первые впечатления от зарубежного армейского быта он позже, уже после позора Крымской войны, описал в своих мемуарных записках (впечатления эти, ныне читаемые, будто «бизнес-этиюд» сегодняшней лицемерной действительности):

«Для молодого человека главная квартира — школа подлости, интриг, и память о ней не льнёт к его сердцу; те же выходы дворцовые, те же льстецы и долопклонники, а малое число работающих дельными занятиями, — та же масса тунеядцев.

Шефы полков по подрядной цене брали от комиссии денежные выдачи, клали оные к себе в карман и снабжали войска насильственными способами от жителей.

*При этом случае, к стыду русского имени, нелишним считаю заметить, что весь этот грабёж повторился в последнюю крымскую кампанию, где комиссии и полковые командиры в эту гибельную минуту отечественного дела возобновили бесстыдные грабежи, нажили значительные суммы, иные купили имения, а другие, более смыслённые, вложили свои капиталы безыменными билетами в кредитное учреждение. Горько упомянуть любящему отечеству человеку о поносных сих действиях, а как не сказать, что пока этих изменников-воров не будут вешать, грабежи и беспорядки будут опять возобновляться».*⁹³

После знаменитого Тильзитского свидания двух императоров и заключения мира русская армия в 1807 году вернулась на родину; князь Волконский за проявленную отвагу в завершившейся кампании был награждён золотой шпагой. В 1810 году он снова очутился на поле брани уже русско-турецкой войны, был назначен в штаб главнокомандующего Дунайской армией, графа Каменского (сына фельдмаршала).

*«Взятие Силистрии, неудачный штурм Рушук и счастливое Батинское сражение были выдающимися событиями турецкой войны. С трофеями последней битвы был послан в Петербург Волконский и по дороге встретил фельдъегера, который известил его, что он назначен флигель-адъютантом государя. Новая жизнь началась для него, и, по его словам, пустой дворцовый быт не отличался ничем замечательным».*⁹³

Ещё до открытия военных действий с Наполеоном князь Волконский стал свидетелем попытки Александра I привлечь на сторону России князя Иосифа Понятовского, тогда командовавшего одним из корпусов французского императора. Тайно (в партикулярном платье) посланный к нему полковник Толь пытался убедить польского военачальника, «...что если он, Понятовский, оставит Наполеона со своим войском, то Александр провозгласит его «королём польским»⁹³. Понятовский, поблагодарив государя за намерение, от полученного предложения отказался.

Во время бала, данного в честь государя 12 июня 1812 года в соседнем с Вильно поместье Бенингсена, пришло известие о переправе Наполеона через Неман — началась Отечественная война. Сначала Сергею Волконскому было поручено с особым отрядом охранять Смоленск, а потом действовать в тылу французской армии. «Во время преследования со своим партизанским отрядом французов Волконский участвовал во многих стычках и взял в плен многих неприятелей».

С началом заграничного похода отряд князя соединился с корпусом Винценгероде и далее действовал в составе главных сил русской армии. В заграничной военной кампании князь Волконский отличился в боях под Калишем и Люценом, при переправе через Эльбу, в «битве народов» под Лейпцигом, в штурме Касселя и Суассона. Начав войну ротмистром, он закончил её генерал-майором, став кавалером многих орденов и медалей, владельцем наградного оружия.

По воспоминаниям современников, вернувшись с войны князь Сергей Волконский не снимал в публичных местах плаща, закрывал им украшавшие

грудь боевые награды. Петербургский свет восхищался князем, родители гордились сыном-героем. Отец уважительно называл его в письмах *«герой наш князь Сергей Григорьевич»*.

В марте 1815 года, во время знаменитых «Ста дней» князь Сергей Волконский как «служебное лицо» некоторое время находился в Париже, где занимался эвакуацией русских офицеров, не успевших выехать на родину и оказавшихся «как бы в плену» у Наполеона.

Сделав блестящую военную карьеру, Сергей Волконский, тем не менее, не изменил укоренившемуся в нём «гусарству», девизами которого были *«двум смертям не бывать, одной не миновать»*, *«последняя копейка ребром»*, *«жизнь — копейка, голова — ничего»*. Сам он так описывает времяпрепровождение по-гусарски:

*«Ежедневные манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или по бульвару от 3-х до 4-х часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошённый через край вином...ватагой в театр... Книги забытые не сходили с полок».*⁹³

«Гусарство» и «проказы» «мсье Сержа» и его друзей императору не нравились, но, видимо, надеялся он, что после войны генерал-майор Волконский остепенится. Этого не произошло и его карьерному росту сверху была дана остановка. В 1821 году, получив под свою команду 1-ю бригаду 19-ой пехотной дивизии Второй армии, князь Сергей Волконский уехал в Умань. Назначение командовать пехотной бригадой было явным карьерным понижением, так как служба в кавалерии была престижней службы в пехоте.

В 1824 году Сергей Волконский сделал предложение Марии Николаевне Раевской. Её отец, генерал Раевский, прославленный герой Отечественной войны 1812 года размышлял не один день, прежде чем дал согласие на брак дочери. Свадьба состоялась 11 января 1825 года в Киеве; посаженным отцом жениха был его брат Николай Репнин-Волконский, шафером — Павел Пестель. Свой первый год супруги Волконские прожили вместе не более трёх месяцев; вскоре после свадьбы Мария Николаевна заболела и уехала поправлять здоровье в Одессу без мужа, не получившего отпуска из дивизии.

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала.⁹⁴

В заговор генерал-майор Волконский вступил в возрасте тридцати одного года, попав под обаяние и власть двадцатилетнего адъютанта Главнокомандующего Второй армии, ротмистра Павла Пестеля, бывшего на момент знакомства руководителем Тульчинской управы «Союза благоденствия». В тайном обществе князь Волконский стал чем-то вроде начальника тайной полиции, обеспечивавшего, прежде всего, внутреннюю безопасность организации. Была у него, кстати, поддельная печать, позволявшая ему повторно

опечатывать вскрываемую переписку армейских должностных лиц. Так, в сентябре 1824 года он перлюстрировал письмо руководства «Северного общества» к полякам с предложением устранить в Варшаве — в случае революции — цесаревича Константина Павловича. Пестель, ознакомившись с содержанием тайной депеши, велел её уничтожить.

О безнадёжном положении императора Александра Павловича князь Сергей Григорьевич Волконский знал уже за несколько дней до его кончины. Проезжавший через Умань в Петербург фельдъегерь не счёл предосудительным поделиться сведениями с шурином князя Петра Михайловича Волконского, находящегося в Таганроге при императоре Александре.

Эта информация подвигла Волконского, вместе с Павлом Ивановичем Пестелем, засесть за составление плана выступления «Южного общества» в первый день нового, 1826 года. Этот так называемый «План Первого января» не был осуществлён из-за ареста Пестеля за две недели до запланированного выступления. Поднять же «в ружьё» расквартированную в Умани дивизию, находившуюся в полном его подчинении (командир дивизии, генерал-лейтенант Пётр Яковлевич Корнилов в рассматриваемое время находился в отпуске), генерал-майор Волконский не решился. Приехав из Тульчина домой в Умань, он занялся срочным уничтожением компрометирующих документов.

*«...Он приехал за мной к концу осени, отвёз меня в Умань, где стояла его дивизия, и уехал в Тульчин — главную квартиру Второй армии. Через неделю он вернулся среди ночи; он меня будит, зовёт „Вставай скорей!“; я встала дрожа от страха; моя беременность приближалась к концу, и это возвращение, этот шум меня испугали. Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивая, в чём дело? „Пестель арестован“. — „За что?“ Нет ответа. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видела, что он был грустен, озабочен. Наконец, он мне объявил, что обещал отвезти меня к нему в деревню на время родов, — и вот мы отправились. Он меня сдал на попечение моей матери и немедленно уехал; тотчас по возвращении он был арестован и отправлен в Петербург. Так прошёл первый год нашего супружества...»*⁹⁵

Часть четвёртая. Мария Николаевна Волконская

Начало известности Марии Николаевны Раевской-Волконской, как литературного персонажа, кажется, положил Александр Сергеевич Пушкин, помянув косвенно её в начальных строках своей поэмы «Кавказский пленник»: *«Как я завидовал волнам, / Бегущим бурной чередою...»*.

Предполагают некоторые пушкинисты (например, Павел Елисеевич Щёголев), что Мария Раевская и есть та самая «потаённая любовь» поэта, которую из его «Дон-Жуанского» списка» вот уже много лет пытаются выявить литературные следопыты. Сама Мария

Николаевна Волконская на этот счёт дала достаточно сдержанное объяснение в своих мемуарных «Записках», написанных в форме её беседы с сыном Мишей:

«Тут был и Пушкин, наш великий поэт; я его давно знала: мой отец приютил его в то время, когда он был преследуем императором Александром I за стихотворения, считавшиеся революционными. Отец принял участие в бедном молодом человеке, одарённом таким громадным талантом, и взял его с собой, когда мы ездили на Кавказские воды, так как здоровье его было сильно расшатано. Пушкин никогда этого не забывал, он был связан дружбою с моими братьями и ко всем нам питал чувство глубокой преданности.

В качестве поэта, он считал своим долгом быть влюблённым во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, которых встречал. Я помню, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю, любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шёл за нами, я стала, для забавы, бегать за волной и вновь убежать от неё, когда она меня настигала; под конец у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась в карету. Пушкин нашёл эту картину такой красивой, что воспел её в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость; мне было тогда только пятнадцать лет.

*Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою,
С любовью лечь к её ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!*

Позже, в «Бахчисарайском фонтане», он сказал:

*... её очи
Яснее дня,
Темнее ночи*

В сущности он любил одну лишь свою музу и облакал в поэзию всё, что видел».⁹⁵

Если любовь Александра Пушкина к юной Марии Раевской — всё ещё предмет спора меж пушкинистами, то бесспорной является любовь к ней графа Густава Олизара, польского поэта, бывшего некоторое время предводителем дворянства Киевской губернии. Летом 1823 года он вместе с семейством Раевских гостил у старой графини Браницкой в её имении Александрия, что под Белой Церковью. Здесь он впервые увидел семнадцатилетнюю Машу Раевскую и без памяти влюбился в неё. Был он к этому времени уже мужчиной «с прошлым», поэтому долго и мучительно оценивал свои шансы, прежде чем отправить письмо генералу Раевскому с просьбой руки его дочери. По поручению отца посватавшемуся графу ответила дочь:

«Я получила Ваше письмо и предложение, которое Вы мне делаете, дорогой граф, оно ещё более привязывает меня к Вам, несмотря на то, что я не могу его принять. Нисколько не сомневайтесь в моём уважении к Вам, моё поведение должно Вас в этом убедить и оно никогда не изменится. Но подумали ли Вы сами, дорогой граф, о том положении, в котором находитесь? Отец двоих детей, разведённый муж, на что у нас смотрят совсем не так, как в Польше... Я надеюсь, это не лишит нас возможности видеть Вас в нашем доме, где Вы были приняты так дружественно, будьте уверены, что во всех обстоятельствах можете рассчитывать на меня, как на истинного друга».⁹⁶

Ещё одну причину отказа Раевских графу Олизару определил сам Александр Сергеевич, и определение это изложил — дружески и чуть едко — в стихотворном послании своему польскому другу:

*«Певец! Издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша станет сторона,
То ваша под грозою.
<...>
И наша дева молодая,
Привлѣкши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага».*

Если судить по бытовым подробностям жизни графа Олизара, приведённым в «отказном» письме, то генерал Раевский был хорошо осведомлён о запутанном прошлом польского дворянина. По всей вероятности, знал он, что родился Густав Олизар на Житомирщине, в местечке Коростышев; что вынужден был он прервать учёбу в Кременецком лицее из-за необходимости сопровождать тяжело заболевшего отца на лечение в Италию; что под знойным небом Апеннин увлёкся он обольстительной француженкой и бездумно женился на ней; что после четырёх лет семейной жизни в Коростышеве жену его «выкрал» немолодой, но brave генерал Гогель, чем вынудил брошенного мужа долго и очень непросто оформлять развод.⁹⁷

После любовного афронта с Раевскими Густав Олизар с головой погрузился в дела революционные. По поручению друга Сергея Муравьёва стал он связующим звеном в переговорах между тайным «Южным обществом» и «Польским патриотическим обществом», в котором первую скрипку играл князь Антон Станиславович Яблоновский, проживавший в Киеве.

В марте 1824 года киевское дворянство на очередной трёхлетний срок переизбрало Графа Олизара своим предводителем, и в этом качестве он отправился в столицу представиться императору, но не был им принят — не понравились властям публичные речи польского графа о необходимости освобождения крестьян из крепостной зависимости. После испытанного унижения, в

июне 1824 года Густав Олизар подал прошение об отставке и уехал отдохнуть в Одессу. Там он встретился и долго общался с Пушкиным; оттуда, в составе большой компании с супругами Воронцовыми во главе, на их яхте перебрался в Крым.

Крымский отдых Густаву Олизару испортило письмо от Сергея Муравьёва, в котором тот, помимо прочего, известил друга о помолвке Марии Раевской и Сергея Волконского. Огорченный этой новостью, Олизар решил навсегда остаться в Крыму. Купил задёшево у татарина земельный участок у подножья горы Аюдаг, именованный «Артек» (в переводе с татарского — «перепел»; на этот участок, во время осенних перелётов, спускались отдохнуть перепела); построил на нём дом, нанял управляющего, бывшего сержанта наполеоновской армии. Зажил Густав Олизар анахоретом на берегу моря, писал под шум прибоя стихи, надеясь, что когда-нибудь приедет к нему его кумир Мария и «взглянет с жалостью, а, может быть, и с поздним сожалением, на нелюдима, отшельника Аюдага».⁹⁷

Судьба подарила Олизару ещё одну встречу с его кумиром на берегу моря, но не в Крыму, а в Одессе, куда он выбрался из своего крымского убежища летом 1825 года; Мария Николаевна Волконская в это время одна, без мужа в городе у моря поправляла здоровье свежим морским воздухом. Встречу эту, долгие совместные прогулки, долгие беседы с обожаемой женщиной восторженный польский граф запомнил (и описал) на всю оставшуюся жизнь:

«Когда последний луч солнца тонет в море, чудный прощальный блеск озаряет её висок! В чёрных глазах блестит слеза, вздыхает грудь, ощущаю милый запах распустившихся волос! Кроткий взгляд не избегает моих глаз, дрожащая рука несмело ищет дрожащей руки! Ревность не может проникнуть в блаженные тени сумерек, мы умолкаем...»⁹⁸

Отказавшись от пожизненного отшельничества, Густав Олизар продал крымский дом и вернулся в Киев, из которого с началом розыска по делу декабристов был — в середине января 1826 года — препровождён в столицу и как подозреваемый в заговоре посажен в Петропавловскую крепость (в ней к этому времени уже ждал судебного приговора Сергей Волконский). Через месяц за недостаточностью улик графа выпустили на свободу, которой он вскоре повторно лишился, после того как в утерянных им под Киевом документах были найдены два его масонских диплома.⁹⁶

Оправданный вторично, Густав Олизар решил более не испытывать судьбу — вернулся в родовую усадьбу под Коростышевом, и в своей библиотеке из трёх тысяч томов основательно засел за стихосложение. Занятие это однажды прервал визитом к генералу Раевскому — попросил у него (и вновь неудачно) руки красавицы-дочери Елены, которой уже минуло немалые для девушки двадцать четыре года. (Через год, после повторного сватовства Олизара, скончался генерал Раевский, ненадолго пережила его дочь Елена — умерла от чахотки.)

В начале января 1826 года Мария Волконская родила сына, названного Николаем. Роды были трудными, и родные роженицы, опасаясь за её здоро-

вье, долго не говорили ей об аресте супруга. Узнав всю правду, Мария Волконская с малюткой-сыном на руках отправилась в Петербург и там (вопреки категорическим протестам Раевских, несмотря на царский запрет взять с собой в дальнейшее переселение сына) приняла решение разделить судьбу мужа — следовать за ним в ссылку. В решении этом — верность русской православной женщины своему (пусть даже нелюбимому) суженому, своему долгу супруги перед ним; в нём — сильный, волевой характер незаурядной княгини Волконской, её высокое чувство самоуважения и внутреннего достоинства, а также — с точки зрения психологии — утверждение высокого уровня собственного «эго» молодой женщины, её независимости в суждениях и принятии ответственных решений в обход властной матери.

Но оказался этот высокой нравственности поступок только порывом, не могущим долго длиться. Как верно подметил внук княгини Волконской, «... куда, собственно, ехала княгиня, на что себя обрекала, этого не знал никто, меньше всего она сама. И тем не менее ехала с каким-то восторгом... И только в Нерчинске, за восемь тысяч вёрст от родного дома, она увидела к у д а она приехала, и на ч т о себя обрекла. И окружавшая пустыня постепенно овладела её душой».⁹⁹

В сибирской ссылке семейная жизнь у Волконских скоро расстроилась. Глубоко скрытая в подсознании Марии Николаевны оценка мужа как виновника её изломанной жизни проявлялась у неё во всё возрастающем раз за разом раздражении на него, в нежелании общаться с ним. Сергей Григорьевич был сдержанней супруги, конфликтов избегал, предоставляя Марии Николаевне больше и больше свободы в её личной жизни, находя себе занятия по душе (увлёкся, к примеру, огородничеством). Но к чести обоих, взаимного неприятия в присутствии детей, третьих лиц супруги Волконские никогда не проявляли, до последних дней своих с уважением отзывались друг о друге и в такой традиции воспитывали своих детей.

Порвав с прошлой жизнью, с родными, Мария Волконская всю себя посвятила родившимся в ссылке детям и, кажется, от недостатка мужского внимания не страдала. Сын Волконских, названный Михаилом, родился в 1832 году и упорно держались слухи, что отцом его был декабрист Александр Викторович Поджио (дальнейшая близость Александра Викторовича с Михаилом Волконским явно носит элемент взаимно осознанной родственности). В 1835 году у Марии Николаевны родилась дочь Нелли, и отцом её окружающие вновь посчитали Поджио. (Нелли также была любимицей Александра Викторовича и когда он, уже на склоне лет, тяжело заболел, то умирать, бросив свою итальянскую семью, приехал к Нелли.)

Всеми правдами и неправдами Мария Николаевна определила сына Михаила в Иркутскую гимназию, после чего и вся семья перебралась в губернский город. Наперекор как Волконскому, так и Поджио она по своему разумению устроила судьбу дочери, выдав её, только пятнадцатилетнюю, замуж за преуспева-

ющего сибирского чиновника; тот оказался дурным человеком — за растрату казённых денег был отдан под суд, после которого заболел, сошёл с ума и умер.¹⁰⁰

В 1856 году Михаил Волконский, живший к этому времени уже в Петербурге, привёз родителям и всем ссыльным декабристам весть об освобождении. Первым из Сибири вернулся Сергей Григорьевич Волконский; Мария Николаевна, уже совсем больная, вернулась годом позже. Супруги поселились порознь: он — в Москве, она — в Черниговской губернии, в имении дочери Вороньки.

В 1858 году Мария Николаевна выехала на лечение за границу. На обратном пути, в июне 1859 года, она остановилась в Дрездене, где совершенно случайно встретилась на улице с Густавом Олизаром. Ему был уже шестьдесят один год, ей — пятьдесят три. Это последнее свидание с любимой женщиной донельзя разволновало Густава Олизара, и он через несколько дней после встречи и расставания послал ей вдогонку письмо:

«Сон ли это? Действительно ли это?.. После тридцати четырёх лет расставания? Значит я не умру, не повидав Вас ещё раз здесь, на земле, не сказав Вам, что Вы были моей Беатриче... В своих старых бумагах я нашёл стишок, написанный под впечатлением встречи с Вами в первый год Вашего замужества. Это было 14 июля 1825 года в Одессе, и я признаюсь, что встреча в Дрездене в 1859 году всецело в Вашу пользу, чистая, облагороженная столькими страданиями душа! Мне кажется, что возраст ничему не повредил. Он прибавил только ту патину времени, которая даёт возможность отличить истинное от поддельного...»⁹⁶

Ответ на это письмо пришёл уже осенью. В конверт княгиня Волконская, прощаясь навсегда с Густавом Олизаром, вложила два даггерротипа со своим изображением — на память.

Умерла княгиня Волконская 10 августа 1863 года и похоронена была в имении дочери, в котором провела последние годы своей жизни; умерла в присутствии Александра Поджио, знавшего о смертельной болезни любимой женщины и приехавшего к ней сказать последнее «прости». Сергей Григорьевич Волконский жил в это время в имении сына под Ревелем (ныне — Таллинн), тяжёлую болезнь жены от него скрыли. А через два года, после смерти Марии Николаевны, умер и он; похоронили его возле жены; позже над двойной могилой возвели часовню.

В 1873 году, почувствовав приближение смерти, Александр Поджио покинул Италию, в которой он уже постоянно, как на земле предков, проживал, и приехал в Вороньки. Там он и скончался, там его и похоронила Нелли — рядом с его настоящим другом, Сергеем Волконским, и женщиной всей его жизни — Марией Волконской, урождённой Раевской; женщиной, воспетой Пушкиным и Некрасовым; незаурядной, мужественной женщиной, которую любили многие, достойные её красоты и ума мужчины.

Конец эпохи Потоцких на Правобережной Украине

Польское освободительное восстание 1830–1831 годов с его плачевными для инсургентов результатами подвело историческую черту под «эпохой Потоцких» в городе Умани, во всей Уманщине и прочих их владениях на Правобережной Украине (или в официальных терминах той поры — Юго-Западного края). После этой неудачной попытки возрождения государственности польская доминанта в крае — социальная, культурная, религиозная, бытовая — потеряла прежние вес и значимость, далее пошло её неуклонное ослабление, вплоть до фактического «обнуления» её после второго и, вновь неудачного, польского восстания 1863 года.

Часть первая. Уманский финал

Последний владелец Уманщины Александр Станиславович Потоцкий, полковник русской армии, участник покорения Кавказа, с первыми известиями о варшавской смуте переправился, в январе 1831 года, на галицийские земли с надеждою на время осесть там, но открытое презрение к нему — как сыну предателя — местной шляхты вынудило его переехать в Вену, затем — в Берлин. Из австрийской столицы он письменно объяснил старшей сестре Софии, что покинул насиженные места не из желания примкнуть к восстанию, а из опасения за собственную жизнь: *«Я же не виноват в том, что у меня польская фамилия, к тому же дьявольски запятнанная...»*.

Выехать за границу во время восстания Александру Потоцкому удалось в начале 1831 года. В письме из Кременца от 13 января на имя Киевского военного губернатора Бориса Яковлевича Княжнина (сына драматурга екатерининской эпохи) он сообщил, что по получении паспорта в Одессе он отправится к своим родственникам в Вену. Об этом Княжнин доложил в Петербург начальнику III отделения Александру Христофоровичу Бенкендорфу 30 января 1831 года. (Летом того же года в результате обыска дома Потоцкого в Умани было изъято 132 единицы разнообразного оружия, которое описали и отправили в киевский арсенал.)

Находясь в дальних палестинах, Александр Потоцкий всё же поддался настойчивым убеждениям старшей сестры Софии, из-за проблем с мужем покинувшей пределы России, и на собственные средства собрал и оснастил всем необходимым полноценный полк для повстанческой армии. Сделал он этот патриотический поступок с опозданием, уже после разгрома восстания, поэтому сформированный им полк, не сделав ни одного выстрела, был распущен, а его «фундатор» оказался пожизненным эмигрантом, лишившимся всего своего движимого и недвижимого имущества в пределах Российской империи.

Польское восстание 1830 года вспыхнуло в самый разгар эпидемии холеры, охватившей центральные районы России, Юго-Западный край, Ново-

россию. Зараза эта, дополняя огнестрельное оружие, выкашивала участников вооружённого противостояния без разбора вероисповедания и национальной принадлежности. К Умани холера подобралась в первые дни восстания, что побудило командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Редигера просить у Киевского военного губернатора генерал-лейтенанта Княжнина разрешение на временное закрытие городского василианского училища:

«„Милостивый Государь Борис Яковлевич, в городе Умани духовенством униатского костёла воспитывается более 700 детей, кои помещение имеют весьма тесное, так что по 10-15 человек квартируют в одном малом жильё; дети сии, будучи обязаны в нынешнюю распутицу приходить из отдалённых мест в класс, подвергаются простуде, принимаемую за первоначальную причину холеры; непрерывное между ими сообщение, при заразительных болезнях, может иметь пагубные последствия, и, наконец, в случае необходимости наложить на дома оцепление, трудно было бы подвергнуть детей строгости карантинных правил и досмотреть за точным исполнением оных.

Соображая сие обстоятельство с другими мерами к ограждению сколько возможно города от заноса и распространения холеры, появившейся уже в некоторых местах в окрестностях, или по крайней мере к ослаблению действий оной, я полагаю весьма полезным, чтобы уманское училище было на время закрыто и воспитанникам, кои имеют возможность, — дозволено отправиться в дома родителей, пока болезнь прекратится, в исполнении чего не может встретиться затруднений, потому что заведение сие есть партикулярное, курс наук коего не связан с курсами других публичных училищ и все обучающиеся из ближних мест, каковая мера послужит к спасению многих из них и к вящей безопасности города.

Поставляя обязанностью сообщить о сем на усмотрение Вашего Превосходительства, покорнейше прошу, если мнение моё признаете убедительным, предписать кому следует об исполнении и о последующем меня уведомить. С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга Фёдор Ридигер“.

Генерал Княжнин признал предположение генерала Ридигера совершенно соответственным, предписав уманскому монастырю учебные занятия прекратить и детей распустить по домам, о чём, для надлежащих распоряжений, сообщено директору киевской гимназии, который имел высшее наблюдение за классами при монастыре, именовавшимся Уманским поветовым Василианским училищем. (Училище состояло из приготовительного (начинающего) и 6 других классов. Комнатных надзирателей было 12)».¹⁰¹

Временный перерыв в занятиях Уманского василианского училища, начавшийся 28 ноября 1830 года, продолжился на всё время польского восстания и завершился бессрочным закрытием старинного учебного заведения города, как и других василианских училищ Юго-Западного края и Белоруссии, а также всех патронировавших их униатских монастырей. Вслед за училищами была ликвидирована и вся система польского образования края: в 1832 году прекратил своё существование Виленский университет, а вместе с ним и большинство ему подконтрольных академических школ и пансионов для девочек, превратившихся — по мнению властей — в «очаги латинско-поль-

ской пропаганды». Был упразднён и лицей в Кременце, а на его основе, уже в Киеве, был создан русский университет Святого Владимира, одной из задач которого стало противостояние польскому влиянию на Правобережье. (Указанным намерениям вопреки, в шестидесятых годах девятнадцатого столетия в Киевском университете около семидесяти процентов студентов были этническими поляками.) В Виннице польская гимназия была реорганизована в русскую; в 1837–1839 годах были ликвидированы приходские школы, а те средние школы, которых удерживали католические монахи были преобразованы в православные семинарии (так, к примеру, было сделано в Шаргороде). В это же время открылась русскоязычная школа в Немирове.

В конце 1831 года сёла Гереженовка и Монастырёк, числившиеся за Уманским василианским училищем, были конфискованы в казну, а в 1832 году навсегда прекратил своё существование и сам монастырь. В марте 1834 года его помещения перешли в распоряжение местной власти, а послушников-василиан перевели в Рождественский монастырь, располагавшийся на Волыни, в городке Трегулы. Часть имущества бывшего василианского монастыря была передана уманскому костёлу, а картины и скульптуры казна подарила Киевскому университету Святого Владимира.

Часть вторая. Восстание 1830 года в коренной Польше

После наполеоновских войн решением Венского конгресса 1815 года было создано Королевство Польское (в России именовавшееся Царством Польским) — государство, поставленное в так называемую личную унию с Российской империей. Вновь созданное государство являло собой конституционную монархию, которая управлялась двухгодичным сеймом и королём, представленным в польской столице наместником со своей армией, состоявшей преимущественно из ветеранов наполеонова войска. Первым наместником Царства Польского пребывал десять лет дивизионный генерал французской армии Зайончек. После его смерти, последовавшей в 1826 году, наместником стал цесаревич Константин Павлович Романов, совмещивший новую должность с прежней — главнокомандующего польской армией.

Польша волей Александра I получила либеральную конституцию, которую сам же император, недавний полонифил, начал нарушать, как только поляки, осуществляя свои права, стали сопротивляться конституционным уложениям. Так, второй сейм в 1820 году отклонил законопроект, упраздняющий суды присяжных, на что император заявил, что он как автор конституции имеет право быть её единственным толкователем. В 1819 году в Польше была введена предварительная цензура, которой страна прежде не знала.

В Юго-Западном крае после 1815 года польское влияние несколько не ослабло — даже усилилось; в руках поляков по-прежнему оставалось административное управление, по-прежнему на польском языке велось школьное обучение. О преобладании в это время польского влияния в духовной и деловой жизни края пишет Иван Михайлович Долгорукий:

«Заметим также, что сыновья у Поляков не обучаются совсем Русской грамоте и, кажется, Правительство не обращает на такое явное пренебрежение к новому их отечеству никакого внимания, хотя и нельзя заключить, чтобы Поляки без умысла так поступали, да и пословица их: „Як свят святем не бензе Москаль Полякови братем“, обличает характерный произвол народа, никогда не примиряться со своим работодателем».¹⁰²

Движение за возрождение Польши «от моря до моря» началось в стране с основания в 1819 году Национального масонского общества, вскоре преобразованного в глубоко законспирированное Патриотическое общество. К этому времени уже существовали тайные общества и за пределами этнической Польши: патриотов, друзей, променистов (в Вильно), тамплиеров (на Волыни). Поддерживали движение по возрождению Польши военные и католическое духовенство.¹⁰³

Освободительное движение было неоднородно по своим социальным целям и разделялось на две враждебные партии: аристократическую с князем Чарторыйским во главе, и демократическую, в которой первенствовал кумир студенческой молодёжи, профессор Лелевель. Её военное крыло впоследствии возглавил подпоручик гвардейских гренадёр Высоцкий, создавший законспирированную военную организацию уже внутри самого национального движения.

По разработанному Высоцким плану сигналом к восстанию должно было стать убийство восставшими цесаревича Константина Павловича и захват ими казарм русских войск в Варшаве. Выступление начали вооружённые студенты, ворвавшиеся 29 ноября 1830 года во дворец Бельведер, но не обнаружившие в нём намеченную жертву (заранее предупреждённый об опасности, Константин Павлович Романов бежал из дворца в совершенном дезабилье). За отсутствием великого князя нападавшие убили шесть польских генералов, сохранивших верность русскому царю, и захватили арсенал. Царский брат между тем вызвал к себе русские полки и вместе с ними покинул польскую столицу, а затем и пределы Польши, после того как по соглашению со вновь созданным польским правительством он отпустил с миром бывшие при нём части польских войск.

Вопреки пораженческим настроениям брата Константина, император Николай I в феврале 1831 года направил на подавление восстания специально сформированную для этой цели армию с графом Дибичем во главе. Далее всю последовавшую польскую кампанию можно разделить на две части: под командованием генерал-фельдмаршала Дибича, и после его кончины 9 июня 1831 года — под командованием генерал-фельдмаршала Паскевича.

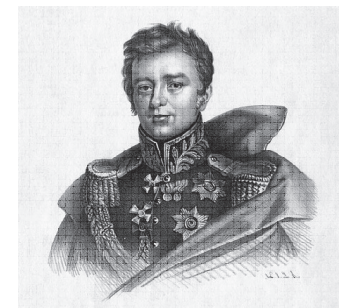

В первой части кампании Иван Иванович Дибич, стремясь стремительным прорывом сходу взять Варшаву, не позаботился должным образом о тыловом обе-

спечении, в замысле своём не преуспел и вынужден был ограничиться позиционными — с переменным успехом — боями с повстанцами. Поначалу части русской армии потерпели в них неудачи, затем 19 февраля 1831 года одержали над противником победу (фактически — пиррову, с большими потерями) при Грохове. Приблизившаяся в конце марта 1831 года к польской столице русская армия была отброшена от неё решительной контратакой повстанческой конницы.

Перегруппировав силы, устроив продовольственную часть и охрану тыла, Дибич сломил сопротивление поляков важной победой при Остроленках и был готов, несмотря на вспыхнувшую в русской армии эпидемию холеры, начать повторное наступление на Варшаву. Между тем император Николай, предельно раздражённый затягиванием войны, прислал к Дибичу графа Орлова с предложением подать в отставку. «Я сделаю это завтра», — заявил в ответ фельдмаршал, но на следующий день заболел холерой и вскоре скончался.

Принявший командование граф Иван Фёдорович Паскевич завершил начатое Дибичем наступление — решительно двинув войска на Варшаву, он 19 августа 1831 года взял её в кольцо. В польской столице между тем вспыхнул мятеж с избиением поляками друг друга и сменой главнокомандующего войском польским. Штурм Варшавы по команде фельдмаршала начался 6 сентября 1831 года и спустя двое суток завершился полным успехом русского оружия. Паскевич написал царю в стиле древних: «*Варшава у ног Вашего Величества*».

Через несколько месяцев после капитуляции польской столицы, в феврале 1832 года, в Петербурге вышел в свет «Органический статут», согласно которому Царство Польское объявлялось частью Российской империи. Сейм и польское войско упразднились, прежнее деление Польши на воеводства было заменено делением на губернии; на её территории (теперь фактически российской провинции) были введены действовавшие в России денежная система, система мер и весов.

Бежавшие из Польши тысячи повстанцев и члены их семей поселились эмигрантами в западноевропейских странах и все силы свои положили на создание в странах пребывания негативного образа России. Полонофилия, русофобией сопровождаемая, с этой поры — надолго, до наших дней — стала первейшим элементом европейского общественного мнения и внешней политики. Ещё в первые дни польского восстания 1830 года французский поэт Казимир Делавинь написал стихотворение «Варшавянка», которое было переведено на польский язык и, положенное на музыку, стало польским патриотическим гимном.

В России большая часть общества поддержала подавление польского восстания. Поражение повстанцев приветствовал Александр Сергеевич Пушкин в своих стихах «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Боро-

динская годовщина»; порадовались русским победам Фёдор Иванович Тютчев, Пётр Яковлевич Чаадаев; вне себя от случившегося были Пётр Андреевич Вяземский и Адам Мицкевич.

Часть третья. Восстание в Юго-Западном крае

Польское восстание 1830 года, охватив, прежде всего, территорию коренной Польши, распространилось — подобно огню, траву выжигаящему — и на территорию Киевской губернии. Здесь центром его стало расположенное южнее Умани местечко Дашев, в котором местные руководители повстанцев активно набирали польских рекрутов и муштровали их огневой и строевой подготовкой, накапливали арсеналы вооружений.

Местечко Дашев в начале девятнадцатого столетия находилось в собственности Владимира Станиславовича Потоцкого — сына Станислава Щенного Потоцкого и его первой жены, Юлии-Амалии Мнишек. Был Владимир Станиславович безмерно богат и предан делу возрождения Речи Посполитой. Его усилиями и на его деньги в 1812 году обеспечивался оружием, обмундированием и съестными припасами польский корпус, двигавшийся в составе армии Наполеона на Москву. Узнать о крушении (вместе с гибелью «великой армии») своих надежд на возрождение польской государственности Владимиру Станиславовичу не привелось — косившая Юго-Западный край летом 1812 года холера прибрала и его, оставив вдовой жену Фёклу с двумя малолетними детьми на руках, Станиславом и Владимиром.

Катализатором выступлению правобережных мятежников стало известие о переходе через Буг в марте 1831 года отряда польских повстанцев и вступление его в пределы Волыни, после чего местная элита, перегретая ожиданием отечественного ренессанса, приступила к ускоренной организации и экипировке собственных вооружённых отрядов. Процесс этот скоро набрал приличных оборотов, так как в западной составляющей Юго-Западного края российская власть могла опереться только на собственные штыки — местное дворянство, чиновничество, католическое и униатское духовенство стояли за «Польшу от моря до моря».

Разгоревшись на Волыни, огонь мятежа перекинулся на Подолию, где богатые помещики — братья Собаньские, Орликовский, Стемповский, Ржевуский, Еловицкий — спешно занялись формированием и вооружением повстанческих отрядов, отправкой их в концентрационный пункт Дашев, стоявший на границе Киевщины и Подолии. Первоначальным намерением лидеров повстанцев, собиравшихся и усиливавшихся в Дашеве, было движение на Киев, беспрепятственности которого, по их мнению, способствовало отсутствие в крае на то время регулярных русских войск (местные жандармы и команды инвалидов в расчёт не принимались).

Решающему броску на северо-восток способствовали и значительные материальные средства, накопленные повстанцами. Так, Фёкла Потоцкая, заложив часть семейных имений, одной из первых вложила вырученные денеж-

ные средства в фонд обеспечения восстания. Совершив это благодеяние, она с сыном Станиславом отбыла в «дальнее зарубежье», оставив на хозяйстве сына Владимира.

Князь Адам Чарторыйский, имевший в этих краях большой конный завод, передал весь его племенной выводок на формирование отряда кавалерии инсургентов. Управитель Потоцких, некий Лопушанский, стремясь увлечь восстанием «подчинённый народ», объявил по сёлам, что в случае победы польского оружия крепостные Потоцкого получают вольную. По почтовому маршруту Дашев — Варшава и обратно шла активная переписка; варшавские руководители восстания требовали, не жалея денег, вербовать новых и новых борцов. Провинциальные военачальники, подтверждая неизменную преданность «общему делу», ждали приказа о выступлении. Шляхта из близлежащих местечек и городов бросала семьи и толпами шла в местечковое войско, надеясь на скорое и безопасное обогащение.

«Пасха в 1831 году была 18 апреля; перед Пасхой получилось из Варшавы распоряжение выступить в поход и открыть военные действия. Из главного двора Потоцкого посланы были козаки с письмами во все концы Липовецкого, Бердичевского, Гайсинского, Уманского, Винницкого и других уездов Киевской и Подольской губерний, приглашая в Дашев на последнее совещание и выход войск.

Незадолго до Пасхи, Дашев стал наполняться польской милицией. Чтобы правительство не проведало об этом сборе преждевременно, — устроены были заставы, где всех проезжавших через Дашев спрашивали, кто он и откуда. Если предполагали, что проезжий может донести властям, то его не пропускали в Дашев, а заставляли вернуться назад; менее опасных, как напр. детей священников, возвращавшихся из Уманского духовного училища домой на праздники, пропускали через Дашев с завязанными глазами. Наиболее строгий надзор был над проезжающими со стороны г. Липовца; последних решительно не допускали переезжать через Дашев, и заставляли окольными дорогами ехать на Умань. В то время в г. Умани были военные поселения и стояли войска».¹⁰⁴

Местечко Дашев в эту пору являло собой некое подобие крепости, куда по отлаженной схеме поставок свозилось оружие, провиант, обмундирование, где каждодневно шла боевая и политическая подготовка вольнолюбимого воинства. Обед новобранцам и рабочим готовили в шести громадных котлах, для его приготовления ежедневно резали шесть быков. В палатце Потоцких особо приготавлилась еда для «ясновельможного панства», ежедневно приезжавшего к пану Лопушанскому с докладами о ходе подготовки к выступлению; за каждым господским обедом выпивалось много вина, преимущественно французских марок.

Командовал дашевским ополчением профессиональный военный полковник Колыско, стремившийся первым делом приучить к воинской дисциплине независимых шляхтичей, что ему не особо удавалось; много денег было у каждого уважающего себя пана и немало искушений было вокруг, посему будущие воины боевым занятиям предпочитали выпивку и закуску.

Получив долгожданный приказ из Варшавы, дашевские отцы-командиры определили днём выступления первомайский день 1831 года. Выступить в назначенный день и час не удалось из-за загула панства, а второго мая приискал в Дашев гонец с пренеприятнейшим известием: «Русские идут!» В видах безопасности по распоряжению местных властей были «хутко» уничтожены переправы на близтекущих речках и речушках, в местечке Ладыжин все паромы на реке Буг были перетянуты на «свою» сторону.

Эти манёвры восставшим не помогли — усмирители, восстанавливая мосты и переправы, используя броды, движения к «гнезду» смуты не остановили. Направление главного удара им подсказала пани Собаньская. Перехваченная русскими солдатами в Грановском лесу, она с полным откровением рассказала командиру отряда, что делается в Дашеве и сколько там повстанцев.

Узнав о приближении русских, Кольско отдал приказ занять оборону. При первых выстрелах противника большая часть борцов за свободу и независимость разбежалась, меньшая их часть приняла бой с отрядом генерала Рота в лощине неподалёку от Дашева, у дороги на Монастырище и Умань. Защитники держались стойко, но только до залпа из всех орудий наступавших, после которого дрогнули и разбежались. Всё поле боя усеялось трупами погибших под картечью поляков, выживших солдаты гнали по всем близлежащим дорогам. Местный маршалок (предводитель дворянства) Володкевич бежал, укрылся на некоторое время в глинице близ села Копыловка.

Владимир Потоцкий схоронился в Радзивиллове, откуда перебрался за границу, где до 1850 года проживал у французских друзей. Когда он вместе с матерью вернулся к «отеческим гробам», то был приятно удивлён сделанным открытием — его имение в Дашеве избежало конфискации и было только секвестрировано. Последнее обстоятельство позволило Фёкле Потоцкой вернуть недвижимую в семью, после того как она «затуманила» головы петербургским чиновникам заявлением, что Дашев со всеми прилегающими деревнями был заложен покойным Потоцким в обеспечение её приданого.

Сохранив родовую недвижимую, неутомимая Потоцкая выхлопотала далее амнистию своему управляющему Лопушанскому, коротавшему дни свои в сибирской ссылке. Коллективным поручителем за него выступили крепостные Потоцких, заявившие властям о полной невиновности их бывшего непосредственного начальника. Тот, вернувшись к месту прежней службы, с утроенной силой взялся гнуть в дугу податливое селянство (в полном соответствии с положением теории Фрейда о способах и направлениях разрядки накопленного эмоционального перенапряжения). По аналогичной психопатологической схеме «сработал» и вернувшийся домой из тюрьмы по амнистии пан Володкевич. Он «вычислил» своих крепостных, указавших русским солдатам место его убежища, после чего полностью лишил их имущества, а детей их отдал рекрутами в русскую армию.

В итоге все польские «графья» и «пановья», организовавшие антироссийское восстание и деятельно в нём участвовавшие, а позже «извинившиеся» перед русской властью за содеянное, получили назад свою недвижимую в

целости и сохранности на основании царского указа: «...кто из поляков, участвовавших в мятеже, даже с поднятием оружия, изъявит раскаяние, отпустить их в имения и позволять ими свободно пользоваться».

Воспользовавшись царской милостью, внешне покаявшиеся графы Потоцкие, Ржевуские, Собаньские и другие, им подобные, возвратились в свои имения, внутренне готовые к реваншу. В восстании 1863 года те из них, кто дожил до него, их наследники и родственники приняли самое активное участие, а после его поражения, снова (как в 1831 году) покаялись перед российскими властями и вновь остались при своей недвижимости.

По этому поводу генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибииков писал в 1846 году следующее:

«В 1840 и 1841 годах я всеподданнейше докладывал государю, что здешние крестьяне во время мятежа не только не изменили своему долгу, несмотря на соблазны поляков, но в своё время предупреждали правительство о заговоре и бунте, почему в приказе покойного фельдмаршала Сакена, в мае 1831 г., читанном в церквях, им было обещано, что они никогда не будут принадлежать возмущившимся помещикам. По усмирении мятежа это обещание не выполнено: крестьяне возвращены тем же самым владельцам, коих захватывали, как мятежников, или на коих доносили, а взятые в казну поступили тоже в управление поляков, часто родственников тех, кои по мятежу наказаны и коим принадлежали имения. После сего крестьяне вытерпели жестокие преследования со стороны своих господ: были даже случаи, что при наказаниях им повторялось, что таковыя делают за их верность правительству. Подобные угнетения и преследования были тогда повсеместны».

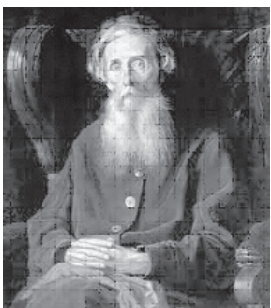
Владимир Иванович Даль

Молодость Владимира Ивановича Даля связана с Украиной; здесь — в Луганске — он родился; здесь начинал — в Николаеве — свою военную службу; здесь в 1830–1831 годах он служил хирургом, офтальмологом в лазаретах Умани, Кременца, в Киевском военном госпитале.

«Да благословенная Украина! Как бы там ни было, а у тебя за пазухой житье ещё можно. Оглобля, брошенная на землю, обрастает за ночь травой. Каждый прут, воткнутый мимоходом в тучный чернозём, даёт вскоре тенистое дерево. Как сядешь на одинокий курган да глянешь до конца света, так и кинулся бы вплавь по этому волнистому морю трав и цветов, — и плыл бы, упиваясь гулом его и пахучим дыханием до самого края света».

(Владимир Иванович Даль)

Зрительному представлению Владимира Ивановича Даля мы обязаны, прежде всего, таланту Василия Григорьевича Перова, создавшего удивительно верный, в передаче внешности и раскрытии глубины внутреннего мира, портрет создателя «Толкового словаря живого великорусского языка» в пору преклонных лет его. Даль изображён сидящим в глубоком кресле, у него ясный, умный взгляд, длинная седая борода; спокойно сомкнутые руки на коле-

нях учёного выразительно подчёркивают его душевное равновесие.

Есть другой, не канонизированный в три четверти портрет молодого Даля кисти неизвестного художника — уверенная посадка большой головы, открытый чистый лоб; красивое выразительно лицо, которое не портит крупный («с горбинкой») нос; длинные, почти до плеч, непышные волнистые волосы; в задумчивых глазах — дружелюбие, пытливость и ... заметная печаль недавно пережитого. Так, в неполных тридцать лет выглядел военный доктор Даль, когда — во второй половине 1830 года — заведовал временным 1-го конно-артиллерийского дивизиона сводным лазаретом, располагавшимся в городе Умань; заведовал со знанием дела — как опытный хирург, как умелый офтальмолог, удалявший катаракту равно успешно как правой, так и левой рукой.

Начальный опыт военно-полевой хирургии и борьбы с эпидемиями Даль получил в русско-турецкую войну 1828–1829 годов; после её, для русского оружия победного, завершения трудился ординатором в госпиталях, сначала в Яссах, затем, с весны 1830 года — в Киеве, после чего получил под своё начало лазарет в Умани. После Умани, с января 1831 года, как он сам засвидетельствовал: «В свирепствование холеры в Каменец-Подольске заведовал 1-ой частью города».

В турецкой кампании, открывшейся в марте 1828 года, острую нехватку врачей (в том числе для борьбы с эпидемией чумы в задунайских областях) царское военное ведомство восполнило призывом в армию студентов-медиков. Владимир Даль, на то время казённокоштный слушатель Дерптского университета, как и его однокурсники, получил направление в распоряжение Главного штаба русской армии, но с отсрочкой для ускоренного завершения курса наук. За предоставленный ему год талантливый студент не только завершил успешно обучение на медицинском факультете и получил звание «лекаря», но добился также учёной степени, защитив «Диссертацию на соискание учёной степени, излагающей наблюдения успешной трепанации черепа и скрытых изъязвлений почек».

Через десять дней после «остепенения» Даль прибыл в распоряжение действующей армии. В его формуляре появилась запись: «29 марта 1829 года. По прибытии во 2-ю армию к крепости Силистрии назначен ординатором в подвижный госпиталь главной квартиры».

Легко про войну слушать, да страшно её видеть. Последующие записи в послужном списке лекаря Даля свидетельствуют, что привелось ему быть «при осаде крепости Силистрии», «при разбитии армии Верховного визиря в сражении под Кулевичами», «при взятии трёх редутов близ Шумлы», «при переходе войск 2-й армии через реку Камчик и чрез Балканы», «при взятии города Сливна» и «при занятии второстепенного города Адрианополя».¹⁰⁵

Вместе с основной колонной войск Владимир Иванович Даль передвигался по болгарской земле в громадном обозе походного госпиталя, состоявшего из нескольких десятков фур, включавших в себя аптеку, кузницу, до сотни палаток со всеми принадлежностями — для размещения больных и раненых, для проведения операций и медицинского обслуживания. В битвах под Кулевичами лекарь Даль «...видел тысячу-другую раненых, которыми покрылось поле и которым на первую ночь ложем служила мать-сырая земля, а кровом небо... толкался и сам между ранеными и полутрупами, резал, перевязывал, вынимал пули с хвостиками; мотался взад и вперёд, поколе наконец совершенное изнеможение не распростёрло меня, среди тёмной ночи, рядом со страдальцами».¹⁰⁵

Велики были потери русских от неприятельского оружия — убитыми на поле боя и погибшими от ранений. Каждая битва, создававшая в течение короткого промежутка времени массу раненых, сразу же осложняла и делала практически невозможным обеспечение их надлежащим уходом.

Более пуль и ядер косили ряды русского воинства болезни, прежде всего, холера и чума. Об этом, в частности, вспоминает офицер и писатель Фёдор Фёдорович Торнау:

*«Местное военное управление совершенно расстроилось. Коменданты и воинские начальники совершенно лишились всех способов вести дела установленным порядком, потеряв от чумы своих помощников, которых нечем было заменить. Не помню, в каком именно турецком местечке русский воинский начальник выселился в поле, потеряв от чумы всех своих подчинённых. Построив шалаш на кургане, сделав достаточный запас хлеба, вина и кислого молока, вооружённый притом десятками заряженных ружей, он решил не подпускать к себе живого человека»».*¹⁰⁶

Русско-турецкая война 1828–1829 годов обошлась России в сто тысяч солдатских жизней, и только двадцать тысяч солдат погибли, участвуя в боевых действиях, остальные умерли от болезней; из трёхсот военных врачей выжили только сто. Не только от эпидемий чумы и холеры редели солдатские ряды — в течение войны каждый солдат по несколько раз побывал в лазарете из-за цинги, кровавого поноса, болотной лихорадки. Велики были войсковые потери из-за глазных заболеваний, прежде всего трахомы (болезни эти в ту пору называли «египетским воспалением глаз» или «военным воспалением глаз»).

После Каменецкого госпиталя Даль исполнял свой долг дивизионного врача в корпусе генерала Редигера, отправленного на подавление польского восстания весной 1831 года. Вновь, как и в турецкую войну, косили солдатские ряды холера, от неё умерли главнокомандующий Иван Иванович Дибич, великий князь Константин Павлович. В этой кампании Даль проявил себя не только как врач, но и как искусный мостостроитель. Дважды он обеспечивал переправу русских войск через Вислу: плавучий мост по его замыслу и под его началом соорудили из подручных средств — плотов, лодок, парома. Генерал Ридигер отметил в последовавшей докладной «отличную прочность

моста, так что артиллерия и тяжести без всякого опасения переходили оный в обыкновенном маршевом своём порядке».

От директора медицинского департамента Якова Васильевича Виллие военврач Даль получил выговор за уклонение от своих прямых обязанностей; в конечном же итоге выговор был заменён боевым орденом Святого Владимира 4-й степени и знаком ордена Военного достоинства 3-й степени.

По возвращении в столицу в марте 1832 года Даль был определён доктором в Военно-медицинский госпиталь, располагавшийся на Выборгской стороне, а в середине лета был дополнительно прикреплен к кронштадскому морскому лазарету. Он скоро прославился — не только в госпитале, но и в самой столице — и как опытный хирург и как специалист-офтальмолог (за время своей медицинской практики Владимир Иванович Даль провёл более сорока успешных операций по снятию катаракты). «Даль делается уже медицинской знаменитостью Петербурга», — записал в свой дневник писатель Павел Иванович Мельников.

В 1833 году Даль решительным образом сменил свой профессиональный образ. Он оставил медицинскую практику и занялся практикой государственного служащего — перевелся чиновником особых поручений при Василии Алексеевиче Перовском, генерал-губернаторе Оренбургского края. От медицины он окончательно не отошёл, занимался ею между делом; в это время увлёкся серьёзно гомеопатией, народной медициной; своевременно сделанной операцией спас жизнь своему будущему тестю, оренбургскому полицмейстеру.

В этом месте биографического рассказа следует сделать временную остановку и обратиться к истории рождения и началу жизненного пути доктора Владимира Ивановича Даля. На белый свет появился он 22 ноября 1801 года в Лугани (будущем Луганске). Отец его, Иван Матвеевич (Иоганн-Христиан), лютеранин, происходил «из датских офицерских детей» и был приглашён Екатериной II (услышавшей об учёности и «многоязычии» юноши) к себе придворным библиотекарем. Прослужив некоторое время при дворе, Даль отправился в Германию за медицинским образованием и, получив его, вновь вернулся в Россию, где был «удостоен управлять медицинскую практику» в Гатчине. Затем последовала медицинская работа в Петрозаводске и Лугани; закончил службу Иван Матвеевич главным доктором Черноморского флота в Николаеве (где и почил в бозе в 1821 году).

По получении домашнего образования (прежде всего, за счёт матери, Марии Христофоровны, хорошо литературно образованной, владевшей пятью языками) Владимир Даль был отдан в 1814 году на казённый кошт в Петербургский морской кадетский корпус. «Мореходных хитростно искусств учение» завершил в 1816 году, сдав успешно экзамены по математике, физике, химии, геодезии, астрономии, навигации, механике, грамматике, истории, географии, иностранным языкам, артиллерии, фортификации, корабельной архитектуре. (Всяко лыко было в строку для будущего составителя словаря.) После выпуска молодой мичман Даль в начале марта 1819 года прибыл к месту службы, в Николаев.

«Во всю жизнь свою я искал случая поехать по Руси, знакомиться с бытом народа, почитая его за ядро и корень, а высшее сословие за цвет и плесень... Когда я на пути в Николаев записал дикое тогда для меня слово „замолаживает“ — и убедился вскоре, что русского языка мы не знаем, — я не пропустил дня, чтобы не записать речь, оборот на пополнение своих записок».¹⁰⁵

В свою морскую службу Владимир Даль плавал (по-матросски — «ходил») на бриге «Мингрелия», на военной брандвахте без названия, на фрегате «Флора»; «ходил» без особого удовольствия — при беспокойном море разыгрывалась морская болезнь. В сентябре 1833 года за стихотворный выпад в адрес Главного командира Черноморского флота вице-адмирала Грейга (ставшего подкаблучником у молодой и проницательной любовницы) мичман Даль был арестован с приказом оскорблённого адмирала по его поводу — «лишить чина и записать в матросы на шесть месяцев».

«Судиться — не богу молиться: поклоном не отделаешься». Морским Аудиторским департаментом молодой мичман был оправдан как «иностранец, не вполне понимающий русский язык»; его разжалование в матросы было отменено, было признано достаточным «бытие его, Даля, под судом и долговременный арест».¹⁰⁷

После уголовного преследования Даль в 1824 году перевёлся в Кронштадт (там в ноябре того же года наблюдал знаменитое наводнение), а в 1826 году, подав в отставку, отправился в Дерпт за медицинским образованием, где и получил его.

Совершившийся девять лет спустя отход от медицинской практики, как основного занятия, и перевод его в занятие попутное был вызван стремлением Владимира Ивановича Даля обеспечить свою семейную жизнь более прочным положением и сохранить при этом свободу манёвра в писательстве своём (в нём он уже выступил как «Казак Луганский») и в самом главном занятии своей жизни — собирании и систематизации русских слов.

Попытка вернуться в альма матер, получить обещанное место профессора русского языка и словесности в Дерптском университете ему не удалась, после чего друзья исходатайствовали ему место чиновника особых поручений при Оренбургском генерал-губернаторе Перовском, только назначенном на должность.

С выездом к месту службы Владимиру Далю пришлось повременить. Выехал только в июле 1833 года, использовав временной перерыв для женитьбы на юной Юлии Андре («Мадам Даль мила как нельзя более, миньятурная, голосок тоненький, звонкий; ну точно колибри...»). За пять лет совместной жизни родила она мужу сына и дочь и в 1838 году, в Оренбург, в возрасте 22 лет скончалась при неудачных родах вместе с не родившимся ребёнком. Через два года Даль женился на дочери отставного майора, Екатерине Львовне Соколовой, которая родила ему трёх дочерей, но матерью оказалась никудышной — из-за одолевшей её ипохондрии.

В конце лета 1833 года в Оренбург заехал Александр Сергеевич Пушкин, занимавшийся сбором в Яицком крае материалов для книги «История Пу-

гачёва». Поэт увлѣк Далья своим проектом, уговорил его составить ему компанию в краеведческих исследованиях. Друзья вместе объездили приуральские земли, побывали в Бердской слободе — столице мятежного атамана.

Следующая встреча друзей состоялась уже в конце января 1837 года на квартире умирающего поэта. (Даль приехал в Петербург из Оренбурга в конце 1836 года, по служебным делам, и пробыл в столице несколько месяцев.)

*«У Пушкина нашёл я уже толпу в передней и в зале; страх пробежал по бледным лицам. Д-р Арндт и д-р Спасский пожимали плечами. Я подошёл к болящему, он подал мне руку, улыбнулся и сказал: „Плохо, брат!“ Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ТЫ, — я ответил ему так же, и побратался с ним уже не для земного мира».*¹⁰⁵

С тяжело раненым Пушкиным Даль был до его последней минуты. Он услышал последние слова поэта: *«Жизнь кончена. Тяжело дышать, давит»*. Он закрыл ему глаза в 2 часа 45 минут пополудни 29 января 1837 года.

После службы в Оренбурге, окончившейся в 1841 году, Даль вернулся в Петербург, где получил назначение начальником особой канцелярии Министерства внутренних дел и секретарём при министре уделов. В 1849 году он был переведён в Нижний Новгород управляющим удельной конторы — жил на улице Печерской, название которой предложил, в качестве псевдонима, коллеге по службе, Павлу Ивановичу Мельникову, благословляя его на писательское подвижничество.

В 1859 году Владимир Иванович Даль вышел в отставку и поселился в Москве, в которой проживал до конца дней своих, наступившего 22 сентября (4 октября) 1872 года.

Воздвижение храма своего *«нерукотворного»* — издание «Толкового словаря живого великорусского языка» — Даль совершил в 1864 году (за два года до этого выстроил «храмовый придел» — издал словарь великорусских поговорок).

Для меня, верного прихожанина этого храма, его создатель подобен титанам Высокого Возрождения — живописавшим, ваявшим, возводившим монументы и величественные соборы. Выложил Владимир Иванович Даль своё творение из двухсот тысяч слов-кирпичиков, украсив его россыпью тысяч пословиц и поговорок.

Умань как региональный центр военных поселений

После подавления польского восстания 1830 года город Умань стал одним из центров военных поселений края. Память об этом событии сохранилась в купно расположенных домах старой постройки, в которых располагалась администрация военного округа и которые до сих пор именуются городскими старожилками как «военный городок». При всех негативных оценках системы

военных поселений, начавшей действовать ещё при Александре I, а закончившей свою «жизнь» со смертью Николая I, город Умань — прежде всего, его центральная часть — в означенную пору начал приобретать те архитектурные формы, которые, развившись и усовершенствовавшись, дали возможность современникам на рубеже веков называть провинциальный город Умань «маленьким Киевом».

При военных поселениях был утверждён герб города Умани:

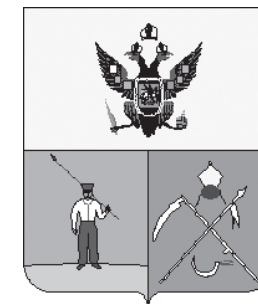
*«В 1845 году утверждён герб для него, изображающий в верхней половине щита на золотом поле государственный герб, а в нижней, разделенной на две части, в одной козака с пикой, а в другой: пику, косу и серп под уланскою шапкой».*³⁸

Часть первая. Внутренняя организация военных поселений

Военные поселения как система организации войск в России, в которой военная служба сочеталась с сельскохозяйственным и иным производством, была введена по инициативе императора Александра I сразу после Отечественной войны 1812 года и действие своё прекратила при его внучатом племяннике, императоре Александре II в 1857 году. Учреждены военные поселения были с целью подготовки резерва войск без увеличения расходов на армию при частичном упразднении рекрутских наборов. Вместе с тем, император Александр, учреждая военные поселения, «идеально» мечтал улучшить положение нижних чинов, дать им возможность во время службы оставаться среди своих семейств и продолжать свои земледельческие упражнения, а на старость обеспечить себя куском хлеба и пристанищем. На возражения своего ближайшего окружения, что-де неподъёмны для казны поселения и не дадут они должного качества комплектования армии, император запальчиво заявил, что военные поселения всё же будут построены, пусть бы даже для этого пришлось уложить трупами строителей дорогу от Чудова до Петербурга.

По сути своей военные поселения стали особой формой крепостничества, при котором военнопоселенцы закрепощались государством, в отличие от крестьян-крепостных, которые принадлежали отдельным помещикам-феодалам. Но — большое отличие! — положение военных поселян было более принижённым в сравнении с положением помещичьих крепостных, поскольку кроме феодального гнёта они страдали ещё и от военных регламентаций, от жестокости, своеволия и распухленности военного начальства.

«По окончании войны, Александр возымел странную и несчастную мысль: завести военные поселения, для пехоты на севере, для конницы на юге России. Он полагал получать из этих округов и рекрут, с детства уже готовившихся в военную службу, и продовольствие, и обмундирование, и вооружение их в

устроенных в поселениях фабриках и заводах, а остальную часть России освободить от рекрутства и податей на военное министерство.

...Несколько тысяч душ крестьян превращены были в военных поселян. Старика названы инвалидами, дети кантонистами, взрослые рядовыми. Вся жизнь их, все занятия, все обычаи поставлены были на военную ногу. Женили их по жеребью, как кому выпадет, учили ружью, одевали, кормили, клали спать по форме».¹⁰⁸

Первая попытка устроить военное поселение была сделана ещё в 1810 году, когда в Климовичском уезде Могилёвской губернии запасной батальон Елецкого мушкетёрского полка был расквартирован в поселении, выстроенном по калькам любимой вотчины графа Аракчеева — Грузино. Коренных крестьян этой местности, покорных и безразличных к господским затеям, переселили за казённые средства в Новороссийский край. По пути многие из них погибли от холода и голода, от беспробудного пьянства и глухой тоски по оставленной родине.

После изгнания французов число военных поселений в России постоянно увеличивалось и к концу царствования Александра I более трёх десятков поселенческих полков были расселены в Новгородской, Могилёвской, в Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях. Под Петербургом были расселены две роты слугителей Охтинского порохового завода.

При устройстве военных поселений было принято за правило не допускать в границах поселений частных владений. Казна пыталась договариваться с помещиками о цене земли, уступаемой для поселян; на упорствующих влияли различными приёмами дисциплинарного и финансового воздействия. При устройстве военных поселений на Слобожанщине мелких землевладельцев вынудили перенести свои дома за пределы округа при малом денежном возмещении из казны. Из города Чугуева были выселены проживавшие там иногородние купцы, причём принадлежавшие им дома, лавки, сады и огороды были оценены особой комиссией.

Жители уездов, где размещались военные поселения, в условиях мирного времени от рекрутских наборов освобождались. Мещане должны были отправлять рекрутскую повинность на прежних основаниях, и лишь в городах, числившихся в ведомствах военных поселений, натуральная рекрутская повинность была заменена денежным оброком. В военное время все поселяне этих уездов должны были по-прежнему давать рекрут на укомплектование армии.

Уезды, в которых были устроены военные поселения, несли значительные расходы на земские повинности. Местные жители обязаны были давать на зиму квартиры войскам, командированным для работ в военных поселениях, поставлять дрова и солому поселённым полкам (во время лагерных сборов) на отопление и освещение казённых зданий, давать подводы для развозов земских заседателей и отводить пастбища для ремонтных лошадей поселённых полков кавалерии.

Пехотные поселённые полки состояли из двух действующих, одного резервного и одного поселённого батальонов, кавалерийские — из шести дей-

ствующих, трёх резервных и трёх поселённых эскадронов. Поселённые батальоны и эскадроны формировались из местных жителей округа и лучших чинов всего полка; в хозяева выбирались нижние чины, прослужившие не менее шести лет и вполне усвоившие фронтное учение. При этом ими назначались уроженцы губернии, где располагалось военное поселение, занимавшиеся до поступления на службу земледелием и женатые. Кроме них в число хозяев назначались годные к строевой службе коренные жители «мужеского пола» в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет, имевшие собственное хозяйство, женатые и отличавшиеся беспорочным поведением. Остальные местные жители от восемнадцати до сорока пяти лет, годные к службе, зачислялись в помощники хозяев, в резервные батальоны и эскадроны. Все жители округа, отданные при прежних рекрутских наборах на службу в другие полки, переводились в поселяемый в округе полк.

Военные поселения освобождались от всех государственных податей и земских повинностей, а также от рекрутских наборов, взамен чего они должны были комплектовать всеми способными к службе людьми тот полк, в округе которого они состояли. Военные поселяне были обмундированы в форменную одежду, у них на руках находились ружья и амуниция.

Все земли, входившие в округ военного поселения, были разделены между поселянами-хозяевами на равные участки. Пастбища и луга предоставлялись в общее пользование поселян-хозяев без раздела. Они снабжались от казны лошадьми, рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями и мебелью; всё имущество было изготовлено по установленным образцам и поддерживалось в исправности за счёт поселян. Фельдфебели, вахмистры и известное число унтер-офицеров, преимущественно из окончивших курс в учебных войсках, не получали земельных наделов и обязаны были обучать военных поселян фронту и маршировке. В поселённые части предписано было назначать лучших офицеров, в совершенстве знавших фронтную службу и имевших некоторые познания в хозяйстве, в скотоводстве и в науках.

Служба офицеров в военных поселениях была очень тяжёлой. Кроме обучения поселян строю и маршировке они должны были руководить сельскохозяйственными работами, наблюдать за домашним хозяйством поселян и отвечать за каждое упущение в действиях своих подчинённых. Домашняя жизнь офицеров, которым отводились квартиры при полковых штабах, была стеснена постоянным надзором начальства. Полковые командиры и высшие начальствующие лица обращались со служивыми офицерами крайне грубо и бесцеремонно, зная, что выгодные материальные условия привлекали в военные поселения беднейших офицеров, дороживших службой как единственным средством существования.

Нижние чины поселённых батальонов и эскадронов, поступавшие на службу по рекрутским наборам, могли требовать присоединения к ним жён и детей, оставшихся на родине. Многие из жён отказывались ехать в военные поселения, отговариваясь болезнью, нежеланием оставлять своих родных и имущественными делами, вследствие чего сделано было распоряжение не допускать никаких отговорок и заявляющих о болезни подвергать освидетельствованию.

С приближением сорокапятилетнего возраста (а при неспособности к строевой службе по болезням или увечьям — и ранее) военные поселяне зачислялись в инвалиды, с получением от казны жалованья и провианта. Поселяне-хозяева имели право передавать хозяйство своим сыновьям, находившимся на службе в поселённых полках или в числе кантонистов старшего возраста, и зятьям из нижних чинов поселённых полков, а не имеющие детей могли усыновлять кого-либо из нижних чинов поселённого полка или кантонистов. Инвалиды, передававшие своё хозяйство, оставались полными хозяевами в своих домах, а не избравшие себе наследников могли оставаться в своих домах только по соглашению с назначенными на их место хозяевами. В противном случае они наделялись от казны участками земли, а при полной неспособности к работе помещались в инвалидные дома. Инвалиды освобождались от фронтовых занятий и земледельческих работ, но назначались для прислуги в госпиталях, для присмотра за казёнными зданиями, для пастьбы скота поселян и прочее.

Часть вторая. Военные поселения на Правобережной Украине

До польского восстания 1830 года о создании военных поселений на территории Правобережной Украины (или Юго-Западного края) речь не шла, так как все земли края находились в собственности польской шляхты, чьи имущественные права властью не затрагивались. Однако в ходе самого восстания были секвестированы поместья польских дворян, *«достаточно изобличённых в деятельности распространения мятежа с поднятием самого оружия»*.

Секвестированию (секвестр — запрет или ограничение, устанавливаемые органами государственной власти на использование или распоряжение каким-либо имуществом) подпали имения крупных землевладельцев графа Александра Станиславовича Потоцкого, Владимира Станиславовича Потоцкого, князя Адама Чарторыйского, Вацлава Ржевуского, Александра Собаньского....

Конфискация имений и другой собственности участников восстания проводилась на основании указов император Николая I от 21 марта и 10 мая 1831 года. Первый указ отмечал саму необходимость *«брать недвижимые имения мятежников в Западных губерниях в казну, на приращение инвалидного капитала»*, а второй определял порядок передачи конфискованного имущества в казну. Управление конфискованными имениями возлагалось на губернские казённые палаты. 26 июня 1831 года по распоряжению министра финансов на имения повстанцев был наложен секвестр, а 10 августа 1831 года Киевское губернское управление объявило о секвестировании имений Александра Потоцкого. В начале сентября в Умань был направлен уполномоченный Киевской казённой палаты с заданием проверить ход описи имения графа. Особое внимание проверяющий уделил Софиевскому парку, который был им *«найден в первобытном состоянии»*.

До марта 1832 года управление имением Александра Потоцкого под надзором полиции вёл его управляющий Расевич. В середине марта того же года всё движимое и недвижимое имущество графа было окончательно передано Киевской казённой палате. Её уполномоченный по уманским имениям гвардии капитан Маркевич приступил к исполнению своих обязанностей, в рамках которых в 1833 году провёл полную ревизию имений графа Потоцкого.

В апреле 1836 года все секвестированные имения польских магнатов, расположенные в Киевской и Подольской губерниях, отошли в ведение Военного министерства и получили наименование *«имений Военного ведомства»*. Для оперативного управления эти имения были разбиты на пять округов и два отдельных участка. Управлялись они Главной хозяйственной конторой, располагавшейся в Умани. Начальником округов был назначен начальник штаба Второго резервного поселённого кавалерийского корпуса генерал-майор Фохт. В 1837 году были также утверждены правила конфискации имений владельцев, наследники которых были лишены своих прав за участие в мятеже 1830–1831 годов. В результате в военное ведомство перешло более восьмидесяти тысяч душ мужского пола. На основании специально разработанного *«Положения»* жители этих округов продолжали числиться в крестьянском сословии, при этом мужская часть подлежала военной юрисдикции.¹¹⁰

Летом-осенью 1837 года прошли активные консультации руководства Военного министерства с командованием поселённой кавалерии, по итогам которых к концу года был подписан указ военного министра Александра Ивановича Чернышёва о преобразовании селений военного ведомства в *«военное поселение Киевской и Подольской губерний»*. Пять округов поселения после определённого хозяйственного обустройства должны были принять на постой и обеспечение продовольствием и фуражом лёгкую кавалерию и конно-артиллерийскую бригаду.

Поселяне этих округов продолжали платить государственные подати, которые шли, в основном, на погашение долгов, числившихся за конфискованными имениями. Рекрутская повинность отбывалась на общих основаниях. Город Умань, где располагался штаб округов, переводился в разряд военных городов. Вновь образованные округа подчинялись инспектору *«всепоселённой кавалерии»*, а оперативное управление осуществлял командир сводного Кавалерийского корпуса, которому и был подчинён штаб округов. И только 9 марта 1840 года было утверждено *«Предположение об устройстве округов военного поселения в Киевской и Подольской губерниях»*.

Согласно этому *«Предположению»* началось массовое переселение крестьян из округа в округ. Часть же из них, попавших в разряд *«излишних»*, направлялись в округа Новороссийского поселения (таковых оказалось почти полтора десятка тысяч человек). Из более одной тысячи дворовых людей — *«отчего, по совершенной бедности и непривычке к хлебопашеству, не могут быть хозяевами»* — были сформированы временные рабочие роты, их обеспечение продовольствием возлагалось на военных поселян. После проведения этих подготовительных мероприятий каждый округ по штатному расписанию должен был включать по 936 поселян как первого и так и второго разрядов.

«Несколько сведений о судьбе и порядках южно-русских военных поселений обнаружено было в последнее время. Только в эпоху крестьянской реформы переменился строй жизни военных поселян, но о былом, казарменном ея идеале, в местах этих поселений, до сих пор напоминают путнику унылые сёла, с прямыми, безжизненными улицами и выстроенные в струнку дома поселенцев. Тут вся жизнь проходила по наряду и приказу, определившим чуть не каждый шаг земледельцев-воинов. Изображённый пером военного писаря «наряд» вызывал их на косовицу и самая болезнь и смерть могла последовать чуть ли только не с разрешения начальства. Такие военные сёла существовали и в киевской губернии, в вольнолюбивой Уманьщине.

Мы имеем мало данных о бытовой стороне жизни злополучных военных сёл Уманьщины; но можно представить тот ад, который она изображала из себя во всех своих мелочных подробностях, вызываемых ревностным применением арапчевского регламента и суровостью местных правителей с генералом Траскиным во главе».¹¹¹

По окончании подготовительных работ в начале 1842 года в округа Киевской и Подольской губерний были введены Четвёртая лёгкая кавалерийская дивизия, конно-артиллерийская бригада и две Донские казачьи артиллерийские бригады.

Теперь все жители поселений выполняли сельскохозяйственные работы и несли военную службу. С весеннего начала полевых работ и до середины сентября военные поселенцы два дня на неделю учились военному делу, а четыре дня работали в поле. В другое время года три дня отводились для военных и три дня для хозяйственных дел. В воскресенье было обязательным посещение церкви. Военные учения прекращались лишь на время сенокосов и уборки урожая.

Каждый час поселянина был заполнен основными и дополнительными работами и муштрой. За всеми действиями жителей поселения следили офицеры и жестко наказывали за самые мелкие нарушения дисциплины. Весной и летом не позволялось жечь огонь в домах, хлеб и пища готовились на улице. Рабочий день длился 11-13 часов, военные тренировки начинались в шесть утра и заканчивались в десять вечера с перерывом на обед (три часа). Военный порядок и дисциплина определялись общими военными уставами.

Мудрёное измышление приснопамятного Аракчеева, в пределах великаго Нова-города известное под названием поселения пахатных солдат, а у нас — на юге процветавшее, под водительством графа от поселений Никитина, под наименованием военного поселения, мрачным пятном легло на страницы бытовой истории нашего народа, и исчезло, как и появилось, мало для кого заметно, как явление исключительное, оставив в близко знавших оное одни тяжкия думы и воспоминания.

Мне Господь судил близко познакомиться с поселением ещё с самых ранних лет детства. Отец мой священствовал в поселении. Поселение и заело его, — тихаго, безответнаго; умер он, когда ему исполнилось едва 54 года от роду, осиротив семью беспомощную, бесприятную...

Архипастыри православнаго, господствующим называемаго, исповедания в отношении поселения были в роли только страдательной. Они должны

были только рукополагать сюда тех, кого им укажут, назначать на место, кого представят, удалять, не рассуждая, кого скажут удалить. Не только вся отчётность церковная в поселении шла исключительно в округа и штабы поселений, но даже клировых ведомостей о служащих в поселении причтах нельзя было найти у преосвящённых архипастырей. Говорю это по личному опыту. Священно и церковно служители, по взглядам и порядкам военно-поселенскаго начальства, были также пахатные солдаты, также на смотры являлись, также, как и солдаты, солдатский паёк и жалованье в солдатском размере от окружных казначеев получали. Случалось иной раз годового оклада священнику поселения 9 рублей! Выше и ниже сего дать зависело вполне от отцев-командиров, не только снабжавших церкви свечами по счёту, а не по весу, но и забиравших в свои руки все решительно церковные доходы. Церковь могла удержатъ у себя всего три-шесть рублей, да и те на уплату за выдаваемыя счётю свечи для продажи. В предотвращение закупки старостами свеч на стороне, каждая церковь снабжена была образцами свеч разной величины, из коих каждая была прошнурована, и ярлык на шнурке скреплён казённой печатью и подписью отца-командира. Без его воли нельзя было ничего ни сделать, ни предпринять по церкви и приходу. Мне однажды сделан был строжайший выговор за то, что я осмелился без воли начальств употребить 9 руб. церковных денег на устройство жестяной купели для крещения младенцев, и о моей необычайно дерзости публиковалось по всему местному военному поселению.

Священник Преподобный Павлович».¹¹¹

Император Николай I и Умань

Получивший отменное военно-строительное образование император Николай I, помимо прочих дел, не обделял своим вниманием и город Умань, ставший в пору его царствования центром военных поселений. Ему город во многом обязан изменением, в лучшую сторону, своего внешнего облика. Под контролем Николая Павловича Романова расширился и усовершенствовался — в гармонии с исходным замыслом создателей — парк «Софиевка»; в части этой, его приезд в Умань в июле 1847 года для паркового строительства был чрезвычайно плодотворен.

Часть первая. О династии «дом Романовых»

Николай Павлович Романов, третий по старшинству внук Екатерины II, впервые посетил Умань гадательно в 1820 году, когда он, в статусе великого князя (и без особых видов на престол) сопровождал старшего брата императора Александра I в инспекционной поездке по центральной России и её южным окраинам. Известно также, что в 1828 году город посетила его венценосная супруга, императрица Александра Фёдоровна:

*«В обратное путешествие Её Императорского Величества Государыни императрицы Александры Фёдоровны, Киевская губерния удостоена особенного Всемилостивейшего внимания Её Величества. 12 числа сентября в 5 часу вечера Её Величество изволила прибыть в г. Умань и остановиться в доме графов Потоцких, убранным с отличным вкусом супругою генерал-адъютанта Киселёва, урождённою графинею Потоцкою; через полчаса Её Величество изволила посетить Софиевку, прелестный сад Потоцких, где природа и искусство богатою рукою рассыпали очаровательные картины и сделали Софиевку известною в целой Европе. 13 числа сентября Государыня Императрица изволила провести в Умани и ещё раз удостоила посетить Софиевку, а на другой день в 11-ом часу изволила отправиться ближайшею просёлочною дорогою в местечко Белую Церковь».*¹¹²

Великого князя Николая Павловича, не считавшегося наследником престола, император Александр I приобщил к государственной деятельности с ранней юности. В 1814 году семнадцатилетний великий князь вместе с царственным братом въезжал в Париж, а затем — в 1815 году — присутствовал на Венском конгрессе четырех великих держав — победительниц Наполеона. Позже он сопровождал брата-венценосца в его визитах в Англию, Австрию, Пруссию. Именно в Пруссии, в 1814 году, Николай Павлович встретил Шарлотту, юную дочь короля Фридриха Вильгельма III, и влюбился в неё. Вскоре, в ноябре 1815 года в Берлине во время официального обеда российский император и прусский король объявили присутствующим о помолвке принцессы Шарлотты и брата русского царя — цесаревича и великого князя Николая Павловича.

Венчание состоялось в начале июля 1817 года в церкви Зимнего дворца, при этом невеста Шарлотта перешла в православие и стала именоваться великой княгиней Александрой Фёдоровной. Брак этот, хоть и преследовал, прежде всего, политические цели укрепления союза России и Пруссии, для молодожёнов оказался счастливым и многодетным. Он дал им семь детей, в том числе первенца Александра — будущего императора.¹¹³

Русская императорская династия сложилась во времена Павла I и титуловала она себя «домом Романовых». Династическое право «царственного дома», смутно наметившееся при его первых представителях (Михаиле Фёдоровиче, Алексее Михайловиче Тишайшем), долго не могло оформиться в чётко выраженную систему и в продолжении всего восемнадцатого века вопросы престолонаследования решались элитой дворянства и ей подконтрольными гвардейскими воинскими частями.

Новое династическое право создал Павел I узаконениями 1797 года: «Общим актом о престолонаследии» и «Учреждением об императорской фамилии», которые были объявлены фундаментальными законами империи. До императора Павла российский трон занимали, строго говоря, ряд случайных фигур (бездетных или малолетних). Павел Петрович Романов же, воцарив-

шись, был отцом многочисленного семейства (четыре сына — Александр, Константин, Николай, Михаил и пять дочерей — Александра, Елена, Мария, Екатерина, Анна) и чувствовал себя полноценным учредителем династии. Дальнейшее умножение фамилии Романовых избавило наследование престола от проблем «с кадрами» — многодетные семьи внутри «императорского дома» после императора Павла I стали правилом.

В законодательстве Павла Петровича Романова императорская династия впервые получила своё определение; все его члены — мужчины и женщины — во всех ветвлениях потомства были объединены возможным правом на престол, и порядок престолонаследования был выписан с предельной скрупулёзностью. Законами Павла I «императорский дом» превращался в особую корпорацию, все члены которой занимают исключительное положение в обществе и на них не распространяется действие публичного и гражданского права.¹¹⁴

Обособление династии, как особой общественной структуры, усилил в 1820 году император Александр I в связи с женитьбой его брата Константина на польской графине Иоанне Грудзинской (в браке — княгиня Лович). Согласно этой поправке династия могла пополняться только путём браков её членов с представителями других владетельных родов. В противном случае брак этот — граждански законный — является политически незаконным и, именуясь «morganaticким», не даёт лицу, вступившему в брак с членом императорской фамилии, ни их детям никаких династических прав и преимуществ.

Именованная «домом Романовых» имела больше национально-политический характер, чем характер кровной связи со старым царствующим домом. После Петра I начала уполониваться «русская кровь» за счёт добавления «крови чужестранной» в жилы потенциального монарха. Уже у Елизаветы Петровны (дочери Петра I) она была наполовину русская, наполовину (от её матери Екатерины I) «прибалтийская».

Призванный Елизаветой I из крошечного германского княжества в наследники её племянник, сын её сестры Анны Карл Петер Ульрих, наречённый при вступлении на престол Петром Фёдоровичем (или Петром III), имел только четвертую часть русской крови. Если предположить, что его жена-императрица Екатерина Алексеевна была чистокровной немкой и матерью их общего сына, Павла, то в крови последнего только «осьмушка» крови русской.

Следуя далее простой арифметике дробей, несложно определить, что у Николая I была шестнадцатая доля крови первых Романовых, а у их общих с Александрой Фёдоровной детей доля «русскости» не дотягивала до четырёх процентов. (Продолжая такой пересчёт до последнего из Романовых, Николая II, можно определить, что в жилах его текло менее процента русской крови.)

Правда в этом процентном пересчёте есть некоторая неопределённость, связанная с личностью Екатерины II. Отцом её сына Павла, по свидетельству многочисленных современников (да и по намёкам императрицы в её «мемуариях») был полнокровно-русский Сергей Салтыков. Пётр III в силу физио-

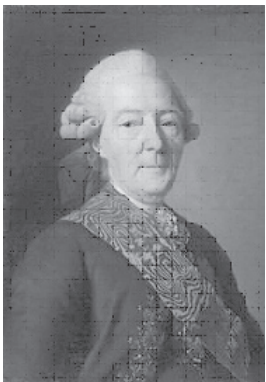
логических проблем с органом размножения, не мог иметь детей. (Екатерина II описывает в своих воспоминаниях, как друзья её мужа пытались сделать ему несложную хирургическую операцию, но, видимо, без результата.)

Кроме того, есть ещё одна бытовая деталь, связанная с происхождением самой Екатерины II; о ней пишет Николай Иванович Греч в своей книге «Записки моей жизни»:

«Позвольте здесь ввести достойный внимания эпизод. Эта немецкая принцесса происходила от русской крови. Отец её, принц Ангальт-Цербтский, был комендантом в Штеттине... и жил с женою в разладе. Она ... проводила большую часть времени за границею, в забавах и в развлечениях всякого рода. Во время пребывания её в Париже, в 1728 году, сделался ей известным молодой человек, бывший при русском посольстве, Иван Иванович Бецкий, сын пленника в Швеции князя Трубецкого, прекрасный собою, умный, образованный. Вскоре по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербтской, она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 г. разрешилась от бремени принцессою Софиею-Августою: в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с княгинею Ангальт-Цербтской была всем известна.

Екатерина была очень похожа лицом на Бецкого (ссылаюсь на прекрасный его портрет, выгравированный Радигом). Государыня обращалась с ним как с отцом, поручила ему все благотворительные и воспитательные заведения. Он основал воспитательные дома, Смольный монастырь, был президентом Академии Художеств...

Известно, что он дожил до глубокой старости, Екатерина была при нём в последние минуты его жизни».

К свидетельству известного публициста и журналиста можно добавить, что Иван Иванович Бецкий скончался за год до смерти Екатерины Алексеевны в возрасте девяносто одного года. Был он внебрачным сыном Ивана Юрьевича Бецкого, находившегося в Швеции в качестве русского пленного. (По обычаю тех времён внебрачным детям высокородные родители давали концовку (без первого слога) своей фамилии: Трубецкой — Бецкой, Репнин — Пнин, Потёмкин — Тёмкина.)

Первым ребёнком Николая Павловича и Александры Фёдоровны был сын Александр (будущий император Александр II), родившийся 1 марта 1818 года, восемь месяцев спустя после венчания его родителей. («А царица молодая, / Дела вдаль не отлагая, / С первой ночи понесла».) Хрупкая, со слабым здоровьем, Александра Фёдоровна, тем не менее, не чуждалась светских развлечений в кратких паузах между беременностями. Была она покорна мужу, никогда не перечила ему. Её точный — внешний и психологический — портрет дала фрейлина двора, Анна Фёдоровна Тютчева (дочь поэта Тютчева):

«Дочь прусского короля, она была воспитана в то время, когда вся немецкая молодёжь зачитывалась поэзией Шиллера и его последователей. Под влиянием всей этой поэзии всё тогдашнее поколение было проникнуто мистической чувствительностью, мечтательной и идеалистической, которая для нежных натур и слегка ограниченных умов вполне заменяла религию, добродетель и принципы. Александра Фёдоровна принадлежала к числу таковых...

Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому...

Для императрицы фантастический мир, которым окружало её поклонение всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, весёлых вилл, мир зрелищ и фееричных балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом... существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия».¹¹⁵

После девятой беременности организм Александры Фёдоровны истощился настолько, что врачи запретили ей интимные отношения с мужем. Было им обоим уже за сорок, Николай к этому времени полысел, потучнел, у него начали отекать и болеть ноги. Он скоро нашёл замену жене, добившись благосклонности фрейлины двора Варвары Нелидовой (племянницы Екатерины Нелидовой, любовницы Павла I). Александра Фёдоровна скоро узнала об увлечении мужа, но сдерживала себя, не упрекала его.

После смерти Николая I обе женщины сблизились, Варя Нелидова стала чтицей для вдовствующей императрицы. Александра Фёдоровна прожила ещё пять лет и утасла 20 октября 1860 года в возрасте шестидесяти двух лет. За Нелидовой сохранили жильё во дворце. Она пережила сына и внука своего любимого мужчины и ещё была жива в день коронации Николая II (1 мая 1895 года). Умерла Варвара Нелидова в октябре 1896 года.

Ещё до брака Николай Павлович любил Елену Андреевну Цвиллиневу, побочную дочь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. От этой связи родилось несколько сыновей и дочерей; всем им была пожалована фамилия «Николаев». Среди других внебрачных детей Николая I называют также сына Марии Ивановны Каратачаровой, Николая Исакова, и дочь фрейлины шведского короля — Жозефину Кобервейн.¹¹⁶

Часть вторая. Николай I и парк «Софиевка»

Сразу после женитьбы в июле 1817 года великий князь Николай Павлович был назначен венценосным братом на вновь учреждённую должность инспектора по инженерной части. Отвечавшая его постоянной склонности к инженерному искусству, должность эта доставила ему большое удовольствие. Солидное военное образование дало великому князю не только основательные знания приёмов стратегии, но и военно-инженерного искусства. Строительное дело, притом не только военное, осталось одним из его любимых занятий; он проводил немало времени за рассмотрением строительных проектов, вносил в них изменения, лично их утверждал, следил за их выполнением.

Как в делах государственного управления, так и в делах строительных считал Николай Павлович своей обязанностью лично разрешать все сколь-нибудь значительные дела и вопросы. Как свидетельствуют факты, всё обустройство Софиевского парка, перешедшего в 1832 году в казну, а в 1835 году переданного в ведение Уманского управления военных поселений, направлялось лично императором Николаем I. Переименование парка в Царицын сад официально сделано не было, новое парковое — скоро прижившееся — название стало изобретением Ивана Осиповича Витта (впрочем, использовалось и наименование «Софиевский сад»).

Назначенный Киевской казённой палатой в марте 1832 года управляющим парка гвардии капитан Маркевич в течение года решил крайне актуальную для города проблему снабжения населения доброкачественной водой. Для этого к весне 1833 года нависавший над парком со стороны города косяк был срезан и по образовавшемуся пологому склону была проложена грунтовая дорога, а над родником, вблизи Нижнего пруда, была устроена водозаборная будка.

На содержание Царицына сада министерство финансов выделило на первых порах до двух тысяч рублей серебром из доходов имения, с оговоркой использовать для этой цели «*по мере возможности доход от плодоносных деревьев, находящихся в том саде*». По согласованию с Киевским военным губернатором графом Александром Дмитриевичем Гурьевым министерством финансов был направлен в Умань (в сентябре 1835 года) полковник Ковалевский, архитектор, член Киевской губернской строительной комиссии. Он, вплоть до мелочей, изучил парк, начал составлять смету на его содержание и обустройство, но тяжело заболел и в декабре 1835 года скончался.⁴

Ковалевского заменил архитектор строительного отряда путей сообщения штабс-капитан Шлихтер. В разгар изысканий и составления сметы расходов-доходов пришёл указ царя Николая о передаче конфискованных имений Киевской и Подольской губерний в ведение военного министра и размещении в Умани штаба пяти округов военного поселения. В этой связи все свои расчёты по улучшению «Софиевского сада» и требуемых для этого средств штабс-капитан Шлихтер передал начальнику Главного управления военных поселений генерал-майору Фохту (дописав в конце сводной ведомости собственной рукой «*для исправления сада Царицына — 161908 руб. 42 коп.*»)

Выведенная Шлихтером сумма показалась царю непомерной, и он утвердил на текущие траты «Царицына сада» (в ноябре 1836 года) годовые средства в размере 5058 рублей. Твёрдо установленная Николаем I сумма расходов дала возможность руководству военных поселений разработать штатное расписание паркового персонала в количестве шестидесяти одного человека, в том числе двенадцати учеников садовников, десяти мастеровых и двадцати человек постоянной прислуги. Во главе штатного расписания стоял главный садовод, с окладом 800 рублей в год; за ним шли его главный помощник (с окладом 400 рублей) и младший помощник с окладом в 400 рублей в год, администратор (смотритель) парка со ставкой в 400 рублей годовых. (Вне расходной части сметы находился немалый вспомогательный персонал, который

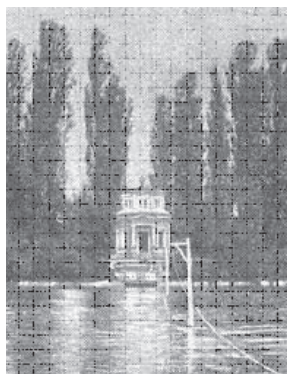
— каждую весну и осень — «выставлялся бескоштовно» из уманского имения на очистку сада, заравнивание промоин в аллеях, доставку подводами гравия.) Для главного садовода в 1842 году был перестроен выстроенный ещё при Потоцком дом в парке; рядом с ним в том же году построили дом для смотрителя.

Первым садоводом парка был — предположительно, судя по косвенным данным — Карл Ферре (кто знает, может быть, его прямым потомком является наш современник, Жанфранко Ферре: поначалу — доктор архитектуры, а затем — выдающийся модельер). Первым парковым смотрителем, назначенным из господ офицеров, был подполковник Фишбах (после него — поручик Панаев).

В первые четыре года нахождения Царицына сада под военным ведомством в нём велись, прежде всего, работы по поддержанию в порядке и ремонту шлюзов, каскадов, подземных водопроводов, оранжерей, по посадке деревьев. Были выполнены в эту пору и капитальные работы по устройству Террасы Муз и Террасы Бельвью. В 1837 году были смонтированы вновь изготовленные ворота к большому шлюзу и малое подъёмное колесо для него. Вымостили камнем шоссе от Нижнего пруда до въездных ворот (в память об этом событии на обочине шоссе установили верстовой столб с отметкой года его прокладки — «1838»). Для подстраховки на случай разрушительных наводнений был сооружён шлюз на Нижнем пруду у вытока его в речку Каменку. Выложили строители и подземные трубы от фонтана на Нижнем пруду до высеченного в граните у парковых ворот накопительного бассейна для городского водопровода, проходившего (если судить по характерным названиям) по припарковым улицам, Малой и Большой Фонтанной.

В начале 1841 года по распоряжению начальника Украинского военного поселения и всех войск в нём расположенных генерала от кавалерии Алексея Петровича Никитина (героя Отечественной войны 1812 года) был создан комитет по оценке проведенных в Царицыном саду работ и утверждению перечня видов работ на последующие десять лет с оценкой расходов на них. Итогом работы этой комиссии под председательством генерал-майора Фохта и при участии главного садовника Карла Ферре был вывод о необходимости существенно увеличить существующую (достигшую размера в 25058 рублей) смету за счёт отпуска казной дополнительных средств.

Замечания комитета наверху были приняты во внимание и с решающего согласия императора парковое обустройство, получившее дополнительные финансовые гарантии, расширилось и ускорило. Была сбита из дерева беседка, в стиле китайской; был устроен грот на Террасе Муз с вытесанными из гранита вазами и тумбами в нём (позже грот был разрушен и засыпан, ныне он восстановлен); было пристроено (в 1842 году) с левой стороны «дома над парком» новое крыло оранжереи; для нового водостока из Верхнего пруда были построены каменные ворота (с опорными столбами из гранита) и плотина с устроенными в ней шлюзом и гротом Венеры; были установлены деревянные ворота при въезде в парк со стороны Грекова леса; вблизи оранжерей

в 1844 году были вымурованы из камня декоративные башни, архитектурно обозначившие первоначальный Главный въезд в парк.

К середине сороковых годов девятнадцатого столетия парк приобрёл высокую стилевую, гармоническую законченность, что отразила вышедшая (в 1846 году) книга-путеводитель директора Одесской гимназии Теодора (Фёдора) Темери «Заметки о красотах парка, имеющих в долине Софиевки». Написана эта книга не в духе эмоционально-восторженного панегирика а-ля Трёмбеский, а в духе квалифицированного аналитического анализа структуры парка как высокого произведения садово-паркового искусства:

*«Удивляешься, видя громадные платаны, прекрасные гледичии, которые возвышаются над всеми другими деревьями на берегу ручья, который протекает долиной, начиная от грота Фетиды до места, где он исчезает под массой скал, сделав много изгибов. Две чудесные веймутские сосны затеяют меланхолическую местность Елисейских полей. Американский боярышник, каштаны, плакучие ясени, туи, ели, акации, павии, раkitник то группами, то отдельно чаруют вид и пленяют красотой своей формы. Тюльпанное дерево, когда-то прекрасное, теперь возрождается из своего корня и заслуживает упоминания. Все эти прекрасные деревья принадлежат к периоду основания сада. Много других, которые могли бы увеличить размер этого списка, погибли во время зимы 1829 г., однако теперь эти потери восстанавливаются с избытком».*¹¹⁷

В изложении Темери (наименования «Царицын сад» он избегает) Софиевский парк предстаёт как повторение в миниатюре великих стихий и бескрайних земных просторов. Его «Путеводитель» настраивает читателя, намеревающегося посетить «Уманское чудо», на требуемую волну ассоциативного восприятия «географических» феноменов парка — «Парнаса, Темпейской долины, водопадов Рейна, Нила, и Ниагары» — в качестве миниатюрно отображенного земного мира:

*«Но скажут мне, красоты вашего чуда есть не более чем пигмеи рядом с великанами, созданными природой; ибо как иначе сравнить ваш каскад в Софиевке с гигантскими потоками, которые стремительно падают в бездну и которые наполняют душу чувством ужаса и восхищения перед Творцом?.. Конечно, я должен с этим согласиться. Но духу нравятся сии связи между малым и великим».*¹¹⁷

Летом 1845 года в Умань заехала фрейлина императрицы Александры Фёдоровны писательница Олимпиада Петровна Шишкина. Карьеру при дворе она начинала фрейлиной дочери императора Павла, Екатерины, благодаря которой развила в себе литературный вкус, давший последующий ход её литературному творчеству. Корректуру её первого романа «Князь Скопин-Шуйский или междуцарствие в России» делал Пётр Александрович Плетнёв, он

же составил критический разбор этого произведения; одобрительно отозвался об этом романе Василий Андреевич Жуковский. Второй роман Шишкиной «Прокопий Ляпунов или Междуцарствие в России» удостоил похвалы сам «неистовый Виссарион».

Третья книга Шишкиной «Путешествие из Петербурга в Крым. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году», посвящённая императору Николаю I, была издана в 1848 году. В её уманском разделе — очень информативные бытовые детали и ценная историческая информация о жизни города, о реконструкции Софиевского парка, находившихся на то время в ведении начальника военных поселений генерал-лейтенанта Николая Григорьевича Изюмова, престарелого героя Отечественной войны 1812 года:

«В ярко освещённой Уманской гостинице гремела музыка; и все комнаты были заняты съехавшимися из деревень помещиками. С лишком час ездил по городу, мы уже отчаялись найти спокойный ночлег, как вдруг пригласили нас остановиться в квартире бригадного генерала Изюмова... На следующее утро, познакомившись с нами, почтенный хозяин сам показал нам знаменитые сады, для которых проехали мы лишних тридцать вёрст... Это, что называется, диво дивное, ни в сказках сказать, ни пером описать... Удивительно, что при таком саде, в двух верстах от города, нет и никогда не бывало домов, достойных сада...»

Если бы не располагали мы ещё объехать четыре тысячи вёрст; если бы не дорожили каждым днём и часом, чтобы скорее увидеть Одессу и Крым, а оттуда поспеть на Нижегородскую ярмарку, мы бы остались здесь до первого июля, посмотреть освещение сада разноцветными огнями. Это должно быть совершенным волшебством при звуках расставленной в саду музыки и стечения людей разного звания...

...посетители по-прежнему съезжаются к Петрову дню, чтобы далее насладиться прогулкой по очаровательному саду, и купить всё нужное у евреев, торгующих хорошими товарами...

*Из сада проехали мы в оранжереи. В них много прекрасных растений, но всего замечательнее сделанная уже генералом Изюмовым и в самое короткое время одетая камнем огромная терраса, откуда видно на высоте новое предместье, и сквозь лес блестит всюду фонтан и показывается новый павильон. Место это было совсем запущено. Теперь всё оживает, и скоро с террасы будут спускаться под гору по широкой, гранитной лестнице».*¹¹⁸

Выдержка из книги свидетельствует об облагораживании крутого склона за оранжереями, о существовании городского предместья «Новая Умань», о новой парковой жемчужине — тосканского ордера Павильоне Флоры, выстроенном по проекту военного инженера Рапонетта. Жаль только, что не сообщает автор, как выглядел в 1845 году фонтан на Нижнем пруду — как хаотически сформированная груда камней с выступающей из неё фонтанной трубой, или же это был ещё один парковый шедевр в виде бронзовой, спиралью извивающейся змеи, из широко раскрытой пасти которой бил вверх шестнадцатиметровый столб воды. Известно только, что эта скульптурная прелесть появилась в пору военных поселений, но когда точно и кто её автор — об этом сведений нет.

Во второй половине сентября 1847 года в Умань приехал император Николай I, тщательнейшим образом осмотревший парк. Результатом этой инспекции стал снос парковых ворот (со стороны города) и павильона на Острове Любви. К делу был подключён мэтр российской архитектуры и живописи Андрей Иванович Штакеншнейдер, строитель Мариинского дворца, дворца Белосельских-Белозерских в Петербурге. По проекту мастера был создан архитектурный ансамбль главного паркового входа из двух боковых башен и ажурной решётки, радующей глаз не менее общеизвестной решётки Летнего сада. Он же разработал проект и нового павильона на Острове Любви. По заданию императора Владимир Осипович Шервуд изваял в бронзе статую императрицы Александры Фёдоровны, изображённой сидящей на парковой скамейке; этот скульптурный шедевр был установлен на видовой площадке, что над Кавказской горкой.

Трудно согласиться с путешествующим из одного паркового путеводителя в другой утверждением, что Николай I, осмотрев в ходе своей инспекции парк, повелел якобы отправить находившиеся в нём мраморные скульптуры Юзефа Понятовского и Тадеуша Костюшко в Гомель Ивану Фёдоровичу Паскевичу. Этот эпизод требует внимательного изучения, с учётом имеющегося фактологического материала.¹¹⁹

В 1777 году, после первого раздела Польши, русскому полководцу Петру Александровичу Румянцеву матушка Екатерина подарила городок Гомель, прежнюю собственность польского магната Чарторыйского. Нанятый фельд-маршалом архитектор Иван Егорович Старов (строитель Таврического дворца, Александро-Невской лавры, Казанского собора в Петербурге) разработал проект дворца, который был возведён к 1796 году.

В 1834 году унаследовавший семейную обитель младший сын фельд-маршала Сергей Петрович продал гомельский дворец государству, который тут же был приобретён наместником Польши графом Иваном Фёдоровичем Паскевичем. Начавшейся реконструкции дворцового ансамбля сопутствовало создание придворцового парка — были выкопан пруд, возведены мостики, высажены деревья. Парк, как и дворец, заполнили скульптурой, парковыми сооружениями и воинскими трофеями. В нём была установлена и конная статуя польского полководца, племянника последнего польского короля Юзефа Понятовского, которую Паскевич обнаружил в деревне Модлин, неподалёку от Варшавы, куда она была привезена по распоряжению Николая I и была приготовлена к переплавке.

Идея воздвигнуть памятник национальному кумиру возникла у варшавян в 1814 году. По объявленной национальной подписке были собраны необходимые средства, за работу взялся страстный поклонник античности, выдающийся датский скульптор Бертель Торвальдсен. Он изобразил Понятовского — в подражание античному памятнику Марка Аврелия — сидящим на коне, в римской тоге, уверенным и сдержанным. Модель памятнику Торвальдсен закончил к 1829 году, но отливке её помешало польское восстание 1830 года. Памятник был отлит из бронзы уже после поражения восстания в 1832 году, но был конфискован и приготовлен к уничтожению

Из вышеизложенного следует, что сообщение о нахождении монументальной скульптуры Юзефа Понятовского в Софиевском парке, судя по всему, ошибочно. Можно согласиться с тем, что в парке был установлен бюст Костюшко над Кавказской горкой и что он царским приказом был переправлен в Гомель в 1842 году, где его установили перед дворцом Паскевича, между двумя трофейными пушками.

Николай Константинович Романов

Большим любителям отечественной поэзии, вероятно, знакомо имя поэта «второго ряда», великого князя Константина Константиновича Романова, подписывавшего свои стихотворения инициалами К. Р.

Думается мне, что не всем любителям отечественного прошлого знакомо имя старшего брата князя-поэта, Николая Константиновича Романова, «прогремевшего» на рубеже веков своим эпатажным поведением и изгнанным за это царствующим домом из своих рядов. Вместе с тем, этот неординарный представитель рода Романовых был первым в нём, кто получил полноценное высшее образование и стал известным учёным-востоковедом, был выдающимся строителем-ирригатором, обводнившим на свои средства Туркестанский край и тем на века прославившийся.

Довелось великому князю Николаю Константиновичу пожить и в Умани, по поводу весьма необычному и — с последствиями.

Часть первая. Уманские приключения великого князя

На жизненном пути великого князя Николая Константиновича Романова — 1850 года рождения, внука Николая I и племянника Александра II — Умань была одним из нескольких городов Российской империи, в которых он некоторое время поднадзорно проживал. В ссылку великий князь был отправлен семейным советом Романовых, публично объявившим его душевнобольным и неспособным, изгнавшим его из родственного круга за якобы аморальные прегрешения, пятнавшие честь царствующего дома.

В Умани сожительница великого князя, Александра Александровна Демидова (1853 года рождения, урождённая Абаза), родила от него в 1875 году сына Николая; позже, в 1877 году, родилась их общая дочь Ольга.

Александра Александровна до связи с великим князем пятнадцати лет отроду сочеталась законным браком с Александром Павловичем Демидовым, родила ему пятерых детей, после чего оставила его и втянула в соительство холостого Николая Константиновича Романова. Прижитых от великого князя детей воспитывал её следующий, законный муж — Павел Феликсович Сумароков-Эльстон, с которым она обвенчалась в начале 1879 года и от которого родила ещё двух детей. Павел Феликсович (родной дядя будущего убий-

цы Распутина, князя Юсупова) незаконнорожденных детей супруги чтит и воспитывал, как своих; дал им своё отчество, после того как император Александр III в 1888 году присвоил им дворянство с фамилией «Волынские».

Ольга Павловна Волынская прожила жизнь невидно и скончалась в 1910 году (сошла с ума — передались наследственно проблемы с психикой от её высокородной бабки, великой княгини Александры Иосифовны).

Николай Павлович Волынский, закончив в 1897 году Николаевское кавалерийское училище, служил в Лейб-гвардии Кирасирском его величества полку. Участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 годов и был тяжело ранен; после выздоровления получил назначение адъютантом главнокомандующего, Алексея Николаевича Куропаткина. В 1907 году ротмистр Волынский был уволен со службы. В 1913 году, в связи с 300-летием Дома Романовых, ему был пожалован чин полковника. К этому времени была издана написанная им книга «История Лейб-гвардии Кирасирского его величества полка». За труд «Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия в Великой Северной войне» он, коренной уманчанин, был удостоен от Петербургской академии наук Уваровской премии, но уже после своей кончины, последовавшей 30 декабря 1913 года.

Часть вторая. История грехопадения

Николай Константинович Романов был первым ребёнком великого князя Константина Николаевича (младшего брата императора Александра II) и великой княгини Александры Иосифовны (до замужества — Александры Саксен-Альтенбургской). С первых шагов своих семейный первенец был лишён ласки матери, занятой рождением очередного ребёнка (всего она родила пятерых детей) и собственными невротическими проблемами. Не баловал его своим вниманием и отец, человек высокого государственного ума, помощник старшего брата Александра II в деле отмены крепостного права. Родители перепоручили старшего сына воспитателю-немцу, занимавшемуся больше не воспитанием, а укрощением упрямого и самовольного подростка.¹²⁰

Подростая, «Никола» наблюдал постепенное охлаждение отца к матери, болезненной и не лишённой странностей женщины. Бурно переживал он уход отца к другой женщине, балерине Мариинского театра, Анне Васильевне Кузнецовой, с которой он создал вторую семью (от сожительства этого родилось четверо детей). Все эти внешние обстоятельства жизни подростка, его бесприютность и ею вызывавшиеся буйные приступы отчаяния, тоски и бессилия, его зародившееся в детстве недоверие к людям, агрессивность и ожесточение, необходимо учитывать, знакомясь с психическими изломами последующей взрослой жизни Николая Константиновича Романова.

По достижении восемнадцати лет Николай Константинович по собственной инициативе поступил в Академию Генерального штаба и, окончив её с серебряной медалью, стал первым из Романовых, получивших высшее образование. По завершении учёбы в 1868 году и после путешествия за границу, где великий князь начал собирать коллекцию западноевропейской живописи, он поступил в Лейб-гвардии Конный полк, став через два года командиром эскадрона. В это же время у него завязались интимные отношения с американской танцовщицей Фанни Лир, разведённой, имевшей малолетнюю дочь.

Бурный роман сына дал повод родителям, уже не жившим вместе, встретиться и определить способ охладить страсть Николы к заокеанской авантюристке — таковым стала отправка в 1873 году полковника Николая Константиновича Романова в составе русских экспедиционных войск в поход на Хиву. В Кызылкумах, следуя во главе авангарда Казалинского отряда, великий князь в кровопролитной схватке получил боевое крещение, проявил себя ней незаурядной храбрости человеком. Из похода он вернулся серьёзно увлечённым Средней Азией, с намерением всерьёз заняться ориенталистикой (востоковедением), для чего начал работать в Русском географическом обществе.

Весной 1874 года, когда Николаю Константиновичу исполнилось двадцать четыре года, случилось событие, круто переменявшее жизнь великого князя: его мать, Александра Иосифовна, обнаружила в Мраморном дворце (семейной резиденции) пропажу трёх крупных бриллиантов, выломанных из оклада семейной иконы, которой Николай I в своё время благословил союз великокняжеской четы. Была вызвана полиция и вскоре похищенные драгоценности обнаружили в одном из ломбардов столицы. Затем «сыскари» вышли на человека, отнёсшего бриллианты в ломбард — им оказался адъютант Николая Константиновича. На допросе адъютант категорически отрицал свою причастность к краже, говорил, что отнёс драгоценности на продажу по поручению великого князя.

Николай Константинович, присутствовавший на допросе, поклялся на Библии, что не виновен, но, выручая адъютанта, готов взять вину на себя. К дознанию подключили шефа корпуса жандармов Шувалова, который после длительного допроса пришёл к выводу, что бриллианты были похищены великим князем, а вырученные деньги должны были пойти на подарки его любовнице Фанни Лир. На семейном совете Романовых после долгих дебатов было принято решение признать великого князя Николая Константиновича душевнобольным и выслать его указом императора из столицы. (Фанни Лир была выслана из России чуть раньше с запрещением когда-либо возвращаться назад.)

Признание Николая Константиновича безумным означало его последующее пребывание под стражей на принудительном лечении и в полной изоляции. В бумагах Императорского Дома запрещалось упоминать его имя, а принадлежащее ему наследство передавалось младшим братьям. Он также лишился всех званий и наград, вычёркивался из списка полка, высылался навсегда из Петербурга и был обязан жить под арестом там, где ему будет

указано. Во исполнение этого общесемейного решения 11 декабря 1874 года Александр II подписал указ, извещающий о болезни Николая Константиновича и о назначении опекуном над ним его родного отца. Через несколько дней бывшего великого князя отправили в Ореанду, в имение Константина Николаевича, где и началась в его жизни новая «история с географией».

Надзор — судя по всему, нестрогий — над Николаем Константиновичем осуществлял адъютант генерал-адмирала, капитан первого ранга князь Эспер Алексеевич Ухтомский. В результате такого послабления в жизнь поднадзорного вошла женщина, Александра Александровна Демидова, урождённая Абаза (впрочем, скорее не вошла, а буквально ворвалась). Освободившись предварительно от мужа, она всю зиму 1875 года атаковала Николая Константиновича. Следствием этой связи и скандалов явилось перемещение великого князя, по царскому приказу, из Ореанды в село Смоленское Владимирской губернии. При этом Александр II потребовал «*строжайшего надзора за больным и запрещения всякого случая попытки на независимость и свободу действий*».

Между тем, Демидова занялась писанием императору бесконечных писем, в которых указывала, что её любовь к больному Николаю Константиновичу бескорытна, что она беременна от него и что цель её жизни — быть рядом с отцом её будущего ребёнка и ухаживать за обоими. Ей во всех ходатайствах было отказано, а Николая Константиновича в июле 1875 года перевели в Умань, что в двухстах километрах от Киева. Однако в декабре того же года в город приехала Александра Александровна и несколько дней спустя разрешилась от бремени сыном Николаем.

Последовала высочайшая реакция — в конце декабря 1875 года опального великого князя срочно вернули в Ореанду, а жене «*бывшего камер-юнкера*» Демидовой повелением Александра II было запрещено появляться в Крыму. Опасаясь, что запретительными мерами связь не пресечь, в июле 1876 года Николая Константиновича тайно перевезли в Тыврово, под Винницу. И это не помогло — в середине сентября 1876 года Демидова тайно объявилась в очередном месте поселения великого князя. Пробравшись к нему в дом, она прожила с ним в спальне около десяти дней, прячась иногда в гардеробе.¹²¹

Результатом этого скрытого сожительства стало рождение, в мае 1877 года, дочери Ольги. После совместной жизни в Тыврово Александра Демидова уже никогда больше с Николаем Константиновичем не встречалась. По её неоднократным ходатайствам «для воспитания детей» государь выделил ей, наконец, около пяти тысяч рублей в год из капиталов своего опального племянника.

Часть третья. Жизнь в изгнании

В мае 1877 года Николая Константиновича перевели в Оренбург. Возможно, на такой перевод повлияло мнение тех петербургских психиатров, которые, не признавая в Николае Константиновиче «*глубокой испорченности*»,

рекомендовали лишь перемену обстановки, уединение, беседы с врачом, лекарства, кумыс и обливание холодной водой (а также — прекращение всякого надзора со стороны жандармерии).

В Оренбурге опальный великий князь издал анонимно свой (ещё в Тыврово написанный) труд «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим». Здесь ему удалось совершить поездки вглубь казахских степей. Верхом, с группой ему подобных энтузиастов, учёных и инженеров, он проделал путь до Перовска и обратно. После этого путешествия Николая Константиновича захватила идея прокладки железной дороги из России в Туркестан, но посланный им в Петербург проект там посчитали нерентабельным из-за малой заселённости туркестанских земель.

Здесь же он увлёкся дочерью оренбургского полицмейстера Надеждой Александровной Дрейер (1861 года рождения) и в феврале 1878 года обвенчался с ней. Хотя венчание и было тайным, но по городу поползли слухи, на основании которых в Петербург был отправлен соответствующий доклад. В итоге Святейший Синод своим указом расторг совершившийся брак, по административной же линии семейству Дрейер было предписано покинуть город, что исполнено не было.

В 1879 году Николай Константинович организовал и провёл вторую среднеазиатскую экспедицию — из Ташкента, через Казалинск и Самарканд, через владения эмира по правому берегу Аму-Дарьи, до Петро-Александровска и обратно. По окончании перехода все участники важной для государственного освоения новых земель экспедиции были награждены, кроме Николая Константиновича.

С воцарением Александра III, двоюродного брата опального князя, был узаконен брак последнего с Надеждой Александровной с одновременным предписанием им переехать в Ташкент, куда супруги и переехали летом 1881 года. В Ташкенте Николай Константинович прожил тридцать восемь лет, вплоть до своей смерти. Здесь раскрылся в полной мере его талант предпринимателя и создателя. В городе он завёл (зарегистрировал на имя жены) мыловаренный завод, фотографические мастерские, бильярдные. На деньги, полученные им от своего предпринимательства, он открыл первые в Ташкенте синаматографы «Летняя Хива» и «Зимняя Хива», зоопарк. Николай Константинович стал первым строителем хлопкоочистительных заводов, в эксплуатации которых использовался безотходный технологический цикл — семена хлопчатника, оставшиеся после переработки сырца в волокно, шли сырьём на маслобойни, а жмых использовался как удобрение и корм скоту.

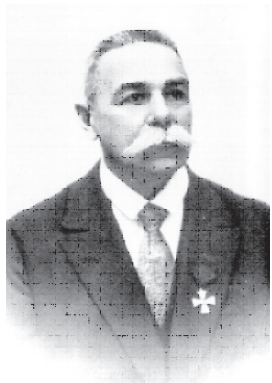
В начале девяностых годов, получив от хивинского хана разрешение на проведение работ на его землях, Николай Константинович построил на свои средства канал из Аму-Дарьи к Узбою и два рабочих городка — Старый и Новый Искандеры. Он вложил два миллиона рублей (из сорока миллионов рублей общих затрат) в прокладку каналов «Искандер» и «Ханым», а также стокилометрового магистрального канала имени «Императора Николая I». В Голодной степи Николай Константинович создал имение «Золотая Орда», а в Ташкентском уезде — имение «Искандер».

Казалось бы, наладилась с переездом в Ташкент и семейная жизнь у великого князя. Надежда Александровна родила ему двух сыновей: Артемия (в 1878 году) и Александра (в 1887 году). В 1899 году двоюродный племянник великого князя император Николай II дал его детям и их матери фамилию Искандер и потомственное дворянство. Но в 1895 году Николай Константинович вновь зачудил — «купил за сто рублей» у семиреченского казака Елисея Часовитина его шестнадцатилетнюю дочь Дарью и, выстроив для неё в пригороде Ташкента дом, поселил её в нём в качестве второй, неофициальной жены. Все родившиеся в этом конкубинате дети — дочь Дарья и сыновья Владимир и Святослав в своей последующей жизни носили фамилию матери.

В 1901 году случился новый срыв — Николай Константинович увлёкся пятнадцатилетней гимназисткой Варварой Хмельницкой и, воспользовавшись отъездом венчанной жены Надежды Александровны, в Петербург, обвенчался «противозаконно» с малолетней Варей. После разразившегося скандала брак этот аннулировали, а семью Хмельницких выслали в Одессу.

Закончилась полная драматических коллизий жизнь великого князя 14 января 1918 года, в Ташкенте, где он и был похоронен.

Алексей Константинович Баиов

Известный военный историк Алексей Константинович Баиов родился 8 февраля 1871 года в городе Умань. Отец его, кадровый военный, 1839 года рождения, был выходцем из православной семьи дворян Киевской губернии.

Pater familias начальное военное образование получил в 1858 году, завершив обучение в Петровско-Полтавском кадетском корпусе, высшее — в Константиновском кадетском корпусе, после которого вступил в службу, в чине прапорщика, в Шестую артиллерийскую бригаду. В ноябре 1862 года он окончил курс Николаевской академии генерального штаба, к которому

и был «причислен» спустя год по получении высшего военного образования уже в чине поручика генерального штаба. Рождение сына Алексея он встретил капитаном, командиром батальона, квартировавшего в Умани.

В 1875 году Константин Алексеевич Баиов был произведён в полковники, а в 1876 году назначен начальником штаба Одиннадцатой кавалерийской дивизии, вместе с которой принял участие в кампании 1877–1878 годов по освобождению болгарского народа от османского ига. «За отличное мужество и храбрость и полезные труды, оказанные им в этой кампании», полковник Баиов был награждён золотым оружием с надписью: «За храбрость» и орденами. В дальнейшем он продвинулся по службе до командира дивизии, а в чине — до генерал-аншефа, в котором и вышел в отставку. Ушёл из жизни Константин Алексеевич в Киеве, в 1903 году (что почтительным некрологом отметила газета «Киевлянин»).¹²²

В семье Баиовых было восемь детей, из которых — кроме Алексея — известны имена ещё двух сыновей, прославивших род на военном поприще: Константин (1869 года рождения) и Владимир (1880 года рождения). Все трое свою военную карьеру, по примеру отца, начинали кадетами, во Владимирском Киевском кадетском корпусе, где начальное военное образование завершили в следующем порядке: Константин — в 1886 году, Алексей — в 1888 году, Владимир — в 1899 году.

Корпус был основан в 1852 году для подготовки детей и подростков Киевской, Волынской, Подольской, Таврической и Херсонской губерний к воинской службе в офицерском звании и первоначально располагался в казармах пехотного полка. В 1857 году, на собранные дворянством этих губерний средства (двести тысяч рублей) было выстроено новое прекрасное здание (в форме буквы «Н»). По просьбе дворян корпус был назван Владимирским в честь родившегося у царя, в 1847 году, внука Владимира.

В советское время в здании корпуса располагался штаб Киевского военного округа, ныне в нём — министерство обороны Украины.

Высшее военное образование все братья Баиовы (как некогда их отец) получили в Константиновском артиллерийском училище, располагавшемся в Петербурге (и получившем название своё в честь первого его шефа, великого князя Константина Павловича). Единообразие братской «методы» получения образования нарушил Алексей, умудрившийся перед поступлением в училище пройти в столице бесплатный двухгодичный курс в Императорском Археологическом институте, основанном в 1871 году по инициативе историка Николая Васильевича Калачова. Исходя из того, что институт готовил археологов и архивистов, следует предположить, что у Алексея Баиова в это время сформировалось желание стать военным историком.

В офицерскую службу старшие братья, Константин и Алексей, вступили также одинаково — оба начинали её подпоручиками в лейб-гвардии Егерском полку, соответственно в 1886 и 1888 годах.

«Гренадёры и мушкетёры рвут на штыках, а стреляют егеря», — говорил Александр Васильевич Суворов, имея в виду, что для действий на пересечённой местности нужны не сомкнутые ряды солдат, а небольшие отряды ловких и метких стрелков, способных действовать поодиночке.

Лейб-гвардии Егерский полк был переформирован из одноимённого батальона в Петербурге, в 1806 году, и сначала занимал семёновские казармы на Звенигородской улице, а затем переехал в специально для него выстроенные «новоегерские» казармы на Рузовской улице. Егеря отличались верноподданническим воспитанием и либеральные идеи в их среде не ходили. К ним благоволил Николай I, на собственные средства повелевший выстроить для них храм во имя святого мученика Мирония (между казармами и Обводным каналом). Храм был возведён в 1849–1854 годах, сейчас на его месте — пустырь и автомойка.

Младший из тройки братьев Баиовых, Владимир, по окончании Константиновского училища (в 1902 году) в чине подпоручика был назначен на

службу в Пятую артиллерийскую бригаду, из которой вскоре его перевели в Третий осадный артиллерийский полк. С началом русско-японской войны Владимир Константинович поступил на укомплектование Восточно-Сибирского осадного полка; за отличия в делах против японцев был награждён двумя боевыми орденами. В октябре 1907 года, успешно выдержав вступительные экзамены, он поступил в Николаевскую академию генерального штаба, по завершении курса которой, в мае 1910 года, был произведён в капитаны и назначен на службу в штаб Киевского военного округа.

В ноябре 1912 года Владимир Константинович был назначен старшим адъютантом штаба Второго Сибирского армейского корпуса. В сентябре 1913 года он окончил Офицерскую воздухоплавательную школу, став «лётчиком-наблюдателем», после чего, в чине старшего адъютанта, получил назначение в штаб Второго Сибирского корпуса, в составе которого вступил в боевые действия Первой мировой войны.

Владимир Константинович неоднократно исполнял обязанности начальника штаба своей бригады, в марте 1917 года был назначен начальником штаба сорок восьмой пехотной дивизии («Суворовской дивизии»), покрывшей себя неувядающей славой в первые два года войны. За боевые отличия он был награждён четырьмя орденами и Георгиевским оружием.

После Октябрьской революции с конца ноября 1917 года полковник Владимир Константинович Баиов служил начальником штаба Четвёртой армии. В этой должности командованием русских вооружённых сил на Северном фронте он был командирован в Великобританию, из которой вернулся в августе 1919 года. На февраль 1920 года он числился в списках штаба Главнокомандующего, дальнейшая его судьба — не известна.

Получение наивысшего военного образования в Академии генерального штаба было семейной традицией семьи Баиовых. До Владимира Константиновича в ней образовывались его отец и его братья. Старший из них, Константин Константинович Баиов, получил военное академическое образование в начале лета 1894 года, после чего несколько месяцев отбывал службу в Туркестанском военном округе; далее четыре года служил обер-офицером для поручений при штабе Финляндского военного округа. Служил усердно и достойно, в войну 1914-го года вступил генерал-квартирмейстером Первой армии, продолжил участие в ней начальником Шестой пехотной дивизии. После Октябрьской революции, в 1918 году, он добровольно вступил в ряды Красной Армии. Военрук генерал-лейтенант Константин Константинович Баиов был зачислен в список Генерального штаба «красных», назначен руководителем Московского района обороны. Летом 1919 года, во время наступления «белых», перешёл в их Северо-Западную армию, затем эмигрировал в Эстонию. Его дальнейшая судьба, время и место смерти — не известны.

Алексей Константинович Баиов закончил обучение в Академии Генерального штаба в 1896 году в чине капитана генерального штаба, после чего проходил цензовое (испытательное) командование ротой в Оренбургском полку. В Русской Императорской армии для получения должности в Генеральном штабе претенденты на неё, по окончании Академии Генерального

штаба должны были откомандовать ротой один год; для замещения должности командира полка требовалось предварительное четырёхмесячное цензовое командование батальоном.

По завершении испытания Алексей Константинович был прикомандирован к штабу Виленского военного округа, где состоял на должностях адъютанта штаба и обер-офицера для поручений. В 1902 году его перевели служить в Генеральный штаб, а год спустя он получил назначение на должность правителя дел Генерального штаба, в которой пребывал до 1914 года. В 1906 году он стал профессором кафедры истории русского военного искусства, членом военно-исторической комиссии по описанию истории русско-японской войны 1904-1905 годов. (Между прочим, военный историк Баиов, вопреки установившимся взглядам, давал негативную оценку Михаилу Илларионовичу Кутузову, особенно его руководству Бородинским сражением и осуществлению Тарутинского манёвра.)

С 1910 по 1917 года Алексей Константинович Баиов был редактором журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии». В этот период (до 1914 года) он написал ряд военных трудов, в том числе монументальный семитомник «Курс истории русского военного искусства», «Русская армия в царствование имп. Анны Иоанновны», «История русской армии», «История военного искусства как наука».

В Первую мировую войну Алексей Баиов воевал в составе армии Алексея Алексеевича Брусилова, был начальником штаба корпуса и армии, командовал дивизией, корпусом и армией Западного фронта; был награждён Георгиевским оружием, военным орденом Святого Георгия Четвёртой степени.

В конце 1917 года, после развала фронта, он возвратился в Петроград. Работал в Артиллерийском и Инженерном музеях, возглавлял комиссию по приведению в порядок исторического архива. Поначалу жил на даче в Гатчине, затем перебрался в Павловск. После занятия Павловска частями Северо-Западной армии в октябре 1919 года он в точности поступил по примеру старшего брата — присоединился к армии Юденича и ушёл вместе с нею в Эстонию.

Находясь в эмиграции, Алексей Баиов преподавал в Таллинском военном училище, читал лекции на Высших курсах Эстонского генерального штаба, составил ряд учебных пособий для этих военных заведений. Здесь он продолжил занятия историей военного искусства, к десятилетию начала Первой мировой войны издал книгу «Вклад России в победу союзников». В ней он на примерах доказывает, что Россия неизменно и до конца выполняла свой священный долг, всегда приходила на помощь терпящим бедствие союзникам и, сама неся большие потери, не раз спасала их от полного разгрома, за что те впоследствии отплачивали русским чёрной неблагодарностью.

Преподавательская деятельность обеспечивала Алексею Константиновичу Баиову безбедное существование. Однако, когда в 1926 году он стал перед дилеммой: поехать делегатом от осевших в Эстонии монархистов на Зарубежный съезд русских эмигрантов и расстаться с преподавательской работой (эта поездка с точки зрения властей была несовместима со службой в

эстонской армии) или не поехать на съезд, но зато остаться на службе, то он без колебаний выбрал первое. Поступок этот очень характерен для Алексея Константиновича, человека, которому в высшей степени были свойственны чувство долга и глубокая принципиальность. Он никогда не изменял своим убеждениям, не приспособлялся к обстоятельствам и до конца дней своих оставался убеждённым монархистом и искренне верующим православным человеком.

В Эстонии стал он центральной, высокоавторитетной фигурой в лагере русских эмигрантов, монархистов и правых, их идейным и духовным руководителем. Его очень беспокоило положение русской молодёжи в эмиграции, её денационализация, разрыв с традициями русской культуры. Он противодействовал этой текущей деградации развитием скаутского движения в молодом поколении эмигрантов, его стараниями было создано Общество друзей русских скаутов, председателем которого он был избран.

Летом 1931 года Баиов составил записку «Русская эмиграция в Эстонии», в которой заявил себя убеждённым и непреклонным сторонником «единой и неделимой Российской империи». С этих позиций он оценил и сам факт независимости Эстонии, в которой русские оказались на обочине общественной, политической и экономической жизни, превратились в людей «второго сорта». Записка Баиова не предназначалась для широкой огласки, так как призывы к восстановлению Российской империи рассматривались властями как противозаконные.¹²³

Современный читатель может по-разному относиться к идейным убеждениям Алексея Константиновича Баиова, но никто не может упрекнуть его в том, что он изменил раз и навсегда данной им присяге верно служить тому общественному строю, при котором он жил, что он никогда не служил (или прислуживал) мамоне, а был глубоко нравственным человеком, убеждённым сторонником справедливости в межчеловеческих отношениях, истинным русским интеллигентом.

Умер Алексей Константинович Баиов 8 мая 1935 года, в Таллинне, там он и похоронен.

Александр Иванович Рубец

Ещё в середине шестидесятых годов двадцатого века на окраине Умани, в Софиевской слободке действовало кладбище, на котором с начала девятнадцатого века погребались слободские жители и проходившие в городе службу военные, сотрудники училища земледелия и садоводства, члены их семей. Ныне этот старинный погост уничтожен, многочисленные гранитные надгробия свалены в беспорядочном нагромождении в углу кладбищенской территории. И каждое из этих ещё не разбитых надгробий — как исторический штрих.

Часть первая. Композиторство

В июльском номере газеты «Киевские губернские ведомости» за 1854 год был опубликован некролог, посвящённый памяти начальника Уманских военных поселений генерал-майора Ивана Филипповича Рубца. В скорбном тексте изложены добрые чувствования, которые испытывали горожане к почившему, рассказывалось о траурной церемонии, в которой принял участие князь Пётр Романович Багратион, племянник легендарного героя Отечественной войны 1812 года:

«Два года и два месяца город Умань имел счастье находиться под отеческим управлением генерал-майора Рубца. Ранняя и неожиданная смерть, предшествуемая кратковременной, но тяжёлой болезнью (нарывом на печени) 17-го текущего июня похитила его у нас, в конце 57-года многотрудной и примерной деятельности его жизни. Какая чувствительная потеря для всего города нашего и пяти округов Киевского и Подольского Военного поселений, вверенных его управлению. За доброту, правосудие и деятельность любили его все жители города, как христиане, так и евреи, и вся окрестная страна, бывшая в его заведении.

И как же его не любить, когда к нему имел доступ и первый и последний из его подчинённых, когда он сам непосредственно вникал во все дела и работы по Военным Поселениям, когда святые храмы, богоугодные и общепользные заведения, частные дома и жилища в городе и по деревням возделались, обновлялись и украшались за два года его управления в таком количестве, в каком они прежде едва ли являлись в течение 10 лет?

При всей старости своей он трудился постоянно на своём обширном прище, как бодрый и свежий силами юноша, и по-видимому не знал, что такое отдых. Все спешили воздать ему последний долг, долг напутственной молитвы и сердечного участия в горестях неожиданно осиротевшего его семейства.

Накануне погребения (18 июня) вступила в город часть резервной лёгкой кавалерийской дивизии, начальник которой князь Багратион своим участием украсил печальную церемонию.

Бренные останки проносимы были по главным улицам, обустроенным его старанием, по шоссе полуверстовой дороге, начатой и в один год почти оконченной им же.

Когда имела тронуться от храма печальная церемония, погода нечаянно сделалась мрачной и как будто осенней, с мелким дождём и холодным ветром. Небо видимо принимает участие в судьбе любимцев своих.

Священник Василий Яцуржинский».

Вскоре после похорон Ивана Филипповича Рубца вдова его Анна Петровна, урождённая Немирович-Данченко, оставила казённую квартиру в Умани и вместе с малолетними детьми переехала на свою родину, в хутор Искровку Стародубской губернии. Была она потомком посполитого Даниила (Данька) Немировича и сына его, Матвея, служившего в стародубской «замковой прислуге». Её покойный муж также был выходцем с этого хутора и также имел звучное происхождение. «*Фамилия Рубцов происходит из поль-*

ского шляхетства и за пределом их, войсковым товарищем Ильёю Ивановичем и сыном его Игнатием Рубцами в 1620 году были писаны имена Стародубского полку... Многие из потомков Рубцов служили Российскому престолу в разных должностях и были награждены чинами и прочими отличиями, почему род их Правительственным Сенатом и признан в древнем дворянстве, со внесением в VI часть родословной книги», — записано в родословной книге Черниговского дворянства от 1901 года.

Из шестерых детей супругов Рубцов фамилию прославил сын Александр, родившийся в 1837 году, в Чугуеве, где до перевода в Умань служил и командовал местным военным (печально-знаменитым) поселением его отец. В эту пору у Саши Рубца проявился музыкальный талант, корни которого, вероятно, потянулись от родителей, широко образованных людей, увлекавшихся народной и классической музыкой. Они, заметив несомненную искру божью у сына, выписали для него из Вены в наставники чешского музыканта Франца Черни.¹²⁴

По завершении обучения в Киевской гимназии и в Нежинском лицее Александр Рубец в 1862 году отправился в северную столицу, где, выдержав успешно экзамены в Петербургскую консерваторию, был зачислен в неё для обучения за государственный счёт. По получении в 1866 году высшего музыкального образования он был оставлен при консерватории преподавателем элементарной теории сольфеджио, основы которой вскоре изложил в собственноручно написанном учебнике.

В эту пору Александр Иванович увлекся народными песнями, которые два года подряд в летнюю пору записывал на Кубани и на Украине, а в 1871 году издал песенный сборник «Двести малороссийских песен». В перечне всех его добрых дел на музыкальном поприще и открытие в Петербурге бесплатных женских и мужских хоровых классов, сочинение музыки на стихи Тараса Григорьевича Шевченко «Думы мои, думы», новые издания украинских и русских народных песен.

Подсчитано воспитанниками Александра Ивановича Рубца, что к 1898 году через его руки прошли около десяти тысяч учеников — студентов Петербургской консерватории (в ней он проработал двадцать девять лет), воспитанниц институтов благородных девиц. За все время преподавательской работы он собрал огромное число народных песен — украинских, русских, белорусских. В числе его друзей и коллег в эту пору были Петр Ильич Чайковский, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Модест Петрович Мусоргский, Цезарь Антонович Кюи, Сергей Иванович Танеев.

Весной 1895 года к Александру Ивановичу Рубцу пришла беда — у него была обнаружена катаракта. После срочно сделанной ему операции он, несмотря на категорический запрет врачей, пошёл в консерваторию на экзамены. Недопустимая нагрузка на больные глаза стала причиной возникновения необратимых изменений в глазных нервах. Рубец ослеп и уехал в Стародуб, где поселился до конца дней своих.

Часть вторая. Поиск сокровищ гетмана Полуботка

В 1907 году в столичной газете «Новое время», издаваемой Алексеем Сергеевичем Сувориным, в номере от 20 ноября было размещено следующее объявление:

«Александр Иванович Рубец, бывший профессор С.-Петербургской консерватории считает своим долгом довести до сведения лиц, состоящих в близком или дальнем родстве с Павлом Леонтьевичем Полуботком, исправлявшем должность гетмана Малороссии в 1722–1724 годах, что после смерти названного гетмана Полуботко остался значительный капитал в Лондонском государственном казначействе, положенный им туда сроком до востребования. Капитал этот наследниками П. Л. Полуботко не истребован, и в настоящее время возрос до 80 миллионов фунтов стерлингов или до 800 миллионов рублей. Полагая, что право на истребование означенного вклада в виду его бессрочности («до востребования») наследниками не утрачено и возможно, но, сознавая, что одному человеку это не по силам, я почтительнейше и усердно прошу всех с нижепоименованными фамилиями прибыть в город Стародуб Черниговской губернии 15 января 1908 года для совместного и всестороннего обсуждения мер по законному истребованию из Лондонского Государственного Казначейства капитала Полуботки. Список наследников: Полуботки, графы Гудовичи, Кулябко-Корецкие, Рубцы, Лизагубы, Синегубы, Сологубы, Немирович-Данченки, Старосельские, Гамалеи, Рашевские, Трипольские, Бонч-Осмоловские, Булацели, Бороздны, Борковские, Дунин-Барковские, Почеки, Подольские, Тризны, Тропины, Тычины, Лазаревские, Лоцинские, Лосины, Золотаренки, Ханенки, Миклашевские, Дорошенки, Щербаки, Чарнолуцкие, Аржаво-Чижевские, Шандриковские, Ширай, Чесноки, Искры, Гудим-Левковичи, Тарновские, Самоквасовы, Самойловичи. Список этих фамилий был составлен в 40-х годах прошлого столетия по поручению Лондонского Государственного Казначейства, через агентов, приезжавших с этой целью в Россию. Присовокупляю, что до осуществления предполагаемого мною съезда гг. наследников, я ни в какую переписку по сему делу входить не буду и на запросы отвечать не стану. А. Рубец».

Более сорока лет посвятил Александр Иванович Рубец розыску вывезенных из Украины капиталов, начав с изучения событий начала восемнадцатого века, всех обстоятельств завязки дела о наследстве легендарного гетмана. Полковник Павел Леонтьевич Полуботок, выходец из зажиточного казацко-старшинского рода Левобережной Украины, был на стороне Петра I в его противостоянии со шведским королём Карлом XII и примкнувшим к нему гетманом Иваном Степановичем Мазепой. Причиной такого «непочтения к старшему по должности» стало то обстоятельство, что Полуботок был женат на племяннице гетмана Самойловича, ради булавы оклеветанного Мазепой и отданного вместе с его сыном на растерзание московским властям (царевне Софье и её полюбовнику Василию Васильевичу Голицыну).

После «полтавской виктории» Павел Полуботок выдвинул свою кандидатуру на пост гетмана, но царь отдал предпочтение Ивану Ильичу Ско-

ропадскому (кстати, коренному уманчанину). Взамен гетманства молодой полковник Полуботок получил щедрую компенсацию в виде многочисленных поместий на территории вверенного ему Черниговского полка, а также несколько сёл, ранее принадлежавших Мазепе и Орлику. Полученную недвижимость Павел Леонтьевич существенно приумножил скупкой новых окрест лежащих земель; кроме того, как не имевший естественных конкурентов монополист, он сосредоточил в своих руках торговлю зерном, табаком и водкой на подвластных ему землях.

Став богатейшим среди «значных людей» Левобережья, Полуботок не побоялся поставить себя в оппозицию намерениям Петра I упразднить старинное гетманское правление и заменить его прямой зависимостью украинских земель от «центра», что и случилось в конце 1721 года. Тогда гетману и малороссийским полковникам, прибывшим в Москву по случаю принятия Петром I титула «императора», был объявлен указ о создании параллельного гетманству органа управления — Малороссийской коллегии (в современном начертании — министерства), во главе которой был поставлен бригадир Степан Лукич Вельяминов.

В 1722 году, после смерти гетмана Скоропадского, наказным (то есть — временно исполняющим обязанности) гетманом был назначен Павел Леонтьевич Полуботок. В должности этой он проявил незаурядную смелость и принципиальность, издал несколько универсалов, явно противоречивших политике утвердившейся в Глухове Малороссийской коллегии. По этому поводу в 1723 году Полуботок был вызван в Петербург для личного отчёта перед царём, по результатам которого он и сопровождавшие его казацкие старшины были арестованы. Малороссийской коллегии было поручено провести полную ревизию населения Левобережья, казацкие же войска края переподчинялись фельдмаршалу Голицыну.

Во время проведения «розыска» по делу Полуботка к царю поступили так называемые «Коломацкие челобитные», подписанные ещё одним претендентом на гетманскую булаву, миргородским полковником Даниилом Апостолом; в них был поставлен вопрос о разделении полномочий между гетманской властью и Малороссийской коллегией, о выборе полноправного гетмана. Посчитав, что челобитные эти дело рук Полуботка, царь обвинил его в заговоре и повелел взять его и двух его старшин, Савича и Черныша, под арест и препроводить всех в Петропавловскую крепость. До суда дело не дошло — 18 декабря 1724 года Павел Полуботок умер и был похоронен в Петербурге на кладбище церкви святого Сампсония Странноприемца, что за Малой Невкой.

Согласно ходившей в народе легенде, в 1720 году, предвидя худшее, Павел Леонтьевич Полуботок весь свой золотой запас переправил (то ли через Чёрное море, то ли через Белое море) с сыном Яковом в Великобританию, где разместил его на счетах Ост-Индийской компании под хорошие проценты, с условием, что на вклад не распространяется положение о конфискации его за давностью лет.

В помянутой статье в газете «Новое время», помимо объявления о съезде претендентов на наследство Полуботка, Александр Иванович Рубец сооб-

щил, что в процессе розыска гетманского наследства он обнаружил запись рассказа английского шкипера, который вёз в 1720 году двух молодых украинцев и их дядьку-наставника. Пассажиры по утверждению шкипера с трудом втащили на судно тяжёлые бочонки, а по прибытии в Лондон попросили его проводить их до конторы Ост-Индийской компании.¹²⁴

В середине января 1908 года население Стародуба заметно увеличилось за счёт съехавшихся претендентов на гетманское золото. Перед началом съезда соискатели заказали панихиду по гетману, которую отслужили священники из числа наследников при пении хора певчих и любителей пения, также из претендентов на гетманские сокровища.

Съезд наследников заслушал выступление Александра Ивановича Рубца, представившего присутствующим вырезки из газет 1840-х годов, в которых сообщалось о поисках английскими агентами претендентов на гетманский вклад в Ост-Индийской компании. По требованию участников съезда Рубец открыл своего информатора, коим оказался натурализовавшийся в столице Британии его ученик по фамилии Карнакпашидзе. Потомки гетмана подсчитали размер предполагаемого наследства — оказалось, что причитается им (присутствовало более полутысячи претендентов) по миллиону фунтов стерлингов на персону.¹²⁴

Съезд принял программу действий из восьми пунктов. Для её реализации было избрано распорядительное бюро из восьми человек, из числа которых был назначен казначей. Для деятельности бюро был собран стартовый капитал (минимум по десять рублей с каждого наследника). Съезд также решил создать из своих делегатов комиссию для поиска наследства, в помощь которой был нанят адвокат Кулябко-Корецкий. Вскоре после закрытия съезда адвокат съездил в Лондон, но без успеха. Ост-Индийская компания была ликвидирована ещё в 1858 году, а узнать, кто стал её правопреемником и сохранились ли у того средства Полуботка, не представилось возможным. Второй поездке юриста в Англию помешала начавшаяся в 1914 году война.

Александр Иванович Рубец скончался 1 мая 1913 года в Стародубе и был похоронен в ограде Вознесенской церкви. Могилы его, как и могилы его отца в Умани, на сегодняшний день не существует. Желающие составить представление о внешности этого замечательного человека могут обратиться к картине Ильи Ефимовича Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и повнимательней взглянуть в хохочущего седоусого богатыря, помещённого художником в центр многофигурной композиции.

Семья Ящуржинских

Автором некролога на смерть генерал-майора Рубца, помещённого в июльском, за 1854 год, номере газеты «Киевские губернские ведомости», был её внештатный корреспондент протоиерей Уманского Николаевского собора Василий Григорьевич Ящуржинский. Написанный прекрасным русским язы-

ком некролог этот выдаёт в авторе человека высокого интеллекта, мудрого и сердечного. Удивляться образованности настоятеля уманского православного храма нет причин, ибо приобрёл он её в нескольких учебных заведениях, в которых обучался весь начальный цикл своей жизни — от детства и до совершеннолетия.

Родился Василий Петрович Ящуржинский в городе Умани в 1813 году, в семье священника, представителя уманского ветвления священнического рода Ящуржинских, издавна осевшего на Подолии, в городе Бердичеве. По завершении церковно-приходской школы в Умани, давшей ему начальное образование, он далее образовывался в уездном училище, после которого, следуя неизменной семейной традиции, поступил в недавно образованную Киевскую духовную семинарию. Была учреждена она в связи с изданием в 1808 году нового устава духовных школ, предусматривавшего трёхступенчатую систему обучения. Согласно этому уставу ко второй ступени обучения была отнесена Киевская семинария, выделенная в 1817 году из Киево-Могилянской академии и обеспеченная новым преподавательским корпусом, преимущественно из выпускников Петербургской духовной академии.

В семинарии Василий Ящуржинский проявил себя одним из лучших её учеников, его знания греческого языка были столь высоки, что он мог преподавать его, замещая отсутствующего наставника, ученикам младших классов. За незаурядные знания свои был он по окончании семинарии допущен к третьей ступени церковного образования и твёрдо на неё ступил — блестяще выдержал вступительные экзамены в Киевскую духовную академию. Но не судилось стать ему дипломированным богословом. После года учёбы, заболев, он оставил академию и в 1835 году вернулся в Умань, где был назначен учителем городского уездного училища (в начале 1836 года стал помощником инспектора).

Успехи в учительской работе Ящуржинского были скоро замечены и оценены — *«...за полезное для учеников преподавание предметов по классу латинского языка, Закона Божьего и географии изъявлена ему благодарность Семинарского правления»*. Знание молодым учителем латинского языка, отмеченное в приведённой благодарности, было совершенным настолько, что позволило ему перевести на латынь Священную историю, написать на ней немалое число статей. Кроме латыни и греческого языка, он хорошо владел польским, немецким, французским языками.

В 1843 году Василий Григорьевич Ящуржинский был назначен священником Уманского Успенского собора. Одновременно его успешная педагогическая работа, которую он завершил ради священничества, была отмечена годовым окладом учительского жалования. Пастырскую деятельность свою он отправлял среди жителей части Умани и примыкавшей к городу «Лысой горы», охватывая своим наставничеством и добрым словом почти тысячу горожан. За глубокий ум и простоту в общении был отец Василий — художавый, среднего роста, с приятной для глаз внешностью аскета — искренне уважаем прихожанами.

Участвовал он с большим удовольствием в общественной жизни, на страницах епархиальных и губернских изданий размещал свои материалы под

рубрикой «Заметки и известия из г. Умани». После себя оставил в рукописях много учёных работ и заметок, преимущественно по естественным наукам, которыми занимался с особенным увлечением. Семья его была многочисленной — жена, Ольга Леонтьевна, сын и три дочери.

Умер Василий Григорьевич Ящуржинский 23 февраля 1855 года, только на семь месяцев пережив искренне оплаканного им Ивана Филипповича Рубца.

Его младший брат, Пётр Григорьевич Ящуржинский, 1820 года рождения, также получил основательное образование в Киевской духовной семинарии. По её окончании молодой батюшка был хиротонирован и осенью 1845 года назначен священником Николаевской церкви села Молодецкого Уманского уезда. Здесь он прожил почти два десятка лет: проповедовал слово Божье,ставлял паству свою на путь истины и справедливости, венчал молодые пары, провожал молитвой в последний путь усопших.

Семья его состояла из жены, Ольги Иустиновны, трёх сыновей и дочери. Как и у старшего брата земной путь Петра Григорьевича оказался недолгим, скончался он в июле 1864 года в возрасте сорока двух лет. Недолго отправлял пастырскую службу и сменивший его сын Василий Петрович, умерший, после пятнадцати лет церковной службы, в тридцатилетнем возрасте.

От семейной традиции священничества отошёл второй сын Петра Григорьевича Ящуржинского, Хрисанф, родившийся 19 марта 1852 года. Высшее образование он получил, последовательно обучаясь в Киевском и Варшавском университетах на славяно-русском отделении историко-филологического факультета. По окончании учёбы Хрисанф Петрович перебрался из Варшавы в Крым, где преподавал в Кушниковском девичьем институте (открыт был в 1835 году, назван по имени своего мецената). Позже он некоторое время преподавал в женской и мужских гимназиях Симферополя, в Одесском институте императора Николая и местной женской гимназии.

Преподавательство Хрисанф Петрович совмещал с научной работой — участвовал в археологических экспедициях, работал в Таврической архивной комиссии, писал статьи, рефераты, собирал фольклорный материал, активно сотрудничал с журналом «Киевская старина» (опубликовал в нём два десятка статей и заметок, в том числе «Малорусские причитания над умершими», «Заметки о купальском празднике в уманском уезде»). В одиннадцатом номере журнала за 1896 год он напечатал своё — и ныне захватывающее, на одном дыхании читаемое — этнографическое исследование «Свадьба малорусская, как религиозно-бытовая драма»:

«Свадьба малорусская представляет очень выработанный и законченный цикл знаменательных обрядов и песен, в которых под поэтической формой представлены слагавшиеся веками воззрения народа на такой важный момент человеческой жизни, как брак... Эта форма представляет собой глубоко интересный образчик житейской драмы, которой различные акты растянуты на целую неделю. Та особенность малорусской свадьбы, что каждый обряд сопровождается объясняющей его песней, каждое появление и действие жениха, невесты, сватов, бояр, дружек объясняется соответствующими

щими песнями, приближает нашу свадьбу к древнеклассическим мистериям или к трагедиям Софокла с их хором, строфами и антистрофами.

Свадьба, рассматриваемая, как религиозно-бытовая эпопея, представляет следующие важнейшие моменты: 1) сватанье, 2) заручины, 3) печение коровая, 4) дивич-вечир, 5) витье гильцы, 6) посад, 7) венчание, 8) покрытие невесты, 9) брачное ложе и 10) торжество после благополучного заключения брака...

Значение свадебной мистерии и теперь ещё на столько велико, что во многих местах брачное сожитие не начинается до тех пор, пока она не исполнена, хотя бы церковный брак и совершён был; так что случается, что невеста целые недели, а то и целый год живёт и ходит, как девушка, пока не отгуляет весилля».¹²⁵

Выйдя в 1911 году на пенсию, Хрисанф Петрович Ящуржинский — холостой и бездетный — перебрался на родину в село Молодецкое. Жизни его в селе односельчане Ящуржинского радовались, был он для них одновременно и учителем, и рассудительным судьёй, добрым советчиком. Как истинно интеллигентный человек отличался он простотой в общении, искренней внимательностью к нуждам и заботам простых людей.

На своей малой родине Хрисанф Петрович продолжил научные изыскания, отдавая предпочтение изучению и описанию уманского края, его традиций и обычаев. В одном из своих писем он сообщал адресату: «Я теперь живу в селе, в отставке, собираю этнографический материал и кое-что обрабатываю понемногу... Этим летом думаю написать какую-нибудь историю своей родной... Умани. В такой книжечке большая надобность: приезжают сюда туристы, а то и просто интеллигентные люди, спрашивают о событиях в Умани, а такой книжечки нет».¹²⁶

Такую книжечку — небольшую, тридцатистраничную — он написал и издал в 1913 году, назвав её «Город Умань. Краткий исторический очерк». Кроме писательства и собирания этнографического материала Хрисанф Петрович серьёзно занимался практическим краеведением — был он одним из основателей Уманского краеведческого музея, председателем Уманского отделения Киевского товарищества охраны памятников старины.

Умер Хрисанф Петрович Ящуржинский в 1923 году и был похоронен в селе Молодецкое. Могилу замечательного человека, выдающегося интеллектуала его земляки не сохранили.

Умань после военных поселений

Упразднение военных поселений в Российской империи началось во второй год царствования императора Александра II, сразу после заключения в марте 1856 года не очень постыдного для России мира с Европой.

Предварительно в южные военные поселения, располагавшиеся в Херсонской губернии, выехал с ревизионными целями адъютант военного министра Дмитрий Аркадьевич Столыпин — знаток учения Огюста Конта и

сторонник хуторского хозяйства как основы обустройства российского крестьянства. Вникнув на месте в состояние дел, он в командировочном отчёте нарисовал весьма безрадостную картину экономического и социального прозябания военизированных, с крестьянским уклоном, поселян: у многих хозяев не было рабочего скота; садоводство, прежде приносившее известный доход, подупало; постройки в военных округах нуждались в срочном ремонте; для обеспечения продовольствием расквартированных в военных поселениях войск требовалось столько пахотной земли, что на долю личных хозяйств поселян оставались, большей частью, негодья...

В итоговом заключении военный инспектор обобщил мнение местных властей и главного начальства военных поселений о невыгодности и бесперспективности совмещения военной службы с занятием сельским хозяйством. Эта точка зрения была принята во внимание в высших правительственных кругах, и в 1857 году начался демонтаж всей системы военных поселений, завершившийся только в 1866 году.

В результате совершившейся пертурбации пахотные поселяне стали именоваться пахотными солдатами. Обязанности поселян-хозяев по обеспечению войск продовольствием и строевым составом, по выплате денежного оброка, по исполнению рекрутской и постоянной повинности были приведены к общему основанию.

Округа пахотных солдат остались подчинёнными военному ведомству, а их жители мужского пола подпали под военную юрисдикцию. В округах кавалерии, к центру каковых относилась Умань, поселяне-хозяева были разбиты на два разряда: к первому причислялись владельцы более одной пары волов, владельцы только одной пары тягловой скотины причислялись ко второму разряду; в этих округах вводилась рекрутская повинность. Был также уничтожен институт военных кантонистов, рождавшиеся сыновья пахотных солдат стали именоваться «малолетками».¹²⁷

Лето и начало осени 1859 года для императора Александра II были ознаменованы двумя событиями: открытием памятника отцу на Исаакиевской площади и провозглашением совершеннолетия наследника престола, цесаревича Николая. Был цесаревич любимцем семьи и окружения трона; отличался он неординарным умом, приятной внешностью и сильным характером. Когда исполнился ему двадцать один год, был он помолвлен с дочерью короля Датского, принцессой Дагмар. Но — «где стол был яств, там гроб стоит» — во время путешествия по Италии цесаревич неожиданно заболел туберкулёзным менингитом и в апреле 1865 года умер. Невеста его стала впоследствии супругой императора Александра III.

Отметив совершеннолетие старшего сына, в сентябре 1859 года император Александр II отправился в поездку по Юго-Западному краю. «Через Москву, Тулу, Орёл, Курск, Чугуев, Харьков и Полтаву проследовал император в Киев, а затем — в Белую Церковь, Умань, Елисаветград, Николаев, Одессу, Каменец-Подольск, всюду по пути производя смотры войскам, ученья и манёвры». По возвращении в столицу, через год с небольшим им был издан указ, подведший черту под прошлым Умани как регионального центра военных поселений:

«Государь Император в 19 день декабря 1860 года Высочайше повелевать соизволил:

Приступить к передаче в ведение Министерства внутренних дел состоящего в Южном поселении г. Умани.

В Умани состоит:

- 1) Духовное и еврейское училище и Богадельня;*
- 2) Городские присутственные места, как то Ратуша с Совестным судом;*
- 3) Полицейское управление, квартирная комиссия и строительный комитет;*
- 4) Домов обывательских: 36 каменных, деревянных — 1511, крестьянских деревянных — 127, общественных зданий каменных — 19, деревянных — 16».*

Интересным в императорском указе является указание на то, что в Умани в пору её перевода в гражданское ведомство существовал так называемый «совестной суд». Такие суды (преимущественно — в губернских городах) появлением своим обязаны императрице Екатерине II, повелевшей в 1775 году создать в России правовое учреждение для дополнительной защиты гражданских прав по отдельным категориям дел на основании принципа «естественной справедливости».

Совестной суд был обязан контролировать законность взятия под стражу подозреваемых в совершении преступления, пытаться примирить тяжущиеся стороны (например, в гражданских делах о разделе имущества между родственниками), освободить общие суды от дополнительной нагрузки по запутанным делам и преступлениям, которые не представляли значительной общественной опасности.

Рассмотрению совестным судом подлежали уголовные дела малолетних, невменяемых, глухонемых, а также деяния, совершённые при особо неблагоприятном стечении обстоятельств. Встречались в его судопроизводстве дела о колдовстве, скотоложстве, о краже церковного имущества, об укрывательстве правонарушителей. (*«Сами тяжущиеся мимо собственных выгод своих перенесут дело в совестной суд, как только пронесётся слух, что судья судит истинно по совести»*, — писал Николай Васильевич Гоголь.)

Состоял совестной суд из судьи и шести заседателей — по два от дворянского, городского и сельского сословий. Решения совестного суда в имущественных спорах не имело законной силы, а судьи не имели полномочий приводить решение суда в действие; в случае несогласия фигурантов имущественного дела иск передавался в суд общей юрисдикции. Совестные суды в России были упразднены указом сената в 1866 году.

Перевод населённых пунктов, подчинявшихся Уманскому региональному центру военных поселений, в гражданское ведомство был поручен Временному распорядительному комитету. Его начальник начал работу свою отправкой министру внутренних дел и Киевскому военному губернатору подробной информации о социально-экономическом и демографическом положении в Умани на время переподчинения. В частности, он сообщал, что среди населения города дворян и разночинцев насчитывалось 199 человек, духовенства

— 91, почётных граждан: наследственных — 8, личных — 737, купцов — 394, мещан и ремесленников — 8388, разных низших сословий гражданского ведомства — 58, поселян — 894, иностранцев — 43. Из справки этой несложно заключить, что в 1861 году население Умани (без граждан других государств) составляло 10769 человек. На время закрытия военных поселений в Умани действовали шесть промышленных предприятий, в числе которых — табачные фабрики купцов третьей гильдии Мозеса Беренштейна и Арона Гроссмана, кожевенный завод купца третьей гильдии Мойше Хаима Котлова, два свечных завода мещанина Арона Шулима Бердичевского. В городе было большое количество лавок и магазинов; в частности, был *«хороший магазин одного немецкого оптика, как редкость в уездном городе»*.

Важной отраслью животноводческого «бизнеса» для православного мещанства Умани был масштабный откорм свиней, торговля свининой, прежде всего, салом и щетиной; еврейские торговцы отдавали предпочтение оптовым закупкам пшеницы, которую вывозили на продажу, преимущественно в Одессу. О состоянии дел в Умани в это «время перемен» свидетельствует (несколько отличаясь — в цифрах и данных — от сведений Временного переходного комитета) краевед Лаврентий Похилевич:

«В настоящее время с закрытием военных поселений, Умань нисходит на степень обыкновенного уездного города. В городе с предместьями, кроме Полянецкого, ныне считается домовъ до 25 каменныхъ и более 1000 деревянныхъ. Жителей обоёго пола: православныхъ 4503, римскихъ католиковъ 772, лютеранъ 10, раскольниковъ 10, евреевъ 6684. Сверхъ того в городе постоянно квартируетъ до 1000 военныхъ. Торговые обороты Умани довольно значительны, хотя годовыхъ ярмарокъ не бывает».

Товары закупаются въ Кіеве, Бердичеве и Одессе, куда капиталисты отправляютъ значительныя партіи пшеницы и другихъ продуктовъ, скупаемыхъ в окрестныхъ именіяхъ. Лавокъ въ городе более 200, изъ коихъ половина каменные. Есть заводы: кожевенный, два свечныхъ, табачная фабрика, две аптеки, два трактира и столько же гостиницъ, 15 питейныхъ домовъ, продающихъ до 12000 ведеръ хлебнаго вина».

*Военный госпиталь, в которомъ пользуются также больные не военнаго званія находится в трех-этажномъ каменномъ здании, упраздненнаго въ 1832 году базилянскаго монастыря. В немъ также провіантскіе магазины. Кроме военно-градской полиціи, помещающейся в одномъ доме с городской ратушею или думою и уездныхъ присутственныхъ местъ, в городе находятся почти всегда несколько штабовъ или управленийъ воинскихъ частей. Годовой доходъ города простирается до 5000 рублей».*³⁸

За время нахождения Умани в ведомстве военных поселений её внешний облик заметно улучшился. В планировке улиц и площадей, в архитектуре частных и государственных строений город заметно приблизился к стандартам малых европейских городов. В нём была сформирована система прямых и широких, к центру города сходящихся улиц — Николаевская, Садовая, Киевская, Дворцовая, Большая Фонтанная — и нескольких больших площадей.¹²⁷

Центральные улицы и площади были вымощены камнем, оборудованы керосиновыми фонарями, по ним были запрещены езда телегами и выгул домашней скотины. (В последнем вопросе Умань, кажется, обошла Москву, в которой, примерно в это же время, как пишет Иван Сергеевич Шмелёв, видные граждане обратились к генерал-губернатору Владимиру Андреевичу Долгорукому с просьбой запретить коровьи гуляния по белокаменной. *«Бумагу направили самому генерал-губернатору князю Долгорукову... воспретить гонять по Москве коров... Москва — и такое безобразие! Чего про нас англичане скажут! Коровы у них, скажут, по Кузнецкому мосту разгуливают и плюхают. И забодать, вишь, могут. Ну, чтобы воспретить! А наш князь Долгорукий самый русский, и любит старину, и написал на их бумаге: «по Кузнецкому у меня и не такая ещё скотина шляется», — и не воспретил. И все хвалили его, что за коровок вступился.»*)

С переходом Умани под гражданское управление резвее стала в ней промышленно-торговая и строительная деятельность, основанная преимущественно на еврейском капитале всех калибров. В 1870 году в городе действовали четыре табачных фабрики, три кирпичных завода, уксусное и мыловаренное производства, кожевенный завод, по два литейно-механических, винокуренных, экипажных завода. Город был насыщен всевозможными мастерскими — сапожными, шапочными, слесарными, бондарными, седельными, ювелирными. Завершилась, ещё при военных поселениях начатая, реконструкция Торговых рядов (подряд на эти работы взял купец Лейба Айзенер):

«Гостинный двор каменный одноэтажный, под железною крышею. Построенный для помещения торговых лавок в виде замка на четыре фасада с двенадцатью фронтонами, четырьмя парапетами, двумя проездами в середину двора ... Здание длиною с двух фасадов по Николаевской и Купеческой улицам по 42, а остальные два фасада по 39 сажень... Всё дворовое место внутри гостиного двора, а снаружи — тротуары, вымощены диким камнем».⁶⁸

С отменой воинского правления в Умани не изменилось, а даже усилилось военное значение города. В нём дислоцировались подразделения Киевского военного округа, использовавшие для постоя капитально выстроенные казармы (с учебным полем при них). Известно, что с 1864 года в Умани располагались штаб-квартира и Первый дивизион Двенадцатого гусарского Ахтырского полка. Второй дивизион был расквартирован в местечке Маньковка. С 1871 года оба дивизиона дислоцировались в Умани — вплоть до 1877 года, когда Ахтырский полк был переведён на Волынь, в местечко Межибужье.

Долгое время у располагавшихся в Умани военных не было своего стационарного храма и для богослужений использовались походные церкви. Эта

культурная проблема была разрешена только в 1895 году сооружением военной церкви на фундаменте здания бывшей капеллы Потоцких. Факт этот зарегистрирован в 1910 году справкой военного ведомства, с попутным описанием в ней основных «параметров» города и изложением истории создания 74-го Ставропольского полка:

«Умань — уездный город Киевской губернии, на реке Уманке, при станции «Умань» Юго-Западных железных дорог. Сахарные и винокуренные заводы. 40 тысяч населения (малороссы, евреи и проч.). Учебные заведения: мужская и женская гимназия, мужское и женское коммерческое училища, частная женская гимназия, духовное училище, музыкальная школа и несколько приходских школ, 5 городских церквей; одна военная — при пехотном Ставропольском полку.

Церковь 74-го пехотного Ставропольского полка в честь Св. Архистратига Михаила. Полковой праздник 8 ноября.

1845 г. Декабря 16. Из 2-го и 3-го батальонов Брестского полка, 2-го и 3-го батальонов Белостокского и Кавказского линейного № 8-го батальона, с добавлением из 2-го и 3-го батальонов Люблинского полка, сформирован Ставропольский Егерский полк; впоследствии с 1856 г. пехотный.

1864. Марта 25. Назван 74-м пехотным Ставропольским.

Походная (при полку) церковь существует с 1845 года. Церковь эта сопринадлежала полку в походах: 1) при покорении Западного Кавказа в 1864 г., 2) в Турецкую войну в 1877–1878 г.г.

При приходе в 1910 г. в г. Умань из Каменец-Подольска, в ведение последнего перешёл военный храм, сооруженный в 1894–1895 г.г.

Уманский военный храм воздвигнут на самом видном месте города и виден на 10 вёрст по железнодорожному пути, идущему от Киева. На месте храма ранее было устроено большое одноэтажное здание, назначенное владельцем его графом Потоцким специально для концертного зала, который в архитектурном и акустическом отношении составлял верх искусства. В смутные времена восстания поляков здание это поступило в ведение военно-инженерного ведомства. В нём временно помещалась церковь 73-го пехотного Крымского полка, прибывшего в г. Умань в 1888 году с северного Кавказа. Благодаря живейшему участию Е. И. В. Великого князя Александра Михайловича (Шефа Крымского полка), изыскавшему 30,000 рублей на устройство полковой церкви, и старанию Протоиерея О. Николая Каллистова (полкового священника), — здание это было уступлено под церковь, причём вся архитектура церкви внутри и снаружи была сделана в русском стиле. Колокольня составляет продолжение церкви; колокола отлиты из пушечной меди и бронзы.

Вместимость церкви — 1000 человек. Вокруг церкви имеется ограда из железных решёток на деревянной основе».

По штату церкви положен: один священник».

(После революции военный храм был «упразднён», его колокольню снесли; в мои детские годы в бывшем храме размещался кинотеатр имени Черняховского, ныне — это, век свой доживающее, осыпающееся и разрушающееся здание, без видимых остатков прежнего величия.)

В приведённой справке военных бросается в глаза наличие в Умани, в начале двадцатого века, большого числа учебных заведений, из чего можно за-

ключить, что процесс развития народного образования в городе, начавшийся после перехода Польши под Россию, продолжился и в пору военных поселений и после упразднения оных.

Так, в 1869 году в Умани было открыто двухклассное училище. В сентябре 1883 года в арендованном городскими властями доме поручика Солодова была открыта городская прогимназия на четыре класса. В июне 1886 года эта прогимназия получила статус шестиклассной; ей Городская Дума передала земельный участок на Дворцовой площади с располагавшимся на нём дворцом основателя Софиевского парка. После этого все вспомогательные строения усадьбы были разобраны и на очищенной площадке в 1889 году началось строительство нового здания прогимназии. Длилось оно почти год, позже к основному зданию пристроили вспомогательные помещения, и только в 1897 году блистательный проект Владислава Владиславовича Городецкого получил свое завершение. В новом двухэтажном здании разместилась теперь уже гимназия, с восьмилетним курсом обучения (старое здание Потоцких городские власти передали военным). Большие окна здания гимназии обеспечивали его внутренность — коридоры, классы, актовый зал — хорошим освещением; воздух в классных комнатах очищался упрятанной под пол вентиляционной системой. При гимназии были устроены открытая спортивная площадка и гимнастический зал, метеостанция, теплица, оранжерея, пасека, столярная мастерская, был высажен свой сад; к услугам гимназистов были прекрасно оборудованный физический кабинет, большая библиотека, духовой и струнный оркестры. Хорошо был организован досуг учащихся, что засвидетельствовала газета «Голос Провинции» в своём выпуске от 5 мая 1911 года:

«Ровно в 7 часов утра гимназисты выстроились по классам. Командовал офицер Ставропольского полка. Пред выступлением было совершено молебствие, затем освящение гимназических знамён; после этого директор гимназии поздравил учеников с днём рождения его Императорского Величества, после чего оркестр исполнил троекратно национальный гимн, покрытый криками «Ура!». В 7 ¼ час. утра гимназисты вышли из гимназического двора и направились через улицы Дворцовую, Николаевскую, Садовую в Софиевку, откуда пришли в лес при с. Пиковце. Впереди шёл оркестр гимназистов, затем отряд футболистов, восьмой, седьмой, шестой и пятый классы гимназистов. По бокам шли директор гимназии, инспектор и все классные наставники. В половине одиннадцатого гимназисты прибыли в лес, где им был предложен чай. В двенадцать часов подан был солдатский обед, состоящий из мяса, борща и каши. После обеда были розданы сладости и начались игры в футбол, в мяч и друг. В 5 часов вечера по сигналу все гимназисты вновь построились и в том же порядке через Новую Умань возвратились в город. В городе необычное зрелище привлекло большое количество любопытных».

После Октябрьской революции Уманская мужская гимназия просуществовала несколько лет; в 1920 году на её базе была открыта Еврейская профессионально-техническая школа с трёхлетним сроком обучения. В 1930 году школа эта была преобразована в техникум механизации сельского хозяйства; в таком статусе — с небольшой модификацией сути обучения и наименования — сохранилось помянутое учебное заведение до наших дней.

Извечной, ещё Николаем Васильевичем Гоголем отмеченной, проблемой для России было состояние её дорог. Проблема эта серьёзно осложняла оперативность деловых, торговых связей уездного города Умань с городами края — Киевом, Одессой, городами Новороссии и Крыма, военным центром в Тульчине.

«Обыкновенно думают, что нет хуже езды, как между Тамбовом и Воронежем или между Уманью и Одессой», — заносит в свой дневник Лесков».
(Андрей Лесков, Жизнь Николая Лескова).

Дорожная ситуация началась меняться в лучшую сторону в пореформенные годы, когда в связи с необходимостью скорого и надёжного соединения Одесского порта с юго-западными границами России на украинском правом берегу приступили к строительству железных дорог.

Первая железная дорога в крае, связавшая Одессу с Балтой, была сооружена в 1865 году, после чего она была продолжена в сторону Киева. Открытие в июне 1878 года новой протяжённой железнодорожной магистрали положило начало существованию Юго-Западной железной дороги. В стремительно разросшейся транспортной сети этого ведомства в 1897 году появилась очередная железнодорожная линия Казатин — Умань, на которой станции «Умань», к превеликому сожалению её жителей, была отведена роль только конечного, тупикового пункта. Но, тем не менее, надёжная транспортная связь города со страной и европейским зарубежьем была установлена, и всякий клиент ведомства Юго-Западных железных дорог, ознакомившись с его специализированным справочником, мог составить полное представление о замечательном городе Умань:

«Станция Умань, находится в 183 верстах от Казатина и расположена в непосредственном соседстве с городом. Издали со стороны железнодорожного вокзала, город Умань представляет красивую панораму: на первом плане видно предместье, раскинувшееся по берегу речки, за которою подымается холмистая поверхность, занятая самым городом; строения разбросаны среди садов и белых городских здания выглядят из-за зелени деревьев. Самый высокий пункт на фоне картины занимает католический костел с двумя башнями, направо от него видна православная церковь, за ней тянется старая часть города, а еще правее предместья с простенькими хатами и роскошными садами; на горизонте чернеет «Греков лес», а правее его знаменитая Софиевка. Шоссе от вокзала спускается вниз, пересекает предместье и речку, а затем довольно крутым подъемом идет в гору. С половины горы начинается так называемая «парадная» площадь, оставшаяся от времен военных поселений; вокруг расположены исключительно почти казенные здания. Направо самое красивое здание — мужская прогимназия, учрежденная в 1883 году; в конце площади с левой ея стороны три белых дома, разделенных между собою садами; средний одноэтажный — бывший дворец Потоцкого, в котором жила

в последний период своей бурной и романтической жизни Софья Потоцкая. В 1850 году дом был заново перестроен на случай приезда Государя Императора; позади этого дворца раскинут громадный сад, в котором когда-то были редкие деревья, статуи, беседки и т. п. и от которых ныне ничего не осталось. Налево от дворца, так называемый флигель, построенный в 1851 г. для помещения свиты Государя; а направо деревянный дом с мезонином, построенный в 1826 году последним владельцем Умани графом Александром Потоцким. Правее от этих зданий, фасадом к вокзалу, красуется обширная православная церковь, сооруженная на средства военного ведомства. Во времена Александра Потоцкого здание, переделанное ныне в церковь, было концертным залом, в котором давались блестящие балы, так как в самом дворце больших комнат не было. За военную церковь начинается сквер, упирающийся в главную городскую улицу — Николаевскую, которая ведет чрез бульвар на старый город; по левую сторону бульвара тянется длинное двухэтажное белое здание с небольшими окнами; это — бывший базилианский монастырь, в котором ныне помещается окружный суд».¹²⁸

Главное училище садоводства и земледелия

В 1859 году в Умань из Одессы было переведено Главное училище садоводства, действовавшее в приморском городе с 1844 года. На новом месте разместилось оно на примыкавшей к «дому над парком» территории, поначалу во временных помещениях, чуть позже — в капитально выстроенных зданиях и поныне радующих глаз точными пропорциями своей архитектоники. Парк «Софиевка», почти четверть века именовавшийся Царицыным садом, был передан в ведение училища под новым официальным названием «Уманский сад Главного училища садоводства».

«В бытность Умани центром военных поселений положено началу ее внешнему благоустройству, для чего в 1842 г. учреждён в нём строительный комитет и назначен от казны вспомогательный капитал в 150000 рублей. Из этого капитала в 1849 году разрешена выдача бедным жителям Умани безвозвратных пособий на постройку домов. Затем важными событиями в истории Умани более близкого к нам времени были: закрытие военного поселения, основание училища садоводства и земледелия, перенесение в Умань окружного суда, возникновение частного женского училища и, наконец, учреждение уманской прогимназии, летом 1883 года».¹²⁹

Часть первая. Училище садоводства

История Уманского училища садоводства имеет основательную предысторию, начавшуюся в разгар обустройства Новороссийского края под государственным началом Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического. Как наместник края, имевший врожденную склонность к

плодовым деревьям, к посадке их и уходу за ними, он, задумав распространить это занятие в ему подвластных безлесых землях, основал в них множество садов. В одном из них, поднявшемся в городе Николаеве и именовавшемся «Спасским», матушка Екатерина II во время посещения города в 1787 году посадила (на одной из его площадей) абрикосовое дерево, которое хорошо принялось и своей роскошной кроной приятно удивляло горожан ещё в конце девятнадцатого века.

Первый сад в Одессе был разведён майором Споритти; затем поднялся сад адмирала Дерибаса, перешедший в 1794 году в собственность города и ставший именоваться «казённым». Всемерно содействовал городскому садоводству и герцог Ришельё (прямой потомок знаменитого кардинала Ришельё, с 1803 года — градоначальник Одессы, а с 1805 года — генерал-губернатор Новороссийского края), засадивший казённый сад акацией и гледичиею, а также основавший новый сад в окрестностях Одессы (в Водяной балке), который также со временем перешёл городу и стал именоваться «Дюковским». Он же возобновил сад в балке Веревчиной неподалёку от Херсона и передал плантацию шелковицы на берегах Днестра болгарам-переселенцам.¹³⁰

Преемник «дюка» (отъехавшего в 1814 году во Францию, трудиться в правительстве восстановленного на троне — после изгнания Наполеона — короля Людовика XVIII) граф Ланжерон развил садоводческую деятельность герцога и добился учреждения в Одессе, в 1818 году, Императорского ботанического сада, при котором был разведён питомник, продававший множество разноразных саженцев, выведенных и выращенных местными учёными; в нём попутно получали начальные практические знания по уходу за плодовыми деревьями любители-садоводы.

В 1834 году директором ботанического сада был назначен Александр Давидович Нордман, до этого два года преподававший естествознание, зоологию и ботанику в одесском лицее Ришельё. Родился он в 1803 году на острове Руотенсальми, близ южного побережья Финляндии, где его отец, полковник русской службы Давид Антон фон Нордман, командовал артиллерийской бригадой. Войдя в возраст «не мальчика, но мужа», Александр Нордман прошёл последовательно курс наук в университете города Або (с получением учёной степени доктора философских наук в 1827 году) и в университете города Берлина (с получением учёной степени доктора медицинских наук в 1832 году). Далее молодого учёного пригласили на кафедру естественной истории в одесский Ришельевский лицей, имевший статус высшего учебного заведения, а затем — по совместительству — руководить ботаническим садом. В 1848 году после вспышки в Одессе очередной эпидемии холеры, забравшей у Александра Давидовича жену, он вместе с четырьмя детьми навсегда покинул Россию, стал профессором натуральной истории Гельсингфорского университета.

*«Мысленно переносишь в колыбель Уманского училища, в Императорский одесский ботанический сад, где 50 лет тому назад было открыто Главное училище садоводства. Обстоятельства того времени мало благоприятствовали делу профессионального образования, средства училища были до крайности бедны; наука садоводства только числилась в списках русского просвещения, но своих представителей ещё не имела. Тем не менее, в этой скудной обстановке было нечто очень симпатичное и сулившее надежды в будущем: это была личность первого директора Главного училища садоводства профессора Ришельевского лицея Александра Давидовича Нордмана. Страстный ботаник, исколесивший всё побережье Чёрного моря и дебри Кавказа, он всюду собирал ботанические редкости и новинки, обогащая акклиматизационный поля ботанического сада».*¹³¹

После отъезда Александра Давидовича Нордмана директором училища садоводства был назначен Доминик Сигизмундович Обниский, руководивший им и после переезда учебного заведения в Умань, вплоть до 1863 года.

*«Передо мною открывается другая, гораздо более продолжительная эпоха в жизни Главного училища садоводства, представляемая личностью второго его директора Доминика Сигизмундовича Обниского. Человек сильной воли и спартанского образа жизни, рачительный хозяин и неутомимый труженик — он был, так сказать, «собирателем» производительных сил Главного училища садоводства, создавая совокупным трудом учащихся и учащихся запасы специальных средств училища, пользуясь каждым случаем, каждой экскурсией учеников для образования научных коллекций и постоянно поддерживая в ходе хозяйства и учебного дела точность правильно устроенного механизма. Главное училище садоводства, поистине, сделалось школой трудолюбия, где не было места белоручкам и лентяям, где дело садоводства обращалось в предмет сердечного влечения, а труд становился насущной потребностью человека».*¹³¹

В 1828 году в Одессе было учреждено Императорское общество сельского хозяйства южной России, на опытной ферме которого, помимо прочего, воспроизводились фруктовые деревья. К этому же времени на распространение садоводства обратили внимание в новороссийском военном поселении кавалерии, в колониях края и — несколько позже — государственные крестьяне.

В довершение начавшихся переустройств Императорский ботанический сад в Одессе на основании Положения о садовых заведениях и Инструкции, утверждённой министром государственных имуществ, графом Павлом Дмитриевичем Киселёвым, в 1844 году был преобразован в Главное училище садоводства, нацеленное на подготовку «знающих, с полными теоретическими и практическими сведениями садовников». За училищем были закреплены семьдесят десятин земли, на его содержание — с учётом оборотных средств — отводилось около десяти тысяч рублей. Срок обучения в училище первоначально был определён в три года.

Ко второму разряду садовых училищ были отнесены Пензенское, Екатеринославское, Бессарабское и Астраханское училища, целью которых было образование практических садовников и огородников. Наконец, в третьем

разряде числились садовые питомники, предназначавшиеся для распространения садоводства в различных местностях, для содействия частной предприимчивости в садоводстве, для распространения хороших экземпляров деревьев и черенков лучших плодовых сортов. К началу 1854 года таковыми в России являлись Вольский, Константиноградский, Симферопольский, Воронежский, Орловский и Киевский питомники.

Особый статус получил располагавшийся на Южном берегу Крыма Императорский ботанический сад, учреждённый ещё в 1812 году по предложению герцога Ришельё, и занимавший девяносто одну десятину земли. По положению 1844 года он превращался в практическую базу для воспитанников Главного училища садоводства и для акклиматизации растений южных стран.¹³²

Засушливый климат одесского региона не способствовал развитию садоводства, что стало основной причиной перевода Главного училища садоводства из Одессы в Умань, на что был издан — 30 марта 1859 года — указ императора Александра II; по этому же указу в ведение училища был передан парк «Софиевка» («Царицын Сад»), переименованный в «Уманский сад Главного училища садоводства».

Собственно переезд училища состоялся 17 августа (2 сентября) 1859 года. Из городского земельного фонда училищу поначалу выделили 122 гектара земли, затем в 1861 году добавили ещё 42 гектара. В 1863 году училищу передали — как научно-практическую базу — остатки Грекова леса, в это же время к нему был подведён водопровод из села Войтовки, длиной в пять вёрст. С учётом принятия на баланс «Царицына сада» в училище было введено преподавание лесоводства.

«Итак, Главному училищу садоводства предстояло переселение на новые места и устройство по новому положению. 16 августа 1859 года со своим имуществом, служащими и учениками выступило из Одессы и 2 сентября прибыло в Умань. Пред очарованными взорами молодых садоводов предстали неподражаемые по своему изяществу виды Царицына сада; но опытный глаз руководителя училища заботливо останавливался на ветхих и непригодных для училища строениях, в которых прежде помещались кантонисты, и на пустырях, окружавших парк.

Требовалось не мало лет, чтоб обстроиться, как следует, и создать необходимые учебные пособия по плодоводству и лесоводству, соответствующия парку, как идеальному образцу декоративного садоводства.

Училище бодро приступило к этим устройственным трудам в обширных владениях Царицына сада, которые были свыше 122 десятин и в 1861 году ещё увеличились на 43 дес. 1739 кв. саж., вследствие прирезки, по Высочайшему повелению от 25 января 1861 г., участка городской земли, смежного с училищной усадьбой. В течение первых 3-4 лет по переводе училища в Царицын сад были отстроены два каменные здания: одно для пансиона и классов, другое для квартиры директора и для помещения училищных музеев и кабинетов; в то же время были составлены и отчасти приведены в исполнение: план садового хозяйства и план лесоразведения на свободных участках Царицына сада. Последний проект, впрочем, был отменён в 1863 г., в виду присоединения

к владениям училища «Грекова леса» — отдельной лесной дачи Министерства Государственных Имуществ пространством в 67 д. 1782 кв. саж.»¹³¹

Скоро обнаружившаяся коммерческая несостоятельность садовых питомников, содержание которых требовало от казны значительных расходов, и безуспешные попытки сдать их в выгодную аренду вынудили Министерство государственных имуществ постепенно, с 1863 по 1867 год, приостановить их работу. В конце 1865 года для более полного обсуждения мер по улучшению устройств садовых заведений была образована комиссия под председательством исполняющего обязанности директора Санкт-Петербургского ботанического сада Рудольфа Эрнестовича Раутфеттера. Комиссия эта, предполагая двоякую цель садовых заведений — подготовку садовников-учёных и садовников-теоретиков, — предложила вместо трёх градаций садовых учебных заведений оставить только две: училища садоводства и садовые питомники.

К первым комиссия предложила отнести, прежде всего, Главное училище садоводства в Умани и Пензенское училище садоводства. Для образования садовников-практиков были назначены прежние Воронежский и Орловский питомники, а также Никитский ботанический сад и Бессарабское училище садоводства. Исполнение разработанных комиссией преобразований растянулось на полтора десятка лет, так как преимущественное внимание уделялось Никитскому ботаническому саду с состоявшим при нём Магарачским училищем виноделия.

Исходя из новых условий и потребностей виноделия и садоводства в южном крае России, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор Павел Евстафьевич Коцебу (8 мая 1868 года) дал следующие директивы:

«Командировать ежегодно в Никитский сад из Уманского училища садоводства лучших воспитанников, завершающих курс, для окончательного и практического образования в садоводстве и виноделии, с целью управлять впоследствии, по выходе из заведения, большими частными виноградниками и садами и вводить необходимые улучшения в виноделии и садоводстве. С этой целью оставлять при Никитском саду тех воспитанников, которые будут продолжать занятия садоводством на 2 года, виноделием — на 4 года. По окончании же образования выдавать им дипломы учёных-садоводов и учёных-виноделов без предоставления каких-либо особых прав, кроме тех, которые были ими приобретены при воспитании в Уманском училище».¹³³

Одновременно при Никитском ботаническом саду вместо Магарачского училища виноделия и Никитского училища садоводства низшего разряда было образовано, на правах училища второго разряда, общее Никитское училище садоводства и виноделия для образования в нём садоводов и виноделов-практиков. В штат вновь созданного училища были введены должности садовода и винодела-химика (с жалованьем в 1000 рублей годовых для каждого), должностными инструкциями им вменялось «... введение в южном крае улучшенных приёмов по садоводству и виноделию и преподавание бывшим воспитанникам Уманского училища садоводства естественных наук и теории садоводства и виноделия».

По схеме связки Уманского и Никитского училищ образовывался известный российский винодел Николай Викентьевич Винцентини. Окончив в 1874 году Уманское училище земледелия и садоводства и получив звание «учёного садовника», он ещё два года набирался практических навыков в отделении виноделия Никитского училища. Затем преподавал ботанику, садоводство и виноградарство в Бессарабском училище садоводства, а с начала 1878 года стал директором этого училища. В 1890-1891 годах он был командирован в богатые виноградниками районы Германии и Франции, где ознакомился с процедурами как технологическими, так и учебными в области производства высококачественного вина. По его инициативе подведомственное ему училище в Кишинёве было реорганизовано в училище виноделия, со временем превратившееся в крупнейшее в России заведение своего профиля. За заслуги перед городом Николаю Викентиевичу Винцентини было присвоено звание «Почётного гражданина Кишинёва».

(К слову, правнучка знаменитого винодела Ксения Максимилиановна Винцентини была женой — с 1932 по 1949 год — Сергея Павловича Королёва.)

Часть вторая. Училище земледелия и садоводства

После почти четверти века существования училища его педагогическая тематика расширилась за счёт прибавления к ней науки «земледелие», которая, как и наука «садоводство», активно развивалась в России с конца восемнадцатого века. Первая «практическая школа земледелия» появилась в городе Павловске (под Петербургом) в 1797 году. На трёхлетний курс обучения в ней принимались студенты Московского университета, питомцы воспитательных домов и духовных семинарий, дети священников и казённых крестьян.

В 1822 году в пригороде Москвы Голицыне тамошним обществом сельского хозяйства была открыта «земледельческая школа» с опытным хутором, в которой были организованы два двухлетних курса: один — для подготовки конторщиков, другой — для подготовки землемеров, сельских архитекторов, приказчиков и управителей. Поначалу в эту школу принимали детей помещиков, а с 1835 года — и лиц других сословий. В 1862 году земледельческие училища были открыты в Казани (при учебной ферме возле города) и в Николаевском городке Саратовской губернии (Мариинское училище), оба с трёхлетним курсом обучения; в 1868 году эти два училища были преобразованы в пятиклассные.

В 1868 году Главное училище садоводства в городе Умани было преобразовано в «училище земледелия и садоводства», с шестилетним сроком обучения. Наплыв абитуриентов во вновь преобразованное училище был большим (в 1876 году — 227 человек), что вызвало издание распоряжения об ограничении приема учеников (к примеру, в 1894 году в нём числилось уже 128 слушателей).

В 1869 году из Петербурга в Умань для производства строительных работ был откомандирован Роберт Людвигович Першке, сверхштатный сотрудник Департамента земледелия Министерства государственных имуществ. За десять лет работы в училище им были выстроены хозяйственные помещения, дом для службы директора и для главного садовника, была перестроена оранжерея.

В 1878 году было издано положение о земледельческих училищах в России, определявшее, в том числе, штат их преподавателей и вспомогательного персонала. По качеству и тематике преподавание в земледельческих училищах было поставлено на уровень преподавания в реальных училищах, с присоединением к прежде читавшимся предметам геодезии, растениеводства, животноводства и ветеринарии, сельскохозяйственной экономики со счетоводством, сельскохозяйственной технологии, учения о земледельческих машинах и орудиях с изложением основ механики, сельского строительного искусства и краткого курса юриспруденции. Все читаемые предметы были обеспечены соответствующими учебниками. Принимались в училище лица, окончившие курс уездных городских или двухклассных сельских училищ или же выдержавшие экзамены из предметов, читаемых в первых двух классах реальных училищ. Выпускники земледельческих училищ получали звание личного почётного гражданина.

(«Почётный гражданин» — это сословие в Российской империи, особый привилегированный класс городских обывателей, составлявший тонкую прослойку между дворянством и купечеством. Почётное гражданство было двух родов: личное, распространявшееся только на данное лицо и его жену, и потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи. Оба вида гражданства приобретались по праву рождения или усыновления; путём удовлетворения просьбы о причислении к почётному гражданству; путём причисления по особым представлениям соответствующих министров, как в случае успешных выпускников Уманского училища земледелия и садоводства.)

Часть третья. Немного о директорате

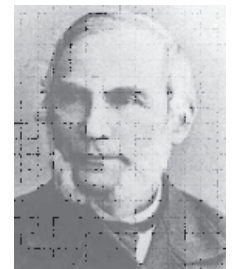

В 1863 году директором училища был назначен Николай Иванович Анненков. Ранее он, выпускник философского факультета Московского университета 1844 года, некоторое время преподавал географию и ботанику в средних учебных заведениях; был инспектором (заместителем директора), потом директором земледельческой школы общества сельского хозяйства в Москве, откуда был переведён к новому месту службы в Умань. В российской науке Николай Иванович Анненков прославился как выдающийся ботаник, автор научных работ по флористике, вопросам фенологии и акклиматизации растений, лесоводству. Им был издан в 1851 году первый в России гербарий Московской губернии, содержащий около восьмисот видов растений.

До настоящего времени не потерял научного и прикладного значения его «Ботанический словарь» (первое издание — в 1859 году, второе, дополненное — в 1878 году). В нём автор привёл все существующие названия растений, в том числе библейские и знахарские, их древние именованья у античных авторов — Гомера, Гесиода, Теофраста, Диоскорида, Плиния; их звучание на латинском, русском, французском, немецком, английском, польском, чешском, сербском, лужицком, болгарском языках и языках других славянских народов и народностей России. При этом, для каждого растения указано его место в системе ботанической науки, родина и другие названия-синонимы, употребление в медицине, технике, фармации и в быту. Директорствовал в Уманском училище Николай Иванович Анненков до 1875 года, когда вышел в отставку по состоянию здоровья и, передав бразды правления Михаилу Степановичу Барановскому, уехал на лечение за границу. Позже он поселился в Санкт-Петербурге, где и умер 9 (21) августа 1889 года, в возрасте семидесяти лет.

«С именем известного русского ботаника Николая Ивановича Анненкова связана третья эпоха в истории Уманского училища, почти совпадающая с периодом самых крупных реформ шестидесятых годов. Гуманитарное направление этих, незабвенных в русской истории, лет не могло не отразиться на личности столь просвещенного человека, каким был директор Уманского училища, и оно действительно сказалось в том изысканном внимании и такте, которые были внесены новым директором в его отношении к учащим и учащимся. А отсюда само собой вытекало сильное нравственное влияние руководителя училища на молодёжь, — влияние, которое не стиралось временем и спустя много лет сказывалось в воспоминаниях бывших питомцев Уманского училища...»¹³¹

В 1881 году с должности директора Мариинского земледельческого училища (что в Саратове) на должность директора Уманского училища земледелия и садоводства был переведён Яков Николаевич Калиновский. Выходец из богатой дворянской семьи, владевшей обширными имениями на юге России, он свой жизненный путь — как специалист — начинал медиком, получив соответствующее образование в Харьковском университете. Быть врачом оказалось не по характеру чувствительного к чужой физической боли Якова Николаевича, посему, прослужив не более года военным врачом в Кронштадте, он бросил медицину и (в 1838 году) отправился на поиски новых житейских ощущений за рубеж. Там он серьёзно увлёкся естественными науками, объехал ряд известнейших сельскохозяйственных школ и академий в Германии, Бельгии, Швейцарии, подолгу задерживаясь в них (как прилежный слушатель лекций по сельскому хозяйству и животноводству), и в 1845 году, в Галле-Виттенбергском университете защитил диссертацию, за которую был удостоен звания доктора философии.

Вернувшись в Россию, доктор Калиновский получил назначение профессором сельского хозяйства в Демидовский лицей, в Ярославле; там же, в 1847 году, защитил магистерскую диссертацию, называвшуюся «О наружных признаках рогатого скота относительно

его способности к работе, молочности, откармливанию на мясо и приплода». В 1853 году он перевёлся в Московский университет профессором кафедры сельского хозяйства.

В 1871 году по достижении двадцатипятилетней выслуги лет Яков Николаевич Калиновский вышел в отставку и занялся практической работой в сельскохозяйственной сфере — руководил крупными имениями в Тульской, Саратовской и Пензенской губерниях.

Уманское училище земледелия и садоводства

Директор — (вакансия). *Инспектор* — н. с. Павел Григорьевич Анциферов. *Учители: математики* — к. сов. Дмитрий Сергеевич Чириков, *сельского хозяйства* — к. сов. Дмитрий Семёнович Леванда, *естественных наук* — н. с. Вильгельм Александрович Поггенполь, *географии, технологии и строительного искусства* — н. ч. Павел Артемьевич Загорский, *русского языка* — тит. с. Владимир Александрович Долбин. *Законоучитель* — свящ. Фёдор Степанович Соловьёв. *Учители: садоводства* — (вакансия), *немецкого языка* — н. ч. Франц Андреевич Шаер, *черчения и геодезии* — н. сов. Алексей Алексеевич Сердобинский. *Надзиратели и репетиторы*: н. ч. Илья Дмитриевич Соколов, н. ч. Дмитрий Иванович Юницкий, н. ч. Порфирий Иванович Быковский. *Лаборант (он же шелковод)* — н. ч. Юлиус Робертович Ланцкий. *Врач училища* — н. с. Викентий Игнатьевич Квятковский. *Письмоводитель и бухгалтер* — к. р. Артемий Герасимович Резников. *Смотритель Царицына сада* — к. а. Платон Юрьевич Фанфагутов.

(Из «Памятной книжки Киевской губернии за 1885 год»).

В 1879 году профессор Калиновский вернулся к преподавательской работе и был назначен директором Мариинского училища земледелия, после него, в 1881 году, — директором Уманского училища земледелия и садоводства. В 1884 году по достижении семидесятилетнего возраста и в связи с ухудшением зрения Яков Николаевич Калиновский окончательно вышел в отставку; скончался он в 1903 году.

После ухода из училища профессора Калиновского должность директора некоторое время оставалась вакантной, а в 1885 году её занял коллежский советник Дмитрий Семёнович Леванда.

(Гражданский чин Леванды относился к Шестому классу Табели о рангах, он был выше Седьмого класса чина Анциферова; правда, к исходу дней своих старинные друзья-приятели были в одинаковом чине Четвёртого класса — действительного статского советника. Из «Памятной книжки Киевской губернии за 1885 год» видно, что в училище в это время были также коллежский советник, чин Шестого класса; коллежский асессор, чин Восьмого класса; титулярный советник, чин Девятого класса; коллежский регистратор, чин Четырнадцатого класса; нижние чины — вольноопределяющиеся из числа армейских призывников, имевшие определённый образовательный ценз для того, чтобы добровольно выбрать обязательную службу на льготных условиях вместо возможного призыва по жребию на общих условиях.)

К сожалению, в печатных и электронных публикациях не так уж много сведений о научно-преподавательской и административной деятельности

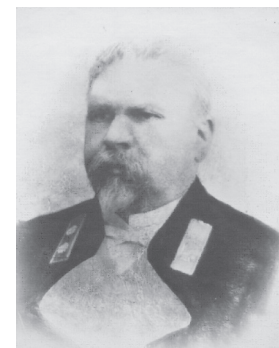
Леванды, хотя сам факт непрерывного двадцатилетнего директорствования свидетельствует о нём как об успешном руководителе. Известно, что в 1878 году он преподавал в училище счетоводство; что, став директором училища, он приложил немало усилий по введению в нём в 1896 году курса «Лесоводство» и для обеспечения его практической базой организовал обустройство дачи «Греков лес» и «Белогрудовской лесной дачи».

Основным источником сведений о Дмитрии Семёновиче Леванде является книга Николая Павловича Анциферова «Из дум о былом». Из неё, в частности, можно узнать, что где-то в середине семидесятых годов девятнадцатого столетия два молодых учителя, выпускники столичного Земледельческого института Дмитрий Семёнович Леванда и Павел Григорьевич Анциферов приехали «по распределению» в Умань, в училище земледелия и садоводства. Приехали молодожёнами: женою Леванды была Мария Максимовна Петрова, женою Анциферова — Екатерина Максимовна Петрова. С молодыми семьями из Петербурга приехали две «старушки Кононовы», крёстные матери сестёр Петровых, сызмальства им сопутствовавшие, за ними ухаживавшие.

Два друга, синхронно начавшие педагогический путь, синхронно поднялись — с разницей в одну ступень — по служебной лестнице. Прежде назначения Леванды в 1885 году директором училища Анциферов уже в 1878 году был его инспектором и таковым оставался до 1891 года. Если ориентироваться на воспоминания его сына, на его первые — смутные, но безусловные — ощущения земного существования, то можно заключить, что в начале девяностых годов девятнадцатого века Павел Григорьевич Анциферов с семьёй жил в одном доме с семейством Леванда — занимал в директорском особняке квартиру, полагавшуюся инспектору училища.

Позже, сравнивая стиль жизни в директорском доме при Софиевском парке со стилем жизни в аналогичном доме при Никитском ботаническом саде, Анциферов-младший отдал явное предпочтение первому:

«Когда я сравнивал наш дом с домом маминой сестры, я не мог не видеть разницы. Там была вечная суматоха, в строе жизни не было ничего чинного. Еды и питья — море разлитое. В том доме было больше жизни. Дети

Уманское училище земледелия и садоводства, выпуск 1881 года.

Сидят в среднем ряду: первый — В. А. Поггенполь, второй — Д. С. Леванда; четвёртый — М. С. Барановский, директор; седьмой — П. Г. Анциферов.

*маминой сестры — Маруся и Митя — вносили много молодого шума. Тётя Маша любила принимать гостей, и мне казалось, что двери софиевского дома не затворяются».*²

В 1891 году после более полутора десятка лет совместной работы в Уманском училище друзья-аграрии расстались — Павел Григорьевич Анциферов получил назначение директором Никитского ботанического сада и винодельческого училища при нём, располагавшегося в посёлке Магарач, и покинул Умань.

*«Итак, Софиевка ушла в прошлое. Я детским инстинктом ощущал, что и отец мой, и моя мать чувствуют себя здесь, в Крыму — на чужбине, что они грустят о милой Софиевке».*²

На новом месте новому директору больше пришлось решать проблемы учебные, чем вопросы планирования и развития исследовательских работ.

Как указывают источники, денег на науку с 1880 года в бюджете ботанического сада было ничтожно мало. Выручали доходы Магарачского винодельческого заведения; в опытно-показательной дегустации его вин старой выдержки (пятидесяти лет и более), организованной в конце апреля 1892 года, Николай Павлович Анциферов принял участие вместе с князем Львом Сергеевичем Голицыным, главным виноделом Удельного ведомства. (*«Он ведал училищем, парком, виноградниками Магарача. Ему приходилось быть не только директором и вы-*

*полнять служебные обязанности, но становиться и миротворцем во всех областях быта. Его называли „красным солнушком“».*²)

В 1894 году назначенный директором вновь созданного Департамента земледелия при Министерстве земледелия и государственных имуществ Павел Андреевич Костычев (выходец из крепостных, выдающийся русский почвовед) привлёк Павла Григорьевича Анциферова к работе в комиссии по коренной перестройке сельскохозяйственных школ всех ступеней; в частности, для средних сельскохозяйственных училищ решался принципиальной важности вопрос — готовить не управителей имений, а специалистов для самостоятельной практической деятельности, сельских хозяев, инструкторов, учителей. (Павлу Андреевичу Костычеву эту работу завершить не удалось — он умер в 1895 году, в возрасте пятидесяти лет; новое положение о сельскохозяйственных училищах было принято уже без него, в 1904 году.)

«Никитский сад посещали „высокие гости“. Помимо разных министров, сюда приезжали, если мне не изменяет память — и Победоносцев и Иоанн Кронштадский... Приезжали сюда и ученые, писатели. Рассказывали о приезде А. П. Чехова...»

Гостили у нас в доме и родные: папин племянник Н. М. Сибирцев, папины родственники Курбатовы (отец и сын) и семья мамыной сестры Леванда...

Среди наших гостей наиболее колоритной фигурой был князь Голицын — высокий и рослый толстяк, владелец знаменитых виноградников и прекрас-

*ный ценитель вин. Он славился необычайной щедростью и независимостью. За какую-то смелую выходку (помнится, пощёчина петербургскому градоначальнику) сидел в Петропавловской крепости. Это был феодал, не терпевший бюрократическо-полицейской монархии с её чиновничеством и лакейством».*²

Подружился Павел Григорьевич Анциферов с Фёдором Тимофеевичем Штандеевым, известным в Ялте общественным деятелем, врачом-климатологом; объединяло их общее увлечение языком эсперанто, оба они были подписчиками на эсперанто-журнал, издававшийся в Нюрнберге. Возможно, не раз встречались они у доктора Ильи Давидовича Островского (лечившего Антона Павловича Чехова), страстного пропагандиста искусственного международного языка, превратившего свою виллу на берегу моря в клуб эсперантистов.

Среди *«Всемиловейшее награждённых 14 мая 1896 года»* сотрудников Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, как отметили *«Известия»* этого ведомства, был и директор Императорского Никитского сада и Никитского училища садоводства и виноделия Павел Григорьевич Анциферов, переведённый из Статских Советников в Действительные Статские Советники..

В Крыму Анциферовы прожили шесть счастливых лет; здесь прошли лучшие годы детства изначального у отпрыска счастливой семейной пары — с походами в горы, с купанием в море, с природоведением на открытом воздухе под началом отца, с общением с неординарными гостями родительского дома, с особым свойством сближением двух единокровных мужчин — маленького и взрослого, — после которого светлый образ отца навсегда запечатлелся в памяти сына: *«Роста он был среднего, коренастый, держался прямо. Его высокий и выпуклый лоб был очень светел и чист. Щёки с нежным румянцем, а глаза — синие, ясные, именно лучистые. Он носил широкую окладистую бороду каштанового цвета, слегка вившуюся на щеках»*².

В 1897 году в семью пришла беда — тяжело заболел Павел Григорьевич; попытка спешного лечения за границей оказалась безрезультатной.

*«Когда в 1897 году мой отец заболел, мы выехали всей семьёй за границу для его лечения. Проездом останавливались у родных в Софиевке. И на обратном пути мы снова задержались на моей родине. Здесь, в том доме, где я родился, умер папа».*²

Скончался Павел Григорьевич Анциферов 18 ноября 1897 года и был похоронен неподалёку от училища, на кладбище Софиевской слободки. До лета 1898 года мать и сын Анциферовы прожили в семье Леванды, затем уехали к родственникам в Новоалександрию. Позже, в 1899 году, они поселились — более чем на десять лет — в Киеве, откуда (в 1900 и 1904 годах) взрослеющий Николай Анциферов приезжал на свою малую родину, останавливаясь в семье директора Уманского училища земледелия и садоводства.

Обстановка в Умани в первые годы нового века была беспокойной; парк «Софиевка» стал местом нелегальных собраний рабочих города, студенче-

ских собраний. В 1901 году в воинскую часть, дислоцированную в Умани, прибыли служить солдатами 183 студента Киевского политехнического института, отчисленные правительством за «смутьянство».

В летние каникулы 1902 года по инициативе революционно настроенных учеников Уманского училища в Харькове состоялся подпольный съезд воспитанников средних земледельческих училищ. С началом учебного года уманские инициаторы и делегаты этого съезда устроили «бузу» в стенах alma mater, после чего двенадцать бузотёров были отчислены из училища. Через неполных два года, в 1904 году в Софиевском парке нелегально отметили Первомайские праздники рабочие уманских типографий. Всё это подвело законопослушного Дмитрия Семёновича Леванду к грани нервного срыва, опасаясь которого он в 1905 году подал в отставку и — после более тридцати лет работы в Уманском училище земледелия и садоводства — навсегда покинул любимый им город, дорогую ему Софиевку.

Одну из последних встреч с Дмитрием Семеновичем Левандой в Петербурге, в феврале 1908 года, Николай Павлович Анциферов описал в своей книге:

«Мы остановились на Кадетской линии Васильевского острова, у своих родных Леванда. В узком высоком доме ютилась большая семья. Как всё здесь не походило на широкий радушный быт Софиевки! Изменились и люди. Дядя Митя сильно постарел. Он уже не был центром семьи. Покинув Софиевку, он хирел, жался в сторону от жизни. Время его прошло.»

*Я любил дядю, этого цельного, честного, трудолюбивого служаку, любил и тётю, жизнерадостную, общительную, беспечную. Дороги мне были и воспоминания об их доме в Софиевке, где я родился. Они жили в нём, как помещики, на широкую ногу. Дом был открыт для званых и незваных. Дядя Митя любил парк, как свой сад, горячо принимал к сердцу все невзгоды. Теперь он вырван из родной почвы. События 1905 года заставили дядю покинуть Софиевку. Он был хозяином и хотел им остаться... В казённом Петербурге, с его чиновничьем, дяде Мите, гордому и непреклонному, было не по себе. Он тяжело дышал в чуждом мире, как рыба, брошенная на сушу».*²

О дальнейшей судьбе Дмитрия Семёновича Леванды, шестого директора Уманского училища земледелия и садоводства, ничего не известно. Можно предположить, что окончил он дни свои в северной столице. Его сын, также Дмитрий (родившийся в 1884 году, в Умани), окончил Морской корпус в Петербурге, в 1903 году. В Белых войсках Северного фронта в 1918 году он был флаг-капитаном по распорядительной части штаба флотилии Северного Ледовитого океана. После поражения Белого движения эмигрировал в Польшу, жил в Варшаве, где скончался в 1931 году. Судя по всему, жена его Надежда Николаевна осталась в России; известно, что их сын Николай, 1908 года рождения, жил на Украине, в Донецкой области и умер в 1997 году.

Могила Павла Григорьевича Анциферова существовала, пока существовало кладбище на Софиевской слободке в Умани. Праху отца, во время приезда на малую родину в 1937 году, смог поклониться — вместе со своей второй

женой — его сын. (*«На сельском кладбище в буйно разросшейся траве мы нашли и могилу моего отца. Обелиск из чёрного лабрадора был сброшен. Но цоколь остался на своём месте. На нём сохранилась и надмогильная надпись».*²)

Начальная школа номер девять, в которой привелось мне усваивать азы знаний в начале пятидесятих годов ушедшего века, располагалась возле этого — тогда действующего — кладбища. Не раз не два бродил — малолетний и очень любознательный — среди могил старой части кладбища, вчитываясь в надписи на многочисленных, преимущественно гранитных, надгробных памятниках. Своим зыбким, только формирующимся разумом начинал догадываться тогда, что эти старинные, обозначенные скорбными монументами, могилы — неотъемлемая часть прошлого города, тех людей, которые жили, живут и будут жить в нём; что они — святы и неприкосновенны.

На исходе первого десятилетия нынешнего века вместе с младшим братом целенаправленно приехали на нашу малую родину. Зашли в мою «начальную» школу, в которой учился шесть десятилетий тому и в которой ныне вместе с прекрасным педагогическим коллективом блистательно директорствует Ирина Ивановна Тенц, традиционно по-доброму пообщались с нашими новыми друзьями.

Затем отправились на соседствующее со школой старинное Софиевское кладбище, надеясь разыскать могилу Павла Григорьевича Анциферова. *«Распалась связь времён».* От увиденного остолбенели. Кладбище как такового не было, давно отутюженное ножом бульдозера оно представляло собой унылую равнину, покрытую цепью едва приметных бугорков. Надгробные памятники, сметённые той же механической силой, лежали в беспорядочном нагромождении в дальнем углу бывшего погоста. Среди них, к нашему превеликому удивлению, мы обнаружили часть надгробия Павла Григорьевича Анциферова.

«...неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности».

(Александр Сергеевич Пушкин)

Часть четвёртая. Лучшие педагоги и ученики

Вильгельм Александрович Поггенполь. Тридцать лет жизни отдал Уманскому училищу земледелия и садоводства Вильгельм Александрович Поггенполь, потомок обрусевших немцев, родившийся 18 сентября 1854 года, в Минске, в семье надворного советника. Окончив в 1876 году Санкт-Петербургский земледельческий институт, он некоторое время практиковался в свекловичном хозяйстве при сахарном заводе на Тамбовщине. В 1878 году получил кандидатскую степень за работу «Возделывание картофеля» и был направлен на работу в Уманское учили-

ще земледелия и садоводства. На первых порах преподавал физику, химию, ботанику, метеорологию, был библиотекарем училища.

В 1885 году Вильгельм Александрович Поггенполь возглавил метеорологическую станцию, начавшую действовать в училище с началом учебного года (как станция первого класса второго разряда она была включена в сеть метеорологических станций Главной физической обсерватории).

На первых порах станция фиксировала и обрабатывала только метеорологические данные, а с 1886 года на ней начали проводиться (по специальной программе исследований) работы по изучению фенологии деревьев и кустарников, дикорастущих и культурных растений Софиевского парка, по изучению всех фаз роста (от посева до сбора урожая) злаковых культур, выращивавшихся на опытном поле училища.

Некоторые, наиболее важные результаты метеорологических и фенологических наблюдений Вильгельм Александрович публиковал в «Метеорологическом вестнике» (в нём печатались обзоры погоды за каждый истекший месяц для всей территории европейской части России), некоторые — в немецких издательствах Фридберга, Дармштадта. В 1887 году Поггенполь был избран действительным членом Петербургского общества естествоиспытателей, в 1888 году — член-корреспондентом Главной физической обсерватории; был награждён серебряными медалями Русского географического общества (в 1888 году) и Российского общества садоводов (в 1893 году).

За труды усердные в сфере сельского хозяйства и метеорологии (прежде всего, за экспозицию Уманского училища земледелия и садоводства, представленную Вильгельмом Александровичем Поггенполем на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 года, в Нижнем Новгороде) ему был присуждён диплом Первого разряда. Отмечен был педагог из Умани и правительственными наградами, орденами: в 1889 году — Св. Станислава 2-й степени, в 1892 году — Св. Анны 2-й степени, в 1899 году — Св. Владимира 4-й степени.

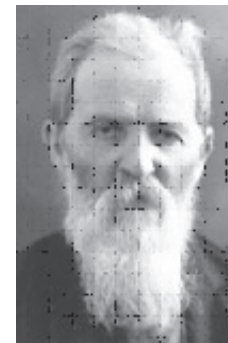
В 1891 году Вильгельм Александрович был назначен инспектором Уманского училища и в должности этой проработал до 1907 года, до назначения исполняющим обязанности директора только открывшегося Новочеркасского сельскохозяйственного училища. Незадолго до переезда он успел обработать фенологические наблюдения за 1886 — 1907 года и опубликовать их в журнале «Acta Phaenologica». Позже, уже будучи инспектором Донского училища, Поггенполь открыл при нём — в 1912 году — вторую в своей жизни метеорологическую станцию. После преобразования училища в институт продолжал преподавать в нём, вести обширную научную работу, вплоть до своей смерти, последовавшей 4 июля 1938 года, в Новочеркасске.

Известно, что Вильгельм Александрович Поггенполь был женат на Марии Михайловне (Марии Софии Луизе), дочери симферопольского купца первой гильдии Михаила Ивановича Ланицкого и Елизаветы (Эльзы) Филипповны, урождённой Бокариус. От брака этого родились в Умани пятеро детей, имена трёх из них известны — Освальд, Орест, Сергей.

Известно также, что активно содействовал работам Вильгельма Александровича Поггенполя выпускник Уманского училища 1881 года Юлиус Роберт

тович Ланцкий, работавший после выпуска смотрителем Софиевского парка под началом Василия Васильевича Пашкевича, а с 1891 года занимавший в нём должность главного садовника

Василий Васильевич Пашкевич. Выдающийся учёный-садовод Василий Васильевич Пашкевич внёс новое направление в жизнь Софиевского парка, сделав его местом экспозиции экзотических видов растений, питомником их интродукции; после него Софиевка стала именоваться «дендропарком». Родился он в 1857 году в Белоруссии; там окончил духовную семинарию, затем поступил в Петербургский университет, учёбу в котором успешно завершил в 1882 году, получив степень магистра естественных наук. Далее изучал садоводство и виноградарство в Германии и Швейцарии.

В Уманском училище земледелия и садоводства Пашкевич работал с апреля 1885 года по январь 1892 года; преподавал специальные предметы и заведовал парком, в котором (в 1890 — 1891 годах) на площади двух гектаров создал Английский парк (или Абoretум — древесный питомник).

При училище Василий Васильевич Пашкевич заложил помологический сад с большим количеством сортовых яблонь, груш, слив, вишен, черешен и специализированный учебный сад, в котором будущие садоводы обучались обрезке плодовых деревьев и ягодных кустов; создал технологическую базу для переработки плодов и овощей. По инициативе Василия Васильевича Пашкевича в Киевской губернии впервые начали культивировать виноград как промышленную культуру.

Прожил Пашкевич жизнь настоящего учёного-исследователя, оставив после себя свыше трёхсот работ по различным вопросам садоводства. Скончался он в Ленинграде в 1939 году.

Иосиф Конрадович Пачоский. Видный ботаник Иосиф Конрадович Пачоский родился 8 декабря 1864 года в Белогородке Заславского уезда Волынской губернии. Учился в реальном училище города Ровно, из которого вскоре перешёл в Уманское училище земледелия и садоводства. За время учёбы собрал большой гербарий, часть которого (из семисот видов растений) он подарил училищу, другую, большую часть, передал Киевскому обществу естествоиспытателей, членом которого он стал в 1887 году. Первым учителем ботаники Пачоского в Умани был Владислав Яковлевич Скробишевский, до 1885 года — главный садовник парка «Софиевка» (позже — ботаник Никитского ботанического сада). Свою признательность учителю Иосиф Конрадович выразил, назвав новый для науки вид растения «Ракитником Скробишевского».

После окончания уманского училища Пачоский работал лаборантом в Киевском университете, который закончил в 1894 году. Далее, до 1897 года,

работал ассистентом кафедры ботаники в высшей школе земледелия в городе Дубляны (под Львовом). С 1897 года он — главный энтомолог Херсонской губернии и в должности этой проявил себя выдающимся зоологом. Про его совету в 1898 году был открыт заповедник Асканья-Нова. В нём он много работал как учёный-исследователь, а в июне 1917 года распоряжением Временного правительства был назначен комиссаром заповедника.

В сентябре 1925 года, видимо, из-за боязни быть репрессированным по случаю обострения советско-польских отношений, Пачоский переехал в Польшу, где получил в заведование заповедник Беловежская Пуща. С 1928 года и почти до конца своей жизни занимал кафедру систематики и географии растений Познаньского университета. Умер от паралича сердца в годы фашистской оккупации, 14 февраля 1942 года, не пережив потрясения, вызванного гибелью двух его сыновей — участников движения Сопротивления.

Александр Николаевич Челинцев. Известный экономист-аграрник, учёный с широким научным кругозором, нестандартным мышлением, основатель «организационно-производственной школы» русской аграрной науки, Александр Николаевич Челинцев с 1906 года по 1908 год преподавал в Уманском училище земледелия и садоводства. Родился он в городе Вольске Саратовской губернии в семье торгового служащего. Завершил в 1895 году курс аграрных наук в Мариинском среднем училище земледелия и после года воинской службы рядовым был уволен в запас. Далее, с 1896 по 1900 год Челинцев совмещал работу статистом в земской управе с учёбой в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства; окончив его экстерном, получил звание агронома первого разряда.

В ноябре 1900 года Александр Николаевич вернулся в Мариинское училище, где был назначен на должность учителя экономии, технологии, огородничества и садоводства. Активно занимался исследовательской работой, подготовил к публикации первые работы по садоводству, которые были достойно оценены специалистами и стали основанием для командирования молодого учёного, в 1904 году, в Германию и Францию.

После двух лет основательного изучения декоративного садоводства в высших школах Далема и Версаля Челинцев в 1906 году вернулся в Россию и получил назначение в Уманское училище садоводства и земледелия. Помимо преподавания курса садоводческих наук он был библиотекарем училища и к своему отъезду из Умани в 1908 году успел составить и отпечатать в городской типографии полный каталог училищной библиотеки.

В 1908 году Александра Николаевича Челинцева избрали доцентом по садоводству, а в 1913 году — профессором организации и экономики сельского хозяйства в Ново-Александрийском институте, который с началом первой мировой войны был эвакуирован из Польши в Харьков. В эти годы им были написаны и опубликованы работы по организации и функционированию кре-

стьянского хозяйства, его производства и потребления, хозяйственного оборота и бюджета, роли кооперации в сельскохозяйственном производстве.

После революции, в 1920 году, по договору с посольством Сербии Александр Николаевич Челинцев переехал в Белград, где читал на сербском языке лекции по сельскохозяйственной статистике и организации сельского хозяйства. С переездом в Чехословакию, в 1923 году, он продолжил преподавательскую работу в Пражском сельскохозяйственном институте — читал лекции по сельскохозяйственной географии и плодоводству, изучал на практике суть проводившейся в стране аграрной реформы.

В 1925 году по приглашению советского правительства Челинцев возвратился на родину и до 1930 года работал в высших административных сельскохозяйственных органах, продолжая при этом активно заниматься преподавательской и научной работой. Втянулся он в эти годы в обсуждение и разработку вариантов социалистических преобразований в деревне, в работу по организации аграрного сектора экономики страны. Вместе с Александром Владимировичем Чаяновым, Николаем Дмитриевичем Кондратьевым (с 1908 года некоторое время учившемся в Уманском училище садоводства и земледелия), он живо обсуждал вопросы формы и типа социального развития советской деревни, что скверно «аукнулось» всем троем. В августе 1930 года Александр Николаевич Челинцев был арестован по делу так называемой Трудовой Крестьянской партии и выслан на три года в Воронеж, где два года работал агрономом на опытной сельскохозяйственной станции.

В 1932 году с Челинцева были сняты обвинения, он вернулся в Москву к административной и научной работе. Перед войной занимался проблемами бахчеводства, карликового плодоводства, освоения новых земель под пашню в нечернозёмной полосе. После войны основное внимание уделял проблемам плодоводства, размещения консервных заводов и организации сырьевых баз для них. В 1945 году защитил кандидатскую диссертацию «Урожай и урожайность». Трагически погиб в 1962 году.

Михаил Елевферьевич Ткаченко. Сын агронома из Харьковской губернии, 1878 года рождения, один из наиболее выдающихся деятелей лесохозяйственной науки первой половины двадцатого столетия, автор мирового уровня учебника «Общее лесоводство» Михаил Елевферьевич Ткаченко начальное лесотехническое образование получил в Уманском училище земледелия и садоводства в 1900 году. Далее он обучался в Санкт-Петербургском лесном институте, по окончании которого как лучший выпускник был зачислен на два года стипендиатом высшего оклада (в нынешнем разумении — аспирантом) по кафедре лесной таксации и лесоустройства для подготовки к профессорской деятельности.

В 1908 году уже как ассистента этой кафедры Михаила Ткаченко командировали на один год за границу для изучения лесного хозяйства и лесоводства в Германии. По возвращении в Россию он был зачислен в Лесной специальный комитет Лесного департамента, поначалу в должности старшего таксатора, а затем — заведующим лесным бюро по открытиям и изобретениям. В 1911 году Ткаченко вновь был командирован за границу — в Соеди-

нённые Штаты Америки и Канаду, где два года изучал лесное хозяйство этих стран; вернувшись, подготовил и опубликовал ряд аналитических публикаций об увиденном.

В 1919 году Михаил Елевферьевич Ткаченко был избран профессором частного лесоводства, а с 1921 года и до конца жизни работал заведующим кафедрой общего лесоводства в Лесотехнической академии. В послереволюционные годы, прежде всего, его интеллектом специалиста, его усилиями разрабатывалась и определялась лесная политика страны. Он был организатором и участником многочисленных экспедиций по решению конкретных региональных лесных проблем, его постоянно беспокоила судьба лесов Европейского Севера России. Он впервые в истории лесоводства научно обосновал теорию очистки лесосек, схему сплошных концентрированных рубок леса в многолесных районах; ему принадлежат ценные мысли о сочетании сельского и лесного хозяйства, научный анализ роли огня как фактора обновления леса.

Умер профессор Михаил Елевферьевич Ткаченко в декабре 1951 года в Ленинграде и был похоронен в парке Лесотехнической академии. Его могила с надгробным монументом из чёрного лабрадора всегда ухожена, всегда аккуратна и прибрана — благодаря заботам членов постоянно обновляющейся семьи молодых учёных лесоводов.

Павел Сидорович Мельниченко. Первым из списка выпускников училища садоводства, отмеченных впоследствии людской памятью, есть Павел Сидорович Мельниченко, закончивший своё садоводческое образование и получивший звание учёного садовника в 1857 году (за два года до переезда училища в Умань). В последующие десять лет он работал садовником в Никитском ботаническом саду, в помещичьих имениях Южного берега Крыма. В краеведческом музее курортного города Саки хранится письменная справка, выданная Павлу Сидоровичу владельцем имения Тессели, Михаилом Яковлевичем Раевским: *«Сим свидетельствую, что Павел Сидорович Мельниченко служил у меня управляющим, учёным садовником и виноделом от 1864 года до 1870 года в имении моём Тессели на Южном берегу Крыма — с полным успехом и к совершенному моему удовольствию».*

Радующий ныне жителей города Саки (что неподалёку от Евпатории) парк — с зелёными лужайками, тенистыми аллеями, уютными скамейками, газонами и цветами — является делом рук и ума Павла Сидоровича Мельниченко, создавшего этот шедевр садово-паркового искусства в выжженных солнцем степных солончаках Крыма. Процесс этот начался в 1890 году, когда губернское земство приняло решение озеленить курорт в Саках, располагая на эти цели пятью тысячами рублей (тогда как подрядчики заломили за работу двадцать тысяч).

За работу взялся смотритель грязелечебницы Павел Сидорович Мельниченко. Осенью того же года приступили к планировке парка, земляным работам, закупке посадочного материала. На отведённой под парк территории заменили глинистую солончаковую землю на плодородную, вырыли пруд (и поныне именуемый «Лебединое озеро»), разбили аллеи, подобрали растения,

пробурили стометровой глубины артезианскую скважину, обеспечившую пресной водой не только полив парка, но и нужды грязелечебницы.

За три года работ под его началом было высажено более восьми тысяч растений, в том числе восемь десятков видов растений, произрастающих в лесах Европы, Средиземноморья, Северной Америки и Китая. За несколько лет непрерывных и напряжённых трудов в знойной степи вырос настоящий оазис, со стайками птиц в парковых посадках, с плавающими в пруду лебедями.

«Саки преобразились, — писал один из гласных земской управы, обследовавший грязелечебницу в 1894 году. — Буровые скважины, дающие прелестную пресную воду, этот источник жизни, роскошный парк, деревья, зелень, цветы, вновь возведённые чистые и удобные постройки для жилья и служб довершили остальное... Получился уютный уголок, оазис в безжизненной евпаторийской степи, на котором приятно отдыхает глаз и где с удовольствием отдыхает утомлённый далёким путём не только больной, но и здоровый».

За труды свои и успехи в них Павел Сидорович Мельниченко в 1888 году был награждён Большой медалью губернской сельскохозяйственной выставки в Симферополе, а в 1894 году — Большой бронзовой медалью, отлитой в память пятидесятилетия Уманского училища земледелия и садоводства.

Пробыв девять лет смотрителем парка в Саках, на рубеже столетий Павел Сидорович Мельниченко по приглашению владельцев имения «Чеботарки» («усадьба Фердинанда Матвеевича Шлее») занялся его садово-парковым обустройством. На новом месте именитый специалист заложил в балке при въезде в село большой парк и фруктовый сад. Почва в этом имении, как для земель окрестной солончаковой зоны, оказалась на удивление плодородной, поэтому на базе парка был основан питомник сельскохозяйственных и декоративных растений (прежде всего для нужд сакского парка). До нашего времени, к сожалению, от парка сохранилась лишь небольшая группа деревьев.

Умер Павел Сидорович Мельниченко в канун Октябрьской революции в возрасте восьмидесяти лет, в крайней нужде, всеми забытый.

Иван Прохорович Бедро. Основатель сибирского садоводства Иван Прохорович Бедро — выпускник Уманского училища земледелия и садоводства. В Сибирь он, коренной украинец, попал он не по назначению, не по собственной воле — был сослан царскими властями за активную революционную деятельность, и эта «перемена климата» для него затянулась надолго, практически на всю оставшуюся жизнь талантливого садовода.

Родился Иван Прохорович Бедро в местечке Смелом Роменского уезда Полтавской губернии 31 января (12 февраля) 1874 года, в семье казака Прохора Алексеевича Бедро. (*«Козацькому роду нема переводу».*) Согласно информации Юрия Леонидовича Вигорова, внука Ивана Прохоровича Бедро, дед его происходил из семей Бодрых и Рудых, главы которых являлись запорожскими казаками. Предком Ивана Прохорови-

ча был костоправ Запорожской Сечи, живший во второй половине XVII — начале XVIII веков и запечатленный на парсуне (портрете), утраченной его потомками во время Великой Отечественной войны.

По завершении в 1896 году Уманского училища земледелия и садоводства Иван Прохорович Бедро продолжил обучение в Петровской земледельческой и лесной академии; после неё, в числе лучших выпускников он стажировался в питомниках Франции, Бельгии, Голландии и Германии. По возвращении на родину был направлен служить агрономом уездного земства в город Лохвицу Полтавской губернии. Здесь он взял в аренду десять гектаров земли на окраине города и обустроил на ней питомник и садоводческое хозяйство; выращенные и привитые саженцы яблонь рассылал заказывавшим их садоводам.

К революционному движению Бедро примкнул в 1905 году. Представляя интересы близкого ему крестьянства, он стал членом Всероссийского крестьянского союза, активно развивал и пропагандировал идею национализации земли. После двух арестов в начале 1906 года выехал во Францию, где несколько месяцев работал в садовых хозяйствах Ривьеры. По возвращении в Россию Бедро был арестован и более двух лет провёл в полтавской тюрьме.

В октябре 1908 года заседание Харьковской судебной палаты, рассмотрев дело Ивана Прохоровича Бедро, приговорило его за участие в преступном сообществе (создании ячеек Крестьянского союза) к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на вечное поселение. Осенью 1909 года он этапом был доставлен в деревню Быстрая Минусинского округа Енисейской губернии.

На новом месте жительства отважный садовод не растерялся — взял в аренду семнадцать десятин земли на Тагарском острове (на реке Енисей) близ Минусинска и основал плодовый питомник и сад для проведения опытов, вскоре превратившиеся в первую в Сибири опытную станцию. Подбор необходимого северного сортимента яблонь в условиях отсутствия питомников происходил только за счёт личных контактов Ивана Прохоровича с садоводами-любителями (немногочисленными в этих студёных краях) и требовал от него воистину титанических усилий. Всё это время вёл переписку с ведущими садоводами страны, обменивался опытом, результатами работы, советовался.

Основным назначением опытной станции и высаженного в 1912 году так называемого «Старого сада» (в 1916 году был высажен второй сад — «Новый») было сортоиспытание большой коллекции полукультурных яблонь, более сотни сортов ранеток. С севера «Старый сад» был защищён полосой соснового леса, с южной стороны яблони, предназначавшиеся для гибридизации, были высажены наклонно (по «канадскому методу»); ежегодно, поздней осенью эти деревья пригибали к земле и укрывали сосновыми ветками, картофельной ботвой и землёй. В этом же саду были высажены сливы, кустарники смородины, крыжовника.

Живя в Сибири, Иван Прохорович Бедро женился (вторым браком) на хакаске, Федосье Константиновне Хариной, 1888 года рождения. После ам-

нистии в 1915 году он остался жить и работать в Минусинске. С началом революционных событий 1917 года его избрали председателем Минусинского комитета общественной безопасности, в должности этой он защищал крестьянские интересы в местном земстве. В 1917 году Бедро посетил Украину, где успел горячо поучаствовать в местных политических событиях.

Не сложились у Ивана Прохоровича отношения и с новой властью, оценивавшей его, внепартийного, общественно активного человека, защитника крестьян как представителя партии эсеров. Обвиняли его власть предержащие в антисоветской агитации, арестовывали, освобождали, снова арестовывали... После ареста в июле 1920 года по обвинению в контрреволюционной агитации он был приговорён губернской Чрезвычайной Комиссией к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Вернувшись в Минусинск из заключения — ослабленный, но не поверженный — «контрреволюционер» Бедро привёл в порядок сад, восстановил в нём естественные потери и, совмещая садоводство со службой в кредитной кооперации, продолжил любимую работу по массовой гибридизации яблонь, добываясь морозоустойчивых сортов с более-менее крупными плодами. Масштабы этой работы увеличились после того как распорядительный учёный взял в аренду ещё один участок земли на острове и высадил на нём третий, «Дальний сад», заложил новые питомники для выращивания посадочного материала с последующей его рассылкой садоводам Сибири (в год отправлялось до трёх тысяч привитых саженцев).

Отношения с властями по-прежнему были напряжёнными. Местные органы рассматривали сады эсера Бедро как частное хозяйство; наука в расчёт не бралась — финансовая инспекция регулярно обкладывала сады крупными налогами. Когда стало очевидным прекращение «новой экономической политики» (НЭП), кооператор Бедро осенью 1929 года подписал акт о передаче своих садов Минусинскому плодово-ягодному опытному полю и вместе с семьёй переехал в город Сталинск (ныне Новокузнецк) заведовать садово-парковым хозяйством металлургического комбината «Кузнецкстрой».

«Гвозди бы делать из этих людей, / Не было б в мире прочнее гвоздей!» На новом месте феноменальный Иван Прохорович Бедро заложил громадный, площадью в двести гектаров плодово-ягодный сад (впоследствии преобразованный в совхоз). Проработал он в очередном творении рук своих немногим более четырёх лет, а в феврале 1933 года был вновь арестован, обвинён в членстве в контрреволюционной организации, в антисоветских высказываниях (даже — в бесхозяйственности и хищениях) и приговорён к трёхлетней ссылке в Нарымский край.

После досрочного освобождения в 1935 году Иван Прохорович покинул Сибирь — перебрался на Северный Кавказ, в посёлок Шунтук Майкопского района. Работал старшим научным сотрудником в отделе цветочных и декоративных растений Майкопского отделения Всесоюзного института растениеводства (подведомственного Николаю Ивановичу Вавилову); собрал большую и разнообразную коллекцию роз.

Постоянные гонения, переживания, вечная неустроенность, враждебность властей ломали семейную жизнь Ивана Прохоровича. До высылки в

Сибирь он был женат, имел от первой жены (Марии Григорьевны) дочь Веру, 1901 года рождения. Во втором браке (с Федосьей Константиновной Харинной) у него родились два сына — Алексей (в 1913 году) и Юрий. В трагически-знаменитом 1937 году дети сменили фамилии: Алексей стал Леонидом Ивановичем Вигоровым (впоследствии — биохимик и физиолог растений, профессор Уральского лесотехнического института), будущий геолог Юрий — на Георгия Ивановича Бедрова. Известно также, что третьей женой Ивана Прохоровича была Варвара Андреевна Кононова (1898 года рождения), что в 1922 году у него родилась дочь Марьяна.

В начале 1938 года, когда в воздухе запахло «антивавилонской» кампанией и финансирование опытного отдела резко сократилось, Иван Прохорович уволился и переехал в станицу Белореченскую Краснодарского края, где вновь — в который раз! — высадил сад, питомник роз, завёл огород. В годы фашистской оккупации жил-выживал вместе с семьёй в невероятной бедности, голодал и болел. Умер Иван Прохорович Бедро 28 января 1943 года, за несколько дней до изгнания фашистов из станицы.

Такова трагическая и одновременно прекрасная жизнь замечательного садовода-практика, всю её сознательную часть отдавшего любимому делу, которое он очень точно и с высоким чувством оценил в своей книге «Садоводство в Сибири», 1925 года издания:

«Человечество, видимо, переступило грань, за которой осталась вера в блаженство на небе... Оно становится на путь твёрдого знания и уверенности, что строить счастливую и красивую жизнь надо здесь, — на грешной земле...»

За этой уверенностью мы ждём широкого и глубокого прорыва к творчеству в этом направлении. Садоводство — одно из условий счастья. Недаром великие мыслители и наш Лев Толстой считали необходимым условием счастья, между прочим, — общение с растениями...

Всемогущая природа даёт в руки человека бесчисленное количество прекрасных форм, созданных ею растений. Наука указывает пути, как сделать их ещё прекраснее, ещё полезнее для человека».

Ипполит Иванович Кораблёв. Известный пчеловод Ипполит Иванович Кораблёв начал преподавательскую и научно-практическую работу в Уманском училище садоводства и земледелия в 1907 году, в возрасте тридцати шести лет, и ставшему для него родным учебному заведению не изменял весь остаток своей жизни, завершившейся в 1951 году.

Родился Кораблёв на Смоленщине в семье безземельного крестьянина, служившего управляющим у местного помещика. Закончив в 1889 году местное училище, он поступил сразу же на двухгодичные Педагогические курсы, давшие ему специальность учителя. Далее он несколько лет заведовал сельским училищем, где увлёкся пчеловодством — поначалу старинным, колодным, затем, побывав в 1896 году на специализированной передвижной выставке Измайловской пасеки, современным пче-

ловодством на базе рамочных ульев. (Измайловская учебно-опытная пасека была создана группой энтузиастов пчеловодства в 1865 году на месте знаменитого подмосковного пчельника царя Алексея Михайловича Тишайшего; в 1867 году на пасеке открылась первая в России пчеловодческая выставка; в 1875 году на её территории появился музей с уникальной коллекцией ульев. На пасеке велась научная работа и готовились специалисты высокого класса, здесь работали курсы для пасечников.)

В 1898 году Ипполит Иванович Кораблёв поступил вольнослушателем в Московский сельскохозяйственный институт, в котором всё свободное от лекций и практических занятий время уделял пчеловодству, работая — под началом профессора Николая Михайловича Кулагина и его ассистентов — на Измайловской пасеке.

По окончании в 1902 году института Ипполит Иванович был зачислен в Департамент земледелия и командирован в Полтаву для оценки состояния пчеловодства и шелководства в Полтавской, Черниговской и Харьковской губерниях, для работы по их развитию. На месте молодой учёный установил, что пчеловодство в этих губерниях велось по старинке, с преимущественным использованием дуплянок, колод и варварского способа добычи мёда путём уничтожения всей пчелиной семьи. Для выправления положения в этих краях по инициативе Ипполита Ивановича Кораблёва была открыта сеть как краткосрочных, так и длительных курсов по рациональному пчеловодству, этой проблеме он посвятил ряд статей в сельскохозяйственных журналах и календарях. Завершив трёхгодичную командировку, он разработал план по развитию пчеловодства и шелководства в Украине. (Таковую же работу Ипполит Иванович ещё два года проводил в центральных областях России, в Бессарабии, в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии.)

В 1907 году Департамент земледелия, не выводя Ипполита Ивановича Кораблёва за штат, откомандировал его в Уманское училище садоводства и земледелия для преподавания в нём пчеловодства и шелководства, для заведования учебно-опытной пасекой и шелковичной станцией. Помимо этих основных обязанностей новый специалист добавил себе ряд новых работ и обязанностей — организовал при училище кабинеты шелководства и пчеловодства (где специалисты давали консультации по болезням пчёл и распада), а при станции и пасеке — музей; кроме того, для народных школ им было налажено изготовление учебных коллекций, препаратов и пособий по пчеловодству и шелководству; создал при опытной пасеке мастерские по изготовлению и испытанию нового типа ульев, инвентаря (здесь, кстати, был изобретён так называемый украинский улей и поныне широко используемый пчеловодами).

При училище Ипполит Иванович Кораблёв заложил опытный питомник медоносных растений. По результатам своих опытов и наблюдений за ними написал книгу «Культура главнейших медоносных растений», получившую высокую оценку специалистов, выдержавшую несколько повторных изданий. Ежегодно им организовывались полуторамесячные курсы по пчеловодству и шелководству, на которые в иные годы съезжались до полутора сотен

учителей из отдалённых губерний (лучших из них руководство училища оставляло при пасеке на годичную стажировку, после которой они становились инструкторами по пчеловодству).

Но и этого неуёмной и кипучей натуре Ипполита Ивановича было мало. С 1912 года он активно работал экзаменатором в Комиссии по испытанию лиц, желающих получить звание инструктора-пчеловода, участвовал в работе экспертных комиссий на всероссийских выставках; много выступал с лекциями и докладами, в том числе на всеславянских съездах пчеловодов в Болгарии (в 1910 году) и в Сербии (в 1911 году).

Усердный и плодотворный труд Ипполита Ивановича Кораблёва был отмечен в феврале 1913 года предоставлением права «ношения на груди Высочайше утверждённой, в память 300-летия Царствования Дома Романовых, светло-бронзовой медали», а в декабре того же года он стал кавалером ордена Святого Станислава третьей степени.

После революции, когда Уманское среднее училище было преобразовано в агротехникум, Ипполит Иванович заведовал кафедрой пчеловодства и шелководства. В 1932 году он был назначен деканом садового факультета, а после выделения институтской шелковичной станции в самостоятельное предприятие некоторое время был её директором (до перевода станции в Мелитополь).

Скончался профессор Кораблёв 7 июля 1951 года и был похоронен на кладбище Софиевской слободки. Позже, в канун уничтожения этого старинного места погребения прах его был перезахоронен.

Часть пятая. Училище в начале двадцатого века

После отставки Дмитрия Семёновича Леванды в революционном 1905 году директором Уманского училища был назначен Павел Михайлович Дубровский. Училище к этому времени стало именоваться «училищем садоводства и земледелия» и жило по организационным правилам, обозначенным 26 мая 1904 года новым положением о сельскохозяйственном образовании. Курс обучения для средних сельскохозяйственных училищ был оставлен шестилетним, однако предусматривалось создание шести классов — двух общеобразовательных и четырёх специальных. В училищах обязательными учебными предметами были Закон Божий, русский язык, один из иностранных языков, география, история, математика, черчение и рисование, естествознание, землемерие, сельское хозяйство и его отрасли, счетоводство и законоведение. Успешные выпускники училища получали звание агронома.

В начале 1906 года в Умани было введено чрезвычайное положение, что не мешало возбуждённым происходящими событиями рабочим города собираться на нелегальные собрания в укромных местах Софиевского парка. О предосудительных деяниях, творящихся в парке «Софиевка», сохранилось (в архиве) документальное подтверждение от жителя предместья Новая Умань некоего Карпа Ситникова, донёсшего — 14 октября 1906 года — полиции го-

рода, «что неизвестный ему человек перед вечером разбрасывал прокламации близко от того места, где «стоят Адам и Ева», то есть у водопада Фетиды».

В один из дней 1910 года городские обыватели были потрясены поступком группы «садоводов» (так называли в городе учеников училища), которые в парке «Софиевка» (в Зверинце) казнили, без суда и следствия — по их мнению — провокатора, приехавшего из Киева студента политехнического института. В 1911 году за участие в революционной деятельности были осуждены несколько учащихся училища и вместе с ними (только год побывший в должности) директор училища Михаил Евграфович Софронов.

«Полный теоретический и практический курс в училище приходится в шесть лет, распределяясь на 5 классов и на 6 практический год. Приём учеников в училище и выпуск окончивших курс производится в Августе месяце. В училище принимаются мальчики всех сословий и вероисповеданий. Поступающие в 1-й класс должны иметь не менее 14 лет и не более 16 от роду, а поступающие в следующие классы, по одному году более на каждый класс, с тем однако же, что для поступающих в высшие классы, начиная с третьего, ограничение остаётся только относительно наименьшего числа лет. В первый класс училища принимаются без экзамена молодые люди, окончившие курс в уездных или городских, а также в сельских двухклассных училищах. Сверх того, по экзамену, принимаются молодые люди, обладающие познаниями, соответствующие приобретаемым в первых двух классах реальных училищ. Если число прошений больше числа вакансий, то все вновь поступающие в училище подвергаются конкурсному завоеванию. Прощения о приёме в училище, с обозначением класса подаются Директору училища по 15 Августа. Лица, приславшие прошения по почте, должны прибыть к началу экзамена, т. е. не позже 15 Августа и явиться в канцелярию училища.»

Учащиеся в Училище распределяются на казённых и частных пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников. За содержание частных пансионеров взимается по 150 руб.; за полупансионеров, которые должны иметь своё платье, обувь и бельё по 100 руб., и за учение с приходящих учеников по 20 руб. в год. Все означенные суммы вносятся вперёд по полугодиям 1 Сентября и 1 Марта и в случае выбытия ученика из училища ранее окончания полугодия — не возвращаются. На свободные вакансии казённых пансионеров или полупансионеров зачисляются лишь те из учеников, которые, пробыв в училище не менее одного года, при безукоризненном поведении окажут по всем предметам хорошие успехи. В училище имеется всего 25 казённых вакансий, из которых 4 предназначены исключительно для Кавказских уроженцев. Педагогическому совету училища предоставляется совершенно освободить от платы за учение приходящих учеников недостаточного состояния, которые при том, по своему поведению будут заслуживать этого, или уменьшать эту плату на половину, но с тем, чтобы наибольшее число учеников, освобождаемых от платы, не было больше десятой части общего числа приходящих учеников».¹³⁴

(Выписка из «Условий поступления в Уманское Училище Земледелия и садоводства».)

После всех революционных потрясений в училище был введён казарменный режим быта для его воспитанников, что подтверждают, в частности, рукописные воспоминания воспитанника училища из числа поступивших на учёбу в «бурном» 1911 году, Андрея Григорьевича Макаренко, хранящиеся (или — хранившиеся) в домашнем архиве потомков его «одноклассника», Матвея Ивановича Лопатина, ими успешно проработанные и представленные на суд благодарным читателям.

В том году на поступление в училище претендовали двести шестьдесят четыре пятнадцатилетних юношей, из которых зачислено было только пятьдесят два, успешнее других сдавших вступительные экзамены по русскому языку (диктант и упражнение), Закону Божьему, математике, географии. По национальному составу в числе первокурсников было: украинцев — двадцать пять, русских — четырнадцать, поляков — шестеро, молдаван, греков, евреев — по два, эстонцев — один. По социальному составу большинство вновь принятых в училище были детьми крестьян, мещан, ремесленников и интеллигенции; только один из поступивших был из мелких помещиков. Из учеников приёма 1911 года через шесть учебных лет закончили училище только тридцать шесть (кто-то отстал, оставшись «на второй год» в младших классах, кто-то выбыл по неуспеваемости или другим причинам, кто-то умер).

Вновь зачисленных слушателей училища организовано постригли и сводили в баню, в училищном пансионе выдали каждому из них бельё и постель. Жизнь в училище начиналась и заканчивалась по звонку. По нему, в семь утра, производились подъём учащихся и их организованная отправка на утреннюю молитву; далее — в половине восьмого — следовал незатейливый завтрак (кружка сладкого чая и большая французская булка), время с восьми утра и до полудня отводилось на обучение в классах и проведение практические занятия. В час дня учащиеся обедали, после чего возобновлялись занятия в лабораториях и кабинетах. В шестнадцать часов наступало время полдника, после которого — до шести часов вечера — следовала полевая практика. В половине седьмого вечера двери пансиона закрывали на замок и все учащиеся организовано садились за приготовление уроков. В половине десятого все ужинали и в десять часов вечера укладывались спать.

В швейной мастерской уманского портного Вассермана каждому учащемуся по индивидуальному заказу шились шинель, парадный костюм (из хорошего чёрного сукна) с медными пуговицами и знаками училища на воротнике. Форма придавала вес учащимся, обязывала их к достойному поведению на людях, её носители считались в городе завидными женихами.

Главной ценностью училища был Софиевский парк. Были также в его составе учебные кабинеты, учебное поле, животноводческая ферма, пасека, сад, огород, ягодник, питомник, теплица и оранжерея (с производством плодово-ягодных вин в подвалах), метеорологическая станция и больница; к училищу был приписан Белогрудовский лес. В училище числилось двести двадцать учащихся, бюджет училища составлял более полумиллиона рублей.

Сразу после поступления первокурсников привлекали к подготовке праздничных концертов. Учитель Пороменский помогал подобрать материал

для художественного чтения, сцен-диалогов, водевилей и пьес. После посещения учениками спектаклей труппы Садовского учащимися, педагогами, обслуживающим персоналом училища были поставлены любительски пьесы Кропивницкого «Невольник», «Чужие». Женские роли в спектаклях исполняли ученики младших классов.

Училище имело собственный оркестр народных музыкальных инструментов, которым руководил ученик Свенцицкий, и духовой оркестр. Исполняли классическую музыку Глинки, Бизе, Чайковского, Рубинштейна. Для одного из учеников, хорошо игравшего на кларнете, дирижёр приобрёл инструмент лучшей марки и подарил его талантливому кларнетисту.

Перед каждым праздником учитель черчения и рисования Добровольский с учениками второго класса углём и мелом разрисовывали помещения училища. Воспроизводили пейзажи Софиевского парка, украшали временные «фрески» еловыми ветками. В классах для гостей праздника устраивались «зимний сад» из экзотических оранжерейных растений, танцы под музыку школьного духового оркестра, бесплатный буфет. В училище были две библиотеки — одна фундаментальная для преподавателей, вторая, общедоступная — для учеников и обслуживающего персонала. Хорошо успевающим ученикам разрешалось пользоваться фундаментальной библиотекой.

Распределение теоретических занятий и практического труда в течение года было следующим: в мае — переходные экзамены, июнь, июль и первая неделя августа — работа на фермах, в лесу, на опытных участках, последние три недели августа — каникулы; в сентябре и частично в октябре — осенние полевые работы; далее, до весны — классные занятия. Каникулярными были две недели рождественских праздников и десять дней праздников пасхальных.

По давно выработавшемуся обычаю ежегодно, 29 июня, в день Первопрестольных Святых Петра и Павла отмечался «Софиевский праздник». К этому дню в училище готовились заранее — украшались аллеи, наиболее часто посещаемые места парка, устраивались всевозможные развлечения, фейерверки. Во время народного гулянья в парке на Площади Собраний и на Бельведере выступал большой ученический хор, играл духовой оркестр училища. Все средства собранные во время праздничных гуляний поступали в стипендиальный фонд.

В самом училище как минимум дважды в год устраивались два больших вечера-концерта с представлениями и танцами, с участием учеников и педагогов. По-особому торжественно и весело отмечали годовщину создания училища, приходившуюся на шестое ноября. Получить приглашение на эти вечера было большой честью.

Умань в «Памятных книжках Киевской губернии»

Ценным источником краеведческих сведений являются «Памятные книжки», издававшиеся в Российской империи с тридцатых годов девятнадцатого века до 1917 года, представляющие собой ежегодники официальной справочной информации, за выпуск которых отвечали местные официальные лица и органы внутренних дел.

При всём разнообразии оформления «Памятных книжек» на местах в наиболее полном виде — на пике своего совершенства — они включали в себя *адрес-календарь* (перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом); *административный справочник* (сведения об административном делении губернии, о почтовых и телеграфных учреждениях, путях и маршрутах сообщения в пределах губернии, о промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях и библиотеках, книжных лавках и типографиях, о периодических изданиях, выписываемых и издаваемых в губерниях, списки населённых мест, списки крупных землевладельцев губернии); *статистический обзор* (статистические таблицы населения, землевладения, сельского хозяйства, данные по статистике судебной, медицинской, фабрично-заводской, народного образования, пожаров, доходов и недоимок); *научно-краеведческий сборник* (источниковедческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы).

«Памятные книжки» пошли от календарей (или «месяцесловов»), начавших издаваться с конца восемнадцатого века. («*Всё врут календары*», — заявляла помещица Хлестова в грибоедовском «Горе от ума».) Издание календарей, а затем — адрес-календарей изначально было поручено Академии наук, и лишь в 1867 году дело это было передано Департаменту геральдики Правительствующего сената. Поначалу адрес-календарь являлся официальным периодическим справочным изданием, отражающим структуру и личный состав государственных учреждений. Таким он и остался — с некоторыми модификациями и увеличением объёма — после его «срастания» с появившимися во второй четверти девятнадцатого века «Памятными книжками».

Первые «Памятные книжки» представляли собой своеобразные ежегодные отчёты о жизни губерний, городов России, в лицах и событиях изложенные. Так, в «Памятных книжках Киевской губернии за 1854 год» (это было время Крымской войны), к примеру, сообщалось следующее:

*«V. Встреча Донского казачьяго полка
и Кирасирских полков в Умани.*

11 Апреля, день праздника Св. Пасхи останется памятным и незабвенным для жителей г. Умани. В начале Апреля было получено официальное известие о проходе через Уманский уезд в г. Умань Донского №19 казачьяго полка, трёх полков 2-ой Кирасирской Дивизии с двумя №№ 17 и 18 конногвардейскими батареями. По случаю бывшего тогда ненастья, войска эти необходимо должны были иметь подвод в количестве более значительном против

положенного. Бывший тогда начальник Киевской губернии А. Д. Кравцов известил об этом дворянство Уманского уезда и подводы были поставлены в двойном количестве бесплатно, именно по сту подвод для каждого полка и батареи; сверх того дворянство, желая облегчить крестьян ведомства военного поселения, отбывающих подводную повинность, особо выставило от себя в помощь ещё сто подвод тоже бесплатно.

Донской №19 козачий полк проходил чрез г. Умань 10 Апреля в Страстную Субботу и, по случаю поста, был угощён управляющим питейными сборами купцом Мазием только водкою и на каждого человека дано было по крупчатому хлебу.

Вечером того же дня вступил в Умань Кирасирский Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны полк и в первый день Св. Пасхи имел дневку. Уманские купцы: Солодов, Иванов, Мадис, братья Плотниковы, Баландин, Попсуев, Турковский, Вавилов, Трёмбинский и Пфейфер обратились к Начальнику 5-ти Округов Военных послений генерал-майору Рубцу с просьбою, дозволить им угостить этот полк, и, по православному обычаю, разговеться с храбрыми русскими воинами, идущими на защиту их иноверных братьев, страждущих под игом Магомета.

На плацпарадном месте были устроены столы для нижних чинов и особый стол для гг. генералов, штаб и обер-офицеров, а между столами поставлены бочки с вином и пивом. По совершении Литургии в церкви квартирующего в Умани Кирасирскаго Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны полка, местное и военное духовенство, предшествуемое хоругвями и сопровождаемое Начальником 1-й Кирасирской Дивизии, генерал-лейтенантом Мазуркевичем, генерал-майором Рубцом, командиром 1-й бригады Кирасирской Дивизии генерал-майором де-Росси и командирами полков. Когда все пришли в назначенное место, то нижние чины в колетах и фуражках стояли уже около приготовленных столов, а впереди красовался аналой, на котором сияли крест и евангелие. Кафедральный протоиерей Сахновский отслужил молебен, после котораго обратился к воинам с радостным для каждого Христианина приветствием: Христос воскрес! Генерал-лейтенант Мазуркевич, подойдя к особо устроенному столу, налил чарку русского пенника, похристосовался с предстоящими богатырями и провозгласил многолетие нашему Батюшке-Царю. После сего все, как братья, стали разговляться.

12 и 13 числа Апреля чрез Умань проходил Кирасирский Принца Альберта полк и №№ 17 и 18 Конно-Артиллерийския батареи и как солдаты не имели в городе дневки, то на марше были угощаемы водкою, пожертвованною купцом Мазием, и на каждого отпущено было от общества евреев по белому крупчатому хлебу.

14 апреля в Умани имел дневку Кирасирский Петра Ольденбургскаго полк. Уманский 1-й гильдии купец Кельман Тульчинский угошал полк водкою, на каждого из солдат было им отпущено по два крупчатых хлеба и по фунту жареной говядины.

23 Апреля, по случаю Тезоименитства Ея Величества, Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и Великой Княгини Александры Иосифовны купец Мазий дал гг. генералам, штаб и обер-офицерам блистательный вечер, вокруг дома была иллюминация.

Так радушно упомянутые Кирасирские полки были угощаемы и в военных поселениях. Жители предлагали даром хлеб-соль, водку и на каждый эскадрон

пожертвовали по образу, вложенному в деревянный ящик, покрытый лаком и внутри выклеенный сукном. Особенною приветливостию при встрече означенных полков отличился командир 1-го округа, полковник Павлов, о чём свидетельствовали генерал-майор Осецинский, генерал-майор Криденер, полковник Дубасов и подполковник Снопко.

V. Встреча пленных турок в Умани.

Пленных Турок привели в Умань 8-го Апреля. Весть о вступлении в город далёких гостей, запрошенных ценою Русской храбрости, как электрическая искра быстро пронеслась по городу. Народ с любопытством спешил взглянуть на гонителей христианства и главная большая улица города, по которой шли жертвы Магомета, вдруг наполнились зрителями. Сначала пленники приведены были на Съезжую и у корпуса ея остановлены. Увидев себя окружёнными со всех сторон многочисленным народом, Турки пришли в смущение; страх овладел ими; у некоторых показались даже слёзы на глазах, а один из них, кажется, по чину капитан стал выражать знаками, что на этом месте постигнет их смерть и прольётся кровь. Начальство города принялось утешать и успокаивать их, но пленники ласковыя слова принимали с какою-то испуганною недоверчивостию. Скоро пленникам дано было удобное помещение и приготовлено от жителей щедрое угощение. Турки, подкрепив себя пищею, уверились в доброту жителей Умани и стали благословлять Россию. На другой день пленники стали свободны в движениях и по-дружески освоились с жителями, которые на дорогу наградили их денежным вспомоществованием».

К концу девятнадцатого века «Памятные книжки» превратились в полновесные ежегодные справочники, ныне позволяющие во всех подробностях воссоздать картину повседневной жизни губернии, города; получить «из первых рук» сведения о составе и занятиях жителей, состоянии природы, экономики, культуры, быта; наблюдать за изменениями, проходившими в губерниях и городах на протяжении более шестидесяти лет существования «Памятных книжек» (и адрес-календарей, отдельно издававшихся в некоторых городах).

Адресь-календарь города Умани на 1904 годъ

Издание Первое.

Типография Иосифа Давидовича Барана.

1903 год

Церкви Православного исповедания:

- Соборная Свято-Успенская церковь (Николаевская ул.)

Настоятель и благочинный 1-ого Округа Протоиерей Василий Иванович Кудрицкий, при церкви. Священник Василий Прохорович Коломойцев, при церкви. Диакон Василиск Михайлович Карпов, Базылянский пер. дом Рахлиса. Псаломщик 1-ый Иван Андреевич Филиппович, при церкви; 2-ой Василий Давидович Слуцкий, при церкви. Церковный Староста Захарий Селезиевич Зелинский, Торговая ул., дом Пипинкевича.

- Свято-Троицкая церковь (Осташевское предместье)

Священник Яков Иванович Сташевский, при церкви. Псаломщик Григорий Прокопиевич Щупаковский, при церкви.

• Свято-Варваринская церковь (Киевская ул. здание тюрьмы)
Священник Константин Федорович Мацкевич, Б. Фонтанная, собственный дом.

• Свято-Алекса́ндро-Невская церковь (полковая) (Дворцовая пл.)
Полковой священник Александр Сергеевич Куминский, Офицерская ул., дом Довноровича.

• Свято-Марии-Магдалинская церковь (домовая) (Царицын сад)
Протоиерей Николай Лукич Фаворов, при церкви.

• Свято-Михайловская церковь (при Духовном училище) (Звенигородское предместье)

Священник Николай Федорович Боравский, ул. Васильковская, дом Скурсаго.

• Свято-Иоанно-Богословская церковь (Мещанка)
Священник Собора.

Церковь Инославно́го исповедания:

• Свято-Успенский Римо-Католический Костёл (ул. Суворовская)
Настоятель ксендз Карл Иванович Закусило, при костеле. Ксендз Витольд Доминикович Пржисецкий, при костеле. Органист Викентий Яковлевич Липинкевич, ул. Торговая, собственный дом. (костел построен в 1826 г. графом Александром Потоцким).

Еврейские Молитвенные дома:

• Большая старобазарная синагога (Верхне-Еврейская ул.)
Раввин Иосиф Евсеевич Гельман, ул. Садовая, собственный дом. Староста Аврум Мордкович Кашперов, ул. Аптека́рская, дом Гельфенбейна. Казначей Эль Нухимович Вильшанский, ул. Успенская, собственный дом. Ученый Пинкас Срулевич Борочин, ул. Успенская, собственный дом. Кантор Яков Эльевич Спивак, ул. Н.-Николаевская, дом Бабенка.

• Новобазарная синагога (Кагальская ул.)
Староста Пейсах Лейвиевич Иоришь, пер. Полицейский, собственный дом. Казначей Мошко Мордкович Друбич, ул. Н.-Николаевская, собственный дом. Ученый Самуиль Мойсеевич Каган, ул. Садовая, дом Зубатого. Кантор Шнеер Манасиевич Ксендзовский, ул. Киевская, дом Осташевского.

В.М.Ю.¹:

• Уманский Окружный Суд (Николаевская ул., городской дом) Состоит из двух уголовных и одного гражданского отделений. 1-ое Уголовное отделение — Председатель Василий Модестович Вакаръ; 2-ое Уголовное отделение — Петр Александрович Ананьев; Гражданское отделение — Председатель Андрей Владимирович Назимов.

- Прокурорский надзор
Прокурор Андрей Николаевич Узунов.
- Старший Нотариус (Пушкинская ул., собственный дом)
Иван Филипович Захарьевич.
- Нотариусы
- Присяжные Поверенные

¹ Ведомство Министерства юстиции.

- Помощники Присяжных поверенных
- Уманский съезд Мирowych Судей (*здание Окружного суда*)
Председатель Владимир Павлович Воблый.
- Уманская тюрьма (*Киевская ул., казенное здание*)
Начальник Яков Михайлович Соколов.
- Уманский арестный дом (*возле тюрьмы на площади*)
Смотритель Вильгельм Викентьевич Ивашкевич.

В.М.Ф.²:

- Уманское Казначейство (*Н. Николаевская ул., собственный дом*)
Казначей Андрей Николаевич Вольф (при казначействе имеется сберегательная касса).
- Податной Инспектор (*Александр. ул.*)
Виталий Григорьевич Градовский, помощник Иван Иванович Мерный.
- 5-ый Округ Киевского Акцизного Управления (*Дворянская ул., дом Кожемяки*)
Надзиратель Евгений Густавович Родин.
- Казенный винный склад №12 (*Дворянская ул., собственный дом*)
Заведывающий Семен Григорьевич Витюк, помощник Василий Ильич Мельников, подвальный Василий Петрович Котельников.
- Казенные винные лавки
№450 — Сидельщица Елена Ивановна Никитина (*Владимирская ул.*)
№451 — Сидельщица Вера Леонтьевна Ждановская (*Киевская ул.*)
№452 — Сидельщица София Константиновна Якубская (*Н. Николаевская ул.*)
№453 — Сидельщик Александр Викторович Дзбановский (*Успенская ул.*)
№454 — Сидельщица Марья Марковна Корман (*Торговая ул.*)
№455 — Сидельщица Марья Ивановна Селехова (*Мещанка*)
№456 — Сидельщица Вера Васильевна Яновская (*Звенигород. перед.*)
№457 — Сидельщица София Ивановна Зброжек (*Ивангород. перед.*)
- Сахар.-акциз. участ. надзиратель
Василий Константинович Минович.
- Фабричный Инспектор (*Васильков. ул., собственный дом*)
инженер-технолог Харитон Христофорович Билицкий
- Окружный Инженер Киев. Горного Округа (*г. Киев*)
Константин Иванович Гаммов, г. Киев.
- Горный техник того-же Округа
Михаил Борисович Краснянский, г. Одесса.

В.М.З. и Г.И.³:

- Уманское Лесничество
Заведывающий Михаил Иванович Маренин.

Учебные заведения и библиотеки:

- Уманское среднее училище Садоводства и Земледелия (*Царицын сад*)
Директор Дмитрий Семенович Леванда; законоучителя; преподаватели; надзиратели; лаборанты; главный садовник и помощник.
- Уманская мужская Гимназия (*Дворцовая ул., собственный дом*)
Директор Александр Павлович Пучковский; инспектор; законоучители; преподаватели; надзиратели; учитель пения и гимнастики; врач; письмоводитель.
- Уманская Женская Гимназия (*Дворцовая ул., собственный дом*)
Директор Александр Павлович Пучковский; надзирательница; законоучители; учительницы; классные надзиратели; учитель пения; письмоводитель.
- Уманское Городское мужское двухклассное училище (по полож. 1869г.) (*Николаевская ул., собственный дом*)
Штатный смотритель Иван Прохорович Янкевич; законоучители; преподаватели; учитель гимнастики; врач.
- Уманское Городское Женское двухклассное училище (по полож. 1869г.) (*Николаевская ул., собственный дом*)
- Уманское Мужское Духовное Училище (*Звенигород. перед., собственный дом*)
Смотритель Иван Михайлович Померанцев; преподаватели; надзиратели.

Уманския церковно-приходския школы:

- Мужская двухклассная «Софиевская» школа (*Софиевская слоб., церковный дом*)
Заведывающий протоиерей В. И. Кудрицкий; учитель.
 - Женская одноклассная «Соборная» школа (*Николаевская ул., при соборе*)
Заведывающий В.И. Коломийцев.
 - Смешанная одноклассная «Лысогорская» школа (*Лысая гора*)
Заведывающий В.И. Коломийцев.
 - Смешанная одноклассная «Мещанская» школа (*Мещанка*)
Заведывающий В.И. Коломийцев.
- (в каждом селе имеются одноклассные церковно-приходския школы; в с. Кузьминой-Гребле — второклассная церковно-приходская школа для подготовки учителей).

Министерския училища в уезде:

- Двухклассныя сельския; одноклассныя сельския.
- Воскресная школа (*Осташевское пред., церковный дом*)
- Уманский Отдел Киевского Епархиального Училищнаго Совета (*Николаевская ул., церковный дом*)
- Уманский уездный Наблюдатель церковно-приходских школ
- Инспектор народного училища Уманского, Липовецкаго, Звенигородскаго и Таращанскаго уездов
- Частное четырехклассное женское училище (*Штабной пер.*)
Содержательница Александра Васильевна Левицкая.
- Уманское Общество Талмуд-Тора (*Пушкинская ул., собственный дом*)
Надзиратель; заведывающий; преподаватель.

² Ведомство Министерства финансов.

³ Ведомство Министерства земледелия и государственных имуществ.

- Частное женское еврейское училище Маргариты Моисеевны Го-риштейн (*Аптекарская ул.*)
- Частное мужское еврейское училище Авраама Мееровича Козарин-ского (*Старая №3*)
- Частная музыкальная школа Льва Григорьевича Куцына (*Дворцовая ул.*)
- Уманская Общественная библиотека-читальня (*Николаевская ул., дом Бриллианщика*)
Председатель Захарий Иванович Краковецкий.
- Библиотека при народной чайной (*Звенигородское пред.*)
Заведывающий Петр Федорович Куринный.
- Книжные и писчебумажные магазины

В.В.М.⁴

- Штаб 44-ой пехотной дивизии (*Дворцовая ул., здание Инженерного ведомства*)
Начальник дивизии генерал-лейтенант Николай Борисович Кутневич.
- 175-ый пехотный Батурицкий полк (*казармы за городом*)
Командир полка Николай Петрович Решиков.
- Управление Уманского уездного Воинского Начальника (*Киевская ул.*)
Воинский начальник полковник Георгий Александрович Звенигород-ский.
- Уманская Инженерная дистанция (*Дворцовая ул., собственный дом*)
Начальник полковник Иван Романович Винда.
- Уманский продовольственный магазин 2-ого класа (*Звенигородское пред.*)
Заведывающий Петр Петрович Кравченко.

В.М.П.С.⁵

- Уманский Отдел Одесского Жандарм.-Полиц. Управления Железных Дорог (*ст. Умань, ст. Христиновка*)
- Склады земледельческих машин и орудий:
1. Р. и Т. Эльворти (*Дворцовая ул.*)
 2. Александра Федоровича Бирнбаума (*Н. Николаевская ул.*)
 3. Альфонса Генриховича Тихтера (*Суворов. ул., здание костела*)
 4. Фишмана, Червенаго и Лазнички (*Суворов. ул., собственный дом*)
- Склад мельничных принадлежностей (*Дворцовая ул.*)
Заведывающий Лев Исаакович Круглый.
- Уманское Общество поощрения коннозаводства и скотозаводства (*Пушкинская ул., собственный дом*)
Директор Сигизмунд Владимирович Добровольский. (аукцион быва-ет 2 раза в год: май, сентябрь; выставка в мае; лошади известных заводов юго-западного края и отчасти Херсонской губернии, племенной скот Киев-ской губернии).

⁴ Ведомство Военного министерства.

⁵ Ведомство Министерства путей сообщения.

- Банк. контора М. Г. Раппопорта (*Николаевская ул., дом Лернера*)
Управляющий Шевель Герцевич Раппопорт.
- Отдел Торгово-промышленного Комерческого Банка в Петербурге (*Садовая ул.*)
Управляющий Виктор Людвикович Гавликовский.
- Уманское Ссудо-сберегательно Товарищество (*Кагальная ул.*)
Председатель Викентий Игнатъевич Квятковский.
- Ссудо-сберегательное Товарищество в с. Дзенгелевке Председатель А. Д. Черненко.
- Ссудо-сберегательное Товарищество в с. Русаловке Председатель Яков Миронович Лысенко.
- Уманское Общество взаимного кредита (*Садовая ул.*)
- Уманское Общество Потребителей (*Николаевская ул.*)
Председатель Леонид Митрофанович Турчанович.
- Товарищество Уманского водопровода (*Садовая ул.*)
- Уманская Электрическая станция (*Николаевская ул., при театре*)
Владелец Наум Давидович Фишман.
- Страховые Общества и их агенты:
- 1. «К Надежде» — Михаил Иосифович Файнштейн;
- 2. «1-ое Российское» — Ципа Абрамовна Вексклярская;
- 3. «2-ое Российское» — Александр Федорович Бирнбаум;
- 4. «Россия» — Ионна Хаимович Эттингер;
- 5. «Варшавское» — Адам Каэтанович Даровский;
- 6. «Северное» — Яков Соломнович Цикиновский;
- 7. «Саламандра» — Викентий Яковлевич Липинкевич;
- 8. «Русское» — Израиль Соломонович Бонфельд;
- 9. «Волга» — Эдуард Юлианович Ясенский;
- 10. «Российское Общество страхов. капиталов и доходов» — Израиль Абрамович Беренштейн.
- Спиртоочистительный завод Петербургского Товарищества (*Прорез-ная ул.*)
Управляющий Роберт Фридрихович Петерс. Бухгалтер; ректификаато-ры; машинист.
- Пивоваренный завод Уманского Товарищества (*Броварный пер.*)
- Пивоваренный и уксусный завод Управляющий Аврум Борохович Альтман.
- Табачная и папиросная фабрика (*Дворцовая ул.*)
Владельцы Хаим Нафтулович Марьяновский и Мордка Шулимович Краинский.
- Махорочная фабрика (*Б. Фонтанная ул.*)
Владелец Хаим Ицкович Спектор.
- Гильзовья фабрики:
- 1. Лейзаря и Гдаля Лейциных (*Кагальная ул.*)
- 2. Фишеля Лейцина (*Ново-базарная площ.*)
- Заведения шипучих вод:
- 1. Пейсаха Лейвиовича Иориша (*Полицейский пер.*)
- 2. Аврума Мошковича Барака (*Николаевская ул.*)
- 3. Шейвы Хаимовны Туницкой (*Николаевская ул.*)
- 4. Казимира Антоновича Калиновского

5. Сруля Мошковича Сафры (*г.Киев*)
 6. Шмуля Симховича Ширжика (*г.Киев*)
 - Паровые мукомольные мельницы:
 1. Наума Марковича Зусьмана (*Садовая ул.*)
 2. Маркуся Яковлевича Эттингера (*Садовая ул.*)
 3. Янкеля Давидовича Жорницкаго (*Садовая ул.*)
 4. Сруля Кельмановича Тульчинскаго (*Грязная ул.*)
 - Мыловаренные заводы:
 1. Хавы Абрамовны Тверской (*Низовая ул., соб.дом*)
 2. Хаима Мордковича Житомирскаго
 3. Берка Иосифовича Аксельруда (*Низовая ул.*)
 4. Аврум Киселевича Бармата.
 - Чугунно-литейные и механические заводы:
 1. Альфонса Генриховича Тихтера (*Владимирская ул.*)
 2. Константина Станиславовича Томашевскаго (*Сенная пл.*)
 - Завод колесной мази (*г. Киев*)
- Владелец Лейба Мазур.
- Фабрика масляных красок и масловаренный завод (*на Сенной пл.*)
- (*Купеческая ул.*) Владелец Фроим Абрамович Линдин
- Каретные заведения
 1. Эля Срулевича Спивака (*Б. Фонтанная ул.*)
 2. Михаила Артемьевича Рыженка (*Б. Фонтанная ул.*)
 3. Мордки Калехмана (*г. Киев*)
 - Лесные склады (*Сенная пл.*)
 - Кирпичные заводы
 - Паровые маслобойные заводы Братьев Лазуркиных.
 - Фотографии: А. Ю. Юрковской, Н. Я. Кравца, С. И. Рабиновича,
- Ф. П. Лесницкаго.
- Типографии:
 1. Иосифа Давидовича Барана (*Николаевская ул.*)
 2. Лейбы Ойзеровича Шапиры (*Николаевская ул.*)
 3. Двойры Боруховны Вайнштейн (*Н. Николаевская ул.*)
 4. Ицки Срулевича Цейтлина (*Садовая ул.*)
 5. Аврума Боруховича Тарадаша (*Николаев. ул.*)
 - Скоропечатня (*Полицейский пер.*)
- Владелец Вольф Иосифович Айхенбойм.
- Земская почта (*г. Киев*)
- Заведыватель Сруль Мошкович Зоненберг.
- Гостинницы:
 1. «Гранд-Отель» (*Садовая ул.*)
 2. «Ново-Европейская» (*Дворцовая ул.*)
 3. «Европейская» (*Сувор. ул.*)
 4. «Франция» (*Николаевская ул.*)
 5. «Англия» (*Киевская ул.*)
 6. «Лондон» (*Николаевская ул.*)
 7. «Северная» (*Садовая ул.*)
 8. «Бристоль» (*Николаевская ул.*)
 9. «Бельвю» (*Николаевская ул.*)
 - Садовое заведение (*Филипповская ул.*)

- Управляющий Яков Францевич Банк.
- Сахарные заводы Уманскаго уезда: с. Верхнячке, м. Иваньках, с. Кислине, с. Майданецком, с. Перегоновке, м. Тальном, с. Погорелом.
 - Почтовые ящики выставлены:
 - №1 (*Дворянская ул.*)
 - №2 (*Торговая ул.*)
 - №3 (*Киевская ул.*)
 - №4 (*Литейный пер.*)
 - №5 (*Солд. Слободка*)
 - №6 (*Софиевская ул.*)
 - №7 (*Софиевская ул.*)
 - №8 (*Николаевская ул.*)
 - №9 (*Николаевская ул.*)
 - №10 (*Успенская ул.*)
 - №11 (*Суворов. ул.*)
 - №12 (*возле Конторы и два ящика в Конторе*)

Такса извозчикам

(Рубли-копейки)

1-ый разряд:(2 категории) / 2-ой разряд

- За езду по городу за 1-ый час
0-80 0-60 / 0-40
- Последующие за тем часы
0-60 0-40 / 0-30
- Из города в Царицын сад (до павильона)
0-40 0-30 / 0-20
- Обрато в город
0-40 0-30 / 0-20
- В один конец по городу
0-40 0-30 / 0-20
- На Мещанку
0-50 0-40 / 0-30
- На Софиевскую слободку
0-60 0-50 / 0-40
- К месту расположения полкового лагеря
0-60 0-40 / 0-30
- На вокзал железной дороги
0-60 0-50 / 0-40
- В день Новаго года, в 1-ый и 2-ой день Святой Пасхи за каждый час

Познавательнo сравнить приведенный адрес-календарь с «Памятными книжками Киевской губернии за 1904 год», в которых приведены сведения только о государственных учреждениях Умани и перечислены официальные лица города и уезда. Мне было очень интересно узнать, что гласным городской думы был Григорий Антонович Евстратов (по моему убеждению — отец Николая Григорьевича Евстратова, учившего меня, малолетнего, футболу и теннису на стадионе Уманского сельскохозяйственного института); что в списке почётных мировых судей Уманскаго уезда числился действительный

статский советник Дмитрий Семёнович Леванда, директор училища садоводства и земледелия; что Петербургский Торгово-промышленный банк в это время имел в Умани своё отделение на улице Садовой...

Заглянув в «Памятные книжки Киевской губернии за 1912 год», обнаружил, что в Умани к этому времени появились новые учебные заведения — честная женская гимназия Левицкой, женское коммерческое училище, четырёхклассное городское училище...

Николай Павлович Анциферов

Книга воспоминаний Николая Павловича Анциферова «Из дум о былом» — не просто летопись жизни замечательного человека, им составленная. В ней — и его искренний, глубокий анализ собственного жизненного пути, внешних факторов и исходных качеств характера, повлиявших на формирование его натуры, интересные размышления и аналитические обобщения на этот счёт. В летописании этом — сомнения и переживания автора в ответственные моменты принятия житейских решений, его доброта, человечность, стойкость в личных трагедиях; оно — будто панорамная картина, богатая сюжетами, красками, тонами и полутонами, авторскими эмоциями с тщательно выписанными на ней процессами накопления знаний, роста эрудиции, укрепления нравственности, совестливости, кристаллизации чести, самоуважения, внутреннего достоинства истого русского интеллигента Анциферова.

В первом прочтении мемуарную книгу «Из дум о былом» усваивал в два «прохода». Поначалу, читая её от корки и до корки, фиксировал памятью и закладками увлёкшие меня, интеллектом насыщенные строки — с философскими «отвлечениями» автора, с его суждениями о воспитании детей, о благодарности родителям, о дружбе и о любви, о вере в Бога; с воспоминаниями о «милых спутниках», сопровождавших Николая Павловича на том или ином отрезке его жизненного пути, о студенческих годах в Петербургском университете, о замечательных педагогах, учёных, учивших его...

Повторно обратившись к этой чудо как хорошей книге, «прошёлся» по прежде сделанным реперным меткам, углубляясь в выделенных местах в суть написанного, пытаюсь уразуметь ход авторской мысли и логику его умозаключений. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» — от своих изыскательских трудов получил великое умственное наслаждение.

Подобным образом — последовательным перебором значимых для меня мест книги «Из дум о былом», с углублением в них и «описью» драгоценных находок, с увязкой их с сегодняшним днём построил свой рассказ-эссе о Николае Павловиче Анциферове. При этом с особым тщанием расписал все обнаруженные мною детали жизни и отношений моего выдающегося земляка с нашей общей малой родиной — городом Умань, парком «Софиевка». С приятными чувствами будто повторно прогулялся с юным Анциферовым

по центральной части старого Киева, по местам, связанным с его отрочеством и ранней юностью и очень близким мне — киевлянину со стажем.

Ностальгируя по собственной студенческой молодости в Ленинграде, анализировал, обобщал анциферовские воспоминания об университетской жизни Петербурга начала прошлого века, о взаимоотношениях преподавателей и студентов, учёных и их учеников, о брожении умов в студенческой среде. Но более всего хотелось мне, обрабатывая материал о Николае Павловиче Анциферове, уяснить для себя природу его высокой нравственной и духовной стойкости, с которой он перенёс уму непостижимые житейские испытания, обрушившиеся на него во второй половине его жизни. Дело это оказалось непростым, им ещё заниматься и заниматься...

«С высшей точки зрения описать человека вообще невозможно, как-никак в нём сосредоточена целая вселенная».

(Томас Гарди)

Часть первая. «Обаяние поэзии детства».

Из всех читанных и слышанных мною литературных и близких к ним характеристик Софиевского парка (а их — немало!) более других радует и нежно печалит сердце моё оценка Николая Павловича Анциферова:

«Софиевка — моя колыбель. Её имя звучит мне и поныне так ласково С-о-ф-и-е-в-к-а. Образ её первой хозяйки, для которой она была создана, графини Софии Потоцкой вплёлся в мою жизнь, как отзвук какой-то забытой легенды. Уже юношей я увидел её портрет. Помню своё удивление: этот образ оказался реальностью. Он жил в моём воображении, как сказка, рассказанная мне в детстве. Я всматривался в эти прекрасные черты с каким-то суеверным трепетом. Это чувство знакомо тем, для кого сон внезапно становится явью. В её чертах греческой богини было что-то детское, что-то от Миньоны...»

Из воспоминаний Вигеля я знаю, что у Софии Потоцкой сомнительная репутация. Но мне хочется отмахнуться словами Гегеля: тем хуже для действительности.

Много лет спустя в доме Шувалова в Царском Селе (тогда оно называлось уже Детским) я с изумлением увидел на стене фотографическую карточку Софии Потоцкой (это в XVIII веке!), а на противоположной стороне снимок её портрета. Проживавший в шуваловском особняке профессор Б. Е. Райков рассеял мои недоумения.

Владелец этого дома граф Шувалов был потомок Потоцких. В Ницце он встретил гречанку, поразившую его сходством с прабабкой. Граф познакомился с ней. Оказалось, что она родом с того же острова Хиоса, что и Софья Потоцкая. Шувалову пришла в голову идея нарядить свою знакомую в костюм своей прабабушки и на фотографии запечатлеть её черты».²

Николай Павлович Анциферов родился 30 июля (11 августа) 1889 года. На белый свет выбрался с муками, с риском для жизни матери Екатерины Максимовны (урождённой Петровой, из тверичей), кажется, согласившейся

— дабы сохранить жизнь младенцу — на «кесарево сечение». Был он долгожданным чадом, единственным ребёнком у своих родителей, чуть было не потерявших надежду в свои далеко за тридцать на продление фамилии Анциферовых, представлявшей старинный род архангелородских дворян.

Роды проходили в «доме службы директора» Уманского училища земледелия и садоводств, в котором помимо служебных помещений, кабинетов директора (Дмитрия Семёновича Леванда) и инспектора (Павла Григорьевича Анциферова), располагались — в боковых приделах — квартиры их семей. Дом этот, выстроенный архитектором Робертом Людвиговичем Першке (где-то после 1869 года), представлял и поныне представляет собой внушительный двухэтажный особняк, с фасадом классических пропорций и просторными внутренними помещениями.

В пору детства и отрочества моих благостных, припавших на пятидесятые года ушедшего века, в бывшем директорском особняке размещалась институтская библиотека, активным и дисциплинированным пользователем которой я стал в возрасте неполных двенадцати лет. (Однажды, будучи уже вызревающим подростком, укрывшись за библиотечными стеллажами, увлечённо и лихорадочно пересматривал тома Ги де Мопассана. Понимая, что мне, недорослю, строгая и добродетельная библиотекарша означенные книги на руки не выдаст, спешно выискивал и вычитывал в них — разгорячённый! — наиболее острые любовные сцены. Увлёкся настолько, что не заметил, как сотрудники библиотеки, закрыв дверь на ключ, отправились на обед. Пришлось мне через форточку, высотой в половину моего роста, выбираться наружу. Проходившему мимо библиотеки долговязому аспиранту что-то «промычал» невнятно в своё оправдание; тот, вскинув брови, подивился манерам сына уважаемого доцента Головцова, но промолчал.)

В доме этом прошли два младенческих года отпрыска Анциферовых, из которых в тогдашней, только формировавшейся памяти его сохранился, на будущее, размытый полунамёк-полувоспоминание о его подъёме на второй этаж здания, к бабушке. («Что могла спасти моя память из хаоса смутных чувств и первых проблесков мысли? Они ещё не находили своей формы, которая помогла бы им закрепиться в душе, тогда ещё совершенно расплавленной».)

Непросто — хотя очень хотелось бы! — определить, из каких первоначальных влияний сложилась, со временем, замечательная личность Николая Павловича Анциферова. Появление на свет нового человека всегда тайна и чудо, в результате которых каждый новый житель планеты Земля получает — всякий раз в новом сочетании — какую-то долю свойств его предков.

Кто из предков моего земляка — поморов и тверичей, близких и отдалённых, прямых и не прямых — добавил (и в каких пропорциях) от своих существенных свойств, темперамента и способностей, в общую лепку нового характера их уманского потомка — характера необыкновенно честного и прямого, отзывчивого и великодушного? Какими хитроумными лабиринтами наследственности пришёл к этому, насквозь русскому человеку, изначальный, смутный инстинкт нравственного блага? (Как по мне — так предполагаю преобладание «североморского следа» в формировании основ личности

Николая Павловича Анциферова — человека основательного, сдержанного, доброго, искреннего, внешне статного...)

Характер, предками сложенный, определяет существо человека на всю его последующую жизнь. Он — практически непоколебим; «подкорректировать» его (как полагают специалисты, корифеи психологии) могут первобытные впечатления, сильные и лишь влиятельные, получаемые только начавшимся формироваться человеком в первые два-три года своей жизни — в первую очередь от воспитательного усердия и умения родителей, близких людей малыша.

Тем из нынешних родителей, кто в наш лицемерный век (его безнравственности вопреки) желает вырастить из своего ребёнка «настоящего человека», следует прочесть несколько первых глав воспоминаний Николая Павловича Анциферова, совокупно представляющих собой прекрасный педагогический этюд — настоящую «педагогическую поэму»! В них — взгляд автора (скорее — теория) на становление внутреннего мира маленького человека, на нюансы формирования его психики, на правила поведения с ним «старших товарищей» по мере его взросления; всё это он начал обобщать и обосновывать, наблюдая начальную пору жизни своих детей:

«Когда я всматривался в облик моих детей в первые дни их жизни, я испытал не только переполнявшую меня любовь, но и благоговение. Я совершенно не чувствовал своего превосходства над младенцем. Он был гость из другого мира, весь полный неведомым для меня бытием. Рост человека не есть только нарастание жизни, впитывание в себя нашего мира и переработка всего получаемого извне. Каким смешным мне кажется утверждение Гельвеция с его плоским рационализмом, что новорождённый — это tabula rasa! Рост — это борьба в душе нового со старым, это постепенное отмирание в душе одного и замена его другим. Я не могу на ребёнка или отрока смотреть сверху вниз, с высоты своего «взрослого величия». И не потому, что дети, как у нас теперь принято их называть, «цветы будущего». Нет! Общение с детьми для меня всегда было общением двух равноценных миров. Ребёнок по мере роста будет приближаться к моему миру, а я всё более отдаляться от его мира, который когда-то был и моим миром (в какой-то мере). Я живо чувствую, что с годами не только обогащается, но и оскудевает душа. А то, что с возрастом отмирает, оставляет в душе едва заметные следы. Мир ребёнка — очень богат, очень сложен и очень кипуч. Вспоминая себя в детские годы, я с грустью думаю о тех утратах в восприятии мира, которые теперь я и назвать не сумею. И вместе с тем я совершенно не могу согласиться с Гумилёвым, что люди «меняют души»».²

Кажется мне, что ко всем квалификационным характеристикам Николая Павловича Анциферова (историк, краевед, культуролог) исследователи его жизни и творчества позабыли добавить ещё пару пунктов — педагог и детский психолог. Возможно, причина такой «забывчивости» — в простоте авторского языка анализа и обобщения важных, интуитивно понятных читателю явлений при глубоком проникновении в их суть. («Так ясное спокойствие волны скрывает тайну светлой глубины».)

Педагогический материал в воспоминаниях о раннем детстве Анциферова состоит как из аналитических рассуждений, так и практического материала — описательных картинок семейного быта в директорском доме Никитского ботанического сада (куда семья, после назначения её главы директором сада, переехала в 1891 году), каждая из которых имеет назидательный смысл. Видно из них, что основой семейной педагогики был лад во взаимоотношениях взрослых, которых их маленький сын, в своём детстве добродушным, ни разу не видел в ссоре («*На что и клад, когда у мужа с женой лад*»).

Вела партию воспитания мама, горячо и нежно обожаемая маленьким сыном, подчинявшимся её строгости и требовательности, ревновавшим её к другим людям, даже к музыке, которой она увлекалась. («*В основе всех детских страданий лежала, конечно, ревность*».)

«Мама правила всем домом. Сдержанная, молчаливая, она была движущей силой, определявшей наш быт. Мама имела властный характер и была горда. „Настоящая была барыня наша директорша, а эти что!“ говорили мне, когда я впоследствии посещал Никитский сад. К гордости нужно присоединить и независимость. Маме приходилось, в силу её положения, иметь дело с разными „высокопоставленными“, посещавшими наш дом, включая сюда и министерские семьи. Мама признавала эти отношения лишь в плане равенства. Вот почему она сошлась с Ермоловыми и Нарышкиными и осталась очень холодной с семьёй Витте. Моя мама была совершенно чужда всякой политике и церковности. Всё же она была религиозна, что-то в ней было протестантское.

*...мама прожила долгую жизнь. Умерла она в 80 лет. В ней была большая жизненная сила и — несмотря на все её жалобы — глубокая любовь к жизни. Ей свойственны были и юмор, и большая живость. При серьёзных жизненных несчастьях она проявляла твёрдость».*²

Если судить по книге воспоминаний, её автор в стартовую пору своего детства был ребёнком впечатлительным, открытым, многое понимающим, одновременно сосредоточенным и общительным. В чувствах его к отцу, мудрому и ласковому в воспитательном общении с сыном, преобладали восторг и почитание как существа высшего порядка — благого, всезнающего, всемогущего. Было у сына особое чувство доверчивости к отцу, позволявшего себе непедagogические приёмы в воспитании (однажды, желая морально поддержать сына, за слушание закрытого «главным воспитателем» в спальне, Павел Григорьевич всё время «заключения» провёл вместе с ним).

«Отца же я почитал как высшее существо, полный благоговения к нему и самой нежной любви. Но моя любовь была совершенно свободна от страха. Я живо помню облик отца — всегда ясный, тихий, иногда печальный. Никогда я не видел его не только сердитым, но даже хмурым или раздражённым, никогда не слышал повышенного голоса. Всюду, где он появлялся, его встречали приветливые лица, стихали споры, умиралось возбуждённое раздражение.

...Я всегда мог войти к отцу. Если кроме него никого в кабинете не было, я подбегал к нему. Отец целовал меня. Иногда удерживал, поднимал мои волосы, спускавшие на лоб (я носил тогда чёлку) и пристально смотрел на меня....

Если никого в кабинете не было, у нас завязывалась беседа. Папа расспрашивал меня о моих планах, а я осматривал его вопросами, твёрдо веря в его всеведение.

*... Папа рисовался мне всегда защитой и охраной. Мысль о нём отгоняла всякий страх. А страх — такое же чувство, сопутствующее детству, как грусть сопровождает юность, а скорбь старость».*²

По вечерам в столовой, где семья традиционно чаёвничала у самовара, отец — под тиканье часов на камине — много рисовал сыну тонкими карандашными штрихами фигуры зверюшек (отсюда, видимо, пошла пожизненная привязанность Николая Павловича Анциферова к рассказу Чарльза Диккенса «Сверчок за очагом», напоминавшему ему об уюте семейной жизни втроём). В погожую погоду отец и сын отправлялись в прогулку по парку — «*Отец учил меня распознавать деревья и травы по их цветам, листьям, коре и корням, птиц — по их крикам и пенью, по их полёту и оперенью*». В летнюю пору следовали совместные походы на купание, прогулки в горы — «*Море отсюда было ещё необъятнее, а мир в своём величии казался здесь ещё более грозным*».

*«Так во все стороны расширялся мир, нарастало пространство, как нарастает и время. Душа ребёнка, как крот, расчищала, прокладывая себе всё новые ходы.... Создававшееся, разраставшееся пространство было полно форм, красок, звуков — полно вещей. Тогда я получил те прообразы, из которых сложился мой мир».*²

Был ещё у маленького познавателя жизни свой «мир дома» в Никитском ботаническом саду, в котором жили триедино Анциферовы; дома, который — за шесть лет обитания — маленький его хозяин тщательно изучил и по-своему основательно обжил, в котором было особое, только ему доступное отделение — домовая башня, где накапливались детские сокровища, где он мог уединиться и без взрослого надзора поиграть, перебрать и пополнить свои коллекции, поразмышлять, пофантазировать; дома, в котором он ощутил чувство крепости жизни, который воспитал в нём «*чувство устойчивости*», что дала его душе «*особый закал*», утвердила в ней верность.

*«Совершенно прав У. Патер, когда он говорит о том, что дом в детстве становится неотъемлемой частью души, благодаря тому закону, что окружающие предметы входят важным слагаемым в детское существование».*²

Беда постучала в «дом детства безмятежного», когда его маленькому хозяину не было и восьми лет, — тяжело заболел Павел Григорьевич. В марте 1897 года он с домочадцами выехал в Германию, надеясь на исцеляющую силу тамошних минеральных вод. Полугодовой курс лечения в нескольких бальнеологических клиниках ничего не дал — хворь, как выяснилось, по природе своей оказалась неизлечимой. По дороге домой супруги Анциферовы с сыном заехали в Умань. В этом городе, где они прожили полтора десятка счастливых лет, в доме, где появился на белый свет их единственный ребёнок, Павел Григорьевич Анциферов скончался 18 ноября 1897 года.

*«Детство моё заканчивалось со смертью отца. И мой мир и мой дом — с ужасом понял я — подвластны каким-то жестоким и неотвратимым законам. Всё, казавшееся мне созданным благим Отцом на века, не было вечным, всё было под властью времени... А сердце моё, такое робкое, жаждало чувства устойчивости».*²

Чувство житейской устойчивости Николая Анциферова, было поколебавшись под первым ударом судьбы, как дерево под налетевшей бурей, вернулось со временем к нему, единственному мужскому представителю рода Анциферовых. Был прочен и глубоко сидел в грунте жизни корень его характера. *«Если дерево не будет колебаться, то оно крепких корней не пустит, в затишье деревья слабокоренные».*¹³⁵

К двум главным местам, к двум главным домам детства своего, счастливого и полнокровного, Николай Павлович Анциферов не раз возвращался на протяжении всей своей жизни. В «колыбели» своей — парке «Софиевка» — в последний раз побывал он в 1947 году; с Никитским ботаническим садом («ядром» своей жизни) простился навсегда в 1954 году.

С какую болью, страхом и тоской
Отсель пойду к последнему порогу,
Не ведая, что кроет сон его!
Кто даст мне вновь отрадную тревогу,
Волшебный трепет детства моего?
(Юргис Балтрушайтис)

Часть вторая. «В заботах жизни многосложной»

После смерти Павла Григорьевича Анциферова все проблемы жизнеустойчивости уменьшившейся семьи — в первую очередь, денежные, жилья, воспитания и обучения сына — легли на плечи его вдовы, Екатерины Максимовны. Не дрогнув, не ропща на судьбу, приняла она её удар, выдержала его, уверенно разрешала все житейские коллизии, затрагивающие быт семьи, делала всё возможное и невозможное ради будущего горячо любимого сына. Стала она для него надёжной опорой в жизни, главной направляющей силой как в детстве его полусиротском, так и в пору его взросления и возмужания; таковой — ангелом-хранителем взрослого сына, его семьи — оставалась она до последнего своего вздоха.

*«Единственная мать уже по чину надёжный друг единственному сыну».*⁸² Похоронив мужа, Екатерина Максимовна устроила сына в Умани на попечение сестры и уехала в Петербург хлопотать о пенсии. Выхлопотанной компенсацией, совокупно с имевшимся (думается, не обильным) капиталом семьи, её глава ухитрилась не только обеспечивать безбедный быт семейному дуэту, но и изыскивать средства для зарубежных поездок своего любимца — на лечение, с познавательными целями.

Потеряв кормильца, мать и сын Анциферовы оказались без жилья и без постоянной «прописки», и всю последующую жизнь вдвоём провели что на-

зывается «на колёсах» — со сменой городов проживания, с постоянными (довольно частыми) переездами из одной нанимаемой квартиры в другую (случалось — и в гостиницу) с минимально допустимым количеством личного скарба (большую часть семейного имущества пришлось распродать, спешно освобождая директорский дом в Никитском ботаническом саду).

Первую вдовью зиму Екатерина Максимовна с сыном прожила в Умани, у гостеприимных Леванда. Затем приняла предложение старшей сестры покойного мужа, Юлии Григорьевны, — переехала жить к ней, в город Ново-Александррию (что в коренной Польше, недалеко от Люблина), где в тамошнем институте сельского хозяйства и лесоводства заведовал кафедрой муж золовки профессор Николай Михайлович Сибирцев.

В польском городке Анциферовы прожили один год. Это время своей жизни Анциферов-мемуарист оценил как «жизнь на чужбине». Чувствовал он себя заброшенным в полупустом доме профессора, подолгу лечившегося в Италии; раздражала его недоброжелательность сверстников, польских и еврейских детей. За этот недолгий «заграничный срок» он подружился с двумя семьями институтских преподавателей — Делоне и Фортунатовых. С Фортунатовыми дружба укрепилась на десятилетия вперёд; вслед за ними летом 1899 года Анциферовы переехали в богоспасаемый Киев, в котором глава дружественного семейства Фортунатовых получил новое место работы.

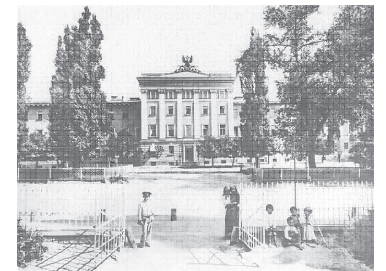
В Киеве Екатерина Максимовна нанимала квартиры исключительно в центре города, поближе к Фортунатовым и к Первой киевской гимназии. В ней намеревалась она продолжить уже начавшееся образование сына (в Ново-Александррии он обучался в так называемой странствующей домашней школе, организованной преподавателями института для своих детей). Но окончательно перевести сына на очную форму обучения долго не решалась, отдавая предпочтения заочному образованию — экстерному, все ужасы которого описал в своих воспоминаниях Константин Константинович Паустовский:

«Весной 1902 года я должен был поступить в подготовительный класс Первой киевской гимназии. В ней учился мой средний брат, Вадим. После его рассказов я начал бояться гимназии, иногда даже плакал и просил маму оставить меня дома.

— Неужели ты хочешь быть экстерном? — испуганно спрашивала мама. Экстернами назывались те мальчики, что учились дома и только каждый год сдавали экзамен при гимназии.

Со слов братьев я хорошо представлял кошмарную судьбу этих экстернов. Их нарочно проваливали на экзаменах, всячески издевались над ними, требовали от них гораздо больше знаний, чем от обыкновенных гимназистов. Никто из экстернов не было помощи. Им даже не подсказывали.

Я представлял себе этих истощённых от зубрёжки, заплаканных мальчиков с красными от волнения, оттопыренными ушами. Зрелище было жалкое».

Поначалу, с осени 1899 года Николай Анциферов занимался вместе с новым знакомым Митей Навашиным у него дома; наставлял пару отроков Николай Левченко («...впоследствии петлюровский атаман»). Позже вместе с ещё одним другом, Вовой Белокопытовым, слушал курс гимназических наук от старшего друга Кости Фортунатова, студента физико-математического факультета Киевского университета. «*Наш учитель Костя не только превосходно вёл нас по тропам школьного учения... Всегда ясный, весёлый, иногда чуть насмешливый, он старался воспитать наш ум*».² В эту пору киевский дом Фортунатовых стал для Анциферова местом проведения всего его свободного времени, здесь он играл с братьями в романтические рыцарские игры-спектакли, рисовал декорации к ним. Слушал он за компанию с друзьями устное чтение классиков в исполнении главы семейства, привечавшего Николая, будто ещё одного своего сына, и тот отвечал ему взаимным чувством подростка, рано потерявшего отца. Но через два года Фортунатовы покинули Киев.

*«Осенью 1902 г. меня как громом поразила весть: Фортунатовы переезжают в Москву. Алексей Фёдорович возвращался в своё Петровско-Разумовское. И как мы потянулись за ними из Ново-Александровки в Киев, так теперь из Киева потянулись за ними Белокопытовы. Мама на этот раз отказалась менять город: «Ну, а если они из Москвы уедут в Петербург, мы снова поедём за ними?» Фортунатовы уехали, и Киев для меня опустел».*²

Ещё два года нанимала Екатерина Максимовна домашних учителей для сына, и только в 1904 году, в возрасте пятнадцати лет, переступил он порог Первой киевской гимназии как полноправный ученик пятого класса. «*Впечатления первых дней были очень тягостны. Меня потрясала площадная брань моих товарищей, брань, которую я едва понимал, но то, что понимал, вызывало во мне непреодолимое отвращение*». Учителя были знающие, но разного характера, что позволяло учащимся, используя человеческие слабости того или другого педагога, либо вести себя вызывающе, до наглости; или наоборот — подчиняться силе воли преподавателя.

*«Латынь преподавал сам директор, похожий на Зевса-Громовержца, Евгений Адрианович Бессмертный. В классе мёртвая тишина. Громовержец с лицом Перикла, во всяком случае, с бородой этого вождя афинской демократии, озирает острым взором класс, как поле сражения. И потом внезапно тишину вспугнёт как удар грома: фамилия жертвы. В ожидании этого гимназисты, склонившись над партами, шепчут молитвы и крестятся».*²

В конце 1904 года Николай Анциферов в очередной раз съездил в Умань в гости к тётушке Марии Максимовне, в дом, где его любили и всегда ждали. По возвращении домой простудился, заболел пневмонией и в гимназию некоторое время не ходил. С наступлением весны вместе с мамой он отправился на Рязанщину, в имение Барановку, принадлежавшее двоюродной сестре отца, Антонине Николаевне Курбатовой (в девичестве — Вихляевой).

Отдохнув, поправив здоровье, Николай Анциферов вернулся к началу сентября 1905 года в Киев, пошёл в шестой класс гимназии. «*Изменился я,*

*но изменился и весь класс. Он уже не напоминал мне, как в прошлом году, зверинец. Большинство объявило себя социалистами».*² Занятия в гимназии прервались на следующий день, после провозглашения царского «манифеста 17 октября»

— Киев оказался в стихии как революционных, так и антиреволюционных выступлений. Митинговавшие у городской думы протестанты сбросили и растоптали трёхглавого орла, рвали трёхцветные знамёна; на Крещатике драгуны открыли огонь по демонстрантам. В тот же день начался еврейский погром. «*Правая печать («Киевлянин») выступление чёрной сотни толковала как отпор народа революционной интеллигенции, как взрыв чувства негодования народных масс против тех, кто осмелился растоптать государственный герб*».² Погром длился несколько дней, в нём чуть было не пострадал сосед по дому Анциферовых, сын протоиерея Николая Фаворова, крестившего в Умани новорождённого Анциферова.

*«К нам заходил сосед по дому (знакомый ещё по Умани) Михаил Фаворов. Он рассказал, что громилы приняли его за еврея (он был очень смугл и чёрно-волос) и хотели избить. Его спасла матерная брань: „Ну нет, это не жид, это наш!“ — решили громилы и оставили его в покое. Не очень лестный вывод для русского человека».*²

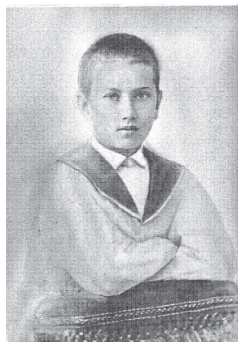
В эти дни в университете, в институтах Киева студенты выступили за академическую автономию. Состоялась сходка и в Первой гимназии, утвердившая состав делегации учеников для выработки требований к администрации гимназии (шестиклассник Анциферов попал в число избранных). Волна возбуждения скоро схлынула, забастовка в гимназии не состоялась (подвели свои штрейкбрехеры). Военный губернатор Киева Сухомлинов вызвал к себе директора гимназии, латиниста Бессмертного, устроил ему разнос и добился перевода впавшего в немилость педагога в далёкий Саратов.

«Эти месяцы высокого общественного подъёма, окрылившие нас чаяньем наступления новой свободной жизни, основанной на социальной правде, были омрачены для меня тяжёлой борьбой с мамой.

Я был единственный сын. Кроме меня, у мамы никого не было. Сознание этого возлагало на меня особую ответственность. Мама жила в постоянном волнении. Когда я возвращался после сходки или засиживался у товарищей, меня встречал запах эфира-валериановых капель. С мамой делались ужасные припадки, от которых она задыхалась и синела. Врачи говорили мне: если я не изменю своего образа жизни, я погублю свою мать. „Враги человеку домашние его“.

*Я сам так изнервничался, что заболел острым нервным расстройством. Те же врачи потребовали взять меня из гимназии и назначили курс водолечения и впрыскивания мышьяка. Так я выбыл из гимназии. Но связи с ней не порывал».*²

Случилось это уже в 1906 году, в самом его начале, и дальнейший год событий в жизни Анциферова повторил ход событий ушедшего года: весной он вновь уехал с матерью в любимую Барановку, а по возвращении, осенью того же года, он вновь погрузился с головой в общественную жизнь.

И вновь в снимаемой Анциферовыми квартире запахло эфирно-валериановыми каплями, вновь возобновилась у сына бессонница, с последующим водолечением и приёмом мышьяка. Наконец, сговорившись предварительно с врачами, Екатерина Максимовна решила взять сына за границу (в Ниццу, где жила ещё по Умани её знакомая Ржепецкая, «которая усиленно звала мою мать, уверяя, что лучшие Ривьеры не найти уголков для зимнего лечения»).

С весны 1907 года, уже после зарубежной поездки, Екатерина Максимовна возобновила занятия сына с наставляемыми учителями, а через год уехала с ним — от киевских соблазнов подалее — в Петербург, где сын продолжал усиленно заниматься, готовясь к сдаче экстерном выпускных гимназических экзаменов. В северной столице пробыли два месяца и в марте 1908 года вернулись в родные пенаты. Попытка экстерна Анциферова сдать выпускные экзамены в стенах близкой ему Первой гимназии завершилась провалом — подвела алгебра.

Екатерина Максимовна не дала сыну увянуть в тоске переживаний по случаю учебной неудачи — отправила его (на весну и лето этого же года) в Норвегию, а по его возвращении из страны фиордов — вновь уехала с ним на всё лето в любимую Барановку. После летнего отдыха увезла сына в Москву, где поселилась с ним вместе на два месяца в гостинице. Затем окончательно и бесповоротно (в ноябре 1908 года) Екатерина Максимовна увезла сына в Петербург, видя целью всех своих забот его поступление в университет.

«Мы поселились в двух комнатах на углу Большого проспекта и Петербургской стороны и Введенской улицы... С усердием я принялся за уроки. Ведь и Норвегия, и Барановка, и Москва — всё это были затянувшиеся каникулы, которые я проводил не праздно, но мало заботясь об экзаменах...

А я был изгой. Университет — земля обетованная не для меня. Двери его закрыты. Весной экзамены, а я опять не совладаю с собой и, в волнении, или наделаю ошибок, или напутая в задачах, не смогу объяснить их. И я впал в отчаяние от этих мыслей. Я не оправдаю свою фамилию — „приносящий пользу“...

И я усердно работал, в особенности над математическими дисциплинами. Но дело ведь не в отсутствии знаний, а в самообладании. И я сознавал себя в зависимости от любой случайности. Только бы найти свой место в жизни!»²

Весной 1909 года Николай Анциферов подал заявление в Введенскую гимназию Петербурга на сдачу выпускных экзаменов экстерном. Согласно последнему циркуляру министра народного просвещения Александра Николаевича Шварца ему довелось сдавать курс восьми классов (а не пяти, как раньше). Экзамены он сдал успешно: «Предо мною откроются врата в цар-

ство — двери университета. Я получил «пять» по всем математикам, но по истории — «четыре». Осенью 1909 года, успешно сдав вступительные экзамены, Николай Павлович Анциферов поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Часть третья. «О, лучших лет высокая любовь...»

Если судить по информации автора, в первый раз он влюбился в возрасте шести-семи лет в Мусю Ермолову; дело было в Никитском ботаническом саду, находившемся под началом отца влюбившегося сына. В возрасте двенадцати лет, в Ново-Александррии причиной его нового сердечного волнения стала Маня Фортунатова и было оно столь велико, что влюблённый подросток спланировал будущую женитьбу на девочке его мечты.

Продолжила ряд «объектов увлечения» Таня Навашина, с семьёй которой десятилетний Анциферов познакомился в августе 1899 года, сразу после его переезда вместе с мамой в Киев. Тогда поселились они в гостинице напротив Ботанического сада на углу Безаковской площади и Бибиковского бульвара, и новая знакомая Екатерины Максимовны, Александра Сергеевна Навашина, пришла к ней в гости со свежесваренным бульоном — поддержать силы у её сына, заболевшего и сидевшего на строгой диете.

«Когда я немного окреп, мама сказала: «Иди в Ботанический сад, в дом директора Навашина. Ты должен поблагодарить его жену за бульон. Это она была так добра, что прислала его тебе...»

Это было моё первое посещение Навашиных. Мама сняла квартиру на Караваявской №39 против Назаровского переулка у самого Ботанического сада. Фортунатовы поселились где-то в конце Бибиковского бульвара в доме с большим садом, а вскоре переехали в Обсерваторный переулок №7 у Бульварно-Кудрявской. Я бывал у Фортунатовых и у Навашиных. Как непохожи эти семьи! Как различен весь строй их жизни...

В доме Навашиных царил строгий, несколько чопорный распорядок. Александра Сергеевна давала свои приказания прислуге Ульяне медленным твёрдым тоном. Роскоши не было и у них, но в обстановке навашинского дома не чувствовался тот аскетизм русских народников, который был характерен для дома Фортунатовых. У Навашиных я чувствовал себя смущённым, мне нужно было внимательно следить за собой...

В кабинете Сергея Гавриловича пахло хорошими сигарами. Он курил только гаванские из изящных деревянных ящичков с красочными картинками... Сергей Гаврилович в отличие от Алексея Фёдоровича Фортунатова любил вкусно и изысканно покушать...»²

Зародившись, дружеские отношения Николая Анциферова с семьёй Навашиных длились чуть более года, затем они на три года прервались и возобновились вновь в начале лета 1904 года по инициативе главы семейства, Сергея Гавриловича. К этому времени он уже был председателем общества по благоустройству Святошина, приобрёл в этом окраинном районе Киева боль-

шую дачу и вместе со всеми домочадцами переселился в неё на постоянное жильё. Анциферовы в это время снимали квартиру в Десятинном переулке; здесь Сергей Гаврилович разыскал пропавшего юного друга, пожурил за затянувшуюся забывчивость и пригласил в гости. Кончилось тем, что Екатерина Максимовна решила не увозить сына на отдых в дальние края, а наняла на всё лето дачу в Святошино.

Ещё год длилась дружба пятнадцатилетнего Анциферова с детьми Навашиных — Митей, Димой и Таней. Увлечлись они тем летом игрой в английских рыцарей, представлявшей собой некий «театр для себя» — с рисованным театральным представлением, со сменой декораций, с заговорами, благородными поступками, самоотверженностью, верностью присяге, любовью. За время этой игры между юными Таней Навашиной и Николаем Анциферовым возникло взаимоприятие в форме взаимной влюблённости — чувство, которому в шестнадцать лет трудно дать взвешенное толкование.

*«Раз под вечер мы с Таней отправились к тому святошинскому пруду, где прошлым летом катались на байдарках. Надвигалась гроза... Молния прорезала свинцовую тучу и полил дождь. Мы спрятались в барак, где хранились байдарки. Гроза бушевала. Но бушевала она и во мне: я был охвачен безвестным порывом. Хотелось схватить мою лазоревку и осыпать поцелуями. Мне нужна была большая сила воли, чтобы сдержать свой порыв».*²

Следующее лето 1905 года обещало юным влюблённым счастливое времяпрепровождение в живописном Святошино. Однако у мамы начинающего кавалера, не одобрявшей стиль жизни Навашиных и привязанности к ним сына, изменились соображения о месте и оздоровительной цели летнего отдыха. Для него она твёрдо наметила хуторок Барановку Рязанской губернии, принадлежавший родственной (по покойному мужу) семье Курбатовых.

Расстались гонимые влюблённые очень романтично — со взаимными клятвами о верности, с обещанием часто друг другу писать. На этой сентиментальной сцене и закончился было завязавшийся роман двух неопытных сердец — скоро жизнь рассудила по-иному. По дороге к месту отдыха и оздоровления, в Москве, в городском доме четы Курбатовых их дочь Наташа пленила и по-настоящему очаровала только ступившего на порог юности Анциферова.

«...Она предстала передо мной видением. Казалось, от древней фрески отделилась одна из священных дев, отбросив пальмовую ветвь, преисполненная прекрасной и таинственной жизнью...»

*С этого мгновения для меня началась новая жизнь. В ту эпоху нарастающего импрессионизма славили мгновения. Хрупкие и благоуханные, которые вспыхивают и гаснут. Нет, не таким мгновением была для меня встреча с Н. Она раскрыла мне смысл любви и подготовила меня к счастью, указав мне путь».*²

Наташа Курбатова была на восемь лет старше своего романтического вивави, но выглядела его ровесницей. Любимица семьи, она избегала общего шумного общения, держалась особняком, погружённая в мир собственных

ощущений и переживаний. Наташа окончила Строгановское училище, увлекалась пейзажной живописью, более всего — цветочными натюрмортами. *«Помню её кофточку из серого холста, покрытую тёмно-красными узорами, чёрную юбку, тёмную косу, охватывающую венком голову, нежный очерк лица, одухотворённый лоб и большие глаза, смотрящие вдаль и вглубь, внезапно вспыхивающие от чего-то, совершающегося в её душе, быть может, самой ей неведомого».*²

В первое общее лето 1905 года в Барановке общался с ней киевский гость преимущественно созерцательно, с немым обожанием и восхищением. В следующий приезд в имение Курбатовых — с весны по осень 1906 года — он духовно сблизился с ней, став её добровольным помощником в обучении сельских детей. Занятия проходили по утрам, до начала рабочего дня у ребят; вечерами встречались юные педагоги с учениками для естественного, непринуждённого взаимного общения. Были Наташа и Николай солидарны в методике обучения — не просто образовывать ребят, но и нравственно воспитывать их.

*«Лето 1906 г. сблизило меня с Наташей, в особенности занятия с детьми. Незадолго перед отъездом мы остались с ней вдвоём на веранде. Был уже поздний час. Мне давно хотелось задать ей те же вопросы, которые задавал Алёша Карамазов брату Ивану. Робко спросил я её, верит ли она в бессмертие души... Наташа ответила мне, что не может себе представить конца жизни духа. Тогда я решил задать последний вопрос, вопрос о её взгляде на любовь. И Наташа ответила мне так, как я хотел: и она признавала лишь духовную любовь. Я испытал в тот час то счастье, которое граничит со страданием».*²

Отношения с Наташей Курбатовой естественным образом приобрели для Николая характер спокойной дружбы, окутанной тонким флёром милых воспоминаний о вспышке духовного тяготения к необыкновенной девушке. *«Она неведомо для себя открыла мне тот путь любви, который привёл меня к моей Тане».*

«Но тот, кто внимательно следит за сближением человеческих жребиев, тот увидит, как медленно готовится воздействие одной жизни на другую».

(Дж. Эллиот)

Путь любви к Тане «открылся» для Анциферова в канун Пасхи 1907 года, когда друг Саша Попов затащил его на заседание кружка с непривычным наименованием «№37». Как выяснилось, таковым был номер дома на улице Мало-Владимирской, в котором регулярно разрешали «проклятые вопросы» активные молодые люди и в котором проживала организатор и лидер кружка — Таня Оберучева, с первого взгляда поразившая нового гостя. *«Она с изумлением посмотрела на меня своими внимательными, полными какой-то покояющей жизненной силы глазами».*

Так познакомился Николай Павлович Анциферов со своей будущей женой.

*«Таню Оберучеву воспитали в духе позитивизма. Её дядя, Александр Михайлович Покровский, доцент Харьковского университета, антрополог, был совершеннейшим скептиком; другой дядя, со стороны отца, полковник Константин Михайлович Оберучев был стойким революционером, формировавшим своё мировоззрение на Чернышевском, Добролюбове, Михайловском. Мать была равнодушна к религии, хотя дома патриархально отмечала все праздники и водила дочерей, пока они были детьми, в церковь. Она считала, что религия, как и сказка, необходимы, чтобы детство было освящено поэзией».*²

Семья Оберучевых была неполной. Екатерина Михайловна Оберучева, родив трёх детей, разошлась с мужем, Николаем Михайловичем. Причину развода дети так и не узнали, как и не знали, была ли у их отца другая семья. В войне четырнадцатого года он погиб в Польше, был посмертно награждён Георгиевским крестом за героизм; похоронили его с воинскими почестями в Киеве, на Аскольдовой могиле. Екатерина Михайловна остро переживала распад семьи. Жизнь свою посвятила дочерям, вся без остатка растворяясь в их проблемах, и требовала от детей подобного отношения к себе.

В дни знакомства с Николаем Таня Оберучева решалась совершить серьёзный «народнический» поступок — получить паспорт какой-нибудь мещанки, примкнуть в Киево-Печерской лавре к богомольцам и тайком от матери пойти с ними по святым местам. Попытка эта сорвалась из-за болезни Тани. *«Она в ту весну заболела сухим плевритом. Это было начало той болезни, которая свела её впоследствии в могилу».*² Неосуществлённое паломничество стало основой сюжета будущего рассказа Тани Оберучевой — «Богомолка».

Училась Таня в министерской (государственной) гимназии, располагавшейся по соседству с Первой киевской гимназией. Она заканчивала восьмой педагогический класс, ученикам которого полагалось давать пробные уроки в младших классах.

Думали молодые влюблённые по завершении гимназий вместе жить и продолжать образование в Петербурге, но так сразу не получилось. *«Наши мечты о совместной жизни в Петербурге получили жестокий удар: врачи запретили Тане переезд в „город на болоте“».* Провал Николая на выпускных экзаменах в Первой киевской гимназии весной 1908 года расстроил и без того слабое здоровье Тани. Для поправки его Екатерина Михайловна отправила дочь к её тётке, в Алфёрово. Переписывались влюблённые открытками, родители запретили им большие письма.

Анциферовы в это время жили в Москве, где Николай готовился к выпускным экзаменам, которые он запланировал пересдать в Петербурге, куда он с мамой вскоре и переехал на постоянное жительство. В ноябре 1908 года к нему в гости вместе с тёткой приехала Таня, поселилась в гостинице на Невском проспекте. Молодая пара подолгу гуляла по городу, ходили в театр, на каток. Здесь они впервые признались друг другу в любви.

Весной 1909 года, пересдав выпускные гимназические экзамены в Введенской гимназии Петербурга, Анциферов на несколько месяцев уехал к любимой девушке, в Алфёрово. Здесь им было хорошо вдвоём, много говорили о работе, о будущей жизни.

*«Таня была в моей любимой белой матроске. Мне хотелось, чтобы она распустила свои волосы. Она слегка сдвинула свои тонкие брови, но мою просьбу исполнила. Тёмно-каштановые волосы волною рассыпались по её плечам. Лицо её горело, а глаза светились незнакомым мне светом. А лицо её было такое строгое. Потом она улыбнулась, словно через силу улыбнулась, пожала мне руку и исчезла, как видение. Я задыхался от охватившего меня чувства счастья. В открытое окно дышала июньская ночь и веял лёгкий предутренний ветерок...»*²

После поступления Николая в университет в сентябре 1909 года Таня чередовала жизнь в Киеве с поездками в Петербург к жениху. Во время одного из приездов в столицу весной 1911 года она поработала на общественных началах в забастовочном комитете студентов, требовавших вывести войска из университета. Весной 1912 года, когда студенчество Петербурга бурлило по случаю Ленского расстрела, Таня Оберучева вновь приехала в город на Неве, чтобы уже навсегда в нём остаться. Работала она в землячестве украинских студентов университета, учительницей в школе. Вместе с киевской подругой Валей Красковской снимала для жилья комнату. *«Таня начала с увлечением работать с учительницей Богдановой в воскресной школе в предместьях города».*

В Петербурге Таня продолжила занятия историей, которые начала ещё в Киеве. Как специалист-самоучка она под началом Николая писала работу «Любовь в жизни Герцена». И прежде чем выйти замуж, она долго раздумывала, что предпочтительнее — научные занятия или семейная жизнь.

*«Повесть о студенческих годах могла бы кончиться как добрый английский роман моей свадьбой. Я и Таня венчались в лицейской церкви Царского Села... Это было 5-го февраля 1914 г., это были заключительные месяцы старого мира... Так Царское Село — город Пушкин — вошёл в нашу жизнь».*²

На венчание по желанию Татьяны были приглашены только самые близкие друзья. После свадебного застолья новобрачные отбыли в свадебное путешествие, в Швейцарию и Италию.

Медовый месяц новобрачным в Швейцарии «испортила» болезнь мужа — вновь пневмония. После выздоровления молодые Анциферовы переехали в Италию. Осматривали, изучали Рим, Болонью, Флоренцию — весь классический набор увлечённых, интеллектуально подготовленных путешественников.

«Опьянение первой поры, когда у двух любящих, слитых воедино, одна мысль — раствориться друг в друге. Они соприкасаются, они ощущают друга друга каждой частицей тела и души, они пытаются проникнуться друг другом. Они вдвоём — целая вселенная, не подвластный никаким законам любовный хаос, где перемешанные между собой стихии ещё не осознали, в чём их различие, и жадно стремятся поглотить друг друга. Всё восхищает любящего в любимом, ведь любимый — это тоже я сам».

(Ромен Роллан, Жан-Кристоф)

Посетили супруги Анциферовы Наталью Александровну Герцен (Тату), одну из трёх дочерей Александра Николаевича Герцен. В разговоре с ней гости затронули деликатные струны её души — поинтересовались, была ли в жизни её отца трагический для него уход жены к другому мужчине. Хозяйка вопросу удивилась, даже обиделась; уверила она соотечественников, что мать из семьи не уходила, что сумела она перебороть в себе порочную страсть. Анциферовы очень обрадовались этим сведениям — соответствовали они их мнению о безоблачности семейных отношений супругов Герцен, изложенном в проекте готовившейся ими к изданию книги. Только позже, прочитав книгу Эдуарда Кара «Русские идеалисты в изгнании», убедились Татьяна и Николай в обратном — измена была.

Вернувшись из свадебного путешествия в Петербург, молодые супруги сняли квартиру на Большой Пушкарской улице, обустроили своё семейное гнездо и зажили счастливой жизнью молодых, красивых, счастливых супругов и казалось им, что жизнь их наладилась на многие годы вперёд, но ... *«Заглянув вперёд, Время хмурит свои брови»*.¹³⁶

Часть четвёртая. «О моя юность! О моя свежесть!»

Обширность и темп интеллектуального взросления маленького Николая Анциферова, заданный родительской дидактикой и его запойным чтением книг (детских и «взрослых», художественных, исторических, библейских), были столь высокими, что уже к своим восьми-девяти годам он мог составить собственное суждение о принципиально важном вопросе жизни — национальной самоидентификации. Случилось это после смерти отца, во время жизни уменьшившейся семьи Анциферовых на земле коренной Польши.

«Никогда позднее я не осознавал себя так остро, болезненно остро русским, как тогда, в Ново-Александрии. И это несмотря на то, что я принадлежал к «господствующей национальности». Происходило это по двум причинам, в своей совокупности усиливающим своё воздействие на сознание отрока. Полуфранцузская семья Делоне, француженки и немки, все проникнутые национальной гордостью, возбуждали во мне инстинктивное утверждение в себе сознания, что я чисто русский и что русским быть не только постыдно, наоборот, даже очень хорошо. Это был инстинкт утверждения своей личности в своём народе и его культуре. Другая причина была — это окружение в Пулавах русских поляками и евреями. На нас смотрели евреи недружелюбно, опасаясь оскорбительных выходов, к которым их приучила детвора, и русская и польская. Но этого отношения я тогда не понимал, а недружелюбные взгляды и возгласы побуждали меня и моих товарищей к дурным выходкам, задевавшим еврейских ребят».²

После переезда матери и сына Анциферовых в 1899 году в Киев все древности матери городов русских были основательно осмотрены и изучены юным любителем отечественной старины. В Киево-Печерской лавре, где в то время размещались шесть монастырей, он поклонился могилам Искры

и Кочубея; там же он мог наблюдать реконструкцию Успенского собора (в обиходе — «Великой церкви»), проводившуюся (в ущерб стенописи восемнадцатого века) группой художников под руководством Василия Петровича Верещагина; позже (до 1905 года) мог видеть Николай Анциферов, как мэтр исторической живописи запечатлевал на холсте главный лаврский храм.

В Софийском соборе, выстроенном в одиннадцатом веке по велению Ярослава Мудрого, любовался знаменитой мозаикой Богоматерь Оранта, удивлялся, *«что на стенах лестницы, ведущей в храм, изображены гусяры и скоморохы»*. (Колокольня собора была построена по заказу гетмана Мазепы в конце семнадцатого века; колокол, отлитый по его заказу, сохранился до наших дней и называется «Мазепа».)

Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжёлый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.

(Анна Ахматова)

В Михайловском Златоверхом монастыре Николай Анциферов не мог остаться равнодушным к «мерцающей живописи» (мозаике и фрескам), делу рук инока Киево-Печерского монастыря Алимпия. Но более всего поразила его роспись недавно открытого (в 1896 году) Владимирского собора, выполненная Виктором Михайловичем Васнецовым. Поскольку общей темой живописи собора, построенного в честь 900-летию крещения Руси, стала «история русской веры», то главными персонажами росписей стали, прежде всего, русские святые, подвижники русского православия. Центром же живописной композиции стал заалтарный образ Богоматери, признанный современниками шедевром.

«Владимирский собор мне тогда понравился больше и Софиевского, и Михайловского. Фрески Васнецова были для меня откровением. Вот оно, родное искусство! И как по летописи Владимир был потрясён картиной Страшного суда, так и я был потрясён фреской Васнецова, изображающей Страшный суд и возмездие грешникам».²

В Киеве большую часть времени вне дома (точнее — вне снимаемой квартиры) Николай Анциферов проводил в кругу семей Навашиных и Фортунатовых. При всём различии домашних укладов в обеих семьях царил дух творческого развития детей.

В семье Навашиных по предложению Тани было затеяно издание рукописного журнала. В нём Николай Анциферов впервые опробовал перо, в подражание чеховской «Каштанке» написал рассказ из «собачьей жизни» — «Амочка». По вечерам хозяин дома Сергей Гаврилович читал детям древне-

греческих классиков, однажды прочитал собравшимся тургеневское «Накануне».

У Фортунатовых в обычае были семейные вечера, на которых дети, получив четвертушки бумаги и карандаши, рисовали, а хозяин дома читал им вслух что-то из Жуковского, из Некрасова. *«Иногда чтение заменялось диктантом, а позднее — переводом латинского автора».* Здесь Николай на пару с Федей Фортунатовым увлеклись игрой в рисованные государства («Амонию», «Парамонию», «Рондалию») со всей державной атрибутикой, проблемами межгосударственных отношений и их успешными разрешениями. В играх этих отображались реальные события той поры — бурская война, волнения в Китае.

Однажды Анциферов подслушал случайно чтение вслух «Трёх разговоров» Владимира Соловьёва. (Герои этого философского сочинения спорят о роли насилия в истории, о противоречии между моральными заповедями и ходом истории, о возможности установления вечного мира; спорят об антихристе, о судьбах человечества, о конце времён.) *«Никто из старших, ведших беседу, не обратил внимания на десятилетнего мальчика, который цепенел от ужаса, вслушиваясь в разговор взрослых. Конец истории, конец мира».*²

«Вскоре другая эпоха, другая культура, другие герои увлекли меня. Это были Пелеев сын Ахиллес и муж хитроумный Одиссей. Очарованию Эллады содействовал и гекзаметр, придававший пленительную торжественность эллинской речи. Я погрузился в мифологию ещё с большей страстностью, чем в казачество. Моё новое увлечение не питалось никакими национальными чувствами. Величие античного мира имело самодовлеющую привлекательную силу. Я прочёл ряд книг по мифологии и в отрывках «Илиаду». «Одиссею» я слушал у Навашиных. Читал и трагиков — Эсхила, Софокла, Еврипида в издании «Дешёвой библиотеки» Суворина.

*Лучезарный мир Эллады ослеплял меня своей красотой, и мне хотелось поклониться его богам наравне с Христом...»*²

Опыты рисованного лицедейства в семье Фортунатовых развились в самодельные театральные представления. В первое киевское лето 1900 года на снятой мамой даче в Мотовиловке Николай Анциферов вместе с другом Сашей Поповым организовали свою театральную труппу; поставили сцены из «Горе от ума», гоголевского «Ревизора» и спектакль «Женитьба». Ставили сцены «по-взрослому», обстоятельно, с выпуском афиш, с гримированием актёров, со зрителями. Здесь же, в Мотовиловке, ребята не оставляли и рисованный театр — играли в рыцарей, с турнирами, с ухаживаниями, с награждением победителей, с прекрасными дамами, с крестовыми походами, со схватками с сарацинами...

*«Между тем мои исторические интересы перешли от Эллады к Риму. На ёлке у Фортунатовых я получил в подарок квитанцию на получение по подписке истории Рима Вегнера (издание Вольфа), и я стал с жадностью получать книжку за книжкой этого иллюстрированного издания. Интересовали меня и республиканский Рим, и мифические цари и герои Республики, суровые и величественные Муций Сцевола, Куриций, Регул, в особенности Публий Сципион Гракх тогда ещё мало затронули меня...»*²

В свою «римскую пору» жизни, длившуюся, начиная с 1901 года, почти год, Николай Анциферов с мамой снимали квартиру в Десятинном переулке, у Десятинной церкви. *«Наш дом стоял у обрыва — оттуда открывался просторный вид на сады, на лачужки киевской бедноты».* По воскресным дням Николай спускался по Андреевскому спуску на Подол, на его птичий базар. Там в россыпях старинных монет, которые раскладывали на столах еврейские менялы, он выискивал старинные монеты времён древнего Рима, пополнял свою коллекцию. *«Монеты, как и их владельцы — старые евреи, — были реликтами иного мира».* К нумизматической страсти скоро добавилось увлечение певчими птицами, которых в большом изобилии и разнообразии продавали на Подольском базаре.

«Ещё одно увлечение ввергло меня в те годы в вихрь волнующих чувств, скорбей и восторгов: это театр...» Наиболее популярным в те годы среди гимназистов (Анциферова, Булгакова, Вертинского, Паустовского...) был драматический театр Соловцова, утверждает Константин Константинович Паустовский: *«В тот год мы увлеклись русской драмой и актрисой Полевицкой. Ходить в театр мы могли только с разрешения инспектора Бодянского. Он не давал нам более одного разрешения в неделю, тогда мы начали подделывать разрешения».*

Стационарный драматический театр (вместо ежегодных временных антрепренёрских трупп) появился в Киеве в 1891 году усилиями Николая Николаевича Соловцова, возглавившего осевшее в городе Товарищество московских драматических актёров. Поначалу драматическая труппа устроилась в помещении театра Бергонье на Фундуклеевской улице (ныне — Театр имени Леси Украинки на улице Богдана Хмельницкого). В 1898 году труппа переехала в специально для неё выстроенное — на месте засыпанного пруда в бывшей усадьбе профессора Мёринга — театральное здание, которое руководитель труппы арендовал у Общества киевского домостроения (ныне здесь, на улице Городецкого, театр имени Ивана Франка).

На сцене театра Соловцова в начальную его пору играли Иван Берсенёв, Степан Кузнецов, Леонид Иванов, Николай Радин, Михаил Тарханов, Елена Шатрова; в любимцах киевской публики ходили Евгений Неделин (считался лучшим в России исполнителем роли Наполеона), Анна Паскалова, Надежда Полевицкая, Вера Юренева...

Театр Соловцова оказывал чрезвычайное влияние на юношей, жизнь начинающих; его лучшие актрисы, как свидетельствует Александр Вертинский, буквально электризовали киевских гимназистов: *«С двух часов дня, когда заканчивались уроки в гимназии, мы уже дежурили на Николаевской улице возле театра. Это было время, когда актёры возвращались с репетиций домой. Мы простаивали часами, чтобы только взглянуть на них. Для нас это были полубоги. Мы не видели и не знали их в быту, в домашней обстановке, в личной жизни, мы знали и видели их только в спектаклях, в тех ролях, где они поднимались порой до вершин своего мастерства...»*

Не исключено, что с вышеприведёнными ритуальными церемониями поклонялся своему кумиру — Ольге Александровне Бахутапшвили, певице,

лирико-драматическое сопрано — начинающий театрал Анциферов, так же, как и его погодки, простаивавший часами у театрального подъезда Оперного театра (театр был заново отстроен после пожара 1896 года и введён в строй в 1901 году). Очаровательная грузинка выступала в Киеве в сезонах 1904–1906 годов в антрепризе Михаила Матвеевича Бородая. («*Всё, что ей дала природа, было, прежде всего, красиво: лицо, походка, тембр голоса.*».)

Юный Анциферов из всех театральных жанров отдавал предпочтение оперному, в котором у него были свои любимцы. Михаил Васильевич Бочаров, бас-баритон, выпускник юридического факультета Киевского университета и музыкального училища, выступал в Киевской опере в сезонах 1901–1903 годов; Елена Яковлевна Цветкова (лирико-драматическое сопрано); Екатерина Георгиевна Ковалькова (контральго и мецца-сопрано). Был Анциферов в числе тех любителей пения, которые слушали выступление Фёдора Ивановича Шаляпина, много раз приезжавшего в Киев.

Так, в апреле 1906 года знаменитый бас собирался выступить в театре Соловцова, но после обращения к нему депутации киевских рабочих, про-

сивших сделать доступным для рабочего люда его пение, он нанял для концерта знаменитый цирк Крутикова. Основатель цирка, дрессировщик коней Пётр Петрович Крутиков выкупил участок земли на улице Николаевской и построил на нём в 1903 году первый в Европе двухэтажный цирк на две тысячи зрителей — с огромным стеклянным куполом над манежем, с удобными креслами для зрителей, с

отличной акустикой, с механизмом для трансформации арены, с паровым отоплением и с электрическим освещением. Наплыв зрителей на концерт Шаляпина был таков, что певец не мог пройти в здание цирка через вход; вместе с аккомпаниаторами пробрался он к месту выступления через крышу циркового здания, пройдя предварительно по карнизу примыкавшего к нему здания гостиницы. Успех концерта был потрясающий, зрители всем залом пели вслед за солистом припев к его знаменитой «Дубинушке». «*Много лет прошло с тех пор, а этот вечер на всю жизнь запомнил*», — вспоминал много лет спустя Фёдор Иванович Шаляпин.

Недолгим оказалось увлечение сценой подконтрольного Екатерине Максимова сына. «*Коля, если ты с этих лет начинаешь увлекаться актрисами, что же будет дальше?*» — вынесла она свой вердикт.

«Чудесное время, когда так свежи, так ярки „все впечатления бытия“, и, вместе с тем, когда душа отрока, ещё скованная родом, традицией, не вступила в „негативный период“ своего развития, когда ещё не наступило для него время „бури и натиска“!»²

Много воспитательного, дававшего пищу для серьёзных размышлений, было в уроках, которые в это время по-домашнему давал отроку Анциферову (и его другу — Вове Белокопытову) Костя Фортунатов. «*Он хотел вывести нас из туманной дали голубой романтики в современную жизнь, оторвать наши мысли от прошлого и направить их к грядущему дню. По существу это были первые уроки социализма, хотя это слово тогда не было сказано.*»²

С завершением детства, с прохождением полосы препятствий отрочества бурливого пробуждались в отроке Анциферове новые грани мироощущения, его взгляды на жизнь природы; приходили новые ощущения и желания, смутно чувствуемые.

«Каждый возраст имеет свою природу, со своими красками и формами, запахами и звуками, со своим пространством и своим временем. Природу я любил во все периоды жизни. Любил её по-разному, потому что она менялась, всё новым наполняясь содержанием... природа моя в годы отрочества была уже не той, что в младенческие годы. Совершенно изменилось чувство пространства. Пространство больше не давило сознание: я уже преодолевал его. Изменилось и звёздное небо. Оно перестало быть грозным в своём величии. Его бесконечность уже начинала тогда пробуждать томление, какие-то смутные порывы к слиянию.»²

После отъезда в 1902 году из Киева Фортунатовых и Белокопытовых Анциферов «*много читал, никем не руководимый*». Читал преимущественно по вечерам, при закрытых ставнях, полностью отрешившись от окружающего мира, от действительности, погрузившись в мир книжных героев. Переживал их чувства, боли, потрясения. Прочитанный вслух мамой чеховский рассказ «Чёрный монах» вызвал ассоциацию «чёрного монаха» с кораблём, «*который, рассекая волны времени, бегущие ему навстречу, рвётся вперёд через века...* Этот образ имел какое-то отношение к моим смутным тогда мыслям: о смерти, о борьбе со временем, об истории, но мысли эти были не очень отчётливы».²

Нападение Японии на Россию в 1903 году, потянувшиеся на восток поезда с новобранцами, которые Анциферов видел в Мотовиловке вызвали в нём ощущение нестабильность жизнеустройства. Пасху 1904 года он встречал снова в Умани, в семье Леванды, их сын Митя служил мичманом в Порт-Артуре.

«Мир перестал казаться таким устойчивым. А границы государств, которые я вычерчивал в Ново-Александрии — не казались уже проведёнными в бронзе. Уж не на песке ли чертила их Клио?»

«...Всё, казавшееся мне созданным благим Отцом на века, не было вечным, всё было под властью времени. Так, и отрочество моё заканчивалось, когда уже не мой дом, и не мой детский мир колебались, а дрогнула вся Россия и этот трепет, пробежавший по ней, ощутили и я с мамой, и все окружающие меня.»²

Анциферов долго не обращался к русской классике, пока мама не подарила ему собрание сочинений Тургенева (с греческими трагиками и Шекспи-

ром он ознакомился в десятилетнем возрасте). За его прочтение он засел после того, как услышал тургеневское «Накануне» в исполнении Сергея Гавриловича Навашина. Затем последовал новый мамин подарок — сочинения Льва Толстого. Анциферов буквально горел, читая том за томом — «Война и мир» (книга книг на всю оставшуюся жизнь), «Анна Каренина». После Толстого наступило время Достоевского, его роман «Идиот» стал для юноши ещё одним откровением в жизни, а князь Мышкин показался ему непостижимым уму виденьем. Прочёл Анциферов всего Вальтера Скотта, Чарльза Диккенса. Особо близок стал ему Диккенс — любимцы автора стали его любимцами.

«Подчас мною овладевали безотчётные страхи, но среди страхов один имел своё имя — это страх смерти. И пережит он был мною в вечерние часы за романом Диккенса. Это особый мистический страх смерти. На мою веру в загробную жизнь не падало тогда ни тени сомнения. Но именно тогда я переживал весь ужас конца жизни, за которым следует неведомое. Я молился, но рука моя, осенявшая меня знаменем креста, дрожала от ужаса.

В Мотовиловке 3 года назад я пережил другой, близкий этому мистический страх — конца мира. Оба эти страха теперь соприкасались и сливались в одно чувство, в одну мысль: о бренности всего живущего. Мне нечем было преодолевать этот ужас — его преодолевала и преодолевала навсегда — сама жизнь, она не дала никаких ответов, но она утвердила мою душу в своём бесконечном потоке и успокоила её.

(Я верю в бессмертие, но я не знаю, что душа бессмертна, и обратно: я знаю, что умру, но я не верю в свою смерть.)»²

Помимо «ужаса конца жизни», «страха конца мира», пережитых подростком Анциферовым, испытал он и серьёзное смятение чувств от собственной попытки переоценить суть и смысл своих религиозных верований. Тому удивляться нечего, тому были естественные причины, связанные с формированием активно-мыслящей личности, решающей в пору своего становления вечные вопросы жизни, проблему отношения между разумом и верой.

Религиозное воспитание, которое ребёнок получает в детстве от верующих родителей, даёт ему начальное, наивное по своей сути верование. Религия входит в плоть и кровь ребёнка, становится столь значительной частью его духовной жизни, что у него не возникает мысли исследовать или усомниться в содержании привитой ему веры в Бога; дети верят, что их вера в Бога — чистейшая правда.

«...Как пламенно говел я в те годы, строжайше соблюдая пост, как трепетал перед исповедью. Тёмные одежды священнослужителей, полумрак, шёпот — всё приглушено, душа распротёрта перед Богом...

А потом как жаворонок взвивалась она к небу с ликующей песней. Причастие, заутреня. Всё стало белым, всё засияло ослепляющим светом. Никакие сомнения ума ещё не смущали душу. Владимир Соловьёв в своём триптихе писал о юной душе:

Душа молилась неведомым богам.

Искать своего „неведомого“ бога, обретённого в муках сомнений, — задача души созревшей. Душа отрока молилась тому Богу, который ей дан традицией, родителями, воспитанием. Это Бог ему данный, а не Бог найденный им, силою свободной и творческой веры, той веры, которая вслед за Тертуллианом готова сказать: „Credo, quia absurdum“.

Отрок, молясь Богу, не считает его „неведомым“ — это Бог его отцов».²

Истинная же вера приходит позже — после детства; она вырастает из других корней. У взрослеющего, расстающегося с миром сказочного детства человека переформирование верования в веру (при отсутствии попытки тем или иным образом её критически переосмыслить) происходит с учётом объективных и субъективных факторов его реальной жизни, которые, накладываясь на привитую в детстве веру в Бога, определяют для каждого индивидуума итоговую суть её. На процесс этот влияют личные качества человека, его характер, социальное положение, уровень воспитания и нравственности, интеллекта, темперамента...

Одни утверждают в вере, будучи убеждены, что Вселенная, её гармония и красота есть производная Божественной силы, что человек появляется в этом «подлунном» мире с заблаговременно заданной ему целью, что предназначение его в земной жизни известно только Богу, на которого следует положиться, которому нужно довериться. Люди такого строя мыслей всей душой своей чувствуют, что только вера в Бога поможет им выполнить свое предназначение, достичь предопределённого им смысла жизни; без веры в Бога они не видят и не понимают смысла своей жизни.

Для других верующих Бог на небе, прежде всего, — верховный судья, наказующий несправедливость, порочных и преступных людей. Вера в Бога вселяет в них надежду, что хорошие люди, в конце концов, будут полностью вознаграждены на небесах, а порочные понесут надлежащее им наказание.

Ещё одно кредо верующих — «Блажен, кто верует, тепло ему на свете». Вера в Бога «уютна» для них, им приятно осознавать, что любящий их Всевышний — постоянно с ними; если же случается что-то хорошее или что-то плохое в его жизни, то все это принимается им, как учиненное или допущенное заботливым Богом для их же грядущего блага. Таким искренне верующим вера в Бога помогает пережить смерть своих близких, любимых и смириться с их уходом.

Для верующего человека вера в загробную жизнь выстраивается на убеждении, что его личность — некое «его», именуемое «душой» — стоит не только выше его тела, но и не зависит от него. Такому человеку трудно представить, что его сознание — его «душа» — когда-то перестанет существовать; он верит — после его смерти и погребения его тела от него останется «нечто», продолжающее его сознательную жизнь, останется в загробной жизни его неумирающая душа.

...Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
(Ф. И. Тютчев)

Воспитанный в православии, Николай Павлович Анциферов искренне и трепетно следовал ему в детстве своём, по-своему реагируя на наблюдаемые им отклонения от него. В десятилетнем возрасте «атеизм» представился ему в безобразном образе столяра Семёна, ремонтировавшего у них мебель. «Его безбожие нисколько не смутило меня. Оно вызвало лишь интерес курьёза». Позже — через два года — он услышал об учении Дарвина. «Мысль о том, что человек происходит от обезьяны, а не от Адама, была мне оскорбительна. Но о дарвинизме говорили люди, внушавшие доверие. Это уже не Семён. Я был смущён и растерян». Но вера предков, в обычаях, в религиозных традициях, праздниках, таких как Пасха, оставалась неколебимой для отрока Анциферова: «Сотни огоньков, трепетавших под лёгкими восковыми свечами. Братские трёхкратные поцелуи — «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» Образ рая на земле. Чаянье золотого века».

«Не сотвори себе кумира». В 1900 году, в Умани, куда десятилетний Анциферов в очередной раз приехал в гости к Леванде, в парке «Софиевка» с ним произошёл эпизод — чуть ли не в духе Юлиана Отступника, — который очень смутил его.

«Когда я приехал, была Пасха. В те годы я переживал страстное увлечение Элладой (под влиянием Гомера и греческих трагиков) и мечтал увидеть античные статуи, сохранившиеся в моих воспоминаниях. Когда я приехал, все статуи были ещё в деревянных чехлах... Каково было моё озорчение! Дядя Митя в „мою честь“, как он пошутил тогда, приказал освободить статуи от их зимних прикритий. С каким восхищением смотрел я на этих воскресших богов!

Много лет спустя, вчитываясь в терцины Пушкина, написанные им в подражание Данте, я вспоминал сад своего детства. Мне казалось, что всё, от слова до слова, относилось ко мне.

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственных порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздно мыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — все кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Да, всё это было и со мною в моей Софиевке.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри поднимал.

И я чувствовал какое-то жуткое обаяние этих кумиров. Была Страстная неделя. Чтобы освободиться от этого наваждения, я шёл в церковь, в ту самую, где отпевали моего отца и где я когда-то дрожащими губами коснулся его холодного лба. Там, в этом священном для меня месте, я горячо молился Христу. Но предо мной неотступно возникал смущавший меня мраморный образ Аполлона Бельведерского, и я переставал молиться.

Вернувшись в Киев, я, как на исповеди, рассказал маме о моих искушениях. К сожалению, мама так растерялась, что её страх поверг меня ещё в большее сознание своей греховности.²

И всё же — «Душа моя, я помню, с детских лет чудесного искала». По мере взросления все «главные вопросы» жизни, которые начинают мучить пылкий детский ум, встали перед Николаем Анциферовым и потребовали от него его собственного разрешения. Вопросы Пространства и Времени, Зла и Добра, Жизни и Смерти, наконец, что есть Бог, занимали его мятущуюся душу. Он был уже — по уровню культуры, нравственности, характера — из тех людей, для которых важнее понять, нежели верить, кто не желает считать истиной то, чего не в силах охватить его разум. Мыслить — значит сомневаться, тогда как вера требует абсолютного подчинения религиозным догмам и установлениям, подчинения без сомнений и размышлений. И Николай Анциферов, пытаясь установить истину, размышлял над её сутью, а размышляя, сомневался в привитом с детства веровании. «Но искони мешают нам мечтать сомнение — преломляющая призма великих истин».⁸²

В первое лето, проведённое в 1905 году в Барановке, сомневающийся Анциферов долго не решался поговорить с нравившейся ему умной и авторитетной Наташей Курбатовой по вопросам веры. И только при расставании с девушкой затронул он эту деликатную тему.

«Наташа покидает Барановку. Могу ли я упустить случай теперь, находясь с ней наедине, спросить её о том, что меня беспокоило все дни барановской жизни. И я робко спрашиваю, верит ли она в Бога. Наташе неприятен мой вопрос, она слегка сдвинула брови и внимательно посмотрела на меня. Потом тихо сказала: „Я не люблю говорить об этом, но тебе, Коля, отвечу. Я верю в Бога, который есть космос. Знаешь, в того Бога, о котором писал Спиноза“. И она замолчала. Я понимаю, что разговор окончен, но я должен задать ещё вопрос: „А что есть зло?“ Наташа ответила не сразу. „Зло то, что нарушает гармонию, но не будем больше говорить об этом. Тебе ещё нужно много пожить и подумать“».²

До следующего лета 1906 года Анциферов подготовился к общению с Наташей — прочитал «Этику» Спинозы. В ней автор обосновывает «деизм», признающий Бога творцом мира, но отвергающий его участие в жизни природы и общества. И снова, как и в прошлый приезд, долго не решался затронуть

важную для себя тему с нежно чтимой им девушкой. И только провожая её на поезд, спросил её, верит ли она в бессмертие души. *«Наташа ответила мне, что не может представить себе конца жизни духа».*

Кажется, религиозный кризис Анциферова к весне 1907 года достиг своей критической точки, ибо празднование Пасхи в тот год, проведённое им в компании друзей, было совсем не традиционным.

«С Владимирской горки мы прошли к Владимирскому собору, потом к Софийскому и, наконец, к Владимирскому. Всюду мы видели толпы молящихся с горящими в ночи огнями. У Владимирского собора уже началось христосование».

Мы не входили внутрь храма. Все мы уже покинули нашу детскую веру отцов и матерей.

*А мне и не нужно было заходить в храм, потому что в эту ночь весь Киев, вся земля казались превращёнными в храм тогда неведомому мне Богу, перед которым я не переставал благоговеть».*²

В это пасхальное воскресенье Анциферов познакомился с Таней Оберучевой, с её семьёй. *«Она в душе хранила образ няни-староверки. Позитивистское влияние окружающей среды разрушало её веру, но Таня оставалась в своей основе религиозной».* Вписаться естественным образом в число постоянных и уважаемых членов кружка «№37», возглавляемого Таней, у Николая Анциферова долго не получалось.

«Никогда я не чувствовал себя так одиноко, как в эту весну. Мне казалось, что всюду я буду лишним. Тогда-то и зародилось во мне желание стать «лишним человеком». Я потерял русло своей жизни». Барановка разделил его с Навашинными, хотя визит вежливости в их святошинский дом Анциферов сделал. Митя Навашин при встрече дал ему почитать Шопенгауэра, *«в тот период наиболее вредную для меня книгу. Его сестра Таня, по-прежнему дружелюбно ко мне относившаяся, не могла стать точкой опоры».* Ощущение потери реальности внешнего мира оборачивалось страхом увидеть пустоту. В эти томительно-тоскливые дни Анциферов сделал выписку в свой дневник из Шницлера: *«Жизнь есть игра, а игра — жизнь».*

«И меня охватывал ужас. Я плохо спал по ночам. Всё прислушивался к чему-то грозному, что нависло надо мной. Мне в тёмном окне мерещились какие-то рожи, маски».

*Я тогда не знал, что это была болезнь душевного роста, что, так мучительно остро поняв одиночество, я понял и его значение, и путь к его преодолению».*²

Лето 1907 года он уговорил маму провести в Гурзуфе, неподалёку от Никитского ботанического сада; это был год десятилетия после года смерти отца. В сумерках юга, сосредоточившись, писал в свой дневник: *«Вне любви нет жизни... Любовь открывает глаза. Но не любовь к природе, науке, искусству. Она тоже «открывает глаза», учит видеть. А любовь к людям. Только она может дать реальную жизнь за пределами своей индивидуальности. Только она может спасти от одиночества».*

Летний отдых развеял несколько чувство одиночества («солипсизм»), но оно вновь вернулось осенью 1907 года, с возвращением в Киев. Решив победить это наваждение, Анциферов садится за учебники.

«„Теперь осень, скоро придёт зима, занесёт всё снегом, а мы будем работать, будем работать“. Эти слова — из «Трёх сестёр» я часто тогда вспоминал. Спектакль в Соловцовском театре произвёл на меня глубокое впечатление.

Я купил книг, учебников, составил план работ и в гостинице «Прага» на Большой Владимирской, где мы нашли временный приют, засел за занятия. И снова какие-то непонятные страхи владели мною... Бессмысленно повторял стихи Метерлинка:

*Душа моя, приют несовершенных дел,
Рыдает горячо, беспомощно взирая
На трепет рук своих, касающихся края
Того, чего рассвет не дал ещё в удел.*

*Метерлинк, Леонид Андреев — это не те авторы, которые могли мне помочь окончательно освободиться от солипсизма. Моя религиозность нуждалась в твёрдой вере, а эти авторы, возбуждая религиозность, не имели ничего, чтобы утолить возбуждённую жажду».*²

В это время, в начале сентября 1907 года после долгого перерыва он встретил на Подвальной улице Таню Оберучеву, которая вместе с Сашей Поповым шла в книжный магазин Идзиковского, располагавшийся на Крещатике. Таня поделилась планом своей работы о крепостном праве в России; Николай дал ей совет использовать материал о крепостничестве на Западе. *«Мне хотелось, чтобы Таня в своей работе показала, что и на Западе, в буржуазных странах, осталось рабство».* После книжного магазина ребята собрались у Оберучевых, где Николай Анциферов произнёс блестящую речь в обоснование религиозного течения пантеизма, а также произвёл разбор творчества Эмиля Золя. Он стал авторитетен в среде своих сверстников.

*«Вскоре возник острый спор между мной и Таней. На месте разрушенной детской веры у неё сложилось материалистическое мировоззрение, совершенно чуждое её душевной основе. Ей казалось, что это воззрение обязательно для каждого революционера. Есть ли в человеке душа, как особая, присущая ему субстанция? ... „Если есть душа, как особое начало в человеке, то она должна быть и у животных, предков человека“, — говорила убеждённо Таня. „Да, конечно“, — спокойно отвечал я. „Значит, и в растениях“. — “Да, и в растениях“... И я с увлечением стал ей развивать учение пантеизма о всеобщей одухотворённости».*²

Кружок «№37» был всеяден в части «потребления» актуальных проблем начала двадцатого века, все горячие темы обсуждались в жарких спорах. *«Споры были беспорядочные, чисто русские. Мысли с одного вопроса перескакивали на другой».* Обсуждали проблемы социализма, анализировали труд «Основания политической экономии», автор которого, Джон Стюарт Милль,

пытался примирить все разнородные экономические учения, существовавшие в его эпоху — в середине девятнадцатого века.

Обсуждали ребята творения чрезвычайно популярного тогда в России польского писателя Станислава Пшибышевского, бывавшего в Киев (в

1903–1904 годах) вместе с театральной труппой, которая представляла драматические произведения автора. Учился Пшибышевский на мейстера в Берлине, был вхож в международную артистическую богему, некоторое время жил в Норвегии

(был женат на норвежке), писал он на немецком и польском языках. В его произведениях — болезненный эротизм и псевдореволюционность; причину и смысл жизни он видит в половой деятельности человека, вне которой ничего нет. Ещё одно литературное нововведение Пшибышевского (в нём — влияние на писателя Фридриха Ницше и Августа Стриндберга) — мысль о превосходстве мужской природы над женской.

Своеобразным ответом на позицию польского романиста в вопросе места и роли женщины в обществе стало изложение своего взгляда на эту проблему девятнадцатилетнего Анциферова на одном из последних для него собраний кружка «№37». Тогда в один из первых дней 1909 года было решено устроить в кружке диспут на тему: «Кто ценнее — женщина или мужчина?».

«Считая женщину ценнее мужчины, мы прежде всего подчеркнули, что имеем ввиду человеческую ценность женщины. Наши оценки относятся к тому, что есть лучшего в мире женщины. Она начало созидательное, в то время как мужчина не только созидательное, но и разрушительное. Материнство открывает женщине чудесный мир, недоступный мужчине. В то время как женщина предана семье и труду, мужчина часто является разрушителем семейного очага. В мужчине сидит эта дикая потребность разрушения, питающая воинский дух и милитаризм. Мужской героизм — это обычно героизм с мертой, готовность пожертвовать своей жизнью, чтобы умереть со славой, и к его героизму часто примешивается славолубие, а иногда и честолюбие.

Женский героизм — это героизм жизни, героизм, чистый от всякой корысти, героизм, в основе которого — любовь. Подвижничество изо дня в день — вот на что способны лучшие женщины. Женщина — созидательница, как сама природа. Прозрачность — это женское начало... Женщина несёт в себе украшающее начало жизни. Где она появляется — там стремление украсить жизнь, внести в неё свой ритм. Цветы — вечные спутники женщины. Даже в кокетстве женщин, в их любви к самоукрашению, к «тряпкам», лежит та же потребность. Наряду с материнством, любовь играет в жизни женщины неизмеримо большую роль, чем в жизни мужчины, и часто — любовь жертвенная. Тургенев нам показал, что мужчина редко бывает на высоте требований высокой любви и часто лучшие женщины становятся его жертвой. Вместе с тем, женщины в ходе истории лучше сохранили душевную чистоту и идеалом чистого человека для всех является не мужчина, а женщина. Сознание этого мужчиной и создали идею «вечноженственного», поднимающего нас к вечности».²

Возможно, пламенная и искренняя речь «феминиста» Анциферова сложилась не без влияния его любимого автора, норвежского драматурга Генрика Ибсена, полагавшего, что «женщина — самое могущественное в мире существо, и от неё зависит направлять мужчину туда, куда его хочет повести Господь Бог». Романтические драмы на сюжеты скандинавских саг, исторические пьесы, философические поэмы (в первую очередь — «Бранд» и «Пер Гюнт») недавно скончавшегося писателя (умер он в 1906 году) были очень популярны в пору юношества Анциферова. (Знаменитый трагический актёр Павел Николаевич Орленёв, 15 и 16 августа 1907 года, в Киеве, в театре Бергонье осуществил постановку «Бранда»; представление заняло два вечера и больше походило на вечер декламации.) Житейский лозунг героя пьесы quantum satis («в полной мере», «всё — или ничего») был созвучен мятущейся в поисках идеала правды, внутреннего совершенства, полной умственной свободы душе Анциферова.

Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем quantum satis Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

(Александр Блок)

Членство в кружке «№37» было не простым для Николая Анциферова, его мама посчитала эти юношеские собрания «нелегальными» и на первых порах резко противилась увлечению сына. Тот выстоял, аргументируя свою позицию тем, что собрание его сверстников по сути своей напоминает знаменитый кружок Станкевича, действовавший в Петербурге в начале девятнадцатого века, что он дополняет собой школу, которая не может дать ему тех знаний, опыта дискуссий и общений, которые он приобретает на этих собраниях.

«В каждом человеческом объединении создаётся особая душа, только ему свойственная. Она имеет свою историю, меняется, как всё живое... Душа нашего кружка была очень пламенной, так как мы в его жизнь вносили весь свой юный пыл, всю страсть русского искания правды. Мы верили, что можем логически путём достигнуть абсолютной правды. Когда мы овладеем ею, то станет ясно, как строить жизнь, „что делать?“»²

После жарких интеллектуальных схваток хозяйка дома Екатерина Петровна Оберучева приглашала гостей за стол, после лёгкого ужина следовали общее чтение книг, игры. Всё это, спустя годы, Николай Павлович назвал «поэзией отношений». «Все мы тогда были на „вы“. Покидая дом и оставаясь в юношеской компании, никто из нас не только не употреблял дурных слов, но и не рассказывал анекдотов и не допускал никаких вольностей. Никто из нас тогда не курил. Характерная деталь: „поэзия отношений“ запрещала нам пользоваться уборной в квартире Оберучевых».²

В среде кружковцев выдающимся почитался Миша Оберучев — просто живой Рахметов. Миша был недоволен тем, что философия занимает слиш-

ком много места в кружковой работе. Анциферов, мнению друга вопреки, заручился поддержкой умницы Дани Лурье и сделал философские темы основой кружковой работы.

Старшим членам кружка не нравились направления его исканий, видели они основной тематикой общих собраний изучение творчества Чернышевского, Лаврова, Михайловского. «*Наши идеалы были так далеки от действительности, а наши требования к себе — от удовлетворения. Этот разлад должен был вызывать страдания. Наши идеалы были так далеки от действительности, а наши требования к себе — от удовлетворения*».

«В те годы я не сжигал свитков с философской абсолютной истиной Подростки 16–18 лет упорно думали и спорили, веря, что смогут овладеть ею.

*Все мы верили, что наш кружок должен сыграть значительную роль в жизни каждого из нас. Мы были убеждены, что несём с собою в жизнь что-то новое, нужное, хорошее. Если бы нас спросили, что же именно несём мы, нам было бы трудно ответить. Мы хотели продолжать традиции декабристов, кружков русских идеалистов 30-х годов, народников 70-х. Но мы хотели, вместе с тем, всё это синтезировать и включить в себя то новое, что было ценного в нашей эпохе, к деятельности в которой мы готовились».*²

Часть пятая. Петербург, университет, становление

Приятно сознавать, что в жизни моей семьи были житейские ситуации схожие, даже совпадающие, с житейскими ситуациями семьи Анциферовых. Так же, как Павел Григорьевич Анциферов в семидесятых годах девятнадцатого столетия был направлен в Уманское училище земледелия и садоводства, так и мой отец, Леонтий Аврамович Головцов, после войны получил направление на работу в Уманский сельскохозяйственный институт (так, после ряда переименований стало именоваться означенное училище). В одних учебных классах и аудиториях преподавали они: Павел Григорьевич — животноводство, мой отец — растениеводство.

С Николаем Павловичем Анциферовым у меня и моего младшего брата, Виктора, общая среда детского обитания: училищный (институтский) городок, парк «Софиевка». В разное время, но схожим образом получали мы высшее образование: Анциферов в начале прошлого века приехал в Петербург и поступил в университет; мы с братом в шестидесятых годах приехали поочередно в Ленинград и поступили в электротехнический институт.

Раздел первый. Корифеи

Николай Павлович Анциферов, прежде чем поступить на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета в 1908 году, немало лет усердно занимался историей. Ей он отдал пред-

почтение перед другими науками, в ней — ещё до поступления в университет — он выделил главные направления будущей исследовательской работы. К вступительным экзаменам он подошёл не только с солидным багажом исторических знаний, но и с собственным кредо историка.

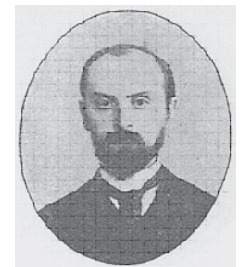
«История человечества представлялась мне взволнованным морем, по которому катятся волна за волной. А впереди ничего. Я чувствовал себя в этой новой волне. Я сознавал себя в авангарде человечества — пока... пока не подрастёт новое поколение и не победит новая волна...

Мало того, я, как и многие мои сверстники, верил, что наша волна — это девятый вал, что нам предстоит «посетить мир в его минуты роковые».

*Личность меня интересовала не как фактор, творящий историю, не как герой-вершитель исторических судеб (теория Т. Карлейля), она интересовала меня как симптом своего времени, как фрагмент эпохи, по которому постигается целое. Я был убеждён, что только изучение конкретной личности может содействовать пониманию исторического процесса, носителем которого являются народы».*²

В годы учёбы Анциферова в Петербургском университете это знаменитое учебное заведение переживало свой «ренессанс», который обеспечивали учёные с мировым именем, учёные, которыми гордилась русская наука. «*Звезда от звезды разнствует во славе*». В числе университетских преподавателей были свои звёзды первой величины, в том числе в разделе истории и филологии. Их лекции слушал студент Анциферов.

Борис Александрович Тураев. Историк, создатель отечественной школы истории Древнего Востока и Нубии. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета 1891 года; с 1911 года — его ординарный профессор. Первая его диссертация была посвящена древнеегипетскому богу письма и мудрости Тоту (по этой причине студенты дали ему прозвище — бог Тот), автор знаменитого двухтомника «История Востока». «*Вот показался невысокий человек, в узком и коротком сюртуке, с острым носом, большими голубыми глазами на выкате, словно застывшими от изумления, с рыжими бровями, нависшими над глазами*».²

Илья Александрович Шляпкин Историк русской литературы, археолог и палеограф, член-корреспондент Академии наук, страстный коллекционер и библиофил. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, с 1907 года его ординарный профессор. Преподавал также на Высших женских курсах, в военно-юридической академии, в археологическом институте. Издал ряд памятников старинной русской литературы, занимался также и новой русской литературой. В 1899 году издал собрание сочинений А. С. Грибоедова. Любитель путешествий. «*Переваливаясь на своих слоновых ногах, с огромным животом и окладистой бородой, в форменном сюртуке шествует похожий на боярина профессор древней русской литературы Шляпкин*».²

Сергей Фёдорович Платонов. Историк, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. Исследователь историко-литературных памятников Смутного времени. Как один из наиболее талантливых профессоров университета был приглашён преподавать русскую историю Великим князьям с 1895 по 1902 год. Докторскую диссертацию защитил в 1909 году в Киеве, в университете Святого Владимира. С 1900 по 1905 год был деканом историко-филологического фа-

культета Петербургского университета. Сторонник исторической идеи, согласно которой начало новой России следует искать не в реформах Петра I, а в событиях Смутного времени. *«...весьма аккуратно одетый, с острыми, как-то недоверчиво смотрящими глазами, схожий с „дьяком, в приказах по-седельм“ — С. Ф. Платонов, профессор русской истории».*²

Николай Онуфриевич Лосский. Выдающийся представитель русской религиозной философии. Начиная с безбожия — в 1887 году был исключён из гимназии в Витебске за пропаганду атеизма и социалистического учения. Окончил естественный и историко-филологический факультеты Петербургского университета. Разрабатывал философские проблемы, связанные с христианским истолкованием мира.

Придерживался теории перевоплощения души (реинкарнации), изложив её в работе «Учение о перевоплощении»: *«Теория предсуществования души и перевоплощения, развитая Лейбницем и усвоенная мною...никогда не подвергалась осуждению Церкви... На церковных молитвах, напр., на содержании панихиды, учение о перево-*

площении никак не должно отразиться. В панихиде всё внимание сосредоточено на конечной цели жизни человека, на вступлении его в Царство Божие, где нет «ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная». Но в индивидуальной молитве об усопших сторонник учения о перевоплощении может, конечно, обращаться к Богу с просьбой о благословении умершего на новых путях его жизни, о ниспослании ему даров Духа Святого...» Сын Николая Онуфриевича Лосского, Владимир, в эмиграции стал известным богословом Парижской школы. *«...как-то пробирается, словно стараясь пройти незамеченным, Н. О. Лосский. Его лысина на большом, как у Сократа, черепе сверкает. У Лосского рыжеватая борода и застенчивая улыбка».*²

Максим Максимович Ковалевский. Историк, юрист, социолог эволюционного направления и общественный деятель, один из руководителей русского масонства, член Первой Государственной думы и Государственного совета. Выпускник юридического факультета Харьковского университета. Образовывался дополнительно в Англии и во Франции, некоторое время преподавал в Московском университете. В 1880 году защитил докторскую диссертацию «Общественный строй Англии в конце средних веков». В 1887 году, по приказу министра народного образования был уволен из университета («за

отрицательное отношение к русскому государственному строю»); долгое время жил и работал за границей. В 1905 году вернулся на родину, стал профессором Петербургского университета. *«Медленно идёт грузный М. М. Ковалевский („друг Карла Маркса“, как он сам себя называл), профессор международного права. Довольный миром и собой, он, улыбаясь чуть снисходительно, беседует с вольнослушательницей, которая робко задаёт ему какие-то вопросы».*²

Михаил Иванович Туган-Барановский. Экономист, историк, представитель «легального марксизма». Окончил Харьковский университет и получил степень магистра за работу «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь». Служил в департаменте Министерства финансов, преподавал в Женском училище коммерческого счетоводства, на Высших женских курсах, активно участвовал в кооперативном движении. В 1898 году за исследование по истории капитализма «Русская фабрика в прошлом и настоящем» получил степень доктора политической экономии. С 1905 года читал лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента. В период революции 1905–1907 годов вступил в партию кадетов. Был видным деятелем украинского национального движения. *«Похожий на татарина, с узкими глазами и жиденькой бородкой, профессор политической экономии Туган-Барановский...»*²

Лев Иосифович Петражицкий Правовед, социолог, философ, депутат первой Государственной думы. По окончании юридического факультета Киевского университета Святого Владимира стажировался в Германии, где вышли его первые труды на немецком языке. После возвращения в Россию преподавал некоторое время в императорском Училище правоведения. В 1898 году ему была присвоена учёная степень доктора римского права, и он возглавил кафедру энциклопедии права в Петербургском университете. В 1905 году на учредительном съезде партии кадетов Петражицкий был избран в её Центральный Комитет, от этой же партии был избран в Государственную Думу. После разгона Думы подписал протестное так называемое «Выборгское воззвание», за что был осуждён на три месяца тюремного заключения и лишён политических прав. *«...худой, подсушенный, со строгим умным лицом, весь застёгнутый, прославленный профессор энциклопедии права Петражицкий».*²

Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский. Литературовед и лингвист, с 1907 года — Почётный член Петербургской Академии наук. Правнук Елизаветы Тёмкиной и праправнук Екатерины II и Григория Потёмкина. Учился в Петербургском и Одесском (Новороссийском) университетах, в Праге и в Париже. Был профессором Новороссийского, Казанского, Харь-

ковского и Петербургского университетов. Исследовал проблемы теории и психологии творчества, автор книги «История русской интеллигенции», трудов о русских писателях-классиках девятнадцатого века. «В актовом зале с белой колоннадой направляется Овсяннико-Куликовский. Его слушают студенты всех факультетов. У него большая голова с плоским затылком, седая маленькая эспаньолка. Он похож на украинского гетмана старинных портретов. Красноватое лицо ещё резче оттеняет серебро его седин. Большие голубые глаза кажутся усталыми. Его голос звучит очень тихо».²

Александр Сергеевич Лапо-Данилевский.

Историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, ординарный академик Санкт-Петербургской академии наук. Выпускник Симферопольской гимназии, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, при котором был оставлен «для подготовки к профессорскому званию». Магистр русской истории (с 1890 года). Автор трудов по социально-экономической, политической и культурной истории России пятнадцатого — восемнадцатого веков, методологии истории, истории науки. Придерживался либеральных взглядов. Был одним из авторов записки «О свободе печати», принятой общим собранием Академии наук в марте 1905 года.

Михаил Иванович Ростовцев. Писатель, историк античности, археолог, образование получил в Киевском и Петербургском университетах. С 1895

года до 1898 года находился в командировке за границей. С 1898 года — приват-доцент Санкт-Петербургского университета. В 1903 году защитил докторскую диссертацию «Римские свинцовые тессеры», в том же году выбран профессором классической филологии в Санкт-Петербургском университете и профессором римской истории на Высших женских курсах. «Внешность Ростовцева не могла содействовать популярности. Она была лишена всего профессорского. Небольшой, коренастый, с широким лицом без бороды, подстриженный бобриком, какой-то «серенький». Однако умное,

энергичное лицо привлекало внимание. Я слушал его курс «Рождение принципат». Михаил Иванович начинал медленно, глухим голосом, но постепенно темп ускорялся, а к середине лекции Ростовцев гремел на всю аудиторию так, что я предпочитал сидеть в задних рядах. Михаил Иванович давал блестящий по выразительности и глубокий по существу анализ борющихся исторических сил. Он весьма ограниченно трактовал роль отдельной исторической личности. Однако его портреты исторических деятелей Рима были так же выпуклы, как рельефы их голов на римских монетах, так же психологически раскрыты, как

римские бюсты. Ростовцев показывал историческую личность в её действиях, он хотел избегать психоанализа и, в особенности, нравственных оценок... Ростовцев употреблял бранные слова, стучал кулаками — это был не учёный, а политический оратор на трибуне... Страстный Ростовцев не мог в годы войны замкнуться в академической жизни. Когда выяснилась нехватка боеприпасов, Михаил Иванович стал за станок и принялся изготавливать снаряды. Его антинемецкая воинственная позиция впоследствии много повредила ему. Эдуард Мейер, по слухам, завещал Ростовцеву свою кафедру, но немецкие учёные отказались утвердить на ней воинствующего врага пангерманизма... Ростовцев не понял значения и смысла Октябрьской революции. Он покинул свою родину и завоевал за рубежом себе крупное имя, получившее мировое значение».²

Фаддей Францевич Зелинский. Филолог-классик, родился в 1859 году около Киева. Закончил русскую филологическую семинарию при Лейпцигском университете. Получив в 1880 году степень доктора философии, работал в Мюнхене и Вене, пробыл два года в Италии и Греции. С 1887 года преподавал древние языки в Петербургском историко-филологическом институте. Занимался преимущественно исследованием древнегреческой комедии, которой посвятил основные свои работы. «Фаддей Францевич был высок. Его выпуклый лоб куполом венчал лицо. Тёмные с проседью волосы, виясь, обрамляли чуть закинутую голову. Слегка курчавая борода напоминала бороду Софокла; в его глазах, широко раскрытых, казалось, отражался тот мир, который он воскрешал своей вдохновенной речью. Говорил он медленно, торжественно, слегка сквозь зубы и казалось, что слово его было обращено не к нам, что он направлял свою речь через наши головы — отдалённым слушателям.

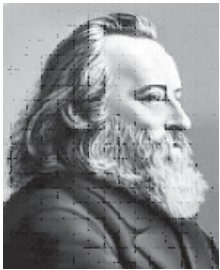
Порой его голос дрожал и слеза блестела на его глазах, похожих на глаза оленя... Античный мир, воскрешаемый Зелинским, не был миром реальной действительности. Его герои — статуи из паросского мрамора, сверкающие на солнце как свежее вытаявший снег. Но они не были холодны ни как мрамор, ни как снег. Они были, как Галатейя Пигмалиона, одухотворены пафосом любви».²

Эрвин Давидович Гримм. Историк, родился в 1870 году. По окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета был оставлен при нём «для приготовления к профессорскому званию», в 1894 году начал чтение лекций в университете в качестве приват-доцента. В 1896 году — приват-доцент Казанского университета, с 1899 года — профессор Санкт-Петербургских Высших женских курсов и приват-доцент Петербургского университета. В 1900 году защитил диссертацию на степень магистра, а в 1902 году — на степень доктора всеобщей истории. С 1908 года — проректор, а с 1911 года — ректор Санкт-Петербургского университета. «Специалистом по римской истории был также Эрвин

Давидович Гримм, брат ректора, а впоследствии и сам ректор. В годы моего учения он переключился на ранний период новой истории. Это был блестящий лектор, увлекавшийся своим красноречием и увлекавший других. Он был худ и высок, белокур, как полагается представителям «нордической расы». Небольшие скулы придавали особую выразительность его гладко-розовому лицу с крошечной эспаньолкой под нижней губой... Прекрасно образованный Гримм представлял собой исчезающий тип всеобщего историка. Он ориентировался в любой эпохе... Мне кажется, что по натуре своей, по своему темпераменту он был в большей мере политический деятель, чем учёный. Эрвин Давидович оказался превосходным ректором в труднейшие годы жизни университета, в период войны и революции».²

Николай Иванович Кареев. Историк и философ, член-корреспондент Петербургской академии наук, родился в 1850 году в Москве. В 1873 году окончил курс по историко-филологическому факультету Московского университета. В университете слушал лекции по русской истории его ректора, знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьёва.

Выдержав в 1876 году магистерский экзамен, получил заграничную командировку, которую использовал для написания магистерской диссертации. Далее читал курс истории девятнадцатого века в Московском и Варшавском университетах. Специализировался на истории крестьянства. После защиты докторской диссертации в 1885 году переехал в Петербург, где получил кафедру сначала в Александровском лицее, затем — в университете и на Высших женских курсах. В университете добился улучшения преподавания и изучения курса новой и новейшей истории стран Запада. Пользовался особой популярностью среди «неблагонадёжной» части студенчества, за что в 1899 году был отстранён от чтения лекций (вернулся к преподаванию в университете в 1908 году). *«Профессором новой истории был также Николай Иванович Кареев. Ещё до поступления в университет я слушал его лекции... Высокий рост, торжественная поступь, закинутая голова, огромный лоб, окаймлённый седыми, но ещё густыми, длинными волосами, ниспадавшими на его широкие плечи (настоящая львиная грива), размеренный спокойный голос...»*²

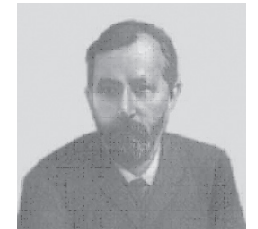
Николай Иванович Кареев — автор замечательной, прекрасным русским языком написанной книги воспоминаний «Прожитое и пережитое». Из мемуарного пересказа автора можно заключить, сколь много общего было в становлении творческой личности его эпохи (второй половины девятнадцатого века) и эпохи начала двадцатого века. Так, тот духовный, в том числе и религиозный, кризис, который в отрочестве своём переживал Анциферов, за четыре десятка лет до него пережил гимназист Кареев: *«Старые верования постепенно падали одно за другим, причём был пройден весь путь отрицания до самого конца... От прежнего у меня сохранилось уважение к религии, как к культурному явлению, могущему иметь и часто имеющему моральную ценность, а также к религиозному чувству других, к свободе человеческой совести»*.

Раздел второй. Учитель

Университетская система образования в начале двадцатого века позволяла студентам самостоятельно строить свой годичный план работ, а также решать, к кому из преподавателей ему «идти в ученики» для освоения более узкого направления занятий в избранной специальности.

Своим учителем-наставником первокурсник Анциферов выбрал Ивана Михайловича Гревса. Выписал из книжицы расписания университетских занятий названия курсов, которые читал уважаемый профессор — «Французская культура средневековья» и «Духовная культура конца Римской империи и раннего Средневековья», записался на их посещение. С этого исторического момента зародился прочный творческий и личный союз, связавший на многие годы учителя и ученика. В семинариях Гревса Анциферов отзанимался весь университетский курс с 1909 по 1915 год. В них он стал последователем исторического метода («локальный метод изучения исторических явлений»), продолжателем идей своего наставника; после них он пошёл вслед за учителем в краеведение.

Иван Михайлович Гревс родился 4 мая 1860 года, в селе Лутовиново Воронежской губернии в семье помещика, чей предок был выходцем из Англии. В имении отца он прожил первые двенадцать лет своей жизни, после чего в Петербурге поступил в Ларинскую гимназию (названа в честь купца-мецената Петра Даниловича Ларина, на чьи деньги эта гимназия на исходе восемнадцатого века была выстроена на Васильевском острове).

Окончив гимназию, Гревс в 1879 году поступил на историко-филологический факультет университета и под влиянием своего учителя, византиниста профессора Василия Петровича Василевского решил специализироваться по истории средних веков. По окончании обучения он был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию», параллельно с которым начал преподавать в различных учебных заведениях, а после сдачи в 1889 году магистерских экзаменов — и в самом университете. Часто ездил в заграничные командировки, бывал много раз в Италии, где, как он позже определил, *«впервые почувствовал значение монументальных штудий для того, кто хочет обладать широким историческим опытом»*.

В 1900 году Гревс защитил магистерскую диссертацию, в которой разработал тему истории римского земледелия. В 1903 году он был избран профессором по кафедре истории средних веков. В это время немецкий исследователь Отто Гирмфельд опубликовал в одном историческом журнале статью, в которой во многом предвосхитил содержание готовившегося Гревсом к печати второго тома истории римского земледелия. После этого инцидента Гревс отказался продолжать свои исследования по древнеримской истории и обратился к истории средневековья, сначала раннему, затем — классическому; занимался различными темами: феодализмом во Франции, итальянскими городскими коммунами, культурой проторенессанса (Данте).

Неудовлетворённость собственной научной работой толкала Гревса к педагогической деятельности, к которой он испытывал давнее влечение. В университете он организовал специальный медиевистский кабинет, приспособленный для самостоятельной научной работы студентов; с большим тщанием разрабатывал и вёл как в университете, так и на Бестужевских курсах специальные исторические семинарии. Рано увлёкся краеведением, экскурсионной работой, главные задачи которой он сформулировал ещё в 1891 году на собрании Исторического общества при Петербургском университете — *«...распространить идею о необходимости для самообразования учителя широко пользоваться изучением вещественных памятников культуры. Для достижения этой цели ею должна быть поднята мысль о важности историко-педагогических экскурсий по России и путешествий за границу для ознакомления с музеями и памятниками древности, а также должны составляться руководства для таких поездок... и организовываться самые поездки».*

В годы преподавания в Тенишевском училище (с 1900 по 1902 год) Гревс разработал и реализовал прогулки по Петербургу на тему «По следам Петра Великого», осуществил экскурсионную поездку с учениками в Киев. Позже, в 1903 году, в одной из своих статей он, проанализировав опыт своих первых экскурсионных поездок, пришёл к выводу, что много эффективнее заранее спланированное коллективное путешествие, дающее возможность дискуссий, обсуждений, обменом впечатлениями от увиденного.

После студенческих волнений 1899 года Гревс был уволен из университета, в 1900 году защитил магистерскую диссертацию, работал в частных школах, был председателем педагогического совета женской гимназии Таганцевой. В 1902 году он вернулся в университет.

«Мы называли его padre... Слово padre для меня значило больше, чем для многих его учеников. Я потерял отца, когда мне едва исполнилось 8 лет. Память о родном отце не заглохла в душе. Я его и теперь, когда мне под 60, изредка вижу во сне. И меня, столь рано утратившего родного отца, в сознании создавшейся пустоты, всегда тянуло к старшему, к которому бы я мог бы с любовью прислониться. В годы отрочества и ранней юности А. Ф. Фортунатов, отец моих друзей, стал для меня таким чтимым и любимым руководителем в жизни. В студенческие годы Иван Михайлович стал тем учителем-другом, с которым меня связала навсегда сыновья любовь. Иван Михайлович стал моим padre».²

Разнообразны были научные интересы Ивана Михайловича Гревса, не просто историка, но и великого эрудита, литературоведа. Как историк он был и знатоком древнеримской истории, и медиевистики — специалистом по средневековой Франции. Это было что-то необычное для историка — ориентация на французскую науку (на последователей Фюстель де Куланжа) для русского специалиста по классической древности. Сам Гревс писал об этом: *«Среди всеобщих историков в России я — один из немногих — являюсь последователем французской, а не немецкой школы. И это связано с французскими симпатиями, выросшими у меня с самого детства...»*

В 1907 и 1912 годах Гревс организовал для участников своего семинария поездки в Италию (во второй участвовал Николай Павлович и подроб-

но описал её). Обоим экскурсиям предшествовала длительная подготовка, включавшая в себя изучение трудов Данте, Франциска Ассизского, хроники Дино Кампанья; кроме того, лекцию по истории Флоренции прочитал Гревс. Прежде, в 1910 году, Анциферов самостоятельно посещал Италию. Поездка же 1912 года стала для него судьбоносной в его научной биографии, определившей авторский стиль исследований, заложившей основу будущих его изысканий. В этой поездке родился Анциферов-градовед, в ней он впервые поставил для себя вопросы, далеко выходящие за рамки его рядового паломничества: «Как определить цель паломничества?», «С какой точки увидеть город, в какое время года и в какой час дня?» Все эти вопросы становились темами для обсуждений на семинариях Гревса.

«Семинарий по Данте студентов университета и курсисток Бестужевских курсов Иван Михайлович собирал в столовой своей квартиры на углу Матвеевской и Б. Пушкарской.

На тёмном и ровном фоне обоев — большой портрет Данте с фрески Джотто. Мраморный бюст Данте на письменном столе кабинета. Рядом с фреской Джотто — панорама Флоренции...

Мы, ученики нашего padre, сидели за длинным столом. Перед каждым лежали тетради и книги... Основной труд, над которым мы работали, — „De Monarchia“ — трактат написанный Данте с целью содействия объединению Италии и установлению вечного мира. Каждый из участников семинария по очереди разбирал главы этого трактата...

Читали трактат медленно, строку за строкой. Чтение шло по кругу. Один начинал, а следующий абзац уже продолжал сосед. После чтения начинался устный комментарий или читался доклад...

А сам padre, чуть склонив набок голову, внимательно слушал каждого. Иногда улыбка появлялась на его лице, улыбка для поощрения робеющего, боящегося оказаться недостойным сидеть здесь за столом профессора Гревса (что каждый из нас считал большой честью). Запомнилось ещё выражение его склонённого лица, всегда благожелательное. Помню живо ясный лоб его в раме серебристых, тогда ещё густых волос. Как любил наш padre эти занятия! Каким ясным, успокоительным светом было озарено всем нам дорогое лицо! Мы не замечали, как текло время. Ведь мы здесь преодолевали время, уносимые в далёкое прошлое. Только изредка из деревянного домика с циферблатом на стене выскакивала кукушка и куковала нам о пропльвших часах».²

Раздел третий. Конфликт ученика и учителя

Всё возрастающий объём педагогической, организационной работы отнимал у Гревса время для научной работы, для подготовки и защиты докторской диссертации. Он был увлекающимся человеком — взял и перевёл с французского языка на русский пять томов романа Ромена Роллана «Жан-Кристоф». Мешала Гревсу концентрации усилий на узком диссертационном направлении работы и перемена им своих научных интересов — от античности к средневековью, от средневековья к краеведению и экскурсионной работе. Больше

и больше усилий и временных затрат требовали от него организация семинариев, больших исторических экскурсий как по России, так и по европейским странам.

Всё это совокупно не могло не отразиться на формировании «школы Гревса» в его основной научной дисциплине — медиевистике (истории средних веков), могло создать ситуацию, когда ученики перерастают учителя и — при отсутствии у них внутреннего этического стержня — вступают в конфликт с учителем.

В практике своих исторических исследований и занятий с учениками Гревс проповедовал позитивистское понимание истории, делая акцент на тщательный анализ текстов источников, на источниковедение и палеографию (раздел истории о графике и внешнем виде древних рукописей), на полноту эмпирического описания.

Одна часть учеников Гревса безоговорочно приняла «позитивизм» учителя, став его верными последователями. Безусловным лидером среди них была Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская, выпускница Высших бестужевских курсов, с 1896 года — участница семинариев Гревса. В 1911 году в Париже (после трёхлетнего обучения в Сорбонне) вышла её работа, посвящённая деятельности французского прихода в тринадцатом столетии, за которую ей была присвоена степень доктора Парижского университета. В том же году она начала преподавать на Бестужевских курсах, где вела семинарские занятия и читала лекции. В 1915 году Добиаш-Рождественская защитила диссертацию и получила звание магистра по общей истории, став первой женщиной в России, получившей такое звание. В следующем году она стала профессором Высших курсов, в 1918 году защитила докторскую диссертацию и была избрана профессором Петроградского университета.¹³⁷

Другие ученики Гревса, оперившись, выдвинули на первый план романтический элемент в исторических исследованиях. Лидерами среди них стали Николай Петрович Оттокар и Лев Платонович Карсавин; последний стал основным оппонентом учителя.

«Но эти ученики, выдающиеся учёные, не были душевно близки И. М. Гревсу. Блестящий Л. П. Карсавин в те годы отличался каким-то умственным сладострастием. Он не только любил тончайший анализ различных средневековых систем, изящные построения своего изошрённого ума, он любил ниспровергать принятое либеральной наукой. Так он отрицал и теорию прогресса, и прагматизм. Его религиозность носила оппозиционный духу позитивизма характер и имела яркую эстетическую окраску...

Николай Петрович Оттокар, с острым, трезвым, критическим умом был много реальнее в науке, чем его коллега. Его прежде всего влекло к точности, конкретности. Его специальностью стала история городов средневековья. Как и Карсавин, он отрицал теорию прогресса. Как Карсавин, он был эстет, ценивший прежде всего во всём форму. И в том, и в другом чувствовалась оппозиционность в отношении идеализма Ивана Михайловича, его гуманизма, его сосредоточенности на моральной стороне человека, его интереса к личности, как выразительнице культуры...

Во всём этом был трагизм учёного-педагога, который так много жертвовал в качестве учёного для своей работы педагога, который хотел в учениках видеть продолжателей своей научной линии, завершителей начатых им, но не законченных трудов».²

Карсавин, судя по всему, познакомился с Гревсом в 1902 году на втором курсе университета как слушатель его лекций по истории средних веков; с третьего курса он стал посещать семинарии профессора. На последнем курсе под руководством Гревса он работал над «медальным сочинением», которое успешно защитил в 1906 году. Оценивая работу своего ученика, учитель использовал близкие его пониманию идеала науки этические категории «честная», «скромная». Гревс был принципиальным противником сугубо формального стиля научного руководства. По его мнению, научный руководитель в процессе обучения должен стать для своего ученика настоящим «учителем жизни» — учителем с большой буквы.

По рекомендации Гревса его ученик Карсавин по окончании университета «был оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию»; в 1906 году он с благословения учителя отправился в путешествие по Европе.

Возвратившись в Россию, Карсавин начал преподавать историю в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга и одновременно продолжал работать в семинариях Гревса. При его поддержке он стал штатным преподавателем на Высших бестужевских курсах. С июля 1912 года Карсавина назначили приват-доцентом университета, а в 1913 году он защитил магистерскую диссертацию.

В это время его (и его друга Оттокара) отношения с Гревсом перестают быть безоблачными. Разлад учеников с учителем проявился в их прохладном отношении к методике («философии») гревсовских экскурсий. По этой причине при подготовке второй экскурсии (в 1912 году) в Италию Карсавин продемонстрировал свою оппозиционность Гревсу, определяя себя как учёно-романтика. В откровенно скандальной форме безапелляционность суждений Карсавина проявилась во время подготовки и проведения им (27 марта 1916 года) докторского диспута. Неуважительность ученика Гревс воспринял очень болезненно.

В тридцать три года Карсавин получил докторскую степень, которой у самого Гревса не было. Он вырос из роли ученика, перестал нуждаться в поддержке и покровительстве. Однако после защиты диссертации карьерный рост Карсавина был заблокирован профессорами университета. Будучи доктором, он оставался приват-доцентом вплоть до 1918 года. Корпорация профессоров, сомкнув ряды, не пускала в свой круг Карсавина, к огромному его неудовольствию. «Ротация профессорско-преподавательских кадров» в университете происходила достаточно медленно. «Зелёный свет» открывался тем «новобранцам», которые, проявляя свою лояльность по отношению к существующему порядку вещей, не посягали на него в процессе своего профессионального и карьерного роста.

В полном соответствии с законом единства и борьбы противоположностей внутренняя жизнь историко-филологического факультета на момент

вхождения туда Карсавина была «гармонизирована» принципиальным противостоянием двух профессорских кружков — условно говоря, либерального, в который входили Гревс, Кареев, Лаппо-Данилевский, и консервативного, который составляли Платонов и его единомышленники. Любой человек, попадавший на факультет, оказывался в силовом поле между двумя полюсами и с необходимостью примкнуть к одному из них. При этом понятно, что кружки вовсе не включали в себя всех историков и филологов, работавших на факультете. Но они образовывали некие силовые полюса, структурирующие поле. Карсавин отказался от чёткой ориентации на какой-либо кружок, что вызвало его оценку гревсовцами как предателя, платоноцы же радовались.

Иван Михайлович Гревс оценивал этот конфликт с учениками как «борьбу поколений». Кажется, единственным победителем в этом противостоянии стала Добиаш-Рождественская, выдвинувшаяся в лидеры петроградских медиевистов; ведущие позиции в науке о средневековье заняли её непосредственные ученики, называвшие себя «внуками Гревса». Сам падре после увольнения из университета полностью посвятил себя развитию экскурсионного дела и краеведению.

Лев Платонович Карсавин в августе 1922 года был арестован и выслан за границу, без права возвращения, вместе с группой из сорока пяти деятелей науки и культуры (Н. Бердяев, С. Франк, И. Ильин, Н. Лосский, С. Булгаков, Н. Трубецкой и другие).

Раздел четвёртый. Эрмитажный кружок

В 1910 году по инициативе студента историко-филологического факультета Петербургского университета Александра Алексеевича Гизетти, сторонника идей английского теоретика искусств Рёскина, и его друзей по факультету был создан так называемый «Эрмитажный кружок». Его участники (среди них — Николай Анциферов и Таня Оберучева) задались целью совместно изучить Эрмитаж и организовать в нём экскурсии для рабочих.

«В Эрмитажный кружок записалось лишь несколько студентов. Мы успели встретиться на квартире Гизетти.

*Он принадлежал к интеллигентной семье, родственной Гревсу и Лаппо-Данилевскому. Предки его были из Венеции, где ещё в нашу эпоху сохранился дворец, принадлежавший некогда Гизетти. Но как мало этот типичный русский студент походил на своих предков! Высокий блондин с крупными чертами лица, скорее английского типа: прямой нос, выдающийся подбородок, узкая светлая борода. Чрезвычайно скромный, в своём сером тиджачке или чёрной косоворотке, чрезвычайно застенчивый и рассеянный до крайности. Это был подлинный аскет вечно с книгой, за работой, глубоко преданный революционному движению».*²

Работа кружка была построена по своеобразному («конвейерному») принципу. В музее предварительно выбирался объект для изучения, затем приглашался университетский профессор, читавший будущим экскурсово-

дам лекцию по заданной тематике (Тураев, Ростовцев, Зелинский); по получении необходимых сведений один из кружковцев брал на себя одну из тем, по которой в дальнейшем проводил экскурсии. Впервые в Петербурге студенты университета (и примкнувшие к ним столичные курсистки) создали экскурсионный центр, не связанный ни с каким учебным заведением. Впоследствии из кружка вышли руководители будущих экскурсионистов Петербурга.

Работа кружка была прервана студенческими волнениями 1911 года, затем, в конце 1912 года, после поездки членов кружка вместе с Гревсом в Италию она вновь возобновилась. В конце 1913 года в Петербурге проходил Всероссийский съезд учителей; для них члены кружка организовали экскурсию по Эрмитажу — очередной экскурсовод, обслужив экскурсантов в своём зале, передавал его коллеге в следующий зал.

Безусловным лидером в «Эрмитажном кружке» был Андрей Вячеславович Тищенко, сын проректора университета. Среднее образование этот выдающийся молодой человек получил в Ларинской и Леонтовской гимназиях столицы. В Петербургский университет он сначала поступил на естественное отделение физико-математического факультета, затем перевёлся на историко-филологический факультет.

«Мы давно уже называли Андрея Вячеславовича «Китом» Эрмитажного кружка. Это был исключительно одарённый и обаятельный юноша. Лицо его с правильными чертами, мужественное, открытое — русское лицо. Брововая шапка с бархатным верхом придавала ему вид молодого боярина. Глаза его постоянно светились мыслью, на полных губах часто играла улыбка. Он уже был звездой своего семинария. Им гордились. Его любили. Тищенко совмещал в себе какую-то собранность, сосредоточенность с русской удалью. В первые дни войны он, будучи уже оставлен при университете, пошёл на войну и погиб в первых же боях. Его хоронил весь университет на Смоленском кладбище...

*Смерть Андрея Вячеславовича потрясла нас и наложила надолго траурную тень на наши встречи. Мы постоянно вспоминали его».*²

Андрей Вячеславович был шафером на свадьбе у молодых Анциферовых, подарил им кружку в форме головы Европы из картины Серова. После свадьбы, по-доброму дурачась, он сделал синий мазок на Сфинксе перед зданием Академии Художеств на память о торжественном событии друзей, показал его Николаю Павловичу. *«И вот я до сих пор, посещая свой родной город, подхожу к сфинксу и отыскиваю этот мазок, оставленный мне на память так рано нас покинувшим другом».*²

Замечательным мастером словесного портрета показал себя в своей мемуарной книге Николай Павлович Анциферов. Так, как талантливый живописец-портретист из смешения красок гармонично организует не только точный внешний образ портретируемого, но отображает его внутренний мир, суть души, настроение, так и в словесных портретах Анциферова не только выпуклые, яркие, точные характеристики внешности представляемого им человека, но и описание его духовной сути. Очень точно, лаконично, несколькими словесными «мазками» даёт он внешний и психологический портрет своих современников, друзей-товарищей. В них — строгость, точность, порой

— тонкий юмор, лёгкая ирония, даже сарказм, но всё подаётся деликатно и уважительно. Такими красками слова выписаны сонм его учителей, таким манером поданы прекрасные портреты его единомышленников по «Эрми-тажному кружку». Весь этот скорбный мартиролог — чтобы потомки знали о замечательных соотечественниках.

Алексей Петрович Смирнов. Родился в 1889 году (ровесник Анциферова). Византист, исследователь истории и культуры христианского Востока. Окончил в 1913 году Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет и был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию. Ученик Ивана Дмитриевича Андреева, историка церкви, и Ивана Михайловича Гревса. После революции — научный сотрудник Академии истории материальной культуры, отдела древнерусского искусства в Русском музее. Знаток христианской иконографии, византийской и поствизантийской иконописи. Дважды вместе с Николаем Павловичем Анциферовым арестовывался. После второго ареста, находясь в заключении на Соловецких островах, умер — в 1930 году — от сыпного тифа. *«Вместе с ним мы ездили этапом в Ново-Николаевск в 1925 году. Вместе с ним мы были освобождены по пересмотру дела. Вместе путешествовали в 1922 году по северной Фиваиде. Вместе были в Херсонесе на съезде археологов в дни землетрясения. Сблизились и наши семьи. Я крестил его первенца, он — моего».*²

Братья Петри, сыновья профессора антропологии Эдуарда Петри. Бернгардт Эдуардович Петри родился в Швейцарии, в Берне, в 1884 году. До двенадцати лет жил в Италии, после амнистии отца, вернулся в Петербург, где окончил гимназию и поступил в университет. В связи с ранней смертью отца опекуном его стал академик Василий Васильевич Радлов. После окончания университета Бернгардт Петри стал сотрудником Музея антропологии и этнографии, директором которого был его приёмный отец. В 1919 году, вместе с семьёй он оказался в Иркутске, откуда не смог выехать. В Иркутском университете заведовал кафедрой первобытной культуры. В 1937 году был арестован, на допросах держал себя очень достойно и, признав себя шпионом, сказал, что завербовал его академик Радлов (тот умер ещё в 1918 году). Был расстрелян в ноябре 1937 года.

Георгий Эдуардович Петри родился в 1888 году в Петербурге. В первый класс гимназии Карла Мая поступил в 1899 году и блестяще (с золотой медалью) окончил полный её курс в 1907 году. В том же году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который окончил в 1912 году. Ученик Ивана Михайловича Гревса (занимался историей политической борьбы в средневековой Италии), с университетских лет — друг Николая Павловича Анциферова. Энциклопедически образованный специалист, владевший немецким, французским, английским, итальянским и латинским языками.

По окончании университета читал историю в столичных гимназиях. После революции преподавал в университете экскурсионное дело, но в 1920 году был из него уволен за немарксистскую подачу учебного материала. Летом 1930 года проходил по делу «академии наук», отсидел три года в ссылке, в

Архангельске. По освобождении работал в Музее истории религии и атеизма (в Казанском соборе). Умер в марте 1942 года.

Александр Эсперович Серебряков. Историк культуры, переводчик, родился в 1880 году в Англии в семье морского офицера, народовольца-эмигранта Эспера Александровича Серебрякова. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета Александр Серебряков был оставлен на кафедре всеобщей истории. Вместе с отцом, матерью — Екатериной Александровной — и младшим братом Петром (1896 года рождения) жил в одном доме с художником Павлом Николаевичем Филоновым. После кончины Эспера Александровича, последовавшей в 1921 году, Филонов женился на Екатерине Александровне, которая была старше его на двадцать лет; усыновил её сына Петра, также художника. Весной 1920 года Александр Серебряков был ненадолго арестован, после освобождения бежал за границу. В 1924 году, после неудачной попытки нелегально вернуться на родину, он был осуждён на десять лет Соловецких лагерей.

По освобождении жил в Ленинграде, в 1938 году вновь был арестован и погиб в заключении. В том же году был расстрелян в Ленинграде его брат Пётр. *«Третий товарищ по семинарию — А. Э. Серебряков, сын известных революционеров. Он вырос в эмиграции. Возвращение на родину сделало его пылким патриотом. Он был любознателен, постоянно чем-нибудь увлекался. Был отзывчив и очень суетлив и многоречив. Но в нём не было той устойчивости, той серьёзности, как в других членов нашего кружка».*²

Михаил Александрович Георгиевский. Родился в семье прачки и рабочего (что любил подчёркивать), в 1888 году, в городе Бежица Брянской области. После смерти отца мать переехала в Петербург, служила кастеляншей в Воспитательном доме. Учился в Выборгском реальном училище, после него поступил на историко-филологический факультет университета. По его окончании, в 1913 году, был оставлен на кафедре как приват-доцент, коим оставался до революции, «для приготовления к профессорскому званию» под руководством профессора Ивана Дмитриевича Андреева. В 1916 году был избран приват-доцентом на кафедре истории церкви. В 1918 году Георгиевский не вернулся из очередной командировки по России, перебрался нелегально в Польшу. Там два года работал в Варшавском университете, а с 1920 года по 1929 год преподавал древнееврейский, латинский и русский языки, историю и философию в Белградском университете. В начале Второй мировой войны Георгиевский, не скрывавший своих антифашистских взглядов, прятался от гестаповцев. С приближением Красной Армии пытался уйти к друзьям в Венгрию, но был схвачен партизанами Тито и передан СМЕРШу. Был расстрелян в Москве в сентябре 1950 года. *«Сдержанный, задумчивый М. А. Георгиевский очень скоро отошёл от нас. Из него формировался кабинетный учёный».*²

Фёдор Артурович Фьельструп. Этнограф широкого профиля, тюрколог. Родился в Санкт-Петербурге в семье инженера-датчанина. В 1916 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. После революции работал в экспедиции, составлявшей карты Приуралья и

Томской области, преподавал в Томском университете, служил переводчиком в армии Колчака. В 1924 году совершил экспедицию в Киргизию, обследовал ряд районов Тянь-Шаня и Ферганской долины. Был арестован в 1933 году по статье «принадлежность к контрреволюционной фашистской организации» (припомнили власти службу у Колчака). В декабре 1933 года, во время следствия — как утверждала официальная версия — Фьельструп выпил крутого кипятка, обжёг ротовую полость и гортань и в шоковом состоянии задохнулся. *«Ф. А. Фьельструп пришёл к нам со стороны. Этот датчанин вовсе обрусел, но всё же в нём сказывалась его скандинавская кровь. Он был чрезвычайно деликатен, аккуратен, как-то особенно изящен. К общественному движению Фёдор Артурович относился сдержанно и этим отличался от нас (исключая другого «иностранца» — Г. Э. Петри, сына шведа, известного географа, и еврейки, энергичной учёной женщины). Фьельструп окончил два факультета: германо-романское отделение филологического и этнографического естественно-исторического. Этнограф в нём победил филолога. Фёдор Артурович ещё в детстве увлёкся индейцами и, окончив университет, совершил путешествие в Южную Америку, жил у индейцев. Мировая война заставила его спешно прервать свою работу и вернуться в Россию».*²

Алексей Викторович Шмидт. Крупный советский востоковед и археолог, финноугровед. Родился в Юрьеве Лифляндской губернии, в 1894 году, в семье известного профессора-гистолога. В 1916 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета энциклопедически образованным человеком, чему причиной стала прекрасная университетская школа: Тураев — первый учитель; Жебелев, Ростовцев, Струве — последующие. С 1917 года Шмидт работал хранителем музея древностей Пермского университета, преподавал в нём. С 1923 года служил в Коллегии востоковедов, заведовал отделом в Музее антропологии и этнографии, из которого был уволен во время чистки Академии. Далее, счастливо избежав репрессий, работал научным сотрудником в Государственной академии истории материальной культуры, преподавал в Ленинградском педагогическом институте, участвовал во многих археологических экспедициях. По неподтверждённым данным в 1933 году он был арестован по делу сотрудников Русского музея и умер во время следствия в апреле 1935 года. *«Среди членов Эрмитажного кружка был „вундеркинд“ — так мы прозвали самого юного из нас — Алексея Викторовича Шмидта. Этот молодой человек чувствовал себя как дома в любой эпохе... О нём мы говорили „мальчик Шмидт всё знает“. И он отвечал нам на любые вопросы. Он превосходно, как никто из нас, ориентировался во внешней политике. Худой, высокий блондин, чуть рыжеватый, то сдержанный, замкнутый, подтянутый, то внезапно разгоравшийся, жестикующий. По матери он происходил из семьи Висковатых. В нём удивительно сочетались немец и русский: немецкая основательность с русской широтой. Начинал мальчик-Шмидт свой путь учёного как египтолог, как ученик Б. А. Тураева, а кончил археологом».*²

Левко Евгеньевич Чикаленко. Украинский археолог, общественно-политический деятель, родился 3 марта 1888 года в селе Перешоры (что на Хер-

сонщине) в семье мецената украинской культуры, издателя и публициста Евгения Харламповича Чикаленко. Семья у мецената была большая — дети Анна, Левко, Виктория, Пётр. В 1899 году Евгений Харлампович прикупил ещё одно имение — в селе Кононовцы, на Полтавщине, ставшее основным местом летнего времяпрепровождения семейства Чикаленко, в нём прошли лучшие годы его детей. Через год Чикаленко переехали в Киев, поселились на улице Мариинско-Благовещенской. Глава семьи организовал по пожеланиям журфиксы для элиты украинской интеллигенции, проживавшей в городе. Дети получили начальное образование в Одесской гимназии, затем учились в Европе.

Левко Чикаленко два года обучался в Лозаннском университете с 1907 года, но в 1909 году прервал учёбу и приехал в Петербург, где поступил в университет (с трудом, так как имел репутацию неблагонадёжного). Принимал участие в этнографических и археологических экспедициях. В 1909 году под руководством профессора университета, антрополога Фёдора Кондратьевича Вовка такая экспедиция работала на Волини. Вернувшись в марте 1917 года в Киев, Левко Чикаленко как член Украинской социал-демократической партии вошёл в состав Украинской Центральной Рады. Некоторое время работал в Академии наук, в городской управе, преподавал географию в гимназии на Лукьяновке, жил на Львовской площади. Весной 1920 года он перебрался в Польшу, где приобрёл статус эмигранта. Далее жил и преподавал в Варшаве, Праге, Париже. В 1948 году Левко Евгеньевич Чикаленко уехал за океан, там и умер — 7 марта 1965 года, в Нью-Йорке. По завещанию умершего его прах был развеян на его малой родине — в селе Перешорах. *«Левко был настоящий сын Украины. С грубоватым лицом он походил на парубка. Чуть вьющиеся волосы, длинный нос, небольшие глаза — в нём, казалось, не было ничего красивого, а вместе с тем выразительное лицо его привлекало какой-то мужественной красотой. Он напоминал Остапа, когда глаза его разгорались гневом или воодушевлялись, в особенности, когда он говорил о своей многострадальной Украине. Мы с ним ни в чём не сходились, а любили друг друга. Он с добродушной насмешкой говорил мне: „Вам бы жить в 30–40-е гг. прошлого века!“ А я ему отвечал: „Вас же нельзя выпустить из XVIII века — гайдамак со взглядами французского энциклопедиста, Гольбаха или Гельвеция“.*²

Глава шестая. Кружок «Воскресенье»

После окончания в 1915 году Петербургского университета Анциферов был оставлен на кафедре истории историко-филологического факультета для подготовки к сдаче магистерских экзаменов, которые он успешно выдержал в 1916 году. Можно только догадываться, почему он прервал научные занятия в университете и перешёл к преподаванию истории в женской гимназии Яворской, в реальном училище Черняева.

Вскоре семья Анциферовых увеличилась — 5 марта 1915 года родилась дочь Наташа (Таточка), а 27 февраля 1918 года появился на белый свет сын

Павел (Павлинька). Факт этот запечатлён на фотографии, сделанной в июне 1919 года. На ней — брызжут счастьем, сияют восторгом лица молодых обаятельных родителей. По-мужски красиво, интеллигентно лицо отца, пленительно хороша мама. На её руках — маленькое семейное чудо — годовалый сын; малыш улыбается, видимо, в ожидании птички, которая вот-вот вылетит из фотографического объектива. Море обаяния и океан очарования являет собой пятилетняя Таточка, её не по-детски умные глазки очень по-детски светятся радостью бытия, счастьем от близости мамы, папы и братика; она очаровательна своими ямочками на щеках, своей доброй, широкой улыбкой.

В декабре 1917 года Николай Павлович Анциферов совершил поступок, серьёзно изменивший десятилетие спустя его жизнь — он присоединился к вновь организованному кружку Федотова-Мейера (с конца 1919 кружок получил наименование «Воскресенье»). В это время он работал в отделе Rossica Публичной библиотеки. Там

же работал Александр Александрович Мейер, предложивший однажды коллеге Анциферову «встретиться и вместе подумать». Эта встреча, ставшая для кружка организационной, состоялась на квартире Ксении Анатольевны Половцевой, также работавшей в «Публичке».

Идейным вдохновителем кружка поначалу был Георгий Петрович Федотов (ученик Гревса, приват-доцент кафедры средних веков университета, он также работал Публичной библиотеке, в отделе искусств), но скоро в лидеры организации выдвинулись Александр Александрович Мейер и Ксения Анатольевна Половцева. Строго определённой политической ориентации кружок не имел. На первых порах в нём были люди разных идейных убеждений. Направлением своей работы участники кружка определили широкую пропаганду идей религиозного возрождения, которые, по их мнению, только и могли спасти Россию.¹³⁸

*«Собирались мы первоначально по вторникам, а потом решили встречаться в воскресные дни, чтобы иметь более свежие головы. Наши вечера напоминали собрание кружка Н. В. Станкевича строго трезвенным характером: только чай. Встречались самые разнообразные люди. Приходили и уходили. Бывали биолог Л. А. Орбели, художники К. С. Петров-Водкин и Л. А. Бруни, литературовед Л. В. Пумпянский, музыкант М. В. Юдина, бывший рабочий Иван Андреевич. Скромный и обаятельный человек, но фамилию его забыл. Постепенно кружок срастался и начинал менять свой характер: становился более религиозным. По инициативе Мейера и Половцевой собрания начинались молитвой. В неё были включены слова о «свободе духа». А беседа начиналась с пожатия рук всех собравшихся. Получался круг вроде хоровода. Мейер и Половцева всячески стремились придать собраниям характер ритуала. Отмечая годовщину 1-го собрания кружка, испекли хлеб и перед началом раздали его всем присутствующим. Это были дни голода. Меня, и в особенности мою жену, смущали эти тенденции».*²

В марте 1918 года число членов кружка увеличилось до двадцати человек, что позволило его руководителям поставить вопрос о его общественной роли. По этому поводу на очередном собрании было принято постановление о пропаганде идей кружка путём массовой агитационной работы среди населения, в первую очередь через журнал «Свободные голоса». Средства на его создание обеспечили частные пожертвования, и в апреле 1918 года под редакцией Мейера и Федотова вышел первый номер журнала. В статье «Интернационал и Россия» Александр Александрович Мейер писал:

«Магия интернациональных лозунгов, подкрепляемая усталостью населения, привела к развалу армии и торжеству непрошенных гостей. Интернационал оказался новой державой, вмешавшейся в войну союзницей Германии, являющейся крепким оплотом всей европейской реакции. Лозунги Интернационала непримиримы с пониманием национальной культуры и любовью к Родине. „Единство трудящихся всех стран“ базируется на национальном обезличивании, на ослаблении любви к нации, на угасании пафоса к личному и является полным отрицанием национального лица. Только религиозное понимание истории могло бы дать выход из противоречия между нациями. До тех пор пока социализм не подчинит свою общественную идеологию религиозной идее личности, он будет служить целям собственной правды».

В этом же номере журнала была напечатана статья Федотова «Лицо России» и Анциферова — «Россия и будущее»: «В статье я привёл текст из Герцена о царевиче, заключённом в бочку, носимую по волнам, который хочет поднатужиться и выбить дно: пусть погибну или обрету волю. Царевич — народ, которого все уговариватели стремились удержать от рискованных действий».²

В начальный период деятельности кружка его участники полагали невозможным опираться только на православие для развития свободных христианских идей. Позже, с 1920 года началось возвращение участников кружка в «лоно православной церкви» (окрестились кружковцы-евреи, перешёл в православие лютеранин Мейер).

Летом 1919 года судьба обрушила на Анциферовых удар страшной силы.

«Весной 1919 года после голодной и холодной зимы свирепствовала дизентерия, гибли дети, гибли и взрослые. 1 июля умер наш первенец Павлинька. Потрясённые его смертью, не веря в возможность такого несчастья, мы шли за его гробом... Похоронили рядом с могилой моей бабушки на Смоленском кладбище. Когда вернулись после траурного обряда, ещё со звуками в душе «вечная память», нам жутко было войти в детскую, где ещё недавно было столько счастья, которое не в силах были омрачить ни голод, ни холод. Ибо тут царил всепобеждающая любовь».

То, что встретило нас, потрясло душу до её глубины: на кровати сидела наша Таточка. Лицо её горело, глаза стали шире и ещё синее, на простыне виднелись пятна с кровью. Значит смерть пришла и за нею.

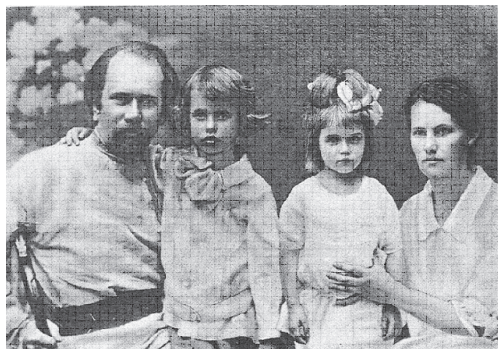
После похорон Таточки ... и я свалился в той же болезни. Время было жаркое и не было возможности уберечься от мух, разносителей заразы. Моя болезнь и страх за мою жизнь пробудили из оцепенения мою жену и мою мать. Я был при смерти. Мама с ужасом заметила зловещие признаки её близости, я

начал, по народному выражению, «обираться», беспокойно водить руками по телу. И вдруг — крутой поворот к выздоровлению, он вернул к жизни и Таню, и маму, и всё же трудно было войти в неё».²

Оставшись в живых, стремясь активной работой приглушить душевную боль, Анциферов приступил к работе над своим первым краеведческим трудом «Душа Петербурга». Преподавал историю средних веков во Втором педагогическом училище Петрограда, в детской колонии для девочек, размещавшейся в Красной Славянке (прежде называвшейся Царской Славянкой), в бывшем дворце графини Самойловой.

«Кончался день и мы возвращались в нашу комнату, похожую на гроб. Сидели на кровати, прижавшись друг к другу. Тускло светила коптилка. А наши думы возвращаются к двум опустелым кроваткам и к двум маленьким холмикам. И голова кружится, словно мы стоим над пропастью и вот-вот упадём в неё...

...Обновления мы ждали от младенца. И мы верили, что он придёт и постучится в нашу жизнь, двери которой, казалось, так плотно закрылись».²

В марте 1921 года Татьяна Николаевна Анциферова родила сына Сергея (Светика); спустя три года у него появилась сестричка Таня. Их, уже подросших, можно увидеть на фотографии, сделанной где-то во второй половине двадцатых годов. Эта фотография — без улыбок. Очаровательные малыши, будто поддавшись настроению взрослых, без особых эмоций всматриваются в фотообъек-

тив. Серьёзен, напряжён Николай Павлович. У Татьяны Николаевны на лице выражение неизжитой печали, уголки губ её скорбно опущены, в глазах — напряжение, тревога. Нежно, едва касаясь пальцами рук, поддерживает она Танечку — будто драгоценный сосуд, который (только ослабь внимание!) может покачнуться, упасть и разбиться.

Ко времени рождения дочери Николай Павлович уже был автором книги «Душа Петербурга», увидевшей свет в 1922 году. В 1923 году вышла из печати его новая работа — «Петербург Достоевского», в 1924 году — работа «Гоголь и мир Петербурга», сборник «Каменный век». В 1921–1924 годах он работал в Гуманитарном отделе Экскурсионного института, в его методических и исторических секциях, вёл ряд семинариев по градоведению, готовил руководителей экскурсий по Петрограду и пригородам. После ликвидации Экскурсионного института в 1924 году он стал научным сотрудником Петроградского отделения Центрального бюро краеведения.

В начале 1925 года — тайна за семью печатями! — его вместе с другом и коллегой Смирновым арестовали и, обвинив в «недоносительстве», отправили в недолгую ссылку в сибирский город Ново-Николаевск. После «сибирского эпизода» летом 1925 года он вместе с Гревсом путешествовал

по городам Поволжья, в 1927 году приступил к работе над книгой «Жизнь города».

«Мало-помалу я отходил от кружка Мейера, не порывая с ним. Я ушёл в работу на культурном фронте, которая так молодо бурлила в первые годы советской власти. А позднее — в конце 20-х годов — в краеведение, которое меня теснее связывало с родиной, уводя из круга научных интересов, удерживавших меня в средних веках западного мира...

...В результате у меня сложилось убеждение, что я не могу участвовать в религиозной жизни объединения, религиозное лицо которого мне неизвестно, и даже более того, со временем всё более и более затемняется. Наряду с этим постепенно всё крепло подозрение, что религиозные искания „Воскресения“ для меня, как для православного человека, неприемлемы».²

В начале декабря 1928 года после долгого перерыва в деятельности «Воскресенья» было организовано собрание его участников на квартире у Половцевой. На нём руководство кружка объявило собравшимся о переходе организации к новым методам работы. Был оглашён её новый устав — «люди мы все церковные», «Христос и свобода», «скрепление религиозного и социального вопросов», «о культурности церковных людей». Инициатива руководства общего одобрения не встретила и после бурной дискуссии кружок фактически раскололся.

Всё это уже не имело никакого значения, так как кружок «Воскресенье» к этому времени находился «под колпаком» ОГПУ и неделю спустя после его раскола начались аресты его участников.

Глава седьмая. «Идёт за горем горе по пятам, спеша на смену...»

Казалось бы, какие ещё муки мученические может послать человеку судьба, отняв у него одним махом двух маленьких детей? Оказалось — может; не исчерпала свой ресурс судьба-злодейка в отношении Николая Павловича Анциферова и после нескольких лет счастливой жизни с возродившейся численно семьёй нанесла по нему ряд новых ударов.

О первых арестах «воскресенцев» Анциферов знал уже в середине декабря 1928 года и смутное чувство опасности пробудилось в нём — «*Тучи снова надо мною*». В начале 1929 года он съездил в Москву на Всесоюзный съезд краеведов. Выслушал там, помимо прочего, доклад специалиста по производственному краеведению Владимира Аггеевича Фёдорова, раскритиковавшего анциферовскую «Душу Петербурга»; в Москве Анциферова избрали членом Центрального бюро краеведения.

В очередную годовщину свадьбы, 19 февраля 1929 года, Анциферов отправился в санаторий навестить больную туберкулёзом жену, уже два месяца там находившуюся. Встречу супругов, поначалу печальную, оживило приятное известие, что друзья в качестве подарка к юбилею погасили задолженность Анциферовых за санаторное лечение.

«Приближалась Пасха. К этому дню мы ждали маму-Таню домой. На душе было радостно и тревожно...

На Вербной неделе я получил приглашение явиться в ГПУ на Гороховую...

Следователь Стромин допрашивал меня. Он спросил, давно ли я был на собрании у Мейера. Я ответил, что начиная с 21-го года я бывал всё реже и реже, а последний раз был в 25-м году.

— Почему же вы бывали всё реже и реже? Вы разошлись с Мейером и его друзьями на идейной почве?

— Нет, идейно я с ними не порвал. Меня отвлекла занимавшая меня работа в области культурно-просветительной, я писал книги, а потом работал в ЦБК.

— Значит, идейно вы не порывали с „Воскресеньем“?

— Нет, не порывал..

Тогда я не понял, какое значение вкладывалось в слово „воскресенье“. Оказывается, Мейеру были предъявлены обвинения в организации контрреволюционного общества „воскресенье“, названного так потому, что оно ставило своей целью свержение старого режима.

После допроса я был арестован и отправлен в Дом предварительного заключения, где был заключён по 3-му разряду в камеру №22. Упал нож гильотины и надвое разрубил мою жизнь».²

Перед вынесением приговора Николай Павлович получил возможность встретиться дома (под надзором) с женой и детьми, с мамой. «Это были последние мгновенья умолкнувшей музыки».²

Друзья, коллеги Николая Павловича, его мама хлопотали за него, обращаясь по этому поводу в организацию, именованную «Помощь политическим заключённым» (сокращённо – Помполит), возглавляющуюся Екатериной Павловной Пешковой, бывшей женой (с 1896 по 1903 год) Максима Горького. Начало такого толка организации положили первые народники, а после Октябрьской революции – в 1922 году – она была воссоздана в новом формате и просуществовала до лета 1937 год, когда была распущена наркомом Ежовым.. Эта организация по просьбе родственников арестованных по политическим мотивам наводила справки о том, где они содержатся, оказывала им – в меру своих возможностей – материальную помощь, ходатайствовала перед властями об их освобождении.

Первым к Екатерине Павловне Пешковой (1 июня 1929 года) обратился за помощью Сергей Николаевич Тройницкий, известный геральдист и искусствовед, с 1918 года – директор Эрмитажа, с 1927 года заведовавший в нём отделом прикладного искусства.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой помочь, насколько это возможно, в деле Николая Павловича Анциферова, арестованного 22 сего апреля. Я позволил себе беспокоить Вас по этому делу ввиду совсем особых обстоятельств, заставляющих просить о скорейшем разборе этого дела. Жена Анциферова находится в последней стадии туберкулеза, и, по отзывам врачей, ее пользующих, вопрос может идти о неделях, а не о месяцах. Положение ее настолько тяжело, что ее выписали из той санатории, где она лечилась, как совершенно безнадеж-

ную. При этом у них двое детей 8 и 5 лет, тоже страдающие детским туберкулезом в тяжелой форме.

Н. П. Анциферов является автором печатных трудов, в том числе „*Душа Петербурга*“, „*Петербург Достоевского*“, „*Хрестоматия города*“ и др. С начала революции Н. П. Анциферов работает в Политпросвете, где, насколько мне известно, пользуется репутацией прекрасного и лояльного работника, и ряд ответственных работников Политпросвета, где он состоит и в методической комиссии, готов дать для него самые подробные отзывы. Кроме того, т. Анциферов работает в бюро краеведения.

Надеюсь, что и Алексей Максимович, которому я прошу передать мой сердечный привет, заинтересуется судьбой т. Анциферова, как писателя, и не откажет в своей помощи.

Прошу извинить меня за беспокойство и принять уверения в совершенном моем уважении и отличной преданности.

С. Тройницкий.

Ленинград, 1 июня 1929».¹³⁹

Далее по этому же адресу (Москва, улица Кузнецкий мост, дом 16, рядом с приёмной ОГПУ) последовало ходатайство за Николая Павловича от Сергея Порфирьевича Швецова, председателя Ленинградского отделения Помполита.

«Дорогая Екатерина Павловна.

Пишу Вам по очень грустному и тяжелому поводу.

Есть в Ленинграде такой злополучный гражданин – Николай Павлович Анциферов, человек очень почтенный и прекрасный, но какой-то злополучный. Я его лично не знаю, но его многие здесь знают, и все отзываются о нем с лучшей стороны. Это и побуждает меня писать Вам в данную минуту.

Раз он влетел года три-четыре назад по делу Серебрякова и был выслан в Сибирь. Ни к Серебрякову, ни и по его делу он не имел никакого отношения, которое бы заслуживало бы тюрьмы, ссылки и тому подобное. Все это для него напоминает положение в чужом пиру похмелье. Тогда о нем, если помните, много хлопотали и Вы, и в Ленинграде, и в конце концов удалось доказать непричастность его к делу, по которому он был привлечен, и его возвратили оттуда, из Новосибирска.

Не лучше, а может быть и хуже обстоит его „дело“ и сейчас: весной он был арестован по какому-то делу религиозно-философского характера. В чем состоит самое дело и как формулируется по нему обвинение Анциферова – я не знаю, но знающие его утверждают, что в основе обвинения лежит какое-то недоразумение, так как только при наличии последнего можно хоть что-нибудь понять, без этого получается сумбур, а он, во всяком разе, человек умный прежде всего.

Здесь производством дело закончено и направлено в Москву на утверждение: ему проектируется 6 лет ссылки в Сибирь.

Он семейный человек, и положение его семьи катастрофическое. Семья, состоящая из умирающей от туберкулеза жены, древней старушки матери и двоих детей – 3 и 7 лет, существовала исключительно на его заработок; никаких иных источников существования у них нет. Теперь этот источник прекратился, и семье остается неминуемая гибель.

Мне кажется, что теперь самое время Вам, дорогая Екатерина Павловна, вмешаться в эту историю и разъяснить, что тут опять роковая ошибка...

Низко вам кланяюсь и прошу передать мой поклон всем Вашим сотрудникам.

С душевным приветом С. Швецов.

12.VI. 29.

Улица Радищева, 6. Детское Село».¹⁴⁰

Вслед за Швецовым в «Помполит», к Екатерине Павловне Пешковой, обратилась мама Николая Павловича, Екатерина Максимовна. Это обращение как крик души – отчаянный и безнадежный!

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: не откажите похоронителем за моего сына Николая Павловича Анциферова, служащего в Ленинграде, в Центральном Бюро Краеведения и в Политпросвете, на экскурсионной Базе. Кроме того, он занимается литературным трудом; напечатаны, например, его книги: „Душа Петербурга“, „Каменный век“, „Книга о городе“ и другие.

Его арестовали 26 апреля 1929 года; дело уже в Москве, и в ближайшие дни ему, кажется, грозит высылка. Политикой он не занимался.

Жена его больна туберкулезом в третьей стадии (об этом представлено свидетельство здешнему прокурору) и не встает с кровати; кроме нее его семью составляют: двое маленьких детей 8-ми и 5-ти лет и я, его мать, 86 лет, больная грудной жабой и почти без ног. Сын мой был единственный работник на всю семью. Если его не вернут нам, мы будем выброшены на улицу, так как средств у нас нет никаких.

Умоляю Вас, не откажите попросить о помиловании его или хотя бы о смягчении участи.

18 июня 1929 года. Екатерина Анциферова.

Адрес мой: Ленинград, Детское Село, Малая ул., 14, кв. 2.

Екатерине Максимовне Анциферовой».¹⁴¹

Помочь чем-либо Анциферову, несмотря на все предпринятые хлопоты, Пешкова, увы, не смогла. Перед вынесением приговора Николай Павлович получил возможность встретиться дома (под надзором) с женой и детьми. «Это были последние мгновенья умолкнувшей музыки».²

По приговору суда Николаю Павловичу было назначено три года лишения свободы с отбыванием наказания в Соловецких лагерях особого назначения (СЛОН). И вновь захлопотали его друзья, теперь уже обеспокоенные обездоленностью, нищенскими условиями жизни тяжело болевших детей заключенного. На следующий – после смерти Татьяны Николаевны – день, письмо по этому поводу, вновь Екатерине Павловне Пешковой, написал Сергей Николаевич Троицкий.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Позволяю себе еще раз побеспокоить Вас просьбой относительно Николая Павловича Анциферова, который в настоящее время находится в Кеми,

в лагере для заключенных. Вчера утром скончалась после неизлечимой болезни его жена, и у него остались двое малолетних детей, 9 и 5 лет, на руках у бабушки, которой более 70 лет и которая сама не сегодня завтра умрет, так как тяжело и неизлечимо больна. Один из детей находится в настоящее время в туберкулезной санатории, но только временно, другого, но на время взяли знакомые, так что положение семьи исключительно тяжелое и, можно сказать, безвыходное.

Единственно, чем можно было бы хоть несколько облегчить это... это если бы Н. П. Анциферов переведен в какое-нибудь место, где он мог бы иметь хоть минимальный заработок, куда можно было бы переправить детей.

Прошу Вас извинить меня за беспокойство и принять уверения в совершенном моем уважении и преданности.

С. Троицкий.

24 сентября 1929 года».¹⁴²

И вновь оказалась бессильной Пешкова. Смягчения условий содержания Анциферова, тем более добиться его перевода в новое место заключения, поближе к его детям ей не удалось.

В затаяншемся на долгие годы лагерном чистилище Николай Павлович многое увидел, многое пережил – но выжил. Видел круговерть расстрелов, решения о которых принимало лагерное начальство («Там, на воле, – власть советская, здесь – соловецкая»), видел, как «свои» расправлялись со «своими» за упущения и злоупотребления; видел самоубийства ссыльных и их смерти от болезней, преимущественно – от сыпняка. Сам он чуть было не был расстрелян по абсурдному обвинению (после подлого, лживого доноса) в попытке сорвать политическое перевоспитание заключенных. Он видел, как ломались прежде негибкие, как унижались до пресмыкательства прежде высокого достоинства люди; видел подлость, трусость, предательство; видел и людей несломленных, сохранивших свои лучшие качества характера и нравственное достоинство в непереносимых условиях жизни.

В марте 1930 года мама Анциферова написала второе письмо Екатерине Павловне Пешковой – поблагодарила за помощь и сообщила последние грустные семейные новости.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Не нахожу слов, как выразить Вам свою сердечную благодарность за память о моих сиротках! Благодарю Вас! У нас новое горе! Моя невестка осенью умерла, и мои внучата остались без отца и матери. Вы себе представить не можете, как мне тяжело и горько смотреть на них. Теперь им особенно нужна твердая и любящая рука, чтобы воспитать их честными и добрыми гражданами, а отец далеко. Я же слабее со дня на день и мало могу в чем-либо помочь. Тем более Ваша, Екатерина Павловна, отзывчивость и память о них так глубоко тронула меня. Я знаю, как Вы перегружены работой, сколько людей нуждается в Вас, и Вы должны о всех подумать по своей доброте бесконечной.

Еще раз большое спасибо за память! Вы заставляете меня снова верить в людей и дали силы бороться дальше.

*Глубоко уважающая Вас и благодарная Екатерина Анциферова.
P. S. Простите за карандаш, пальцы мои сведены ревматизмом и перо
держат не могу».¹⁴³*

В начале мая 1930 года Николай Павлович Анциферов был арестован в лагере «как участник контрреволюционной организации» (по так называемому «делу академиков», отправлен в изолятор на Секирной Горе на Соловках, затем – для дальнейшего производства следственных действий с ним – в Ленинград. На эту, вновь жуткую перемену обстоятельств в его жизни, теперь отреагировала, 15 мая 1930 года, его свояченица, Анна Николаевна Оберучева.

*«Многоуважаемая Екатерина Павловна!
Простите, пожалуйста, что я беспокою Вас, но, к моему сожалению,
я не знаю иных путей, чтобы узнать о судьбе мужа моей умершей сестры,
Николае Павловиче Анциферовом, и, зная о Вас, как об отзывчивом человеке,
решила обратиться к Вам.*

Николай Павлович Анциферов был арестован в 20-х числах апреля прошлого года и в августе того же года был выслан в Соловецкий лагерь на 3 года. Во время его высылки умерла его жена от туберкулеза, и у меня на руках остались двое детей 9 и 6 лет. После смерти сестры я ездила к нему и с разрешения местных властей получила с ним свидание для переговоров о дальнейшей участи детей. После этого я регулярно переписывалась с ним, и письма хоть с запозданием, но приходили довольно аккуратно. Последнее же время писем нет давно, и ответов на срочные письма тоже нет. Кроме того, мне передавали со слов каких-то даже неизвестных мне лиц, что Николай Павлович там в Кемии арестован, посажен в тюрьму и даже будто бы переведен уже сюда в Ленинград. Так вот, чтобы узнать это наверняка, я и беру на себя смелость просить Вас выяснить это и, если возможно, ответить мне. Буду с огромным напряжением ждать ответа. Если же Вы почему-либо не можете узнать это, может быть, Вы будете так любезны и укажете мне путь, по которому я должна направлять хлопоты.

Еще раз простите за беспокойство, и примите уверение в моем глубоком уважении к Вам.

А. Оберучева.

Мой адрес: Детское Село, ул. Революции, 14, кв. 2».¹⁴⁴

Начало «делу академиков» (или «дела Платонова») было положено в январе 1929 года, после того как на выборах в Академию наук «строптивые» академики, не допускавшие в свою среду партийных сочленов, что называется «прокатили» трёх кандидатов-коммунистов. Результатом такой «прокатки» стали газетные призывы к реорганизации Академии наук, но после «правильно» проведённых перевыборов пресса на время успокоилась.

Тем не менее, в августе 1929 года началась официальная чистка Академии наук (с упором на удаление из неё гуманитариев) и входящих в её состав учреждений, возглавлявшихся академиком Платоновым: библиотеки Академии наук (БАН), Пушкинского дома. Помимо прочего, обвинили академическую библиотеку в непозволительном хранении в ней важных политических

документов. Скоро, правда, выяснилось, что документы в библиотеку попали ещё до 1917 года, но упорные ленинградские следователи, стимулируемые готовящимися в Москве показательными процессами («вредителей», «Промпартии») решили не отставать от столичных коллег. (По сути своей «Дело» знаменовало инициированное властью подавление историками-марксистами историков старой, буржуазной школы.)

Из уже арестованных учёных стали они собирать «монархическую контрреволюционную организацию», имевшую свои «филиалы», в том числе, в региональных отделениях Центрального бюро краеведения. Завершалось, обрываясь на самой высокой ноте, так называемое «золотое десятилетие» развития отечественного экскурсоведения и краеведения. В феврале – марте 1931 года органы провели повальные аресты краеведов по всей стране с последующей их доставкой в Ленинградский дом предварительного заключения; сюда же был привезены и ранее осуждённые учёные-гуманитарии, в том числе и Николай Павлович Анциферов. Его вновь допрашивал Стромин.

«Стромин продолжал: „Раскрытая нами организация ставила себе целью свержение советской власти и образование временного правительства во главе с С. Ф. Платоновым (премьер-министр). Е. В. Тарле должен был получить портфель министра иностранных дел, В. Н. Бенешевич министра исповеданий... Теперь решается ваша судьба. Подумайте хорошенько“».²

Для выбивания из Анциферова требуемых следствию показаний Стромин использовал большой арсенал приёмов дознания: подсадил к нему уже сломленного допросами директора завода «Электросила» Стариковича, угваривавшего Николая Павловича сотрудничать со следствием; вызвал – для психологического перелома – на свидание с Анциферовым его маму, затем (в сопровождении Татьяны Борисовны Лозинской) дочь Таню. Были и совершенно иезуитские приёмы воздействия со стороны следователя Стромина:

«Через некоторое время он прервал молчание, Достал письмо моего Светика и положил рядом с моими показаниями: „Ну-с... Мы с вами договоримся. Я гарантирую вам относительную свободу. В Ленинграде мы вас всё же не оставим. Но вы сможете жить с семьёй на свободе в том месте, где мы вам укажем. Вот вам письмо сына. Вам стоит только ваши показания закончить словами: Всё это я делал по указаниям Платонова и Тарле, как член их организации. Вот и всё, что требует от вас следствие“. Я вновь решительно отказался...

... Приговор ждать уже осталось недолго. Мне увеличили срок до 5 лет с зачётом предварительного заключения».²

Значительная часть подследственных была осуждена на срок от трёх до десяти лет, участники так называемой военной секции «монархической организации» были расстреляны, пятнадцать главных участников заговора, по постановлению коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года, получили по пять лет ссылки. Отечественная историческая наука был нанесён огромный ущерб – в ссылке скончались Сергей Фёдорович Платонов (в 1936 году), Дмитрий Ни-

колаевич Егоров (в 1931 году), Сергей Васильевич Рождественский (в 1934 году), Матвей Кузьмич Любавский (в 1936 году). Вскоре после возвращения из ссылки умер – в 1936 году – Николай Петрович Лихачёв. А выжившие, пережившие репрессии представители русской исторической мысли были насильственно отстранены от своих занятий из-за их якобы великорусского шовинизма, а значит и контрреволюционности.

В исторической перспективе «старым» историкам не хватило пары-тройки лет до очередного идеологического поворота власти, отказавшейся от мессианства мировой революции в пользу демонстративного подчеркивания роли «великого русского народа» как «старшего брата», в опоре на сильное государство и провозглашении линии прямой преемственности от «великих предков» и выдвигании в качестве основополагающей идеи патриотизма. Парадоксальным образом по духу научные построения историков старой русской школы больше соответствовали новым веяниям времени, что доказала их медленная, но весьма последовательная и неуклонная реабилитация.

По выше помянутому поводу Николай Павлович Анциферов позже припомнил один случай, оценённый властью в духе тех лет как контрреволюционный и скоро ему «аукнувшийся». На Всероссийском краеведческом съезде 1927 года профессор Московского университета Сергей Владимирович Бахрушин призвал собирать сведения и вещи о современном быте разных народностей СССР. По этому поводу профессор Саратовского университета Сергей Николаевич Чернов, заметив, что не следует забывать ещё одну национальность – русскую, задал присутствующим вопрос: «Почему слово „русский“ почти изгнано теперь из употребления?» Это выступление вызвало возмущение представителей других национальностей, обвинивших уважаемого профессора в «националистической вылазке».

«Анциферов выступил в поддержку Чернова, пояснив, что „речь идёт не о каком-то преимуществе для русских, а о признании прав русской национальности на любовь к своей старине, как это признано за другими нациями“. Он призвал быть верным завету Владимира Соловьёва: „Люби чужую национальность, как свою собственную“. И этого было достаточно, чтобы усугубить вину „преступников“.

Действительно, само слово „русский“ в определённых кругах советского общества до начала 1930-х годов зачастую ассоциировалось с понятием «великодержавный». Например, в статье, открывавшей первый выпуск журнала „Советская этнография“, который начал выходить в СССР с 1931 года вместо издававшегося до тех пор журнала под названием просто „Этнография“, было предложено выбросить слово „русский“ из названия известного ленинградского музея...

*Вплоть до середины 1930-х годов оставалось непривычным словосочетание «русская советская живопись». Слова „русские“ избегали, заменяя его эпитетами „московские“, „наши“, „современные“, или ещё более осторожно – „художники РСФСР“. Причины такой национальной „стыдливости“ были порождены внушениями критиков, много лет подряд третировавших традиции русского реалистического искусства за его якобы провинциальность и реакционно-националистическую сущность».*¹⁴⁵

После вынесения приговора Анциферов был отправлен в лагерь №1 на Медвежьей горе, на строительство Беломоро-Балтийского канала. Работал заведующим газетной экспедиции, младшим коллектором на геологической базе; организовал курсы коллекторов и проводил на них занятия. Далее был переведён в барак для административно-технического персонала за пределами зоны и назначен заведовать Музеем строительства. Здесь он встречался дважды с сыном, здесь, в марте 1933 года, узнал о кончине мамы, Екатерины Максимовны.

Освободился из заключения Анциферов осенью 1933 года. Вернулся в Детское Село, в дом номер четырнадцать по улице Революции, где уже не было у него прежней полноценной квартиры. После кончины его супруги их детей власти хотели определить в детский дом, но Анна Николаевна Оберучева оформила документы на удочерение и усыновление племянницы и племянника, чем одновременно спасла квартиру и уникальную библиотеку Николая Павловича. Однако к этому же времени сама квартира была переоборудована под коммунальную и Анне Николаевне с детьми была оставлена только одна комната в ней. Разрешили ей, правда, пользоваться примыкавшим к комнате коридором, в котором она разместила библиотеку Анциферова. Но, жилищным неудобствам вопреки, прелесть общения с детьми, пусть на короткое время, Николай Павлович получил. О познавательных экскурсионных прогулках с отцом в это время позже вспоминала его дочь Таня:

*«Он вернулся... После Беломорского канала, после Медвежьей горы, где, говорят, жили как на курорте. Когда вернулся папа, мы пошли с ним в Екатерининский дворец и начали с Домовой церкви. Потому что папа хотел показать мне вот этот цвет – синий, сине-голубой, который был потерян. Так мне папа рассказывал. Он мне хотел как раз показать, где-то, что-то, что теперь делают, это не то. Мы входим. Тут идёт экскурсия. И мы с ним входим в церковь. И папа совершенно автоматически снимает шляпу, совершенно не подумав, в те времена, 33-й год! Я так замерла, смотрю, и вдруг вижу: кто кепочку, кто что снимает. И вся экскурсия сняла. И так тихо всё, как будто так и надо».*¹⁴⁶

Не только фактически бивуачный быт в бывшей квартире, и без него перенаселённой, но и рациональное стремление уйти подальше от ленинградских органов побудили Николая Павловича сменить место жительства. Он выбрал Москву, в которую переехал в 1934 году. Снял квартиру на улице Пятницкой, устроился на работу заведующим водным отделом в Коммунальный музей (музей города Москвы). В Москве он женился на Софье Александровне Гарелиной, бывшей на десять лет его моложе, прежде незамужней, экскурсионистке, историке театра. Познакомились они ещё в 1923 году, когда Анциферов работал в Экскурсионном институте и Центральном бюро краеведения, во время экспедиции в Северный край – Вологду, Галич и по монастырям русской Фиваиды. Ученица Николая Александровича Гейнике (историка, краеведа, москвоведа), Гарелина участвовала в этой поездке с московской группой экскурсионистов.

В 1936 году Николай Павлович был принят на работу в действовавший уже три года Государственный литературный музей, основателем и первым директором которого был Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Прежде был Бонч-Бруевич близким к Ленину человеком, его — с 1894 года — соратником. После революции занимал он должность управляющего делами Совнаркома, вплоть до 1920 года, когда был смещён внезапно с высокого поста и отправлен руководить ...опытным подмосковным колхозом «Лесные поляны» (до 1929 года).

Принимая на работу судимого по политическим статьям Анциферова, Бонч-Бруевич делал смелый поступок с учётом того, что в это время, после снятия наркома Ягоды, начались репрессии против родственного ему и арестованному наркому семейства Авербах. Поработал на новом месте Николай Павлович недолго. Успел съездить в командировку в Ленинград, посетить летом 1937 года, вместе с женой, Умань и Никитский ботанический сад, где заразился малярией. В это же время добился он разрешения на переоборудование жилья детей в Пушкине — позволили местные городские власти отделить коридор в коммунальной квартире перегородкой, сделать в нём окно. В образовавшуюся комнату отселился от сестры и тёти Сергей-Светик, студент Академии художеств, но наглые соседи выселили его обратно, затеяли судебное разбирательство, стремясь завладеть переоборудованным под жильё (за средства Николая Павловича) коридором.¹⁴⁷

«Победа наша, думал я. / Но в самом деле победитель / Был рок, упорный мой гонитель» — «догнал» ещё раз рок Николая Павловича в трагически «знаменитом» для страны тридцать седьмом.

«В конце марта 1937 г. к нему на Большой Афанасьевской, д. 40, кв. 1, заглянула гимназическая подруга покойной жены Анциферова Е. В Григорьева, родственница белогвардейского генерала А. П. Родзянко. Анциферов с женой торопились в театр и смогли уделить нежданной гостье не более получаса. Григорьева искала у Анциферова совета и помощи в освобождении мужа, изблещённого в связи с белоэмигрантскими монархическими кругами и шпионаже. Разговор продолжения не имел и вскоре был забыт. Однако 5 сентября 1937 г. в квартиру №1 по Б. Афанасьевскому вошёл сотрудник оперативного отдела Управления Государственной безопасности с ордером на производство ареста и обыска Анциферова».¹⁴⁷

Оказалось, что после первой встречи Григорьева ещё раз заходила к Анциферовым и, не застав их дома, оставила для них записку, которую, сложив, вставила в дверную щель их комнаты. Записка эта была изъята бдительными соседями и передана в органы.

Следствие установило враждебное отношение арестованного к руководству партии и советской власти. Припомнили ему дознаватели прошлое дело «Воскресения», выступление в защиту русского этноса. Определили его контрреволюционером и шпионом в пользу белогвардейцев. «Дело без суда было передано на рассмотрение тройки Управления НКВД Московской области. Её решением от 20 декабря 1937 г. Анциферов был за-

ключён «в исправительно-трудовой лагерь на восемь лет, считая срок с 6 сентября 1937 г.»¹⁴⁷

Все ужасы человеческого бытия, пережитые Николаем Павловичем Анциферовым в прежних лагерных мучениях, он с удвоенной силой пережил в новой ссылке в Уссурийском крае. Жил в бараках, работал полураздетым на лесозаготовках («Дашь кубики — сыт будешь»), заведовал баней и прачечной, конфликтовал со шпаной; тяжело болея малярией — пережил несколько её приступов.

«Были минуты отчаяния. „Или! Или! Ламасамахвани!“ — вспоминал я этот возглас Христа на кресте. Сколько легло на мои плечи. Дело „Воскресения“, лагерная жизнь, смерть Тани, Соловецкий мешок и вот теперь это следствие — одно за другим без передышки. Помню, как я в изнеможении упал на колени и, как дитя, сказал слова: „Боже, подай мне маленькую милость, маленькое утешение!“»²

Всё шло к тому, что дни свои Николай Павлович закончит в дальневосточном ссыльном лагере. Выручила его на этот раз очередная перемена власти в руководстве карательной системы страны. В ноябре 1938 года наркомом внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Павлович Берия. Сменив на этом посту товарища Ежова, он начал основательную чистку кадров в НКВД, поставив на ключевых должностях своих давних соратников и подчинённых по Закавказью. Количество арестов было сокращено, а в ноябре 1939 года министр издал приказ «О недостатках в работе следственных органов НКВД» с требованием соблюдать уголовно-процессуальные нормы.

К этому времени в почте нового наркома лежало письмо Софьи Александровны Гарелиной от 29 февраля 1939 года, ходатайствовавшей о пересмотре дела мужа:

«Да, мой муж привлекался к делу историков в Ленинграде в 1929 г. и был сослан. Тов. Берия! Но разве возможна вторичная кара за прежде содеянное без нового преступления?..

Со своей стороны решаю напомнить, что главные лица по делу историков, как Тарле, Готье и др. ныне пользуются доверием правительства, избраны в Академию...

Мой муж — не враг народа, он, наоборот, преданный честный энтузиаст своего дела, учёный и прекрасный педагог. Правду о нём вы услышите от пионеров дома пионеров, с которыми он работал...

Мне легко говорить о значимости моего мужа, т.к. у нас смежная специальность и работали мы рука об руку. Я на свободе, на прежней работе, пользуюсь доверием — он в концлагере. Тов. Берия! Я прошу только внимания к его делу. Муж сейчас в Д. — ЗК ст. Усури; 19 отд. Амурлага НКВД 16 колонна. Он до сих пор работает то землекопом, то кладовщиком, то истопником. При его грудной жабе — это ад. Неужели такие люди, как он, не нужны стране?»¹⁴⁷

Ходатайство жены в переменившихся обстоятельствах сработало. 28 октября 1939 года решением Управления НКВД по Московской области прежний приговор «тройки» в отношении Николая Павловича был отменён, и через неделю он вышел на свободу. Побыв недолго дома, он выехал в Ленинград, где встретился с детьми, со старыми друзьями. *«Все друзья, которые видели его здесь, просто в изумлении перед силой его духа и душевной ясностью – я их давно знаю, но это не перестаёт поражать»*, – засвидетельствовала Татьяна Борисовна Лозинская.¹⁴⁷

Приехав в Москву, Анциферов в январе 1940 года, вновь при поддержке Бонч-Бруевича, вернулся на работу в Государственный литературный музей и с головой погрузился в издательские и экспозиционные проекты.

В это же время возобновил он работу над книгами «Вокруг Герцена» и «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена» для академического издания, занялся написанием двух новых книг о Петербурге-Ленинграде и Москве. Постоянно общался с детьми, беспокоился об их житейских проблемах, учёбе. Так случилось, что начало войны его дочь Татьяна (вместе с сопровождавшей её тётёй, Анной Николаевной) встретила в Москве, у отца. Тот пытался оставить обеих у себя, но в местной милиции этому резко воспротивились, потребовав от приехавших ленинградцев в двадцать четыре часа покинуть столицу и вернуться к месту проживания. Это была последняя встреча отца с дочерью – больше они никогда не виделись. Сохранился у Николая Павловича на память об уже взрослой «дочурке» их общий снимок, сделанный в 1940 году, на котором та удивительно – внешне и внутренне – походит на свою безвременно ушедшую маму.

*«Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной».*

(Евгений Баратынский)

Вернувшись домой, Татьяна Анциферова уже не могла покинуть пределы своего родного города – на то требовалось специальное разрешение, которого у неё не было. *«А нас посылали на окопы. Так что я рыла окопы и кончала курсы санитарок. А потом пришли немцы. Это было, если я не ошибаюсь, 18 сентября. Мне повезло, потому что моя знакомая, из прибалтийских немок, она устроила меня, с собой вместе взяла, чистить картошку и шить белые халаты».*¹⁴⁶ Этим счастливым приработком дочь Анциферова спасла от голодной смерти себя, тётю и жившую с ними нянечку. В первые месяцы оккупации, как свидетельствует Люся Хордикайнен (крёстная Николая Пав-

ловича), Анна Николаевна Оберучева предприняла немалые хлопоты, позволившие ей, вместе с племянницей, выехать в Данциг в статусе фольксдойче:

*«Как фольксдойче тогда же уезжали Танечка Анциферова со своей тётёй Аней, сестрой жены Н. П. А. Н. Оберучева смогла удостоверить свои немецкие корни. Думаю, что теперь, через 55 лет после события, можно, никому не повредив, сказать, что „уезжали“, а не „был выслан“, „были высланы“. Сейчас мы не в состоянии даже отдалённо представить себе трагизм этого выбора».*¹⁴⁸

Термином «фольксдойче» оккупанты выделяли людей, чей язык и культура имеют германские корни, но не имеющих германского гражданства. Поначалу, определяя принадлежность к фольксдойче, немцы придерживались строго расовых критериев, позже для признания принадлежности к этой категории кандидату на неё достаточно было заручиться поддержкой двух-трёх свидетелей, чьё немецкое происхождение было несомненным. И можно благодарить судьбу, что дочь Николая Павловича, укрывшись за якобы германскими корнями своей фамилии, сумела выжить в том аду, который устроили для жителей города Пушкин фашисты – освободившие город советские войска застали его в руинах и вымершим.

Впрочем, сама Татьяна Николаевна Анциферова-младшая по этому поводу даёт несколько иную информацию: *«В феврале 1942 года немцы стали вывозить нас в Германию. Моя знакомая София Людвиговна Витт выдала меня за свою племянницу, и я поехала вместе с её семьёй, и в лагере жили с ними... С тётёй Анечкой я встретила позднее в Германии, куда были вывезены многие жители Пушкина; в суматохе этих событий пропала няня – я так и не смогла разыскать её следы. Мы много и тяжело работали на полях немецких зажиточных крестьян, они кормили нас неплохо, только вставать заставляли в 6 часов утра и трудиться до 6 часов вечера».*¹⁴⁹

Помочь Тане Анциферовой, по её словам, в это время пытался друг семьи (по Киеву) Николай Николаевич Дрейер, с 1920 года живший эмигрантом в столице своей исторической родины – Праге.

«В лагере я пробыла больше года. Это был Конци, недалеко от Данцига... Папа меня потом искал через своего друга Николая Николаевича Дрейера (они были киевляне). А Николай Николаевич, он был в Праге (там была очень большая русская колония, там и университет кончали, в Чехословакии русским было очень хорошо) воспитателем гимназии, и хотел меня из лагеря вытянуть, чтобы я поступила в 8-й выпускной класс Пражской гимназии, но меня не выпустили, потому что Прага это был „Протекторат“, как они сказали, и меня не пустили. Я потом иначе попала, но не в Прагу. Через Николая Николаевича мы потом переписывались, держали связь...

*Потом мы попали через церковь, через Гербичей – они нас приглашали к себе приезжать в Данциг, быть в церкви, и потом нас назад доставляли. А потом, когда мы познакомились, то люди влиятельные (у них там была фирма „Губкин – Кузнецов – чай“) они меня взяли как дочку из лагеря и таким образом они меня освободили».*¹⁴⁶

В Данциге Татьяна Анциферова встретила своего будущего мужа, Алексея Михайловича Камендровского. В 1928 году он вместе со всем личным составом Донского казачьего хора Сергея Жарова, гастролировавшего в Германии, стал, в современной терминологии, невозвращенцем. В годы войны он трудился (силой своего баса-профундо) в хоре Берлинской киностудии. Свадьба новосоставившейся пары состоялась в начале января 1945 года. Имевший нансеновский паспорт Алексей Камендровский оформил такой же документ для своей супруги, чем избавил её от проблем с репатриацией. Далее, в 1946 году, последовал вызов из-за океана от руководителя хора, и молодая семья Камендровских перебралась в Нью-Йорк.

Все годы войны терзался неизвестностью о судьбе дочери Николай Павлович Анциферов и только в середине 1946 года узнал (от вернувшейся из немецкого плена Лалы Анненской, внучки поэта), что она жива. («...я, возвращённый к жизни спасением моей дочери, шёл в Келомяки по берегу моря и слушал шум прибоя и крик чаек в белую ночь».¹⁴⁷)

О последовавших розысках Николаем Павловичем дочери, о недолгих контактах с ней пишет его коллега Елена Николаевна Дунаева:

*«Вскоре после окончания войны Н. П. удалось установить связь со своей дочерью Татьяной. Как после рассказывал Н. П., в Польше действовала какая-то организация помощи русским, в её составе был чехословацкий профессор, знавший Н. П. по Киеву. По воскресеньям Таня посещала русскую семью с нансеновскими паспортами... Переписка Н. П. с дочерью шла кружным путём через Чехословакию и Ливан, в 1948 году при ухудшении политической обстановки Н. П. вынужден был её прекратить».*¹⁵⁰

Судьба Сергея Анциферова сложилась трагически. При отступлении советских войск он вместе с другом ушёл в Ленинград. Здесь, в блокированном фашистами городе он умер от голода, предположительно в феврале-марте 1942 года. Отец о смерти сына узнал от Татьяны Борисовны Лозинской в мае того же года: «...Нашему поколению выпало самое страшное на долю – не только терять своих сверстников в ту войну, но и своих детей в эту. Ведь если Светик погиб не на фронте, то всё равно причина его гибели эта же ужасная война, которая уносит одну жертву за другой».¹⁴⁷

Боль от понесённой утраты долго не отпускала Николая Павловича. И два года спустя после смерти сына он изливал свою печаль-тоску коллеге по краеведческой работе Алексею Алексеевичу Золотарёву, в соавторстве с которым написал книгу «Ярославль. История. Культура. Быт»:

*«О себе могу сказать мало хорошего. Мой Светик погиб в Ленинграде. Моя дочь захвачена в Ленинграде-Пушкине (там же погиб мой архив и библиотека). Мой любимый город превращён в руины. Но что ж, жизнь идёт вперёд, и я продолжаю любить жизнь неизменно и смиряюсь перед ней. Моя покойная жена всегда мне говорила: „Жизнь мудрее нас“».*¹⁴⁷

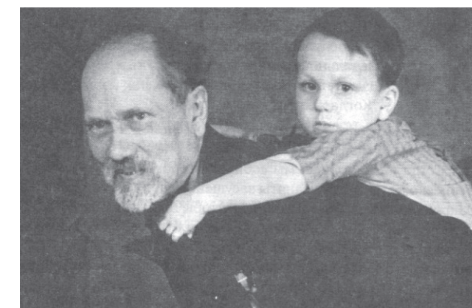
Комментарий Золотарёва (к слову — религиозный философ, историк культуры, писатель, учился в Киевской духовной академии, Петербургском университете и Сорбонне) по случаю трагической смерти Сергея-Светика Анциферова являет собой прекрасный психологический этюд, в котором очень тонко, буквально штрихами подмечены нюансы отношения мачехи к пасынку.

В отношении этом видится формальный ригоризм, которым исполняющая обязанности матери бездетная женщина заменяет истинную материнскую ласку и терпение, так нужные деликатному, застенчивому, легко ранимому мальчику.

„Нет, значит, больше этого скромного мальчика, что так нравился мне своей юною застенчивостью, нерасторопностью... Печаль сиротства лежала очень выразительно на его красивом живом личике. Светик, он истину был ещё совсем-совсем дитя, и когда Софья Александровна в качестве заботливой мачехи начинала его журить за чисто детские выходы и неаккуратность в занятиях, мне становилось очень жаль его. Я вспоминал всегда прекрасные отзывы Ивана Михайловича Гревса и Марии Александровны о первой жене Николая Павловича, и мне жаль было видеть Светика, как-то робко и бессильно останавливающего в себе и в своём поведении может то самое ценное, что посеяно было в его натуре рано умершей от чахотки матерью.

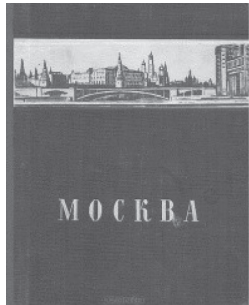
*Мир его праху и вечная ему память».*¹⁴⁷

Ушёл из жизни трагично и безвременно Сергей Николаевич Анциферов, оставив после себя сына, Михаила, родившегося в том страшном 1942 году, в Ленинграде. Позже, восстановив по крупицам, со слов знакомых дедушки, начальные дни своего земного бытия, Михаил Сергеевич поведал в воспоминаниях, «...как во время войны моя мама заходила к дедушке со мной, грудным, завернутым в красное одеяльце. Мама ехала из осаждённого Ленинграда, в эвакуацию, в город Ош».¹⁵¹ Но уже самостоятельно, без подсказки, вспомнил внук встречу с дедом в 1945 году, запомнившуюся ему потому, что в ту встречу Николай Павлович подарил ему куклу, названную в честь сына — Светиком. Видимо, в это свидание было сделано фото, на котором внук-буруз Миша, безусловно похожий на счастливо улыбающегося дедушку, оседлал его спину.

Всю войну Николай Павлович оставался в Москве, продолжая работать в Литературном музее; читал лекции, сопровождавшиеся показом фотографических материалов, в воинских частях Москвы и Подмосковья. В 1944 году он

был принят в Союз писателей СССР; в том же году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема урбанизма в художественной литературе»; посетил Ленинград, увидел останки сожженного города Пушкин. В 1945 году основательно засел за написание воспоминаний, посвятив их любимому внуку; занялся, почти на десятилетие растянувшимся, изучением герценовских материалов из «Пражской коллекции». В 1947 году побывал в последний раз в Умани, в Никитском ботаническом саду.

В 1948 году увидела свет книга «Москва», написанная Анциферовым в соавторстве с Сергеем Владимировичем Бахрушиным и Софьей Александровной Гарелиной. Выпущенная к 800-летию города, книга содержит рассказ об истории Москвы и ее современном состоянии, о наиболее интересных и важных объектах. Отдельные главы составляют «Москва в записях современников и в образах художественной литературы», «Москва в цифрах». В книге этой Николай Павлович обобщил наработанный им в военные годы материал по истории

первопрестольной, материал, за «немарксистский» дух которого он, мягко выражаясь, критиковался «марксистскими» коллегами. (Даже термин «анциферовщина» появился у кадровиков Литературного музея; много позже, в своём личном деле его обнаружила сотрудница музея, Галина Владимировна Коган, попытавшаяся совершенно искренне поблагодарить публично Николая Павловича за умное и деликатное наставничество.¹⁴⁶)

Добрым словом вспоминает его выдающиеся человеческие и научные достоинства другая сотрудница музея, Елена Николаевна Дунаева: «Н. П. был, несомненно, выдающимся педагогом без педагогической системы, без разработанной методики. Он не поучал, но его воздействие было значительным, повседневным, хотя и не сразу ощутимым... Лекции Анциферова могли показаться несколько хаотичными, небрежными. Но свободная манера Н. П. была целенаправленной, подкреплялась пониманием аудитории, желанием не только передать знание, но и разбудить творческое воображение...»¹⁵⁰

В архивах Литературного музея сохранилось необычайной прелести фото, датированное 12 февраля 1950 года. На нём Николай Павлович Анциферов ведёт экскурсию для группы девочек-подростков на устроенной в музее выставке Пушкина. На снимке этом — вдохновлённый контактом с юной аудиторией Николай Павлович, и не менее

его заворожены общением с духовным наставником его очаровательные слушательницы, буквально впитывающие в себя чрезвычайно важные и интересные для них знания (в те годы девочки учились раздельно от мальчиков).

К этому времени здоровье Николая Павловича серьёзно ухудшилось. Ещё в 1948 году он пережил инсульт без кровоизлияния, нарушивший его мозговое кровообращение (возможно – следствие травли его книги о Тургеневе). После болезни, отдохнув в санатории, он расстался, по своей инициативе, с должностью заведующего отделом русской литературы. В последующем, имея (как кандидат наук) два месяца отпуска, он проводил его в санаториях. Проходя курс оздоровления в Ирпене (в 1952 и 1954 годах), он встречался в Киеве с друзьями по кружку «№37». «В начале 50-х годов тяжёлый инсульт с временной потерей речи перенесла Софья Александровна, после выздоровления она уже не работала. Н. П. продолжал работу в Литературном музее до осени 1956-го года, когда вышел на пенсию, литературная же деятельность его оставалась интенсивной. Возникла возможность приобрести кооперативную квартиру в доме Союза писателей у станции метро Аэропорт. Первый взнос был немалый – 32 тысячи рублей».¹⁵⁰

Жили к этому времени Николай Павлович с супругой неподалёку от Арбата, в коммунальной квартире на первом этаже дома, что по Большому Афанасьевскому переулку. Сохранилось датированное 1956 годом его фото, сделанное в интерьере этой квартиры, имевшей только двадцать квадратных метров площади, заставленной старинной мебелью. Парой шкафов было отгорожено место для «спальни», здесь хозяин квартиры лежал во время болезни. В тот год двадцатого партийного съезда восстановилась у Николая Павловича связь с дочерью, и общение с ней стало главным в его жизни – Елена Николаевна Дунаева тому свидетель:

«Тогда же стали возможными поездки за границу. Н. П. жил мечтой о встрече с дочерью. С. А. была в хлопотах о новой квартире. Однажды в моём присутствии Н. П. ей сказал: „Давай возьмём обратно пай и поедем на месяц в Италию“ — „Ну что ты, Коля!“ — возмущённо ответила она. Краткий разговор произвёл на меня очень тяжёлое впечатление.

В 1956 году они переехали в новую двухкомнатную квартиру на 2-ой Аэропортской, сейчас ул. Черняховского, дом 4, кв. 104... Во время моих приездов Н. П. показывал мне старые документы из Соловецкого лагеря, читал письма дочери, которые теперь приходили регулярно, показывал полученные от неё фотографии. У него теперь был телефон, однажды при мне она позвонила из Америки.

Долго прожить в новой квартире Н. П. не пришлось. Лето 1958 года он проводил с С. А. в Дарьине. В конце августа во время прогулки его настиг инсульт. Его привезли в Москву. Н. П. скончался 2-го сентября.

Были вечерние и утренние панихиды и отпевание в церкви Ильи Обыденного на Остоженке, была гражданская панихида в большом зале на Якиманке в Литературном музее. За занавесом играла на рояле Мария Вениаминовна Юдина, хорошо знавшая Н. П., пела вокализы Виктория Иванова. Прощание с Н. П. было торжественно-прекрасно».¹⁵⁰

Похоронили Николая Павловича Анциферова на Ваганьковском кладбище. Не успел сказать бабушке последнее «прости» его внук Михаил. Жил он тогда с мамой в Эстонии, телеграмма пришла с опозданием, и в Москву он приехал только 6 сентября, смог лишь поклониться могильному холмику, накрывшему прах дорогого ему человека.

Татьяна Николаевна Камендровская, возможно, смогла побывать на отцовской могиле только в 1989 году, во время своего первого, после войны, приезда в Россию. Выглядела она в эту пору своей жизни, возрасту вопреки, прекрасно, необычайно обаятельно и притягательно, изысканной душой и внешностью. История её послевоенной жизни, после переезда в 1946 году в Нью-Йорк, началась с поступления в театральную студию Орловского. После рождения, в 1949 году, дочери Наталии она успешно выступала в составе труппы «Нового театра», только три сезона просуществовавшего.

Далее Татьяна Николаевна, закончив специальные курсы учителей-языковедов при Колумбийском университете, преподавала русский язык в католическом университете Фордхем. В 1962 году скоропостижно скончался её муж, Алексей Михайлович. В 1974 году она переселившись в Вашингтон (с дочерью и тётушкой), стала сотрудницей радиостанции «Голос Америки», где до выхода на пенсию — в 1991 году — занимала должность диктора (под псевдонимом «Татьяна Прокофьева») и инструктора по обучению дикторству начинающих коллег. В 1982 году похоронила свою вторую маму, тётю Анну Николаевну Оберучеву.

Первый послевоенный приезд в Россию в 1989 году, который Камендровская совершила с дочерью, был вызван приглашением её на Первые Анциферовские чтения, проводившиеся в Петербурге Литературным объединением города. Спустя годы её дочь, Наталья Алексеевна Лорд (Камендровская), описала свои ощущения от увиденного и услышанного:

*«Я заметила ту же задумчивую улыбку на лицах людей, когда они говорили о моём дедушке на Первых Анциферовских чтениях в Санкт-Петербурге в 1989 г., на которых я имела большую честь присутствовать. Мне подумалось, что дедушка обладал способностью вызывать подлинные чувства в других, которые не зависят от научного вклада и научных достижений. Возможно, это было связано с его способностью проявлять искреннюю любовь к другим, что объясняет ответное чувство в памяти людей. Я чувствую, что моя мать полностью унаследовала эту способность любви к ближним и что она щедро делилась этим даром со всеми, с кем она встречалась».*¹⁵²

Интерес к личности Анциферова, зафиксированный первыми, в его честь проведёнными чтениями в Петербурге, на новую высоту поднял Александр Иосифович Добкин. Подвижничеством своим он подготовил к печати и в

1992 году издал книгу воспоминаний Николая Павловича Анциферова «Издум о былом». С этого времени приезды Татьяны Николаевны в Россию стали регулярными.

*«Меня часто приглашают в Петербург на Анциферовские чтения, на получение премии Анциферова, которую учредил в 1995 году Международный благотворительный фонд спасения Петербурга – Ленинграда и Балтийский гуманитарный фонд. Премия присуждается каждые два года за лучшие научные и популярные работы по истории Санкт-Петербурга, а также за общий вклад в петербурговедение, она включает бронзовую медаль с портретом Николая Павловича, диплом и денежный приз».*¹⁴⁹

Окружённая любовью и заботой дочери, внучек Лизы и Саши, близких, вниманием и уважением людей, искренне почитающих память её отца, почил в бозе Татьяна Николаевна Камендровская 9 июля 2013 года и была погребена рядом со своим мужем на русском кладбище Ново-Дивеево, к северу от Нью-Йорка. Внучка Лиза свои чувства к бабушке, ещё при жизни её выразила в стихах:

*«Она светится голубоглазой улыбкой,
Которая растапливает сердца.
Она сама мудрость.*

*Время не властно над ней:
Медленно впуская мир в себя,
Наблюдая за сменой сезонов,
Измеряя тишину вокруг...»*¹⁵²

Анциферовские чтения, зародившиеся в 1989 году в Петербурге, возобновились в городе на Неве в 2008 году и проводятся с разумной частотой во времени и по сей день, теперь уже под эгидой Фонда академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Организовались — в 2012 году — такие же чтения и в Москве, под началом Института мировой литературы. Их неизменными гостями являются внук Николай Павлович Анциферов, Михаил Сергеевич Анциферов, и его сын Николай (фамилия продолжается). Привелось и автору этих строк бывать на этих чтениях, встречаться с Анциферовыми. Михаил Сергеевич — копия дедушки. Более всего схожесть эта чувствуется, если взглянуть на фотоснимки Николая Павловича, в его молодости сделанные. За общей осанитостью деда и внука, крепостью фигуры, одинаковостью черт лица и выразительностью глаз вижу их архангелогородские родовые корни. И очень сближает меня с Михаилом Сергеевичем общая памятная детская мета, с созвездием Ориона связанная. Эту мету выделяю в зачине настоящей книги, о ней вспоминает и Михаил Сергеевич: *«Дедушка показывал мне со-*

звезде Ориона, объясняя, что с этих трёх звёзд спустились на землю волхвы, чтобы поздравить новорождённого Христа».¹⁵¹

Характерной чертой личности Николая Павловича Анциферова была печать какого-то неизъяснимого изящества, наложенная на его ум генетикой родителей и прародителей, самовоспитанием чувств и наращиванием интеллекта, которые – уже в юности своём – он довёл до высочайшей степени культурности. Человек дальнего ума, широких воззрений, мыслитель, он владел даром проникновения в жизнь, умея отделять кажущееся от существенного. Художник в душе, благоговел он пред всем прекрасным и благоговения эти запечатлел навек в трудах своих – изумительным, мыслёмким русским слогом.

Пережив страшной силы перелом в жизни, он – человек чрезвычайно деликатный и мягкий – не утонул в тине безнадежного отчаяния и вселенской скорби, оставался на удивление спокоен в своей великой и невыразимой печали, сохранив твёрдость принципов, высокую мораль, любовь к людям.

Настоящим русским человеком высочайшей нравственно-интеллектуальной пробы был Николай Павлович Анциферов.

«Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский. Кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою историю, русскую историю, великие её страницы. Кто чтит родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской православной Церкви. Она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым».

(Иван Сергеевич Шмелёв.)

Автобиография Михаила Сергеевича Анциферова

(им составленная в начале декабря 2015 года)

Родился я 7-го марта 1942 года в блокадном Ленинграде. К моему появлению на свет я уже остался без отца, который умер от истощения по причине той самой блокады. Буквально в то же время нам с мамой, через станцию Ваганово, посчастливилось перебраться через Ладогу и, как позже рассказывала мама, машине, на которой мы ехали, удалось проскочить под бомбёжкой.

Эвакуировались мы в город Барнаул, а уж потом попали в Среднюю Азию, в город Ош Киргизской ССР, где пробыли до конца 44-го года и приехали в Москву, где в начале 45-го года я познакомился со своим дедушкой, Николаем Павловичем Анциферовым. Какие-то небольшие проблески памяти сохранили эту встречу – длинный коридор буквой «Г», я сижу на спине деда, он катает меня на себе, приседая иногда, и я с хохотом проваливаюсь куда-то. Дедушка подарил мне куклу, названную Светиком в честь моего отца, я же называл её просто Тетик.

Моя мама, Ирина Вельмонт, в Киевском ЗАГСе расписалась с Виктором Пасынковым, другом Сергея, и мы поехали в Днепропетровск к ро-

дителям Виктора. Поезда были переполнены, электричества в вагонах не было, висела какая-то ёмкость с горячей толстой стеариновой свечой, сильно освещавшей вагон.

В Днепропетровске я пошёл в детский сад, а где-то уже в 46-м году мы снова приехали в Москву. Кстати, дедушка вызвал Виктора Пасынкова на беседу, а с Виктором они были знакомы, поскольку он дружил с Сергеем. Беседа сводилась к тому, чтобы я носил отчество и фамилию своего отца. Вот так я стал Анциферовым Михаилом Сергеевичем. В том же году мы перебрались в Ленинград, на улицу Салтыкова-Щедрина, в маленькую 11-метровую комнату, длинную и узкую, страшно сырую. От этой влаги на стенах комнаты не держались обои, а на стенах коридора накапливался конденсат, который буквально можно было смахивать рукой на пол. Окно коридора выходило на так называемый задний двор, где пленные немцы работали, разбирая дом, от которого остался один остов. Там были выстроены сараи, по которым мы бегали, а когда вышел фильм «Тарзан», кем-то была спущена с пятого этажа толстая проволока с верёвкой, и мы, как на лианах, перелетали с сарая на сарай с дикими криками, подражая герою этого фильма.

Вспоминается карточная система – сосед, Александр Иванович Акулин, украл у нас карточки, помню, как плакала мать. Соседа посадили на восемь лет, так как ограбил он ещё киоск «Пиво-воды», что стоял у кинотеатра «Спартак», ударив продавца пивной кружкой. Помню, как его сын Мишка, младше меня года на два, говорил, что его отец – капитан дальнего плавания, что он ходит Северным морским путём, а я-то знал, что отец в лагере, меня это обижало, я кричал, что он врёт, а мама успокаивала меня и говорила: «Пусть он так считает».

В 1949 году я пошёл в школу №203, находившуюся как раз возле кинотеатра «Спартак». Обучение у нас было отдельное, и напротив нашей школы была женская школа, бывшая «Анна-школе». На перемене мы, помню, бегали к ним смотреть чучело медведя. Забавно, что через много лет я зашёл со своим сыном в эту школу, в которой шёл ремонт, и рассказал ему про это, на что какой-то учитель стал говорить, что он, дескать, работает здесь тридцать лет, и никаких медведей здесь не было, и, дескать, нечего вешать лапшу на уши ребёнку. Хорошо, что какая-то уборщица подтвердила мои слова, не дав мне уронить своего авторитета.

В конце 1952 года мы переехали в город Йыхви Эстонской ССР. Мама попала под сокращение штатов и ей предложили работу в Эстонии и главное, жильё в целых две комнаты, а ещё одну комнату занимал молодой инженер-эстонец. Его я случайно, почти через сорок лет, встретил в ГУМе. Удивительно, что он совсем не изменился, а я подошёл к нему и, приставив палец к его груди, сказал: «Вас зовут Ханс Янович». Он несколько перепугался, я стал ему объяснять, что мы когда-то вместе жили, он стал лепетать, что он со мной не жил. Когда я ему растолковал наш адрес, он ответил: «Да, кажется, там был какой-то мальчик». На продолжение знакомства он желания не проявил, сказав, что живёт где-то в Матвеевском.

Там же в Эстонии в 1960 году я окончил школу, причем вечернюю, работая в геолого-разведке, что очень нравилось дедушке. В том же году, посту-

пая в Таллинский политехнический институт, не добрал несколько баллов. Если быть откровенным, меня срезала преподаватель, которая предложила решить четыре примера, из которых я решил три, а четвёртый был на модуль переходов логарифмов. Я ей объяснил, что эти я решаю, а вот с таким сталкиваюсь впервые. Она поинтересовалась, какую школу я заканчивал, и подтвердила, что в программе вечерней школы эта тема отсутствует, а вот в программе института она есть, и поставила мне пару. Я ей стал объяснять, что на билет я ей ответил и, более того, письменную работу сдал на отлично. Она вернула мой экзаменационный лист с двойкой. Заведующий кафедрой предложил мне выписать новый экзаменационный лист, однако в приёмной комиссии в этом отказали, как я понимаю, по национальным причинам.

Но, тем не менее, с этим листом я был принят на третий курс горно-химического техникума, в котором долго не проучился по причине призыва в армию. На отсрочку я рассчитывать мог, тем более что военком приходил к нам домой и предлагал мне её, так как мама имела инвалидность, а с Виктором она разошлась где-то в пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом годах. Слово было за мной, и я решил идти со своим годом службы, что оказалось справедливо, и, по сути, я был самым молодым среди своих однополчан. Со мною служили ребята тридцать седьмого, тридцать восьмого, тридцать девятого годов рождения.

Да и со службой мне повезло. Меня хотели призвать в бронетанковые войска, неизвестно почему, но показав хирургу на призывной комиссии деформированную левую руку, меня определили в конвойные войска. Комиссар сказал: «На вышке послужить». Ещё в Таллине я просил ефрейтора Колю Шакирова сказать, где будет проходить служба, но он сказал, что это, дескать, военная тайна. Тогда я пошёл на тестовый метод:

- Это город?
- Да!
- Большой?
- Большой!
- А река есть?
- Есть.
- Ну назови хотя бы реку.
- Белая.
- Значит, едем в Уфу?

Последовала полная растерянность ефрейтора.

Я махнул через забор, позвонил маме, сказал, что еду в Уфу, что едем через Москву. В Москве меня встретили родственники. Сергей, мамин двоюродный брат, уговорил капитана Быковченко отпустить меня домой, так как поезд на Уфу шёл то ли вечером, то ли ночью, словом, меня отпустили. В Уфе нас встретил сильный мороз градусов под тридцать. Нас привезли в часть, которая находилась прямо напротив Русского драматического театра. Разместили нас в спортивном зале. Оттуда же забирали дембелей, и когда я сказал им: «Счастливые вы», мне они просто ответили: «Служи, салага!»

Но это еще не всё. Нас повели в баню, забрали наше гражданское имущество. Выдали обмундирование, подстригли наголо и не только голову, то

есть изменились мы до неузнаваемости. И вот такими мы предстали в количестве человек восьмидесяти перед капитаном Воробьёвым, который стал интересоваться нашими специальностями. Когда дошла очередь до меня, я не стал говорить, что я лаборант из геолого-разведки, а сказал, что я дипломант республиканского конкурса артистов-чтецов (я действительно при клубе «Шахтер» ходил в кружок), но дипломов не имел, чего меня понесло, я не понимаю, главное всё это было спонтанно и не задумано. Короче говоря, он спросил: «А петь умеешь?». «Какая песня без баяна?» — ответил я. Так вот, этот капитан Воробьёв был еще, ко всему прочему, начальником клуба. Словом, нас четверых» меня, Шапинского, Толю Салмина и Ярослава, кажется, Гуцелюка, повели в клуб. Там и началась моя служба.

Дочка московских соседей, студентка педвуза, была на практике в Уфе, мне её мама дала адрес. Она жила недалеко от части, я сбегал к ней в самоволку, по итогам которой мне определили другое место службы — строгий лагерь на станции Шакша. Там я год и отслужил, именно на вышке, как предвещал сотрудник военкомата. Год пролетел быстро, петь я не бросал. Как-то капитан Лернер, он же командир роты, подошел к вышке, а я даже и не слышал, обзор у меня — один сектор слева, другой сектор справа. «Так!» — сказал капитан, я вздрогнул, но, собравшись, спросил: «Товарищ капитан, надо вот газету выпускать, а что бы вы посоветовали написать?» «Что, что, да хотя бы про то, как ты поёшь на посту», — ответил капитан.

Как редактору газеты (это была просто стенная газета) пришлось мне отметить в ней частушкой:

«Ночь погожа и чудесна,
Только слышно за версту,
Как Анциферов наш песни
Распевает на посту».

Далее ребята, с которыми я пел в Уфе, рекомендовали меня начальнику ансамбля, после чего меня отозвали в Куйбышев, в ансамбль песни и пляски МВД, в котором и прошли еще два года моей службы.

В школьные годы я постоянно приезжал на каникулы к бабушке, и это были, пожалуй, самые счастливые дни моего детства. Прежде всего, это было знакомство с Москвой, с её музеями и театрами, это была теплая атмосфера дома, особенно ещё в Афанасьевском переулке, со всегда любящим взглядом бабушки. А какая чудесная маленькая ёлка устанавливалась на письменном столе, с самодельными игрушками, сделанными руками моего отца и тети! А какое было Рождество, когда собирались бабушкины друзья — этот неторопливый разговор пожилых людей, от которых шёл свет и тепло. Сейчас, когда я уже старше своего деда, я думаю, что и он себя чувствовал молодым, как и я, значит, всё это передаётся поколениям. Дай Бог, чтобы это передалось моим сыновьям и внукам, значит, жизнь продолжается, значит, жизнь вечна и осознавать всё это — большое счастье.

Памяти Александра Иосифовича Добкина – восхищение и благодарность

Первые записи воспоминаний, давшие начало будущему мемуарному труду, Николай Павлович Анциферов сделал, кажется, находясь в предвоенные годы на каторжных работах в Уссурийском крае. Выйдя на свободу, он продолжил их неспешно, а по завершении военного лихолетья ускорил темп дорогих сердцу писаний, правда, посвящая этой литературной работе преимущественно время своих календарных отпусков. Описывать свой жизненный путь – с основательными аналитическими углублениями в отдельные его эпизоды, с систематизацией накапливающегося материала – Николай Павлович продолжал неустанно до конца дней своих, оставив после своего ухода рукописи отдельных глав будущей книги, названной им «Из дум о былом».

Передача всего письменного наследия Анциферова в отдел рукописей Государственной публичной библиотеки началась в 1968 году, спустя год после кончины его владелицы, Софьи Александровны Гарелиной. Принимала рукописный материал и формировала из него «Фонд Анциферова» его ученица, Ольга Борисовна Враская. Была она в свои школьные годы в числе любимиц Николая Павловича, преподававшего некоторое время (с 1919 года) историю в бывшей гимназии Таганцева и оказавшего большое влияние на дальнейший жизненный путь сво-

ей одарённой ученицы. Окончив в 1922 году школу, она поступила на факультет общественных наук Петроградского университета, из которого была отчислена через два года за «дворянское происхождение». В университетские годы посещала она семинарские занятия по медиевистике Ивана Михайловича Гревса, училась заочно на Высших библиотечных курсах при Публичной библиотеке, давших ей профессию книговеда и библиографа (искусствоведом она стала чуть позже, окончив Институт истории искусств). По окончании курсов Ольга Борисовна в 1925 году была зачислена в штат Публичной библиотеки и библиотечному делу посвятила последующие полвека своей жизни, завершившейся в 1985 году.

Сформированный фонд рукописей Анциферова ждал своего звёздного часа ровно столько времени, сколько потребовалось на взросление и духовное становление исследователя и публикатора его мемуарной части Александра Иосифовича Добкина, 1950 года рождения, коренного ленинградца, профессионального химика, ставшего профессиональным, высокого ранга историком и литератором. Далее – слово его супруге, Наталии Ксенофоновне Цендровской:

«Я бы не сказала, что переход от химии к истории был внутренним. Он был, скорей, внешний. Если и были колебания, они могли быть связаны с необходимостью огорчить этим родителей.»

Еще в школьные годы и особенно в университетские интерес к литературе был у Саши очень высок. Это ведь были 60-е годы. У него сохранилось много тетрадей, в которых он записывал стихи разных тогдашних поэтов. Скорей, со студенческих, чем со школьных лет, он много и серьезно занимался Мандельштамом. Им было собрано множество его текстов – наверное, все, что было доступно. Составил библиографию Мандельштама, довольно основательную. Он не один был такой на химфаке тогда, у них была целая компания, которая выпускала (размножали на машинке) сборники стихов поэтов 1-й трети 20 века. Из его друзей, с которыми он сошелся на факультете и с которыми поддерживал близкие отношения до самого конца, Виталий Петрановский серьезно занимался Гумилевым, у него были публикации, другой Сергей Дедюлин, занимался много Ахматовой, и тоже имеет публикации по этому и другим поводам.

Когда Саша учился на 2-м курсе, он стал посещать очень известные тогда в городе трехгодичные курсы истории изобразительного искусства при Эрмитаже. У него была хорошо устроена голова – когда туда что-то попадало, запоминалось все, и не просто запоминалось, но ложилось именно на ту полку, на которую надо.

А потом, скорей в 1975, чем в 1976 (Саша работал тогда в институте белка), один из друзей позвал его участвовать в неподцензурном, подпольном фактически, сборнике, для которого выбрали название «Память». Потом этот выпуск оказался первым из пяти.

Для сборника Саша написал (под псевдонимом Н. Стогов) статью «Тюремная печать 1921–1935 гг.» («Память», насколько я понимаю, никем еще не выложена, присутствует только содержание).

С компанией, которая этим занималась, я была знакома давно, а с Сашей знакомство состоялось заочное, потому, что я исполняла в этом деле роль машинистки, и мне досталось перепечатывать его первый текст. Работа им была проделана огромная, в приложенной к тексту статьи библиографии – 176 номеров.

В первые годы работы над сборниками всей научной стороной издания (и не только) руководил Арсений Борисович Рогинский, но Саша и сам, насколько я понимаю, сумел найти в себе необходимые качества исследователя. В результате чего работа получилась высокого качества. (Когда в 1981 А. Р. посадили на 4 года, руководство здешней работой взял на себя Саша.)

Еще в конце 1970-х он не захотел оставлять эти трудоемкие занятия и вскоре уволился из института и стал, как и другие из этой компании, работать в вечерней школе. Это оставляло много времени, утреннего, в том числе, для занятий.

Где-то году в 1976-77 в руках редакции – не знаю, к сожалению, откуда – оказался фрагмент воспоминаний Н. П. Анциферова, который был опубликован в 4-м выпуске «Памяти». Примечания были составлены Сашей и А. Б. Рогинским, в публикации в 1981 году они, конечно, выступали под псевдонимами.

Ну, а потом, как только стало возможно, в конце 80-х, он решил издать текст воспоминаний полностью, но полностью не получилось. Слишком велик был объем. В это время, где-то со второй половины 80-х, Саша вернулся к хи-

мии и работал в институте гриппа. Работал успешно, со своим руководителем Киселевым (теперь он директор института) они занимались созданием одного из вариантов интерлейкина.

Чтобы подготовить издание воспоминаний Анциферова, он ушел из института и больше года не работал. В предисловии к изданию, в самом конце, где Саша благодарит тех, кто ему помогал, он назвал и друзей, на деньги которых мы фактически жили все это время — Наташа Кравченко и Саша Бейленсон.

Насчет того, как собирался и обобщался материал, я, к сожалению, очень далеко не все знаю. Долгие годы Саша был хранителем архива редакции; хранились бумаги и прочее, конечно, не дома, а у всяких верных людей. Эту часть работы Саша выполнял совершенно виртуозно, и при наличии стукачей, которых периодически удавалось выявлять, чекистам практически ничего в руки не попало. А если бы попало — он непременно сел бы следом за Рогинским. Потому и не сажали, что им нужен был архив. А разные официальные предупреждения выносили не раз.

Квартира наша всегда прослушивалась, и у нас выработалось и неукоснительно соблюдалось правило — ни слова по делу вслух. Кое-что очень кратко писалось и тут же уничтожалось. И так это все вошло в кровь, что даже позднее, когда, казалось бы, все уже было можно, мы не говорили дома ничего лишнего, а уж имена называть — Боже сохрани. Тут я сама иногда была инициатором и всегда говорила Саше, что у чекистов, если они не идиоты (а они, как показала жизнь, не вполне идиоты), сейчас, т. е. когда у всех развязались языки, самая работа. К тому же мы умудрились в 1990 году в результате обмена оказаться в квартире, в которой прежде жил известный ядерщик А. А. Ансельм — тут и на установку прослушки тратиться не надо было, все уже было. Результат всего этого (моя плохая осведомленность) очень печальный, но уж какой есть.

О многом Саша написал в предисловии к книге. Он много общался с теми знакомыми Анциферова, которые еще были живы в конце 1970-80-х. Собственно, это и был метод работы, и с другими материалами тоже. Было довольно много информаторов по разным темам. Так, Саша, в частности, познакомился в конце 1970-х с известным потом, недавно умершим адвокатом Юрием Марковичем Шмидтом — Саша дружил (да, наверное, это слово уместно) с его отцом Марком Рахмелевичем, отсидевшим очень много лет и всегда охотно консультировавшим Сашу по истории меньшевиков и т. п.

Очень близко сошелся Саша с дочерью А. А. Мейера Лидией Александровной Дмитриевой и многое услышал от нее и записал, и некоторые бумаги Мейера от нее получил. Она была уже очень стара тогда, очень любила Сашу. Старики понимали, что им скоро уходить и, в основном, по-моему, были счастливы, что есть люди, которые напишут о том, о чем им не довелось.

Сошелся Саша и с принадлежавшим к тому же кругу известным лингвистом Никитой Александровичем Мещерским. Точно не помню, но кажется, он и с Гогусом (Георгием Александровичем Штерном) успел пообщаться в конце 1970-х. Тогда же он познакомился и несколько раз встречался с Авениром Петровичем Обновленским, но это общение с ужасными оскорблениями пресекла дочь Обновленского, тоже уже пожилая и, видимо, умиравшая от страха дама.

Познакомился он и состоял в переписке и с дочерью Н. П. Татьяной Николаевной Камендровской, приезжавшей один раз в Россию, и с сыном Светика Михаилом Сергеевичем, живущим в Москве. С ним он много общался во время подготовки книги, об этом есть в предисловии».

Познакомившись только с первыми листами рукописей Анциферова, оценил духовно-нравственную значимость содержания прочитанных текстов их будущей исследователь и первопечатник, восхитился внутренним миром единосущного ему человека и, восхитившись, отдался весь, без остатка, делу издания его мемуарной книги. Образовавшаяся духовная связь этой пары, очень гармоничная по своей сути, оказалась настолько сильной, настолько жизненно значимой для Александра Иосифовича, что он, глубоко почитая своего незримого визави, перешёл в православие. (Именно такую первопричину этого, на первый взгляд необъяснимого поступка, супруга подтверждает Наталия Ксенофоновна.)

И познав — через книжный текст — жизненный путь Николая Павловича Анциферова, оценив глубину и непреходящую значимость его внутреннего мира, его исторически ценных характеристик, его мудрых морализаций, дал Александр Иосифович на этот счёт точное целеуказание читателям книги «Из дум о былом», им изданной в 1992 году:

«... чтобы адекватно понять былое, нужно подышать его воздухом: узнать жизнь незначительных людей, вникнуть в подробности их быта, переболеть иллюзиями и страстями ушедших поколений. Иначе самые блестящие обобщения обесцениваются, а раскрепощённость в анализе прошлого не даёт желаемого результата.

... пожалуй, главное достоинство мемуаров Н. П. состоит в том, что они освещают изнутри духовное движение русской интеллигенции в переходную эпоху. Искания и споры в домашних кружках того поколения, чья юность пришла на начало XX века, помогают нам точнее понять судьбу отечественной культуры в новых исторических условиях, с большей ответственностью отнестись к настоящему.

...По-видимому, духовная опора общества, «ценностей незыблемая скала», держится на людях, подобных Н. П. В годы социальных потрясений, когда рушится всё и рвутся традиционные связи, нравственные ориентиры становятся особенно заметны, а значение их носителей возрастает».²

Безусловно, обработка большого количества рукописного материала и выделение из него конечного книжного блока было делом большого числа исполнителей. Имя им — легион, и всех участников этой многосложной работы, поимённо, Александр Иосифович поблагодарил в написанном им предисловии к книге. И всё же, только благодаря его творческому подвигу, его трудам египетским, его отказом от стабильного житейского положения была доведена до издания и увидела свет замечательная мемуарная книга. Далее, до конца дней своих, наступивших в 1998 году, продолжил Александр Иосифович любимое дело, поднимая его — своими организационными и творческими усилиями — до высокого научного уровня «анцифероведе-

ния», став одним из учредителей регулярных Анциферовских чтений в городе на Неве.

Exegi monumentum – заложив основу духовному памятнику Николаю Павловичу Анциферову, оставил добрый земной след по себе Александр Иосифович Добкин. И за это ему – земной поклон от благодарных, знающих и чтущих русскую культуру сограждан.

Татьяна Николаевна Оберучева – прелесть и талант

Привлекательная внешне, была Татьяна Николаевна Оберучева ещё и женщиной прелестной, согласно формуле Стендаля утверждавшего, что *«женская прелесть происходит отнюдь не из невежества»*. Была она не только красавицей с «точёными чертами лица», но и великой умницей, личностью высокообразованной и разносторонней, проявившей себя как талантливый организатор юношеского кружка самообразования, как скрупулёзный, глубокий исследователь отечественного прошлого. Последний факт (к превеликому сожалению, подзабытый) тем более поражает и восхищает, что свои недолгие исторические штудии Татьяна Николаевна совместила с непростыми семейными заботами в тяжёлую пору перелома общественных устоев, с материнскими хлопотами над малышкой-дочерью.

По указанным обстоятельствам не ушла она с головой в науку, оставшись, прежде всего, неизменно очаровательной, деликатной женщиной с «внимательными, полными какой-то покоряющей жизненной силы глазами», которыми она с первых минут знакомства зачаровала и увлекла юного Николая Анциферова – и сама им очаровалась. Образовав в 1914 году прелестную семейную пару, прожили супруги Анциферовы в любви неземной, в сродстве душ, в общности интеллектуальных запросов, в радостях и невзгодах, в сопереживании шекспировского размаха семейной трагедии весь им дарованный судьбой общий жизненный путь, для Татьяны Николаевны, увы, оказавшийся совсем коротким – только полтора десятка лет.

В не так часто повторяющихся случаях, когда доводится мне проходить по старой киевской улице, ныне носящей имя украинского писателя Олеся Гончара, непременно приостанавливаюсь у дома номер тридцать семь и, непременно волнуясь, взяв в поводыри Николая Павловича Анциферова (точнее, его замечательный мемуарный труд «Из дум о былом»), переносюсь мысленно в далёкий 1907 год. Тогда помянутая выше улица ещё именовалась Мало-Владимирской, а на месте нынешнего дома находилось (под тем же уличным номером) двухэтажное строение с внутренним двориком, с пирамидальным тополем посередине него, с обустроенным верандой флигелем. В нём вдовой соломенной проживала тридцатисемилетняя Екатерина Михайлова Оберучева (урождённая Покровская) с тремя дочерьми-гимназистками – Татьяной, Анной и Людмилой, по малолетству ласкательно именовавшейся Мэкусей (а также их названный брат, годовалый Миша Покровский).

Мало-Владимирская улица образовалась где-то в середине девятнадцатого века – была она проложена через овраг, служивший свалкой бытовых отходов, и спускавшийся от остатков вала городской крепости, давшего название улице Большой Подвальной («под валом»; ныне – Ярославов Вал). Утвердившись улицей, она стала быстро застраиваться доходными (или – «чиншевскими») домами, приносившими их владельцам солидный и твёрдый доход. Известно, к примеру, что четырёхэтажный кирпичный дом на углу Мало-Владимирской и Большой Подвальной улиц давал его владельцу, гражданскому инженеру Николаю Ивановичу Яскевичу шестнадцать тысяч рублей годового дохода, которые предприимчивый специалист вновь вкладывал в домовое строительство.

Стоимость нанимаемых квартир определялась местоположением домов и уровнем комфорта в них, который классифицировался – ни много ни мало – шкалой в тридцать шесть уровней. Приличная квартира из трёх-пяти комнат площадью до ста квадратных метров в центре города стоила до трёхсот рублей в год, в прилегающих к центру районах (случай Мало-Владимирской улицы) – до ста тридцати, а на окраинах – семьдесят. Сверх того квартиросъёмщики платили ещё и государственный квартирный налог, в размере до трёх процентов от квартирной платы, от которого были освобождены христианское духовенство, чиновники выше шестого класса, штаб- и обер-офицеры (к коим относился полковник Николай Михайлович Оберучев, думается, оплачивавший наёмную квартиру отставленной супруге).

Через дом от места проживания Оберучевых, на улице Мало-Владимирской, в доме №33 находилась хирургическая лечебница доктора медицины Игнатия Маковского. (*«Лечебница снабжена всеми необходимыми приспособлениями для асептического производства операций. В лечебнице имеются как отдельные, светлые, большие с хорошей вентиляцией, так и общие палаты для больных. Плата от 31/2 руб. в сутки»*.) В это медицинское учреждение 1 сентября 1911 года привезли из неподалёку расположенного Оперного театра смертельно раненного Петра Аркадьевича Столыпина. После его кончины улицу Мало-Владимирскую переименовали в Столыпинскую. В послереволюционной череде переименований улица носила (с 1919 по 1937 год) имя революционера-террориста Григория Гершуни, далее – грузинского социал-демократа Ладо Кецохели. В 1939 году её назвали именем лётчика Чкалова, бюст которому был установлен (и по сей день стоит) в уличном скверике. В годы оккупации улице было назначено имя украинского историка Антоновича, а после освобождения города от оккупантов ей вернули последнее довоенное наименование. В седьмой (и пока последний) раз, в 1996 году, городская власть дала улице имя Олеся Гончара.

Дом номер тридцать семь на этой исторически многоимённой улице простоял на ней нетронутым до июля 1979 года, после чего был снесён, оставив по себе только фотографическую память. И тем он «матери истории ценен», что в нём под ненавязчивым менторством Екатерины Михайловны Оберучевой её старшая дочь Татьяна (никак не позже весны 1907 года) организовала образовательный кружок с цифирным наименованием «№37». Кружок этот (можно сказать — литературно-философское объединение подбиравшихся к восемнадцатилетнему возрасту юношей и юниц) не являлся политической организацией, тем более революционной. Заседания его ничьей волей не регламентировались и носили открытый, дружеский характер. Вступление в него никак не обозначалось и не фиксировалось. Отбор участников кружка производился естественным образом — на основе моральных и интеллектуальных качеств к нему приобщавшихся; оставались в нём те, кого увлекала атмосфера его внутренней жизни и кто, со своей стороны, представлял интерес для других кружковцев. Эта юношеская ассамблея целью своей ставила интеллектуальное и нравственное совершенствование своих участников — в диспутах и полемиках, в совместном чтении и обсуждении книг, в посещении музеев и театров... На ней состоялось знакомство юного Анциферова с его будущей женой — богато одаренной личностью, проявившей себя талантливым историком.

Интерес к отечественной истории пробудился у Татьяны Оберучевой ещё в гимназические годы. Отчасти советчиком и подсказчиком ей в выборе направления исторических исследований выступил — в одном мемуарном эпизоде осени 1907 года — Николай Анциферов и тем, быть может, сам того не ведая, окончательно утвердил в своей будущей супруге профессиональный интерес к истории крепостного права в России:

*«В начале сентября я встретил на Подвальной Таню Оберучеву и Сашу Попова. Они шли на Крещатик в книжный магазин Идзиковского. ... Мне было предложено сопровождать их. Я охотно согласился, и мы отправились вместе. Таня делилась со мною планами работы о крепостном праве (история его развития, отмена его и остатки его после Освобождения). Я дал ей совет привлечь материал о пережитках крепостного права на Западе. Мне хотелось, чтобы Таня в своей работе показала, что и на Западе, в буржуазных странах, осталось рабство. В моём совете, конечно, сказалось влияние Герцена. Таню моя мысль заинтересовала».*²

К слову, «магазин Идзиковского», носивший фамилию основавшего его в 1859 году книгоиздателя Леона Идзиковского и в начале века управлявшийся его сыном Владиславом, имел при себе громадную библиотеку, пользовавшуюся большой популярностью у читающих киевских граждан. Фонды её, существенно превышавшие книж-

ные накопления городской Публичной библиотеки, активно пополнялись книжными новинками (преимущественно польской и украинской литературы). Кроме того, абонентская плата в библиотеке Идзиковских составляла посылные для горожан 50 копеек в месяц (прежде существовавшая частная библиотека Должикова на Подоле со значительно меньшим выбором книг взимала с абонента полтора рубля). Константин Георгиевич Паустовский вспоминает: «... я заходил в библиотеку Идзиковского на Крещатике. Летом там было пусто. Бледные от духоты молодые люди с мокрыми усиками — приказчики Идзиковского — меняли мне книги... Я возвращался на Лукьяновку усталый и счастливый».

Приняв окончательное решение жить и учиться в Петербурге (вопреки мнению врачей, видевших — увы, небезосновательно — в климате столицы опасность для здоровья юной пациентки) Татьяна Оберучева, вслед за Николаем Анциферовым, ставшим в 1909 году студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, поступила на Высшие Женские Бестужевские курсы. К сожалению, нет сведений о том, каким образом в это время происходило её становление как профессионального историка, когда и при каких обстоятельствах она занялась серьёзной научной работой по русской истории XVII века под руководством самого Сергея Фёдоровича Платонова. Как специалист по литературно-историческим памятникам смутного времени, он был создателем петербургской школы русских историков, которую многие называли «школой Платонова». Вторым учителем и научным наставником Оберучевой был ученик Платонова, Александр Иванович Заозерский.

Известно только, что после венчания Татьяны Николаевны и Николая Павловича молодую супругу не оставляли размышления, с сомнениями перемешанные, о своём научном будущем, о том — не оставить ли занятия историей мужу, а себя посвятить семье (её дневниковая запись от 25 апреля того же года):

*«О, Коля! Я ещё раз продумала, могу ли я, как сегодня сказала, „уступить ему дорогу“. Эту первую сдачу моего гордого вызова совмещать несовместимое... И теперь желанная и лучшая отсрочка, во время которой надо было так много сделать, чтобы оставить за собой возможность победы, кажется досадной и ненужной, потому что ясно, что дело не в том, что я могу сделать до брака, а в том, что я могу удержать после».*²

В итоге Татьяна Николаевна пошла (на оказавшийся временным) внутренний компромисс, совместив занятия историей с семейными беспокойствами и заботами. Так, летом 1916 года, Николай Павлович Анциферов, находясь — с женой и маленькой дочуркой — в Алфёрово, где он готовился к магистерским экзаменам, писал Гревсу: «Мы живём совсем тихо. Кроме тётушки и прислуги, никого нет, и мы так хорошо втроем сжились. В свободное время Таня занимается своей статистикой, дополнительно полукурсовой и читает наиболее интересное из моего чтения».²

Продолжив активную исследовательскую работу со своими научными руководителями, прежде всего с Александром Ивановичем Заозерским, вы-

пустившим в 1917 году книгу «Царь Алексей Михайлович в своём хозяйстве» (и посвящённой изучению деятельности Приказа Тайных дел, созданного этим монархом), Татьяна Николаевна в мартовском (и, как вскоре выяснилось, навсегда последнем) номере Журнала Министерства народного просвещения за 1917 год, опубликовала свою работу «Жилые записи» (подписав её – «Т. Оберучева-Анциферова»).

Только один перечень использованных Татьяной Николаевной архивных источников вызывает высочайший пиетет к её историческому труду. Это – документы, извлечённые из различных печатных сборников, в том числе из актов юридических, актов юридических быта, актов о тягловом населении Александра Петровича Дьяконова, архивные материалы Дмитрия Яковлевича Самоквасова, акты о посадских людях Николая Павловича Павлова-Сильванского, а также неизданные акты архива министерства юстиции, главным образом из записных кабальных книг вотчинной конторы по городу Пскову (а также записных книг Москвы, Великого Новгорода, Устюга, Великих Лук, Суздаля, Севска, Алатыря, Вологды, Сызрани, Симбирска, Петербурга).

Сфера научных интересов Татьяны Николаевны Оберучевой – история сословий в России в семнадцатом веке, времени окончательного оформления в государстве крепостного права. В это время возникли новые разновидности частноправовых документов, регулирующих вопросы обмена и распределения крестьян без земли и холопов, в том числе так называемые жилые записи, являвшиеся документами найма рабочей силы на полукабальных условиях.

Более строго, «жилая запись» – это действовавший в семнадцатом и восемнадцатом веках частный акт, фиксировавший отношения найма на определённый срок (от года до пятнадцати лет, чаще всего до пяти лет), а также взаимоотношения мастера и ученика. Работников по жилой записи держали в основном посадские люди, используя их в торговле, на промыслах, мануфактурах et cetera.

*«Переходя к составу хозяев, замечаем, что значительное большинство из них, приблизительно около половины общего числа, принадлежит к торгово-промышленному сословию, т.е. к посадским людям и называющим себя торговыми людьми, кадашевцами, откупщиками и т.д. Следующая по численности группа будет составлена из разного рода приказных людей – дьяков, подъячих, стряпчих; почти такая же по размерам группа хозяев – мелкие служилые люди: пушкарки, казаки; далее – духовные лица, монастыри, служилые люди высшего ранга – князь, стольник, помещик, сын боярский, капитан; в отдельных случаях крестьяне дворянские, чёрные, отпущенники и даже холопы».*¹⁵³

Жилые записи давали на себя вольные гулящие люди, разорившиеся тяглецы (плательщики налогов), а с последней трети семнадцатого века и отпускаемые на оброк феодально-зависимые крестьяне.

В статье Татьяна Николаевна, основательно затрагивая и анализируя тему жилых записей, одновременно делает необходимую для этого лако-

ничную «выкопировку» из схемы социально-экономических отношений, действовавших в государстве по завершении Смутного времени. Согласно её разъяснениям (и выпискам из лекций Василия Осиповича Ключевского) общество Московского государства семнадцатого века состояло из людей служилых, людей тяглых и людей нетяглых. Тяглом (в более древнее время – тягость) в то время именовалась система денежных и натуральных повинностей крестьян и посадских людей; точнее – это была податная обязанность более или менее осевших состоятельных хозяйств по отношению к государству. В обычных своих размерах тягло не только превышало размеры оброка, но иногда поднималось выше платёжеспособности населения. Оброк всегда считался более лёгким, чем тягло. И, что очень важно – тяглом облагался не член общины, а определённая административная единица – округ, волость – как совокупность хозяйств.

К составу тяглого населения в Русском Царстве семнадцатого века относились крестьянская община и посадская община. Соответственно, люди тяглые делились на два разряда – на посадских и уездных, то есть на городских и на сельских.

В среде тяглых сельских людей существовало двоякое деление – по юридическому положению обрабатываемых ими земель или по размерам их рабочих сельскохозяйственных сил или средств. Нетяглые люди разделялись на два крупных слоя: на людей вольных, или гулящих, и на холопей. Вольные, или гулящие люди – это те, которые не несли ни государевой службы, ни государственного тягла. Они или работали за чужим тяглом, или кормились чёрной поденной работой, или, наконец, христардничали.

Второй разряд нетяглых людей состоял из холопей, которые, подобно первым, также не несли на себе никаких государственных повинностей. Холопы представляли очень многочисленный, но не однообразный класс, распадавшийся также на несколько слоёв. Общая черта, которая отличала этот класс от других – личная зависимость. Холопы различались по свойству крепостей, или юридических актов, которые привязывали их к лицу, поэтому все холопы назывались крепостными. Крепости, которые укрепляли холопа к лицу боярина, то есть хозяина, были грамоты старинные, духовные, приданные и прочее. Холопство, создававшееся этими тремя видами закрепощения, то есть происхождением от полного (старинного) холопа, завещанием или отдачей в приданое, называлось старинным холопством. От него следует отличать холопство кабальное. Кабала – слово арабское, собственно это – заёмная расписка; кабалы были различные – служилые, заёмные и, наконец, служилые записи.

В скрупулёзном анализе служилых записей как формы кабалы, как нового типа заёмного документа, перенявшего у неё многие содержательные особенности, Татьяна Николаевна выстраивает разделительную черту между жилыми записями, создававшими для должника («рядчика») крепостную (кабальную) зависимость от кредитора, и таковую не создававшую. Делает она это, прежде всего, используя статьи из Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича Тишайшего. Уложением этим, в частности, были отменены так

называемые урочные годы (фиксированный срок, в течение которого владелец мог возбудить иск о возвращении беглого крестьянина), и розыск беглецов стал бессрочным.

Служилая кабала создавала один из видов кабального холопства. Вольный человек, подражаясь на службу к какому-либо хозяину, давал на себя служилую кабалу — письменное обязательство служить ему; эта кабала писалась площадными подьячими, чем-то вроде древнерусских нотариусов, и свидетельствовалась — скреплялась в Холопьем приказе.

Иной род зависимости создавался заемной кабалой, по которой личная зависимость должника от кредитора вытекала из несостоятельности должника, из отказа его уплатить в срок долг. В этом случае Холопий приказ «разыскивал» эту несостоятельность и, не отыскав поручителей, то есть сторонних людей, которые бы поручились в уплате долга, отдавал должника со всей семьей в холопство кредитору «до искупу», продолжавшегося до того времени, пока они не отработают весь долг.

В сравнительной оценке — служилая кабала привязывала должника к кредитору, она прекращала своё действие с исчезновением одного из этой пары. Заёмная кабала была не личная, а вещная; она простиралась на семью должника и действовала даже по смерти кредитора: если кредитор умирал, прежде чем должник успел заработать свой долг — «окупиться», он продолжал работать на его наследников — жену и детей; срок её действия высчитывался по составу семьи должника и по размеру долга.

Из всех жилых записей, имеющих свойства крепостных документов, наибольшее эмоциональное впечатление оставляют документы, по которым задолжавшие родители отдают — в погашение долга — в пожизненную крепостную зависимость своих малолетних детей. Невольно при этом думается о днях сегодняшних, о согражданах наших, пытающихся кредитами решить свои житейские проблемы, и до конца дней своих оказывающихся в банковской кабале, передающие эту, подчас безнадежную — в освободительном разрешении — зависимость своим детям. И задаёшься вопросом, сравнивая указанные тексты статьи Оберучевой с ныне сущими фактами многопечального нашего быта, не возвращаемся ли мы к феодальным отношениям праотцев наших?

Анализируя — после записей крепостных — жилые записи некрепостного характера, Татьяна Николаевна выделяет порождавшие их ситуации, когда *«родители или опекуны отдают детей чужому человеку с тем, чтобы этот последний воспитывал ребёнка, как приёмьша»*; когда родители отдают сына мастерскому человеку для обучения его ремеслу: *«Ученик живёт на полном содержании хозяина, а за выучку и содержание платит в течение урочных лет своей работой. Эти записи тоже составлены в форме жилых записей»*.

Несомненно, для серьёзной научной оценки статьи Оберучевой-Анциферовой требуется её проработка профессиональным историком, специалистом в вопросах становления крепостного права в России. Но даже непрофессиональное, но внимательное проникновение в суть работы этой замечательной женщины-историка говорит о её основательности в аналитическом рассмотрении поставленной ею проблемы, которой, кажется, ни

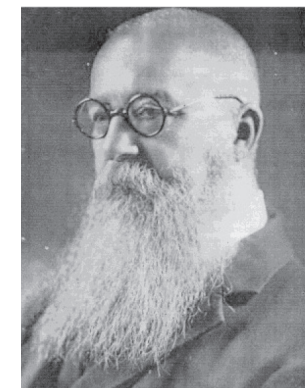
до неё, ни после неё с таким тщанием никто не занимался. В работе этой чувствуется школа её учителей — Платонова, Заозерского, и хочется сказать, что исторический ряд раздела средневековой истории, возглавленный этими мощными историческими мужами, Татьяна Николаевна Оберучева-Анциферова достойно продолжила (хотя только одним, но большого научного веса трудом).

На одной из дальних аллей старинного Смоленского кладбища Петербурга есть давнее, по сей день ухоженное захоронение. В нём нашли своё вечное упокоение маленькие дети супругов Анциферовых, в июле 1919 года умершие — четырёхлетняя Наташа и годовалый Павлик. Здесь же, на крестовой поперечине написано — как поминание — имя их второго сына, Сергея (Светика), погибшего в блокадном Ленинграде в 1942 году и в неизвестной могиле погребённого. Чуть выше — ещё одна надпись: «Анциферова Татьяна Николаевна, 1889–1929». Не было Николая Павловича рядом с любимой супругой в последние минуты её жизни, не присутствовал он и на её погребении; был он в это время уже арестантом. И только вернувшись из ссылки, смог он поклониться праху своих детей, Наташи и Павлика, и своего синеглазого кумира, своей несравненной Тани, освещавшей — своими нежностью, мудрой лаской, вдохновляющим добром — весь их совместный жизненный путь, и продолжавшей незримо сиять Николаю Павловичу — лучами своего небесного образа — до конца дней его.

Константин Михайлович Оберучев — общественный деятель, писатель, историк

Как утверждают специалисты по ономастике, происхождением своим фамилия Оберучев обязана носителям прозвища Оберуч, коим предки наши награждали людей, одинаково ловко владевшими обеими руками. В духе такого толкования, расширенного до интеллектуальной неординарности характеризуемого человека, Константин Михайлович Оберучев являл собой воистину замечательную личность, заметно проявившую себя как общественный деятель, писатель, историк.

По образованию был он учёным офицером-артиллеристом, чьи работы пользовались общеевропейской известностью. В ранней юности — в восьмидесятых годах девятнадцатого столетия — примкнул он к русскому революционному движению и под социалистическим знаменем шёл и боролся всю свою жизнь, пройдя

неизбежный для своего времени стаж тюрьмы, ссылки и изгнания, заняв в зрелом возрасте, после победы Февральской революции семнадцатого года, пост командующего войсками Киевского военного округа. Обладая несомненным даром пера, он, в пору своей военной службы (фактически — ссылки) в Закаспийском крае, посетил и описал места пребывания там Тараса Григорьевича Шевченко. В революционные дни подготовил несколько работ, ставших ценными историческими источниками сведений о событиях тех бурных дней. Позже, оказавшись в эмиграции, в Америке, написал фундаментальные воспоминания, посвящённые революционным дням в Киеве.

Константин Михайлович Оберучев родился 4 июня 1864 года в Туркестане — в форте Перовском, ныне городе Кзыл-Орда (в независимом государстве Казахстан), где служил царю и отечеству его отец, полковник русской армии. Был Константин третьим ребёнком в семье (и последышем); кроме него был у супругов Оберучевых ещё сын Николай, родившийся 23 марта 1861 года, и дочь, заметно старше двух братьев, имя и дату рождения которой разузнать (пока) не удалось. О ней, в пору совместной жизни в Киеве — с благодарностью пишет в своих «Воспоминаниях» её младший брат:

*«Говоря о влиянии в семье, я должен отметить, что первым моим учителем была моя старшая сестра. Девушка семидесятых годов, стремившаяся стать народной учительницей, мечтавшая о самостоятельной жизни и деятельности, она хотела уехать в далёкий Туркестан, но почувствовав, как тяжело это отзовется на родителей, она осталась дома и отдалась обучению детей тут же, в Киеве, обучению не для заработка, а исключительно для удовлетворения своей потребности быть полезной. Учила она и меня к вступительным экзаменам в военную гимназию, и она-то заложила во мне стремление к знанию, и желание не поверхностно, а серьёзно изучать те предметы, которые приходится изучать. Она сделала из меня прилежного ученика. Но этого мало. Находясь под влиянием вехи того времени, она внушила мне любовь к «меньшему, страдающему брату». И это её влияние осталось на всю жизнь».*¹⁵⁴

В гимназическом и высшем военном образовании младший Оберучев следовал за старшим братом, Николаем — с разницей в три года — тем же образовательным путём. В 1879 году Николай Оберучев окончил Владимирскую гимназию и продолжил обучение в Третьем военном Александровском училище (в Москве) и был выпущен с прикомандированием к лейб-гвардии Литовскому полку. Пройдя весь послужной путь от подпоручика до подполковника, он в 1900 году (несколько месяцев) исполнял обязанности наставника в Киевском Владимирском кадетском корпусе, после чего был переведён в 166-й пехотный Ровенский полк; участвовал в русско-японской войне, получил звание полковника.

Константин Оберучев по примеру брата среднее образование также получил во Владимирской военной гимназии (другое название — Киевский кадетский корпус). Его гимназические года припали на время начала «хождения в народ» русской интеллигенции и теме этой посвящены начальные страницы его «Воспоминаний». За получением высшего образования по решению ро-

дителей он был отправлен, в 1881 году, в Петербург, в Михайловское артиллерийское училище. Это высшее военное учебное заведение было создано в 1820 году младшим сыном императора Павла I великим князем Михаилом Павловичем. Училище имело целью подготовку офицеров для службы в строевых частях артиллерии, а также послужило подготовительным заведением для будущей Михайловской академии.

Идеи народничества, которыми Константин Оберучев увлёкся ещё в гимназические годы, ко времени его учёбы в училище продолжали владеть им, не став, впрочем, руководством к серьёзным действиям. *«Начало восьмидесятых годов известно в истории русского освободительного движения, как время усиленного вовлечения в политику военных. Мне лично не пришлось примкнуть к такой военно-революционной организации. Я знал и был близок со многими членами этой организации в нашем училище, но сам как-то не был вовлечён в это течение».*¹⁵⁴

По окончании училища в 1884 году молодой поручик Константин Оберучев, так хотевший вернуться в Киев, получил, однако, назначение в город Литин, неподалёку от Винницы, где он был назначен заведовать батареейной школой. В эту пору службы большая семья Оберучевых понесла тяжёлую утрату — в 1885 году, в возрасте семидесяти двух лет скончался её глава, полковник Николай Оберучев.

После первых двух лет воинской службы Константин Оберучев поступил, в 1886 году, в Михайловскую артиллерийскую академию, готовившую военных инженеров-технологов.

«Начало восьмидесятых годов известно в истории русского освободительного движения, как время усиленного вовлечения в политику военных. С одной стороны правительство стремилось проводить определённо реакционную политику и привлекать к ней офицерство, с другой — оппозиционные и революционные группировки ставили перед военными вопросы их гражданского долга.

Ещё юношами слышали мы имена офицеров в рядах революционеров. Но если не считать декабристов, большинство офицеров, сочувствовавших и примыкавших к революционному движению, участвовали в таковом, не как офицеры, а обычно оставляли военную службу с тем, чтобы войти в революционные группировки. Так было, например, с офицерами-народниками, которые, раз решили идти в народ, снимали офицерский мундир и шли дровосеками, рабочими и т.п.

«Народная воля», решив, что правительство могло быть свергнуто только силой, обратила своё внимание на армию и стремилась привлечь её на свою сторону. Она пришла к мысли о необходимости создания военно-революционных организаций в рядах войсковых частей и в эти организации входили исключительно офицеры.

*К 1881 году уже были оформлены программа и тактика «Военно-революционных организаций» и таковые начинали создаваться в разных частях войск и объединялись вокруг одного центра под руководством Исполнительного Комитета Партии».*¹⁵⁴

В Петербурге в это время организационной работой среди военной молодёжи — офицеров гвардейских полков, юнкеров и офицеров академии — занимались Николай Александрович Рубакин и Надежда Ивановна Игнатьева (впоследствии — его жена). Окончивший Петербургский университет, прошедший курс обучения одновременно на трёх факультетах — естественном, историко-филологическом и юридическом, Николай Александрович посвятил себя той идейной издательско-библиотечной деятельности, составлявшей одну из наиболее характерных черт русского народолюбия конца девятнадцатого века. С ним общался по делам народническим Константин Оберучев.

*«Оба они работали среди рабочих Петербурга и оба они также были заняты работой среди военных. Эта последняя свела меня с ними. Они оба, обыкновенно порознь, а не вместе — заходили ко мне в комнату на Шпалерной, где я жил в годы своей академической жизни, и вели долгие беседы о путях революции и о необходимости вовлечения армии в революционную борьбу, без чего никакая революция немыслима. Частенько и я заходил и к Надежде Ивановне и к Николаю Александровичу, то поделиться своими мыслями и наблюдениями, то на конспиративные свидания».*¹⁵⁴

В первые годы своего пребывания в Академии, сочувствуя революционным методам преобразования общества, слушатель Оберучев не вступал ни в какую революционную связь ни с какими группами, хотя пользовался значительным доверием в революционных кругах, ему доверялись некоторые партийные и групповые тайны. Знал он о существовании специального паспортного бюро, которое могло снабдить его паспортом при необходимости выехать за границу.

В это время Константин Оберучев обвенчался с девушкой, его соратницей по подпольной деятельности. После окончания им Академии, по распределению, молодая семья уехала в Киев. *«Я приехал в Киев в начале июня месяца и мы вместе с женой остановились у моих родных. Она жила там всё лето, и я отправился в лагеря, а затем на манёвры, на большие манёвры в район Ровно, которые закончились большим парадом войск перед Александром III».*¹⁵⁴

Продолжившиеся в Киеве занятия народничеством привели к аресту Оберучева летом 1889 года и отправке его в Петербург. Здесь жандармские власти обвинили его в работе по возрождению революционной организации, посадили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В начале 1890 года он был освобождён из временного заключения и до принятия решения по нему отправлен в Киев, где его ждала жена и родившийся (во время заключения отца) сын Михаил. Молодые супруги намеревались уехать от родных, снять квартиру подальше от городского центра, но тому не судилось быть.

«В половине октября, или начале ноября, я получаю повестку прибыть в качестве свидетеля на процесс Софьи Михайловны Гинсбург. Этот вызов был сделан мне и другим освобождённым раньше товарищам-офицерам по просьбе нашего сотоварища, единственного оказавшегося на скамье подсудимых вместе с Гинсбург, — поручика Петра Георгиевича Душевского.

Софья Михайловна Гинсбург вскоре была перевезена в Шлиссельбургскую крепость, и посажена в одиночную камеру в старой тюрьме. Там она очень скоро покончила самоубийством, не выдержав тюремного режима и не дождавшись перевода в новую, где сидели уже многие политические заключённые.

*Уже в 1906 году, после первой революции, когда двери Шлиссельбургской тюрьмы были открыты, мне удалось посетить тюрьму и там жандармы, служившие нашими проводниками, показали нам камеру, где сожгла себя Софья Михайловна Гинсбург».*¹⁵⁴

В Киеве Оберучеву довелось послужить недолго. В ноябре или декабре 1889 года ему было объявлено Высочайшее повеление — перевод на службу в Туркестанский Военный Округ с отдачей под надзор местной полиции и начальству. Во исполнение его, в апреле 1891 года — с женой с восьмимесячным ребёнком — Константин Михайлович Оберучев убыл по новому месту службы; последовало их долгое путешествие через всю страну, через Туркестан, в далёкий Новый Маргелан.

*«Служба в Туркестане протекала спокойно, так как там не было в то время жандармов. Тут же началась моя деятельность литературная. В 1896 году был командирован в Офицерскую Артиллерийскую школу, которую окончил, возвратился в Асхабад, а в 1893 году был назначен командиром батареи 5-ой резервной артиллерийской бригады в Вознесенск. Там пришлось принять участие в помощи голодающему населению окрестных деревень. Офицеры внесли пожертвования деньгами, солдаты уделяли ежедневно часть хлебного пайка. Кроме того, воззвания, посланные мною в разные газеты, дали приток пожертвований. На эти средства были открыты столовые, в которых получали пищу нуждающиеся».*¹⁵⁴

Служа в Вознесенске, Оберучев вновь, в 1899 году, побывал в Туркестанском крае и впечатления от этой — ставшей краеведческой — поездки изложил в журнале «Киевская старина» за 1900 год: *«4-го мая 1899 года я приехал случайно в Форт-Александровск, бывшее укрепление Ново-Петровское, место ссылки Т. Г. Шевченка. Более 40 лет прошло с тех пор как уехал отсюда Т. Г., но место это представляет и доньяне такой же безотрадный уголок, каким изобразил его много лет тому назад сам Шевченко».*¹⁵⁵ Пообщавшись со старожилками, помнившими великого украинца, пересмотрев множество архивных документов, Оберучев, в заключение, рассказал о высаженном поэтом в маловодной степи саде: *«Сад этот, являясь лучшим памятником пребывания здесь Шевченка, надо полагать, не погибнет: личный интерес служащих в форте заставит поддержать и сохранить его, и надо надеяться, что всё будет сделано для того, чтобы он не погиб».*¹⁵⁵

Офицерская артиллерийская школа стрельбы, в которой повышал военную квалификацию офицер Оберучев, находилась в Царском Селе и готовила командиров артиллерийских батарей. Курс обучения в школе составлял семь месяцев; самая большая заслуга школы заключалась в разработке и практическом внедрении стрельбы с закрытых огневых позиций.

«В 1904 году я был назначен начальником киевского полигона. Моя мечта быть в Киеве прочно осуществилась, отчасти благодаря тому, что, будучи в офицерской артиллерийской школе, я выработал приём наводки батареи по невидимой цели, приём, который был введён в уставы, как «метод подполковника Оберучева»».¹⁵⁴

Пребывание Оберучева в Киеве совпало с подъёмом общественного движения, закончившегося манифестом 17 октября 1905 года и учреждением Думы. В это время он принимал участие в работе Киевского Комитета Грамотности. Заколотбридила и молодёжь, прошли родительские собрания (в том числе в школе, где обучался сын Оберучева) для выяснения отношений между учащимися и начальством. Речи подполковника Оберучева на этих собраниях не понравились командующему войсками округа генералу Сухомлинову, и он отправил в столицу, великому князю Сергею Михайловичу, который командовал всей артиллерией, депешу о непредставлении звания полковника Оберучеву, которое должно было состояться в очередном порядке. Великий князь посоветовал Оберучеву на время сменить место службы, что тот и сделал. Он поменялся местами с начальником туркестанского полигона, переехал в Ташкент, где пробыл всё время выборов во Вторую Государственную Думу, наблюдая как таковые происходят в Туркестане.

На юге Константин Михайлович стал корреспондентом так называемой социалистической газеты, подписываясь своим именем, чем привёл в изумление сотрудников издания. В то же самое время он посылал свои статьи под псевдонимом «Военный» в издававшуюся в Петербурге газету «Сын Отечества»; под этим же псевдонимом печатался в газете «Асхабад». В Туркестане у Оберучева зародилась мысль оставить военную службу, пребывание на которой требовало от него всё больше и больше компромиссов, идти на которые он не был склонен. Приехав в конце 1905 года в Киев, он подал прошение об отставке.

В эту пору, сойдясь ближе с революционными группировками, Константин Михайлович получил от киевских служивых предложение ехать в Москву, на съезд военных, примыкавших к партии социал-революционеров. Поездке помешала ведшаяся за Оберучевым слежка (тем более, что в организации этого съезда деятельное участие принимал Азеф, как вскоре выяснилось, провокатор). В Киеве Оберучев начал работать в газете «Киевская мысль», где главный контингент сотрудников был из социал-демократов; одновременно он давал статьи в «Артиллерийский журнал», в «Военный Сборник». В конце 1907 года редакция «Киевской мысли» командировала Оберучева в Петербург на процесс генерала Стесселя, судившегося за сдачу Порт-Артура. Из Петербурга Константин Михайлович посылал телеграммы и корреспонденции в «Киевскую» мысль, а также передавал сведения по телефону издававшейся в Москве газете «Заря». Жандармское преследование Оберучева закончилось арестом последнего летом 1909 года, но на последовавшем так называемом процессе «Военно-революционных организаций в войсках 12 армейского корпуса» он был оправдан.

По завершении этого процесса Оберучев поехал в Петербург, где получил приглашение в сенаторскую ревизию Гагарина в качестве эксперта по артиллерийским вопросам. В ней он проработал несколько месяцев, после чего вернулся в Киев к своему литературному труду и конспиративным отношениям.

В августе 1913 года в Киеве состоялся 2-ой кооперативный съезд, на котором Оберучев был в числе основных выступающих. По завершении съезда он получил приглашение на съезд Московского Союза Потребительских Обществ, решавший вопросы культурно-просветительской деятельности кооперации. Ехал Константин Михайлович через Петербург, где встретился со старым народником, участником знаменитого «процесса 193», Всеволодом Александровичем Лопатиным.

Это посещение стало роковым для Оберучева. Ведомый из Питера до Москвы шпиками, он, приехав в «первопрестольную», переночевал у приятеля, не успевшего – из-за позднего времени – заявить о приезде друге в полицию. Утром киевский гость был арестован жандармами, отвезён в Петербург и помещён в дом предварительного заключения, на Шпалерной, где пробыл до Рождества. Далее Константин Михайлович был освобождён до решения вопроса «в административном порядке» и с обязательством выехать в Киев, что он и сделал.

Через месяц пришло распоряжение о высылке подполковника Оберучева в Олонецкую губернию на три года. Вмешавшиеся друзья его «вошли в сношения» с Министерством Внутренних Дел и добились замены высылки на возможность выезда за границу на тот же срок. В начале марта Константин Михайлович выехал в Швейцарию, где поселилась в городе Лозанне.

Живя в Швейцарии, Оберучев продолжал сотрудничать с издательством «Гранат», с газетами «Киевская мысль», «Русские ведомости», передавая в печать описания разных сторон местной жизни, знакомился с особенностью устройства швейцарской армии. Принимал он участие в редакционных совещаниях газеты «Жизнь», издававшейся в Женеве под редакцией Виктора Михайловича Чернова, одного из лидеров эсеров; встречался с большевистскими лидерами – Лениным, Троцким, Луначарским, Пятаковым, Бухариным.

С началом мировой войны в Швейцарии усилилась политическая активность различных партийных кругов, началась полоса выступлений, рефератов их представителей. В начале августа 1914 года в зале №6 лозаннского народного дома Оберучев был в числе слушателей реферата Ленина «О причинах войны».

«Передо мной был Ленин, тот Ленин, о котором его почитатели отзывались с такой похвалой, восторгом и особым почитанием...

Его внешним видом я не был особенно удовлетворён. Не было ни интеллигентности в лице, ни того энтузиазма в речи, который заражает и внушает особое доверие к словам оратора».¹⁵⁴

Доклад вождя пролетариата, указавшего на империалистическую фазу развития капитализма и особую роль в нём пролетариата, народнику и эсе-

ру Оберучеву не понравился. *«Не таков Троцкий. Это человек весьма гибкого ума, ловкий и искусный полемист, легко отвечавший, правда, иногда в чрезмерно грубой форме, своему оппоненту».*¹⁵⁴ Луначарский же не пришёлся по душе Оберучеву тем, что все вопросы искусства будущий нарком просвещения рассматривал исключительно под пролетарским углом зрения.

В это время жившие в Швейцарии русские политические эмигранты организовали Комитет Помощи Военнопленным, с целью сбора средств для них. Оберучев, став его деятельным участником, на свой страх и риск отправился в Соединённые Штаты для сбора средств среди живших в стране выходцев из России и в деле этом преуспел. Здесь истёк трёхлетний срок его вынужденного изгнания и он решил возвратиться в Россию; на обратном пути встречался и общался с Александрой Михайловной Коллонтай, плывшей с ним на одном пароходе. Из-за атак немецких подводок пароход миновал Британию и причалил в норвежском Бергене. Отсюда Оберучев отправился в Петроград и далее, к семье — в Киев, куда прибыл в начале февраля 1917 года.

Семья Константина Оберучева (вместе с его матерью и сестрой) жила в доме номер двадцать четыре по улице Гоголевской. Неподалёку, на улице Мало-Владимирской, флигель в доме номер тридцать семь занимала неполная семья его старшего брата, Николая Михайловича Оберучева — его законная супруга, Екатерина Михайловна, с дочерьми Татьяной, Анной и Людмилой (глава семейства имел вторую семью, жил на стороне). В мемориях своих Константин Михайлович старшему брату уделяет до обидного мало внимания — эпизод совместного баловства в детстве и «поминальный вздох» о нём у Аскольдовой могилы, мимо которой генерал Оберучев проплывал пароходом летом 1917 года.

«Вот Аскольдова могила. Она темна теперь. А сколько раз я бывал на этом кладбище. Красивое оно и хорошо расположенное...

Несколько поодаль, но тоже на виду над Днепром стоит могила моего брата, убитого в эту войну.

Он был командиром полка, стоявшего далеко, в Благовещенске на Амуре. Не думало царское правительство, что придётся тронуть эти дальние полки с Востока и перевести на боевой германский фронт. И прибегло оно к испытанному им в японскую кампанию очень вредному средству освобождения полков от кадров для оставления и пополнения новых боевых единиц. И взяли из полка моего брата и офицеров, и унтер-офицеров, и солдат, и перевели в другие части, а в его полк прислали новых...

*И вот, не успели ещё солдаты и офицеры, взятые из полка моего брата, доехать до своих мест, не успели ещё вновь набранные привыкнуть к полку, как полк мобилизуют и он месяца через полтора-два после освобождения его от старых кадров отправляется на позицию. Там где-то под Праснышем в февральских боях 1915 года был в одном из первых боёв убит мой брат во время одной из атак, когда полки этой сибирской дивизии были брошены против пулемётов германцев. И не один мой брат сложил здесь без толку и без пользы свою буйную голову. Полк его, да и соседние с ним пострадали и очень пострадали».*¹⁵⁶

Вернувшись после трёхлетнего отсутствия — весной 1917 года — в Киев, Оберучев окунулся в самую гущу общественно-политической жизни. Здесь он был принят в Комитет Юго-Западного фронта и здесь же он был в начале марта неожиданно арестован и посажен в крепость с перспективой высылки в Иркутскую губернию. Командующий войсками округа генерал Ходорович (после телеграммы комиссара Временного правительства Бубликова) исправил нелепость с арестом заслуженного эсера — выяснилось, что сработала сила политической инерции при запоздавшей информации о революции в столице. *«Я пришёл домой в радостные объятия ожидавшей меня семьи, а в тот же день вечером мне сообщили, что я избран в Исполнительный Комитет Совета общественных организаций, который явился новой революционной властью в Киеве. Так начались первые дни моей новой свободной жизни».*¹⁵⁶

На первом заседании этого Комитета Оберучев был избран Военным Комиссаром Киева и в должности этой, занимаясь положенными ему делами, он сотрудничал с другими новыми властными структурами города — Советом рабочих депутатов и Советом офицерских депутатов войск киевского гарнизона, а также (некоторое ещё время) с командующим Киевским военным округом генералом Ходоровичем. Впрочем, последнего полковник Оберучев вскоре сменил на посту командующего, получив одновременно присвоенное ему Временным правительством воинское звание генерал-майора.

Ездил Константин Михайлович на фронт, встречался там с генералами Брусиловым и Калединым, совещался с ними по актуальным военным вопросам, обсуждал возможности достойного выхода из войны. Последнюю тему новому командующему приходилось — не раз и не два — трогать болезненно во время частых солдатских митингов, проходивших в Киеве. В числе актуальных для Оберучева были вопросы нежелания солдат уходить на фронт, дезертирства, лечения раненых, солдатских отпусков, функционирования военных училищ и школ прапорщиков, вновь созданной милиции и прочая и прочая.

Но что называется «сломав зубы» генерал-майор Оберучев на попытках не допустить национализации войск, предпринятой сформировавшейся в Киеве — в первые революционные месяцы — Центральной Радой.

«Трагизм положения заключался в том, что, как социалист-революционер, я являюсь сторонником самоопределения народностей, самой широкой автономии и федеративного строя будущей России.

Как человек, с раннего детства живший в Киеве, всеми фибрами души моей связанный с Украиной, и имевший там среди лучших общественных деятелей Украины личных друзей, я, конечно, был сторонником самостоятельного развития Украины и вхождения её в федерацию свободных народов России, как равного члена.

И при таких условиях мне пришлось выслушивать упрёки, как гасителя украинского духа, противника национального развития Украины!

*И всё произошло от того, что я считал вредным для общего дела свободы немедленную национализацию армии, украинизацию войска».*¹⁵⁶

Проблема эта возникла уже в первые революционные дни, когда к Константину Михайловичу явились три офицера и на украинском языке пригласили его быть почётным членом только составившегося оргкомитета по формированию украинского войска. С гостями Военком обошёлся весьма деликатно, посочувствовав делу будущей украинизации войска, при условии, чтобы было оно добровольческим и не привлекало в свои ряды солдат из уже действующих войск. Некоторое время тема эта открыто не звучала, пока в начале мая толпа дезертиров, покинув самовольно распределительный пункт, хлынула на устроенный штабс-капитаном Путником-Гребенюком митинг, результатом которого стала резолюция признать их «Первым Украинским имени Гетмана Богдана Хмельницкого полком». За сим началась полоса всеукраинских войсковых съездов и отказ украинизированных солдат отправляться на фронт не под жёлто-голубым знаменем, а далее — и вообще участвовать в боевых действиях.

Показательны в помянутом плане (и поныне актуальны) результаты совершённой в июне 1917 года генералом Оберучевым инспекционной поездки во вверенные ему гарнизоны, в том числе в располагавшийся в городе Умань.

«Поздно вечером приехали мы в Умань к гостинице, где был нам приготовлен номер, и где наш приезд ожидало не только военное начальство, но и большая толпа народа.

Мы вошли в свой номер. Сейчас же туда пришли начальствующие лица, а также представители как партийных, рабочих, так и военных организаций, и у нас завязалась продолжительная беседа о настроениях в Умани. Были здесь и украинские солдаты и не солдаты и с ними шла горячая беседа по вопросу об украинизации войска. Вопрос этот для Умани был острым в то время. Пока мы разговаривали с пришедшими в наш номер, публика на улице всё прибывала и оттуда раздавались крики, упоминались наши фамилии.

Мы совсем упустили из виду, что публика уманская хотела услышать приезжих гостей — представителей новой революционной власти. Крики с улицы напоминали нам об этом, и мы вынуждены были выйти на балкон нашего номера.

Появление наше было встречено громким «ура» толпы, и когда первый порыв успокоился, я обратился с горячим призывом к собравшимся — поддержать фронт и помнить, что закрепление и благополучие дела революции в стране находится в полной зависимости от устойчивости и надёжности фронта. В ответных речах раздавались уверенные голоса, что все, как один человек станут на защиту ныне свободной страны. И если прежде такого желания не было, то теперь оно стало всеобщим.

Днём часов в одиннадцать предполагался смотр полка.

Полк этот был больной полк. В нём остро стоял национальный вопрос и незадолго до нашего приезда он уже фактически раскололся на две неравные части — одну большую украинскую и другую — всех других национальностей.

Украинизация полка началась ещё, кажется, за месяц до того. Были по этому поводу беспорядки в полку и украинский флаг выкинут был тогда, когда от меня пришёл приказ направить на фронт маршевые роты.

Это было обычным явлением в те дни.

Но здесь вопрос стал острее, чем в других местах, потому что явился агитатор, подпоручик Ворона, который был поддержан вопреки моему указанию украинским войсковым генеральным комитетом.

Долго шла борьба по поводу разделения полка. Положение усложнилось тем, что полк был назначен для перевода из округа в состав фронтовых частей, и путём сношения с фронтовым начальством войсковому комитету удалось заполучить косвенное признание прав на украинизацию.

Был отдан приказ по полку о переименовании его в украинский, подписанный временно командовавшим 9-ой запасной бригадой полковником Вяземцевым, который оказался избранным в командиры 14 украинского пехотного полка. Правда, он только один день прокомандовал этим полком и на следующий день отказался от этой чести, и полком командовал подпоручик Ворона, который отдавал приказы по украинской части полка. Полковник Вяземцев вновь вступил в командование бригадой.

Появилось нечто донельзя странное. Одновременно существовало два командных состава. Представлял мне полк старый командный состав.

В назначенное время полк был собран с красными и жёлто-голубыми знамёнами на площади перед казармами, и я был встречен полком в полном порядке; обошёл я весь полк, поздоровался, сделал несколько поворотов и упражнений, а затем позвал всех к холму для беседы.

Полк сразу разделился на два враждебных лагеря. С одной стороны масса украинцев и именовавших себя таковыми, с другой — все россияне.

Видно было, что национальная вражда дошла здесь до большой крайности, и трудно было придти к какому-либо соглашению.

Ни мои речи, ни речи Таска в украинской части полка не находили сочувствия, наоборот, в части русской именно они встречали бурные отклики. Полных два часа мы вели беседу и иногда, казалось, удавалось прийти к какому-то соглашению. Но вдруг появился какой-нибудь украинский оратор, ставший на узко националистическую позицию и под флагом защиты Украины настаивавший на необходимости оставаться на месте и никуда не уходить, и опять крики: «Не підємо из Умани! Хай они ідуть в свою Московщину! Геть!» и т.п. были ответом на призывы всяческих Ворон.

Мы почувствовали, что здесь развал полный, что договориться здесь не удастся и закончили нашу беседу пожеланием всё-таки сговориться между собой частям полка, пожеланием неосуществимым.

Мы поехали в обозно-починочную мастерскую, где выдержали большой спор по вопросу, во-первых, о взятии солдат этой мастерской, как рабочих, на учёт, а во-вторых, по вопросу о восьмичасовом рабочем дне.

Ещё вечером я получил две телеграммы из Киева о выступлении «полуботковцев», и посему весь день настроение было тревожное. Мы торопились кончить все дела в Умани и уехать в Киев. Мною был заказан даже специальный паровоз, который в спешном порядке должен был нас доставить назад. Мы ждали только прибытия паровоза.

Мы двинулись в путь, напутствуемые добрыми пожеланиями собравшихся, и скоро, почти без остановок приехали в Киев».¹⁵⁶

До середины сентября 1917 года пытался генерал Оберучев бороться с украинизацией войск киевского гарнизона, за что от имени самозванного совета украинских военных получил «чёрную метку», как враг украинского войска и Украины, с отказом исполнять его воинами приказов и распоряжений ненавистного командующего. Сия вопиющая анархия со стороны национально выраженного воинства переполнила чашу терпения Констан-

тина Михайловича, и он послал телеграфом вышестоящему начальству (в том числе главноверху Керенскому) рапорт об увольнении. После первоначального отказа от лиц начальствующих и воследовавших посылок наверх конкретных фактов неповиновения генералу Оберучеву украинизированных воинских частей, просьба его была удовлетворена, и во второй половине сентября 1917 года, сдав все дела в Киеве, ставший гражданским Константин Михайлович перебрался в Петроград (и, кажется, без семьи).

Вскоре Константин Михайлович был делегирован Исполнительным Комитетом Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов на международную конференцию по обмену военнопленными в Копенгагене. Большевистский переворот в России произошёл в его отсутствие. *«Хотя представители большевиков в Стокгольме, Воровский и Красин, — пишет Оберучев, — приглашали меня в Россию для занятия ответственного поста по военному ведомству, я уклонился от этой чести, не считая намеченные большевиками методы управления полезными для страны и народа».*¹⁵⁶

Так начались его годы изгнания в Швеции, продолжившиеся в Американских Штатах. За океаном Константин Михайлович написал и издал две книги — «В дни революции» и «Офицеры в Русской революции», составил рукопись мемуарных «Воспоминаний». Судя по всему, эмигрировал Константин Михайлович Оберучев в одиночестве. Известно, что его сын, Михаил Константинович Оберучев, 1889 года рождения, учился на инженера-электрика в советском вузе, завершив высшее образование в Бельгии. Далее он трудился главным инженером Главэнерго, в Саратове, и чуть было не до смерти был репрессирован в 1930 году, но остался в живых благодаря заступничеству самого Орджоникидзе. Вообще о делах семейных Константин Михайлович пишет очень скупое, ничего практически не сообщая о жене и её судьбе; вскользь сообщает он о смерти своего новорождённого внука в 1919 году...

В Нью-Йорке эмигрант Оберучев большей частью работал в им учреждённом Фонде помощи русским писателям и учёным, одновременно преподавал историю в также учреждённом при его участии Русском Народном университете. Скончался он 29 сентября 1929 года. После этого печального события составившаяся в Нью-Йорке «Группа Почитателей Памяти К. М. Оберучева» обработала всё писательское наследие почившего, издала — в марте 1930 года — его «Воспоминания», предварив их добрыми словами об авторе: *«В эти тяжёлые годы, когда на поверхность русской жизни всплыли и над всем доминируют черты крайней жестокости и безразличия к людям, когда своеобразно понятая «любовь к дальнему» затемнила целиком любовь к живому, к конкретному, к «ближнему», К. М. Оберучев был напоминанием того, что в глубине русской народной души живут и движутся другие, более значительные и исторически непреходящие черты. Он тоже любил человечество, и верой в его будущее было озарено его народническое, социалистическое мировоззрение. Но, вместе с тем, он любил также и тех живых, конкретных людей, которые жили вокруг него и в свете и тепле его души грелись не только его единомышленники и друзья, но часто и те, кому его мировоззрение и подвизничество его жизни было почти чуждо...»*¹⁵⁴

Заключение

Для меня Николай Павлович Анциферов — как личность, как культурный феномен — неисчерпаем.

Много узнал о нём из его книги воспоминаний — его биографические данные, перипетии его жизни; понял суть его внутреннего мира, оценил благодарно добрые движения его души. Много узнал, да не всё осмыслил. Не успел определить роли познавательных поездок Анциферова за рубеж (прежде всего — в Италию) для формирования его культурного облика. Показалось мне «очень затратным» по времени изучение темы Герцена в жизни супругов Анциферовых. Хотел, но не успел выяснить, была ли у Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец (коллеги Анциферова по Экскурсионному институту) родственная связь с композитором Рубцом, о котором пишу в этой книге — и так далее, и так далее.

Но более всего жалею, что только вчерне (вне книги) затронул, но не развил тему «Николай Павлович Анциферов, как истый русский интеллигент». Интеллигент не в смысле долго бытовавшего его определения как человека из «социальной группы людей, профессионально занятых умственным трудом», а интеллигента в смысле изначального толкования Петра Дмитриевича Боборыкина — как человека высокой умственной и этической культуры.

Темой этой загорелся после того, как в одной интернет-публикации прочитал высказывание об Анциферове как о «последнем русском интеллигенте», и высказывание это показалось мне насквозь неверным. Если понимать под «интеллигенцией» людей, имеющих духовно-нравственную основу независимо от их рода занятий и социального положения, то такие люди были, есть и будут в нашем Отечестве, и золотым стандартом этого замечательного общественного сословия есть и будет Николай Павлович Анциферов.

Есть ещё одно, не одно десятилетие существующее, сообщество людей преимущественно гуманитарных профессий, относящих себя к «интеллигенции». Отличительными признаками его представителей являются рефлексия и мимикрия, постоянная занятость «борьбой с режимом». Верхушка этого сообщества, чьи имена всегда на слуху, числит себя оракулами и верховными носителями истин для остальных, ниже их стоящих сограждан. Подобный самообман возник у её представителей в результате их самолюбования, как оптическая иллюзия от их долгого вглядывания в самих себя.

Страшно далеки они от народа, что продемонстрировали осенью 1993 года, когда поддержали президента новой независимой (от прежде союзных четырнадцати республик) России, громившего Белый дом и засевших в нём народных избранников. В так называемом «письме 42-х», написанном в стиле «37-го года» и опубликованном в газете «Известия» от 5 октября 1993 года под весёленьким названием «Раздавите гадину!», бывшие советские писатели потребовали от бывшего секретаря ЦК КПСС и его «товарищей по партии» раз и навсегда разобраться с врагами нового режима.

Увязать имя Анциферова с такого толка «русской интеллигенцией» — значит оскорбить память этого прекрасного человека, настоящего русского интеллигента, не изменившего своим нравственным принципам и в жутких условиях ссылки в Соловецком и Уссурийском лагерях, не потерявшего там чувства собственного достоинства и не помыслившего слова плохого сказать о своих друзьях-коллегах, несмотря на физическое и психологическое давление на него. Поэтому он — не из «последних русских интеллигентов», а один из первых в ещё не закончившемся списке их истинных представителей.

...Пройдёт некоторое время, вновь углублюсь я в книгу «Из дум о былом», пообщаюсь с её автором о многих дела житейских, «поговорим» с ним, в том числе, и о «деле русских интеллигентов» (уверен — солидарно). А наступит время августовского звездопада — традиционно займусь выискиванием в звёздной мозаике тройки памятных звёзд из созвездия Ориона, которые теперь для меня связаны ассоциативно не только с моим «домом над парком», но и с соседствующим с ним домом, в котором родился Николай Павлович Анциферов.

Вспомню цитату из Гейне, которую Николай Павлович поставил эпиграфом к своей книге: «*Каждый человек есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает*»; вспомню также цитату из Джона Китса, которой и завершаю эту книгу:

«Когда я вижу ночи звёздный лик
И оттого в отчаянье немею,
Что символов огромных не постиг,
И никогда постигнуть не сумею...»

О малой родине с большой любовью

В конце 2012 года издательством Петербургского института ядерной физики опубликована книга литератора и историка Александра Леонтьевича Головцова «Дом над парком», которую можно воспринять как полезный плод содружества «физиков и лириков», а также как аргумент в пользу тезиса о том, что русскому и украинскому народам не следует делить общую историю или «приватизировать» какие-то ее сегменты. Как же можно разводить историю по национальным квартирам, если один из героев этой книги, историк, культуролог, просветитель Николай Павлович Анциферов, детство и раннюю юность провел на Украине (в Умани, Крыму, Киеве), его творческая деятельность развернулась в Петрограде-Ленинграде, откуда он «вынужденно отлучился» в Соловки и в лагерь на строительство Беломоро-Балтийского канала, позже плодотворно работал в Москве, где был вновь арестован и заготавливал «кубики» в Уссурийской тайге, вынес лагерные мучения, и с 1939 по 1958 годы жил и занимался научным и литературным творчеством в Москве. А в целом, с 11 августа 1889 до второго сентября 1958 года Н. П. Анциферов жил в России, которая в течение многих столетий была и для украинцев, и для потомков москвитов и для петербуржцев-ленинградцев общей родиной.

Трудно квалифицировать жанр сочинения А. Л. Головцова, также как сложно предположить, каково его содержание, увидев на прилавке магазина или библиотеки книгу с названием «Дом над парком». Начнем с пояснения заглавия книги. В центре многопланового повествования находится парк «Софиевка» и дворец, возведенный как парадный вход в парк, расположенный в украинском городе Умань. Парк и дом над парком были созданы на рубеже XVIII и XIX веков усилиями графа Станислава Щенского Потоцкого в честь своей безмерно любимой жены Софии (в первом замужестве Софии Витт). Парк «Софиевка» является градообразующей и эстетической доминантой города Умани. Дом над парком имеет богатую историю, одна из страниц которой связана с размещавшимся здесь во второй половине XIX — начале XX-го веков Главным училищем садоводства и земледелия, в советское время ставшим основой Уманского сельскохозяйственного института. Инспектором училища был с 1878 по 1891 гг. Павел Григорьевич Анциферов, отец советского просветителя Н. П. Анциферова, а в сельскохозяйственном институте работал доцентом отец А. Л. Головцова. Случилось так, что в разное время в двух соседствующих «домах над парком» проживали и Николай Павлович Анциферов, и Александр Леонтьевич Головцов, оба страстно любившие свою малую родину, прежде всего парк «Софиевка». Именно она связала этих двух, никогда не встречавшихся людей. Поэтому так созвучны их объяснения в любви старинному ансамблю. «Из всех читанных и слышанных мною литературных и близких к ним характеристик Софиевского парка (а их немало), — пишет А. Л. Головцов, — более других радует и нежно печалит сердце мое оценка Николая Павловича Анциферова: «Софиевка — моя ко-

лыбель. Ее имя звучит мне и поныне так ласково С-о-ф-и-е-в-к-а. Образ ее первой хозяйки, для которой она была создана, графини Софьи Потоцкой, влился в мою жизнь, как отзвук какой-то забытой легенды». Образ «Софиевки» с ее позитивной энергетикой является главной частью «души» Умани, которую А. Л. Головцов сделал интеллектуальным и нравственным стержнем своей книги. Раскрывая «душу Умани», Александр Леонтьевич выстраивает в единое целое свою многосюжетную и многоплановую книгу. Такой подход к композиции книги, к освещению событий, фактов, биографий людей, так или иначе связанных с Уманью (даже обучавших уроженца Умани Анциферова в Петербургском Университете), Головцову подсказал Анциферов своей книгой «Душа Петербурга». Книга А. Л. Головцова имеет посвящение памяти Николая Павловича Анциферова, описанию образа которого автор уделил особое внимание.

В книге А. Л. Головцова читатель найдет любопытные детали об истории обустройства Крыма и причерноморских степей после присоединения их к России, о военной и государственной деятельности сподвижника императрицы Екатерины II Г. А. Потемкина, о последствиях присоединения правобережной Украины, ранее принадлежавшей Польше, к России, о системе образования на Уманщине и о роли в ней униатской церкви, о жизни еврейской общины в Речи Посполитой, а после ее раздела в России, о деятелях еврейского просвещения, об участии уманчан в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и в Отечественной войне 1812 года, об истории сельскохозяйственного образования в Умани и о многом другом. В значительной степени исторические события и просветительские мероприятия раскрываются через судьбы людей. А это достигнуто благодаря мастерскому применению автором книги жанров исторического портрета и биографического очерка. Используя известный штамп, можно сказать, что книга «плотно населена людьми». Назовем из огромного их перечня лишь самые звучные имена: Г. А. Потемкин, С. К. Витт-Потоцкая, знаменитые выпускники Уманского василианского училища (при Уманском монастыре): Ю. Залесский, С. Гощинский, М. Грабовский, В. Григорович, А. Гроза, И. Жабокритский, Ф. Г. Духинский, Н. Мянковский; деятели еврейского просветительства: М. Мендельсон, Х. Гурвиц; офицеры и литераторы: Н. Котляревский, Ф. Глинка, Н. Долгорукий, Д. Давыдов, декабрист С. Г. Волконский и его юная супруга М. Н. Волконская; писатель и ученый В. И. Даль, руководители и преподаватели Уманского сельскохозяйственного училища: Н. И. Анненков, П. Г. Анциферов, Д. С. Леванда, В. А. Поггенполь, В. В. Пашкевич, А. Н. Челинцев, И. И. Кораблев и др. А. Л. Головцов приводит любопытные детали пребывания А. С. Пушкина в Умани, рассказывает о внимании к Умани императоров Александра I и Николая II, не без юмора повествует о романтических похождениях в Умани великого князя Николая Константиновича Романова. Биографические очерки, исторические портреты, литературные зарисовки, результаты исторических изысканий составляют большую часть книги А. Л. Головцова. В результате его творческих усилий читатель получит яркое представление об истории Умани «в лицах», в описаниях деяний тех, кто эту историю творил.

Жанр той части своего сочинения, которая непосредственно относится к Н. П. Анциферову, А. Л. Головцов определил как «рассказ-эссе». Внимательно изучив мемуары Николая Павловича, автор рассказа-эссе проникся их духом, понял одну из ведущих идей, которую можно обозначить известной фразой «Мы все родом из детства», и попытался раскрыть процесс становления и развития личности своего героя, стойчески выдержавшего смерть своих детей, своей жены, тюремное заключение, подневольный труд на грани физических возможностей в двух «исправительно-трудовых лагерях», как их официально (и издевательски для безвинно осужденных узников) именовали (а им предшествовал еще и Соловецкий лагерь особого назначения), и сохранившего разум и душу и вернувшегося к научному творчеству. А. Л. Головцов удачно использует широко применяемый эссеистами прием: он приводит особенно значимую цитату из воспоминаний Н. П. Анциферова и размышляет, рассуждает, фантазирует на обозначенную в них тему. Этот своеобразный диалог двух незаурядных людей, Анциферова и Головцова, необычайно увлекателен.

Для иллюстрации воспроизведем «сопряжение» размышлений Анциферова и Головцова о религии. Николай Павлович прошел долгий и порой мучительный путь религиозных исканий. Религиозное воспитание, которое он получил в семье, обусловило его искреннюю, чистую, не знающую сомнений веру в Бога в детские и отроческие годы: «Душа молилась неведомым богам». Но потом у юного Анциферова возникла потребность постигнуть Бога своим умом: «Искать своего „неведомого“ Бога, обретенного в муках сомнений, — задача души созревшей. Душа отрока молилась тому Богу, который ей дан традицией, родителями, воспитанием. Это Бог ему данный, а не Бог, найденный им, силой свободной и творческой веры, которая вслед за Тертуллианом готова сказать: „Credo, quia absurdum“». Прочитав эти слова уже зрелого, умудренного жизнью Анциферова, Головцов начинает рассуждать на тему, по какому пути могла пойти трансформация религиозности его героя, почему для него оказались приемлемыми одни варианты и были отвергнуты другие. Далее А. Л. Головцов показывает, как на новом витке осмысления проблемы религиозности Николай Павлович возвращается к тому Богу, первые представления о котором сложились у него в детстве. Характеризуя свое состояние в тюремной камере, где он оказался в 1937 году после очередного ареста, с библейской образностью он писал: «Были минуты отчаяния. „Или! Или! Ламасавахвани!“ — вспоминал я этот возглас Христа на кресте. Сколько легло на мои плечи. Дело „Воскресения“, лагерная жизнь, смерть Тани, Соловецкий мешок и вот теперь это следствие — одно за другим, без передышки. Помню, как я в изнеможении упал на колени, и как дитя сказал слова: „Боже, подай мне маленькую милость, маленькое утешение“».

Вот таким образом А. Л. Головцов сопутствовал своему герою и на других путях его философских и нравственных исканий. Особенно настоятельно он советует «тем из нынешних родителей, кто в наш лицемерный век (его безнравственности вопреки) желает вырастить из своего ребенка «настоящего человека», прочесть несколько первых глав воспоминаний Николая

Павловича Анциферова, совокупно представляющих собой прекрасный педагогический этюд — настоящую педагогическую поэму! В них взгляд автора (скорее теория) на становление внутреннего мира маленького человека, на нюансы формирования его психики, на правила поведения с ним «старших товарищей» по мере его «взросления».

Хочется обратить внимание на заключительную часть книги. В ней А. Л. Головцов, обращаясь к образованным людям, высказал свое отношение к затянувшемуся на полтора столетия спору о том, что же такое, наконец, интеллигенция, может ли быть неинтеллигентом интеллигент. Самая важная его реплика звучит почти как ответ на вопрос «Жизнь делать с кого?» Оценив внутренний мир Н. П. Анциферова, поняв добрые движения его души, Головцов провозглашает: «Если понимаешь под интеллигенцией людей, имеющих духовно-нравственную основу независимо от их рода занятий и социального положения, то такие люди были, есть и будут в нашем Отечестве, и золотым стандартом этого замечательного общественного со- слова есть и будет Николай Павлович Анциферов».

«Паломничество» А. Л. Головцова в историю Умани описано с трепетной любовью к ней, воссозданные в ней большим мастером слова образы уманчан вызывают интерес, симпатии, а многие из них восхищение примером их служения Отечеству в формах, predeterminedных им судьбой. Знакомясь с описанием этого «паломничества», следуя за автором по ступеням истории, читатель невольно начинает ощущать потребность пройти по таким же ступеням к истории своей малой Родины, с начальной — родительского дома, семейных преданий и научных сведений о прошлом своего города или села, с пейзажа, который открывался из окон этого дома («с березки, которая во поле, склоняясь под ветром, растет»), и до той, на которую его сейчас вознесло время, мысленно вновь собрать для такого восхождения своих «милых спутников» и вместе с ними соотнести свою судьбу с судьбой народной. А кого-то, владеющего пером, книга А. Л. Головцова вдохновит на рассказ о своей малой и большой родине.

Александр Леонтьевич Головцов рассматривает книгу «Дом над парком» как очередной этап в своей творческой биографии и мечтает о том, как вдохновившись в очередной раз троицей ярких звезд из созвездия Ориона, в просторечии именуемых «Три Волхва», он продолжит воображаемый разговор с Николаем Павловичем Анциферовым и поделится с читателями своими новыми размышлениями. Пожелаем ему удачи на этом благородном пути!

*В. С. Волков, доктор исторических наук,
профессор, заслуженный работник культуры
Российской Федерации.*

Перечень цитируемых авторов, произведений, источников (упрощённый)

1. *Тарасов Е.* «Воздух к вечеру прозрачен».
2. *Анциферов Н. П.* Из дум о былом.
3. *Косенко Н. С., Храбан Г. Е., Митин В. В., Гарбуз В. Ф.* Дендрологический парк Софиевка.
4. *Смоктый К. С.* Город Умань и Софиевка // Киевская старина. 1882. №12.
5. *Француз-путешественник по Украине* // Киевская старина. 1885. №12.
6. *Хроника Киевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапиона* // Киевская старина. 1884. №7.
7. *Д-р Антоний (Иосиф Ролле).* Судьба красавицы.
8. *Фадеева Татьяна.* Две Софии и Пушкин.
9. *К истории Немировской гимназии* // Киевская старина. 1903. №6.
10. *Сочинения Екатерины II.*
11. *Болотина Н. Ю.* Князь Потёмкин.
12. *Монтефиоре Сабаг Саймон.* Потёмкин.
13. *Регель А. Э.* Изящное садоводство и художественные сады.
14. *Кн. Долгорукий И. М.* Славны бубны за горами или Путешествие моё кое-куда 1810 года.
15. *Стельмах И. Ф.* Массандра. Век восемнадцатый: первые хозяева и первые гости.
16. *Дерибас А. М.* Старая Одесса.
17. *Познанский Борис.* Две старые украинские песни и по поводу их // Киевская старина. 1885. №10.
18. *Яворницкий Д. И.* История запорожских казаков.
19. *Ульянов А. И.* Происхождение украинского сепаратизма.
20. *Дяченко Виктор.* Отцы и дети Украины.
21. *Доманицкий А.* Как вводилось оспопрививание в Уманском уезде сто лет назад // Киевская старина. 1904. №5.
22. *Борзова Е. С.* Униаты.
23. *К вопросу о школах в Малороссии в начале 19 века* // Киевская старина. 1904. №7-8.
24. *Остапчук О.* Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Украине на рубеже XVIII–XIX вв.
25. *Шульгин Я.* Несколько данных о школах в Правобережной Украине в половине XVIII века.
26. *К истории народного образования на Украине в первой четверти XIX в.* // Киевская старина. 1900. №6.

27. Предание о Потоцком // Киевская старина. 1892. №8.
28. *Галант И. В.* К истории Уманской резни 1768 года // Киевская старина. 1895. №11.
29. К истории частных пансионов в Киевской губ. в нач. XIX в // Киевская старина. 1901. №6.
30. *Дубнов С. М.* История евреев в Европе. т. IV.
31. *Д-р Бек С. и д-р Бран М.* Еврейская история. Переработка М. С. Дубнова. Одесса. 1896.
32. *Ибнеева Г. В.* Евреи в церемониале путешествия Екатерины II.
33. *Солженицын А. И.* Двести лет вместе.
34. *Шевцов С. П.* Еврейское образование в России. С-Пб., 2000.
35. *Фёдоров Д. В.* Игрушечная армия // Исторический вестник. 1899. т. 78.
36. *Дикий А.* Евреи в России и в СССР. Исторический очерк.
37. *Тихомиров Л.* Евреи в России.
38. *Похилевич Лаврентий.* Сказания о населённых местностях Киевской губернии Киев, 1864.
39. Молитва в память Уманской резни и письмо, касающееся того же события // Киевская старина. 1895. №3.
40. Меры по упорядочению торговли и расчётов евреев с христианами // Киевская старина. 1901. №10.
41. Проект выселения евреев из сёл и деревень Киевской губернии // Киевская старина. 1902. №2.
42. К правам евреев на владение крепостными и на государственную службу // Киевская старина. 1902. №10.
43. *Бантыш-Каменский Дм.* Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов.
44. Записки Котляревского о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 г. // Киевская старина 1900. №11.
45. *Котляревский И. П.* Энеида.
46. *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг.
47. *Глинка Ф. Н.* Сочинения.
48. *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии, Франции, с подробным описанием Отечественной войны с 1812 по 1814 года.
49. *Зуев В. Ф.* Путешественные записки Василия Зуева, касающиеся до полуострова Крым.
50. *Ромм Жильбер.* Путешествие в Крым.
51. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. I. Ленинград. 1988.
52. *Вяземский П. А.* Стихотворения, воспоминания, записные книжки.

53. *Рожинцев Александр.* Андреевский кавалер — князь Иван Алексеевич Долгоруков.
54. *Кн. Долгорукий И. М.* Изборник.
55. Чума в северной части Херсонской губернии 1813 года // Киевская старина. 1885, №5.
56. *Потрашков С. В.* Юго-западные и южные окраины Российской империи накануне и в начальный период Наполеоновского нашествия.
57. *Багалея Д. И.* Тревожные годы (Очерки из общественной и политической жизни Киева и Юго-Западного края в 1811–1812 гг.) // Киевская старина. 1892. №10.
58. *Левицкий О.* Тревожные годы // Киевская старина. 1891. №10.
59. *Абалихин Б. С.* Украинское ополчение в 1812–1814 гг.
60. *Калинин С. Е.* Украинское казачье войско в 1812–1914 гг.
61. *Языков Николай.* «Из послания Д. В. Давыдову».
62. Новое о Денисе Давыдове // Журнал «Огонёк». 1954 г. №16.
63. Ланкастерское училище в Киеве (ок. 1820 г.). Записки Ивана Романовича Мартоса // Киевская старина. 1897. №8.
64. Сочинения Дениса Давыдова.
65. *Давыдов Денис.* Военные записки.
66. *Осипов А. О.* Денис Васильевич Давыдов. // Русская старина.
67. *Мацевич Л.* Пребывание императора Александра I-го в Киеве в 1816 году. // Киевская старина. 1885. №2.
68. *Доманицкий В.* Приготовление к встрече имп. Александра Первого в Умани. // Киевская старина. 1901. №6.
69. *Пушкин А. С.* «На Аракчеева».
70. Бугское казачество и военные поселения. // Киевская старина. 1887. №6.
71. *Василич Г.* Император Александр I и старец Фёдор Кузьмич.
72. *Макеев Сергей.* Тайная жизнь и запретная любовь супруги Александра I.
73. *Лермонтов М. Ю.* Тучи.
74. Император Александр Павлович в Угорской Руси. // Русская старина. 1821.
75. *Пыляев М. И.* Замечательные чудачки и оригиналы.
76. *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время.
77. *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799–1826.
78. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин.
79. *Куйф Элиза.* Как путешествовали в старину.
80. Энциклопедия знаменитых россиян.
81. *Трубецой Б. А.* Пушкин в Молдавии.
82. *Байрон Д. Г.* Дон-Жуан.
83. *Соколов Вадим.* Рядом с Пушкиным.
84. *Рапопорт Виталий.* Сиротка Собаньская.
85. Письма Н. М. Муравьёва — Е. Ф. Муравьёвой, с приписками М.С. Лунина.

86. *Губер П.* Дон-Жуанский список А. С. Пушкина.
87. *Пушкин А. С.* Бахчисарайский фонтан.
88. *Гроссман Л. П.* У истоков Бахчисарайского фонтана.
89. *Ден Т. П.* Пушкин в Тульчине.
90. *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи.
91. Записки декабриста Н. И. Лорера.
92. *Ярхо Валерий.* Сикофанты его императорского величества.
93. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста).
94. *Некрасов Н. А.* Русские женщины.
95. *Волконская М. Н.* Записки.
96. Судьба Густава Олизара. Лекции, прочитанные в деканате Тол-Эрессейского университета («декабристские мотивы»).
97. *Гременко С. В.* Густав Олизар и его воспоминания как источник по истории Крыма.
98. *Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей.
99. Воспоминания С. М. Волконского.
100. *Гессен А.* Во глубине сибирских руд.
101. Закрытие Уманского Поветового базиликанского училища в ожидании холеры 28 ноября 1830 г. // Киевская старина. 1903. №7-8
102. *Кн. Долгорукий И. М.* Путешествие в Киев в 1817 году.
103. *Даниленко В. П.* Польское восстание 1830–1831 гг.
104. *Клебановский Павел.* К истории польского восстания в юго-западном крае в 1831 г. // Киевская старина. 1905. т. 89. июнь.
105. *Порудоминский Владимир.* Даль.
106. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о кампании 1829 года.
107. *Горовой А.* Гардемарин Владимир Даль.
108. *Греч Н. И.* Записки моей жизни.
109. *Ячменихи К. М.* Армия и реформы: военные поселения в политике Российского самодержавия.
110. *Шатирио О. А.* Военные поселения в Украине (1817–1857 гг.): историко-правовой аспект.
111. Из воспоминаний священника о службе в военных поселениях. // Киевская старина. 1884. №9.
112. Посещение Киева императрицею Александрой Фёдоровной в сентябре 1828 года // Киевская старина. 1902. №8.
113. *Труайя Анри.* Николай I.
114. *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы.
115. *Тютчев А. Ф.* При дворе двух императоров.
116. *Пчёлков Евгений.* Романовы, история династии.
117. *Темери Т.* Заметки о красотах парка, имеющих в долине Софиевка.
118. *Шишкина О. П.* Записки и воспоминания русской путешественницы в России в 1845 году.

119. *Соколов Борис.* Монрепо на карте романтической эпохи.
120. *Коршунов Ю. Л.* Генерал-адмиралы Российского императорского флота. С-Пб., 2003.
121. Царственный отверженный, сиятельный вор: краткая история жизни, странствий и забвения.
122. Военная энциклопедия.
123. *Исаков Сергей.* Записки Баиова «Русская эмиграция в Эстонии».
124. *Метельский Г. П.* И чувства добрые я лирой пробуждал.
125. *Ящуржинский Хрисанф.* Свадьба малорусская как религиозно-бытовая драма // Киевская старина. 1896. №11.
126. *Ящуржинский Х. П.* Город Умань: Краткое историческое описание. Умань, 1913.
127. *Васильев Сергей.* Переход Умани в гражданское ведомство.
128. Путеводитель Юго-Западной железной дороги. Уманская ветвь.
129. Краткий очерк истории Умани. Киевская старина //1888 г., №8.
130. *Собичевский В.* Земледельческие училища и школы.
131. Юбилей Уманского училища. Речь преподавателя Уманского училища земледелия и садоводства В. А. Долбина, прочтенная на юбилейном акте 27 декабря. Киев, 1895.
132. Земледельческие училища и школы Российской империи.
133. *Канталинская Ж. В.* История Крымского плодоводства, (1802–1817 гг.).
134. Сборник правил и подробных программ для поступления во все учебные заведения на 1887–1888 год, составленный на основе последних данных непосредственно сообщённых и опубликованных начальниками учебных заведений. Воронеж, 1887 г.
135. *Татищев Василий.* История Российская.
136. *Мереди Джордж.* Эгоист.
137. *Свешнико А. В.* Как поссорились Лев Платонович с Иваном Михайловичем.
138. *Грачёв Виктор.* Масоны в России от Петра до наших дней.
139. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 398. С. 4. Автограф.
140. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 398. С. 4. Автограф.
141. Ф. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 336. С. 186. Автограф.
142. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 467. С. 317. Автограф.
143. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 477. С. 28. Автограф.
144. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 467. С. 313. Автограф.
145. *Александр Вдовин.* Подлинная история русских. XX век.
146. *Н. П. Анциферов* в воспоминаниях Г. В. Коган и Т. Н. Камендровской. Вторые московские Анциферовские чтения. 2014.
147. *Д. С. Московская.* О времени и о себе. Из переписки В. Д. Бонч Бруевича с Н. П. Анциферовым. Вторые московские Анциферовские чтения. 2014.

148. Люся Хордикайнен. Жизнь в оккупации и в первые послевоенные годы. Пушкин. Гатчина. Эстония.
149. Родина: мать и мачеха. Интервью Валерия Сандлера с Татьяной Камендровской. Вторые московские Анциферовские чтения. 2014.
150. Н. П. Анциферов в воспоминаниях Е. Н. Дунаевой. Вторые московские Анциферовские чтения. 2014.
151. М. С. Анциферова. Мои встречи с бабушкой. Вторые московские Анциферовские чтения. 2014.
152. Н. А. Лорд, Лиза Лорд. Памяти мамы и бабушки. Вторые московские Анциферовские чтения. 2014.
153. Оберучева-Анциферова Т. Н. Жилые записи. Журнал Министерства народного просвещения. 1917. №2. С. 56–68.
154. К. М. Оберучев. Воспоминания. В двух частях. Издание Группы Почитателей памяти К.М.Оберучева. Нью-Йорк, 1930.
155. К. М.Оберучев. К биографии Т. Г. Шевченко. «Киевская старина», 1900, №2.
156. К. Оберучев. В дни революции. Воспоминания участника Великой Русской революции. Нью-Йорк, 1919.

Оглавление

От автора	5
Зачин	7
Предуведомление	8
Последние годы эпохи Потоцких в Умани	10
Григорий Потёмкин и София Витт-Потоцкая	19
Часть первая. Несколько восторженных слов памяти Потёмкина	19
Часть вторая. О парке в честь Софии под Николаевым	22
Часть третья. Южные владения Витт-Потоцкой	25
Умань после завершения разделов Польши	27
Становление системы народного образования на Уманщине	33
Часть первая. Доминирование униатства в образовании	33
Часть вторая. Уманское василианское училище	37
Часть третья. Значимые выпускники Уманского василианского училища	41
Часть четвёртая. К истории частных пансионатов в Умани	49
Абрис еврейской истории	52
Часть первая. Жизнь еврейской общины в Речи Посполитой	52
Часть вторая. Евреи в России после раздела Польши	57
Часть третья. О военной службе евреев	60
Часть четвёртая. О хасидах	63
Часть пятая. Движение еврейского просветительства	65
Часть шестая. Еврейская жизнь в Умани	69
Умань в русско-турецкой войне 1806–1812 годов	75
Фёдор Николаевич Глинка	80
Князь Иван Михайлович Долгорукий	84
Часть первая. Писательские особенности Долгорукого	85
Часть вторая. Извлечения из истории рода Долгоруких	86
Часть вторая. О жизни и творчестве Долгорукого	88
Часть третья. Путешествие 1810 года	89

Умань в Отечественной войне 1812 года	93
Денис Васильевич Давыдов	98
Часть первая. О ланкастерской системе взаимного обучения	99
Часть вторая. О любви поэта и гусара	103
Александр I и Умань	108
Пушкин, Потоцкие, Умань	118
Часть первая. Бывал ли Пушкин в Умани?	118
Часть вторая. Пушкин и юная Потоцкая	127
Волконские и Умань	131
Часть первая. Начало декабризма	131
Часть вторая. О раскрытии заговора декабристов	133
Часть третья. Сергей Григорьевич Волконский	136
Часть четвёртая. Мария Николаевна Волконская	139
Конец эпохи Потоцких на Правобережной Украине	134
Часть первая. Уманский финал	145
Часть вторая. Восстание 1830 года в коренной Польше	147
Часть третья. Восстание в Юго-Западном крае	150
Владимир Иванович Даль	153
Умань как региональный центр военных поселений	158
Часть первая. Внутренняя организация военных поселений	159
Часть вторая. Военные поселения на Правобережной Украине	162
Император Николай I и Умань	165
Часть первая. О династии «дом Романовых»	165
Часть вторая. Николай I и парк «Софиевка»	169
Николай Константинович Романов	175
Часть первая. Уманские приключения великого князя	175
Часть вторая. История грехопадения	176
Часть третья. Жизнь в изгнании	178
Алексей Константинович Баиов	180
Александр Иванович Рубец	184
Часть первая. Композиторство	183
Часть вторая. Поиск сокровищ гетмана Полуботка	187

Семья Ящуржинских	189
Умань после военных поселений	192
Главное училище садоводства и земледелия	200
Часть первая. Училище садоводства	200
Часть вторая. Училище земледелия и садоводства	205
Часть третья. Немного о директорате	206
Часть четвёртая. Лучшие педагоги и ученики	213
Часть пятая. Училище в начале двадцатого века	224
Умань в «Памятных книжках Киевской губернии»	228
Николай Павлович Анциферов	238
Часть первая. «Обаяние поэзии детства»	239
Часть вторая. «В заботах жизни многосложной»	244
Часть третья. «О, лучших лет высокая любовь...»	249
Часть четвёртая. «О моя юность! О моя свежесть!»	254
Часть пятая. Петербург, университет, становление	268
<i>Раздел первый. Корифеи</i>	268
<i>Раздел второй. Учитель</i>	275
<i>Раздел третий. Конфликт ученика и учителя</i>	277
<i>Раздел четвёртый. Эрмитажный кружок</i>	280
Часть шестая. Кружок «Воскресенье»	285
Часть седьмая. «Идёт за горем горе по пятам, спеша на смену...»	289
Автобиография Михаила Сергеевича Анциферова	310
Памяти Александра Иосифовича Добкина – восхищение и благодарность	314
Татьяна Николаевна Оберучева – прелесть и талант	318
Константин Михайлович Оберучев – общественный деятель, писатель, историк	325
Заключение	337
О малой родине с большой любовью	339
Перечень цитируемых авторов, произведений, источников (упрощённый)	343

Літературно-художнє видання

Головцов Олександр Леонтійович

ДОМ НАД ПАРКОМ
(російською мовою)

Верстка *Є. С. Ткаченко*
Дизайн обкладинки *О. В. Лисенко*

Видано згідно з наданих матеріалів замовника

Підп. до друку 15.12.15. Формат 70x100/16.
Папір офсет. №1. Гарнітура PetersburgС.
Друк цифр. Ум. друк. арк. 20,53
Наклад 300 пр. Зам. № 0113/08.15-АР

Видавництво ТОВ «Альфа Реклама»
Україна, м. Київ, вул. Артема 1–5
Тел.: (044) 272-00-30,
(096) 218-99-63
www.izdat-knigu.com

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК №3421 від 11.03.2009